Историческая библиотека

ГВИДО КНОПП

ИСТОРИЯ ТРИУМФОВ И ОШИБОК ПЕРВЫХ ЛИЦ ФРГ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Германия представлена как история ее федеральных канцлеров от Конрада Аденауэра до Гельмута Коля.

Быть канцлером — значит работать на износ. Это наверняка самая тяжелая из всех профессий, что могла предложить послевоенная немецкая демократия. Восемь лет на посту — два стандартных срока — и сильнейшего сделают слабым, но каждый из этих шестерых мужчин стал символом своей эпохи и вошел в историю Германской республики второй половины XX века.

Кнопп предлагает читателю яркие и интересные портреты властителей Западной Германии, историю побед и поражений, падений и взлетов, триумфов и ошибок в борьбе с тяжелым наследием Второй мировой войны за мир, свободу и процветание Германии.

- Гвидо Кнопп
  - Правители республики
  - Патриарх
  - Оптимист
  - Посредник
  - Пророк
  - Лоцман
  - Патриот
  - Литература
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33

Гвидо Кнопп
История триумфов и ошибок первых лиц ФРГ

Правители республики

Быть канцлером — значит работать на износ. Это наверняка самая тяжелая из всех профессий, что могла предложить послевоенная немецкая демократия. Восемь лет на посту — два стандартных срока — и сильнейшего сделают слабым. Лишь одному из них улыбнулось счастье уже в середине своего правления застать объединение Восточной и Западной Германий. При вступлении в должность федерального канцлера Гельмут Шмидт приносил клятву на конституции, будучи жгучим брюнетом. Свой пост он покидал уже седым человеком.

И все же все, кто занимал этот пост, держатся за него так крепко, что сместить их возможно, только опираясь на волю народа либо с помощью политических интриг. Чья тут вина? Виноват ли в этом вкус власти — наркотик для зрелых мужчин? Помимо всего прочего, не двигало ли всеми шестерыми искушение попасть, если повезет, в учебники истории? Седьмой канцлер, Герхард Шрёдер, смог бы кое-чему научиться на ошибках своих предшественников.

Начнем с *Конрада Аденауэра*. На ум непроизвольно приходит сравнение с Бисмарком. Оба создали государство: первый — воплотив в жизнь стремление нации к единству, второй — укротив эти стремления. Бисмарк объединил Германскую империю после вековой раздробленности. Аденауэр создал демократию после катастрофы, затянувшейся почти на полтора десятилетия. Обоим приходилось балансировать на острой грани, действуя с постоянной оглядкой на международное сообщество и в то же время не забывая про нужды нации. Оба они оказали настолько сильное влияние на свою эпоху, что историки всякий раз называют периоды их правления «эрами» в истории Германии.

Но на этом сходство заканчивается. Империя Бисмарка поползла первыми трещинами, когда «лоцман» только сошел с корабля, и окончательно распалась на тысячи осколков с приходом к власти его менее талантливых последователей. Республика Аденауэра, несмотря на почти панические опасения канцлера, оказалась чрезвычайно долгоживущей. Даже его надежда на «силовое объединение обеих Германий», казавшееся после начала «холодной войны» всего лишь безжизненной риторикой, в конце концов воплотилась в жизнь. Система Бисмарка после смерти своего создателя показала себя безнадежно хрупким образованием, в то время как 1989 и 1990 годы постфактум продемонстрировали правоту Аденауэра.

Сейчас, учитывая опыт прошлого, даже самые ярые его противники признают, что образование Западной Германии было единственно возможным путем развития республики, даже несмотря на то, что разделение Германии стало болезненным переживанием для нескольких поколений немцев. «Канцлер стран Альянса» — так назвал Курт Шумахер своего противника Аденауэра в пылу парламентских баталий, в результате чего его, депутата от СДПГ (Социал-демократической партии Германии), на 20 дней отстранили от заседаний в бундестаге. Но вердикт Шумахера вряд ли был точным, скорее уж Аденауэра можно назвать «канцлером западных немцев». Ему не оставалось иного выбора, когда победители во Второй мировой войне начали меряться силами.

Рецепт Аденауэра был прост: реализм во внешней политике, «никаких экспериментов» в политике внутренней. Может статься, будущие поколения главной его заслугой будут считать то, что он пересадил демократию на немецкую почву, действуя как в союзе со странами-победительницами, так и в конфронтации с ними. После бесславного конца Веймарской республики иначе быть и не могло. Конечно, свою роль сыграл и экономический подъем. И все же в норную очередь сам канцлер, его безупречное прошлое и выдающиеся способности руководителя помогали примирить немцев с западной моделью государства. Рейнский патриарх стал демократически легитимным ответом на подспудное желание немцев видеть у руля «сильного человека», которое, несмотря ни на что, было широко распространено в послевоенные годы. По иронии истории, тот самый момент, когда канцлер преступил границы своих полномочий, окончательно обозначил его падение. Общественная реакция на аферу журнала «Шпигель» показала, как стабильна республика. В конце концов, она переросла своего строгого родоначальника, уроженца Рёндорфа.

Его преемнику не суждено было войти в учебники истории как «сильному канцлеру». *Людвиг Эрхард* остался в памяти немцев почти исключительно «отцом экономического чуда». На самом же деле он просто был неудачным канцлером для переходного периода. Его звездный час остался давно позади: в 1948 году Эрхард, собрав все свое мужество, на свой страх и риск решился на одновременное проведение финансовой и экономической реформ. Все последующие годы он упрямо продвигал свою концепцию рыночной экономики, невзирая на все попытки сопротивления. Именно этим он, неисправимый оптимист, заложил камень стремительного экономического подъема республики. Эрхард первым сказал бессмертные слова, ставшие

впоследствии жизненной философией целого поколения: «Благополучие всем и каждому!»

Немцы любили добродушного Эрхарда. Его постоянно дымящаяся сигара напоминала им фабричные трубы развивающейся с головокружительной быстротой промышленности, этот солидный, упитанный господин олицетворял фундаментальность нового благосостояния. Его любовно называли «Толстяк». Попасть на пост канцлера ему помогли не способности, а огромная популярность. Аденауэр использовал все способы, чтобы его верный министр экономики не перебрался во дворец Шаумбург. Но, несмотря на всевозможные интриги и распространение ложных сведений о своем противнике, рейнлендец проиграл «бой за пост канцлера». Тем не менее мнение Аденауэра осталось непоколебимым: «Эрхарду этот пост не по зубам!» Ведь, по мнению Аденауэра, министру экономики не хватало самой важной черты характера, чтобы спать успешным политиком — здорового властолюбия.

И в самом деле, в Эрхарде отсутствовала необходимая толика макиавеллизма. «Добрый человек с озера Тегернзее» не был ни интриганом, ни властолюбцем. «Со времен Людвига Эрхарда мы знаем, что не только политика вредит характеру, но и характер вредит политике», — писал публицист Йоханнес Гросс, и вряд ли можно точнее описать основную дилемму правления Эрхарда. Для поста канцлера Эрхард был слишком нерешителен, не уверен в себе и, в конечном итоге, слишком слаб для того, чтобы руководить. Никто больше не говорил о «канцлерской демократии», как во времена Аденауэра. Вместо этого многие вслед за журналистом Гюнтером Гаусом спрашивали, управляет ли вообще кто-нибудь страной.

Эрхарда никогда не интересовала партийная работа. Ему больше импонировало непосредственное общение с гражданами, перед которыми он выступал в роли так называемого «народного канцлера». Будучи не в состоянии справиться с постоянными распрями в своей собственной партии, а также не имея никакого влияния на Христианско-Демократический Союз (ХДС), «господин экономическое чудо» все же умел выиграть выборы, как показал 1965 год. Когда через год пар «локомотива» по имени Эрхард иссяк, он был быстро переведен на запасный путь и вычеркнут из всех расписаний.

Внешняя политика тоже не принесла ему славы. Эрхард считал себя «открывателем Америки». Однако его мечтательно-наивное преклонение перед Америкой не смогло предотвратить все более явную потерю интереса США к Европе, вызванную войной во Вьетнаме. За время правления Эрхарда значительно

охладились немецко-французские отношения, но канцлер был виновен в этом лишь отчасти. Французский президент де Голль оказался своевольным и тяжелым в общении партнером, с которым «проатлантически» настроенный Эрхард не мог наладить ни политических, ни просто человеческих взаимоотношений. Безграничное признание Эрхард получил лишь за одно свое политически мужественное и нравственно верное решение — через 20 лет после окончания войны он смог наладить дипломатические отношения с государством Израиль. По всей видимости, это было самым важным шагом его бесславного правления.

История любит шутить: Людвиг Эрхард, отец «экономического чуда», не в последнюю очередь был низвергнут из-за небольшого изменения конъюнктуры. Что нынче министры финансов большинства европейских стран назвали бы райскими условиями, боязливым современникам Эрхарда казалось тяжелым экономическим кризисом, готовившим путь к захвату власти Большой коалицией.

Славе Эрхарда как величайшего экономиста в дальнейшем не повредили ни отставка с поста канцлера, ни кризис в стране. До сих пор политики самых разных партий претендуют на то, чтобы называться его преемниками. До сих пор вновь и вновь задается вопрос: «А как бы поступил на нашем месте Людвиг Эрхард?» Какой другой политик смог бы надеяться, что его идеи по прошествии стольких лет будут иметь такую же силу отдачи?

Уж точно не *Курт Георг Кизингер*. Его еще называют «забытым канцлером». Слишком коротким было время его правления (с декабря 1966 по сентябрь 1969 года), слишком большой мощью обладала Большая коалиция — необычное политическое образование, которое он возглавлял. Для одних она была синонимом грехопадения республики, для других — символом ее единства. В первый и последний раз христианские демократы и социал-демократы, бывшие до того дня политическими противниками, протянули друг другу руки, чтобы совместными усилиями образовать правительство. Кизингеру была предназначена роль спасителя. Он стал главой правительства в то время, когда республика возомнила, что она находится в кризисе: в Потсдаме закрывались шахты, количество безработных в январе 1967 года достигло 600 000, принимая угрожающие размеры, в результате правым радикалам (НДПГ)[1] удалось провести своих депутатов в земельные парламенты. Этот велеречивый шваб, появившийся в 1950-е годы в недавно созванном бундестаге и заслуживший такие прозвища, как «вождь серебряные речи» и

«парламентский клинок Аденауэра», уже успел заработать себе репутацию «доброго отца» земли Баден-Вюртемберг. Не вовлеченный в интриги вокруг смещения с поста Эрхарда, эстет и интеллигент Кизингер казался подходящим человеком для того, чтобы снова поставить на ноги подгнивающий союз христианских демократов и социал-демократов. Социал-демократы, напротив, хотели наконец доказать нации свою способность адекватно управлять государством. Обе партии намеревались использовать свой временный союз для того, чтобы за это время распрощаться с законами чрезвычайного положения.

Кабинет Кизингера, состоящий из блестящих умов эпохи, уважительно называли «Кабинетом голов». В него входили такие разные политики, как Вилли Брандт, Герберт Венер, и Карл Шиллер, и Франц Иосиф Штраус, и Герхард Шрёдер. Список громких имен венчали председатели фракций — Гельмут Шмидт и Райнер Барцель. Кизингер в этом кругу выглядел сфинксом, полным достоинства председателем и третейским судьей между ссорящимися сторонами. Конрад Алерс как-то назвал Кизингера «ходячим комитетом по урегулированию». Это прозвище делало честь канцлеру огромной коалиции: ему было важно наладить диалог, столкнуть друга и врага в разговоре с глазу на глаз. Символом его руководства стала картина уютного заседания кабинета министров под зелеными платанами. Однако стиль его правления обеспечивал ему упреки в нерешительности и откладывании решений «на потом». При Кизингере развитие и стагнация шли рука об руку. С помощью объединенных сил Штрауса и Шиллера спад экономики вскоре стал прошлогодним снегом, законы чрезвычайного положения были приняты, а отношения с западными партнерами — США и Францией — нормализованы. Обернувшись лицом к Востоку, Кизингер все никак не отваживался забить «священных коров доктрины Хальштайна».

Кизингер, высокий, стройный мужчина элегантного вида с серебристыми волосами, короче говоря, «самый красивый канцлер, который когда-либо правил Германией», нес бремя власти с достоинством «князя Георга I» и был «вымирающим видом» в бурную эпоху перемен. То было время рождения «поколения 1968-го», время сидячих, стоячих и лежачих забастовок, время прорыва, когда идеалы родителей высмеивали и стало модно поклоняться идолам вроде Че Гевары и Хо Ши Мина. Дух времени требовал, чтобы уже наступило «завтра», а Кизингер символизировал собой «вчера». Бывший член НСДАП и сотрудник риббентроповского Министерства иностранных дел, Кизингер для большей части молодежи был типичным нацистом,

которого следовало поставить на место. Беата Кларсфельд предпочла сделать это при помощи оплеухи, превратившейся в своего рода сенсацию для прессы. Являясь канцлером коалиционных сил, Кизингер стал для критиков представителем авторитарного государства, угрожавшего демократии. «Внепарламентская оппозиция» (Ausserparlamentopposition, АР) предприняла попытку выразить это мнение вслух. Через три года Кизингер выиграл выборы, но потерял правительство. После некоторого ожидания, он вернулся к себе в Швабию и таким образом дистанцировался от Бонна географически, но эмоционально и интеллектуально он сделал это гораздо раньше.

В 1969 году республика выдержала свой первый экзамен на пути к парламентской демократии мирно и без проблем. Через 20 лет СДПГ сменила у руля ХДС. Эти перемены обеспечили глоток свежего воздуха. С одной стороны, он помог новому правительству идти вперед, с другой стороны, свежий воздух превратился в сильный ветер, бьющий в лицо. Проблемы, занимавшие *Вилли Брандта*, мало касались политики. Поддерживая связь с такими городами, как Москва, Варшава и Эрфурт, он помог Федеративной республике включиться в диалог с ГДР, в итоге официально признанной как самостоятельное государство. Заграница отблагодарила его за старания Нобелевской премией мира. В своей собственной стране пророк нашел признание гораздо позднее. Взгляд на Восток стоил Брандту его небольшого преимущества в 12 голосов в бундестаге. Основной упрек в его адрес звучал так: «Он зацементировал разделение Германий». Ход истории дал преимущество его «восточной политике», хотя это и не было предусмотрено. Восточная политика Брандта была не просто противопоставлена интеграции с Западом, проведенной Аденауэром, она расширила поле деятельности Федеративной республики Германия, превратив ее в одну из действующих политических сил Центральной Европы. Оба канцлера, чье правление называют эпохой, формировали внешнюю политику Германии самым решительным образом.

Канцлерство Брандта осталось в воспоминаниях целым рядом ярких кадров и эмоциональных сцен, как, например, коленопреклонение перед Варшавой или взгляд из окна отеля «Эрфуртер Хоф». Сам Брандт скрывал свои чувства. Молчаливый, замкнутый, далекий от всех настолько, что мечтательность, приписанная ему почитателями, казалось, мешала ему. Это была именно та черта его характера, которая во время второго срока на посту канцлера довела Брандта до неспособности исполнять правительственные функции. Конец правления Брандта был

банален. Шпион ГДР в приемной канцлерского ведомства, пикантные любовные истории на задворках канцлерской резиденции были названы главными причинами его отставки в 1974 году. Настоящие мотивы отставки Брандта лежали глубже. Он был человеком призрачных миражей, которые ему удалось воплотить в жизнь. Изможденный морально и физически, он перестал быть канцлером, который мог решать срочные внутриполитические и более всего экономические проблемы. На пятки ему наступал тот, кто умел делать все это лучше.

«Комбинатор, фуражка, Могадишу»[2] — гласил заголовок одной из газет того времени. Точнее и короче нельзя выразить целый образ. И все же, каким бы расхожим ни стало это выражение, оно не отражает полностью человека и политика *Гельмута Шмидта*. Заглянув за фасад из трех «М», можно понять, что комбинатор в фуражке славен не только своим успехом в Могадишу.

Гельмут Шмидт появился в 1974 году, и как раз вовремя. Когда он взял на себя обязанности канцлера, граждане охотно доверили ему, компетентному экономисту; вызволять страну из нефтяного кризиса 1973 года. Его опыт был несравним с опытом прежних канцлеров: он был сенатором по внутренним делам в Гамбурге во время катастрофического наводнения, председателем фракции, министром обороны, экономики и финансов в кабинете Брандта. Он был незаменим во времена всеобщего кризиса: внутри страны нарастала угроза террора «Фракции Красной Армии»[3], во внешней политике на подходе была гонка вооружений, поставившая тему мира во главу угла. Сам Шмидт видел центральными пунктами своей политики вооружение и обеспечение мира, что в результате отдалило его от собственной партии. Прагматику, сформировавшемуся и получившему опыт военного поколения, оставались чужды идеалистические рецепты его левых товарищей по партии и «игры в ангелов мира».

Но именно длительный экономический кризис стоил, в конце концов, «мировому эконому» Шмидту поста канцлера — партнер по коалиции вышел из игры. При этом рецепты Шмидта предотвратили самое худшее. Ведь лоцман государственного корабля не был приверженцем одиночных решений, напротив, он боролся за нахождение консенсуса в диалогах с предпринимателями и ремесленниками. Он умел хорошо слушать и также хорошо убеждать благодаря своей компетентности. Но консенсус, которого Шмидт достигал, был консенсусом большинства. Он мало понимал в проблемах защиты окружающей среды или в критике использования атомной энергии, которые ставились и дебатировались не центральными партиями. Однако

«зеленые» со своим движением протеста смогли получить немалое число голосов избирателей.

Менеджмент в условиях кризиса почти не оставлял «ведущему служащему республики» времени на глобальные политические начинания, поэтому критики часто вменяли ему в вину неспособность смотреть в будущее. Шмидт совместил успешную прозападную политику Аденауэра и «восточную политику предвидения» Брандта и использовал их в интересах федеративного государства. Он защищал республику от всевозможных проявлений враждебности. Представители партий почти всего политического спектра уважали его, и, таким образом, он стал выше любой партии и одновременно с этим превратился в центральную политическую фигуру своего времени: «канцлерская демократия» перестала быть выражением личной полноты власти и стала синонимом широкого консенсуса.

Центральной политической фигурой ему также помимо стать его независимое обхождение с таким средством массовой информации, как телевидение. «Актер на подмостках государства», не вполне свободный от тщеславия, Шмидт умел показать себя. При этом едва ли играло большую роль то, что в личном общении с людьми он часто выставлял противника в невыгодном свете. Или то, что его нетерпеливость часто придавала ему грубоватый фельдфебельский шарм. Этому уроженцу ганзейского города редко удавалось достучаться до человеческих сердец, зато он вполне владел их умами, и этого прагматику Шмидту хватало целиком и полностью.

Шестой канцлер пережил конец эпохи, оставившей отпечаток на пятерых его предшественниках. «Холодная война» подошла к концу, старый порядок вещей исчерпал себя. После долгих лет стагнации политика получила наконец возможность развиваться. И *Гельмут Коль* ухватился за эту возможность. Коль — канцлер единства. Когда в 1982 году после вотума недоверия к власти пришел этот уроженец Пфальца, его популярность была невелика, он находился в тени предшественника. Хватало остроумцев, считавших его халифом на час. На самом деле Коль стал главным действующим лицом перемен мирового масштаба. Выходец из народа и патриот, на посту канцлера Коль получил возможность объединить Германию. То, что он задолго до объединения Германий заговорил о «едином отечестве», сделало его всеобщим посмешищем, но вскоре зубоскалы замолчали.

Три американских и два французских президента, два британских премьера и два советских главы государства оказали Колю должное уважение. «Канцлер переходного периода»

отправил в отставку четырех глав оппозиции и правил дольше всех остальных канцлеров.

За шестнадцать лет все прошедшее сконцентрировалось в одно целое. В 1976 году Йоханнес Гросс пророчески писал: «Аденауэр был отцом республики, Эрхард — ее кормильцем. Брандт хотел спасти ее, Шмидт сохранить, а Коль стал канцлером нового типа, не желающим определять себя самостоятельно и предвещающим будущее, зародившееся в начале этого круга». На пути к единству Коль взял что-то от каждого своего предшественника: он придерживался «политики силы» Аденауэра, веря в то, что только решительный Запад сможет подвигнуть Москву на уступки. Он получил в наследство политику ослабления напряженности Вилли Брандта, которая ставила целью облегчить людям жизнь. Символом этой политики стал визит Хонеккера. Инициированное Шмидтом «двойное решение» НАТО Коль воплотил в жизнь, что в конечном итоге повлияло на решение Москвы относительно разоружения.

В конце концов Федеративная республика устала от Коля. Его наследник на посту канцлера, *Герхард Шрёдер*, почувствовал эту усталость. Он не обещал построить новую республику, но пообещал улучшить ту, что уже имелась — радикальные перемены не были никому нужны, требовалось просто не допустить застоя.

«Мы готовы», — в полный голос заявляла СДПГ в своей предвыборной кампании, но это не соответствовало действительности. После 16 лет пребывания в оппозиции партия, казалось, полностью утратила способность реально управлять. Да еще к тому же на ее стороне оказались «зеленые», которым их внезапная власть казалась чуть ли не подозрительной. «Канцлер хаоса» смеялся над средствами массовой информации, судя по быстро меняющемуся курсу нового правительства; в каждый только что принятый закон тут же вносили поправки.

Герхард Шрёдер как никто из его предшественников мечтал занять пост канцлера. Давно вошел в историю эпизод, в котором социалист Шрёдер, будучи крепко навеселе, тряс ручку двери резиденции канцлера и кричал: «Пустите меня внутрь!» 27 октября 1998 года он наконец достиг цели: Герхард Шрёдер был избран на пост канцлера большинством в 351 голос. Он получил на 6 голосов больше, чем количество членов его партии. Даже Вилли Брандту в 1969 году не удавалось получить *все* голоса своей партии. Шрёдера часто сравнивали со своим харизматичным соратником по партии. Безо всяких сомнений он, подобно Брандту, хорошо умеет завладеть вниманием

общественности. Оба они родом из простых семей: Брандт вырос в простой рабочей семье без отца, Шрёдер — сын уборщицы, рано потерявший отца. Обоим свойственна вполне умеренная тяга к созданию документов. Но этим сходство исчерпывается. Стиль правления Шрёдера напоминает нам, если для сравнения выбирать из членов СДПГ, прагматика Гельмута Шмидта. Однако если вдуматься, черты правления Коля тоже нередко просматриваются в общей картине канцлерства Шрёдера. Как и его предшественник, он избегал того, чтобы кабинет становился местом настоящих разногласий, политика «готовилась на кухне». Именно Коль был тем, кто бессознательно больше всех повлиял на укрепление канцлерской власти Шрёдера. Когда культ личности прежнего канцлера рухнул, образ Шрёдера засиял невиданными до тех пор красками.

Результат годичного правления красно-зеленых вышел убийственным. Никакое другое правительство послевоенных лет не теряло так стремительно популярность, как правительство Шрёдера. «Человек из народа» обманул народ в лучших чувствах, выходя на публику с сигарой Cohiba в зубах и фотографируясь в дорогих костюмах от ведущих дизайнеров для элитных глянцевых журналов. И когда его несгибаемый соратник по партии Оскар Лафонтэн за одну-единственную ночь сдался по всем позициям и оставил все свои посты, стало казаться, что коалиция находится при последнем издыхании. Благосклонность избирателей постепенно иссякла: верхушка СДПГ каждое воскресенье проигрывала на местных выборах в Гессене, Заарланде, Тюрингии и Саксонии. Лафонтэн выразил общее мнение: «Он на это не способен».

Но Герхерд Шрёдер именно тогда добивался успеха, когда отступать было некуда. Самым сильным политиком он оказался на поприще, где, как ожидалось, его просто должно было ждать поражение: во внешней политике. В Югославии немецкие войска были задействованы в военных действиях впервые после Второй мировой войны, и правительству удалось благодаря своему разумному курсу вернуть большую часть своего потерянного авторитета. Когда канцлер реабилитировался своим выступлением в средствах массовой информации и предоставлением государственных средств потерявшей веру в собственные силы строительной корпорации «Филипп Хольцман», общественность снова повернулась к нему лицом. Неожиданно оппозиция одарила новое правительство как раз тем. в чем оно так нуждалось — затишьем в политической борьбе для того, чтобы оно могло найти свой путь. Когда партия ХДС после раскрытия правды о благотворительных махинациях Коля

переживала самый большой кризис за всю свою историю, «красно-зеленые» снова оказались на коне, а Шрёдер из шута на посту канцлера превратился в уважаемого государственного деятеля. После налоговой реформы и успехов во внешней политике правительство Шрёдера, проработав половину срока, было гораздо сильнее и популярнее, чем после первого года правления.

Станет ли правление Шрёдера эпохой или останется всего лишь эпизодом, станет ясно немного позднее. В некотором смысле оно уже вошло в историю. В лице Герхарда Шрёдера, родившегося всего за пять лет до возникновения Федеративной республики, мы имеем дело с первым канцлером — представителем послевоенного поколения. Объединение Германии превратило наконец боннское правительство в берлинское, но взгляд назад на пять десятилетий истории Федеративной Республики Германия убеждает нас — многое из опыта Бонна стоит того, чтобы взять с собой в Берлин.

Более чем 50 лет существования Федеративной республики — и всего семь канцлеров. В истории они представили логическую цепочку удачных инициатив, за успехом которых в конце концов пропали распри и скандалы, причиной которых они в свое время были. Аденауэр придал Федеративной республике столь необходимую ей значимость, отвернувшись от Востока и обратившись лицом на Запад. Брандт сломил одностороннюю направленность внешней политики государства, повернувшись лицом к Востоку. С этих пор Федеративная республика перестала быть западноевропейским государством, а стала европейским. Плоды доверия, выросшие на почве открытости республики Брандта, пожал Коль и использовал столь умело, что в один прекрасный день подарил своему народу долгожданное единство, надежда на которое почти исчезла.

Сегодня часто звучат упреки в том, что процесс объединения происходил слишком поспешно и на него следовало бы потратить гораздо больше времени. С экономической точки зрения упрек этот оправдан, с политической — нет. Ведь немцы живут не на острове, окруженном со всех сторон морем, а посреди Европы. Дверь к единению была лишь чуть приоткрыта, а главное — лишь на короткий миг. Уже в ноябре 1990 года, после отставки советского министра иностранных дед Эдуарда Шеварднадзе все было бы совсем не так просто, так же как и я 1991 году после свержения Горбачева.

Часто упоминаемый занавес истории приоткрылся лишь на миг. Так что на путь к единству нужно было не упустить момент и действовать очень быстро. Так действуют крестьяне, убирая урожай в закрома при первых раскатах грома и загоняя лошадей в

укрытие, а как потом молоть и хранить урожай — другая история.

Федеративной республике повезло с канцлерами, а немцам повезло с Федеративной республикой. И наше общее желание должно состоять в том, чтобы историкам будущего не пришлось писать, что эти 50 лет Федеративной Республики Германия, между правлением Аденауэра и переездом правительства в Берлин, были самыми лучшими страницами немецкой истории.

Патриарх
Конрад Аденауэр

«Тот, кто знает жителей Рейнланда, знает также и то, что они не бывают слишком вежливы, даже если такими выглядят. Я родом из Рейнланда».

«Я такой, какой есть».

«Я глубоко любил немецкий народ в любой ситуации. А что касается хитрости: если она необходима, нужно ею обладать».

«Сколько мне сейчас лет? Иногда я этого и сам не знаю».

«Не все, что я говорю своему народу, ложь».

«Конечно же, я уважаю право. Но и по отношению к праву нельзя быть слишком щепетильным».

«В политике речь идет вовсе не о том, чтобы быть правым, а о том, чтобы оказаться правым».

«Мы выбираем партию, а партии живут дольше отдельных людей».

Аденауэр

«Аденауэр, без сомнения, великий человек… за это время он стал старым капитаном, знающим, что есть лишь одна важная вещь — держаться курса. И ему — да и всем нам — жилось бы проще, если бы мы знали, кто встанет у штурвала после него».

Роберт Пфердменгес, банкир

«Мы смеялись над канцлером и доверием, которое он оказал сам себе. Аденауэр, избранный с преимуществом в один голос, — это был не тот результат выборов, который предполагал стабильность или долгое существование правительства».

Эгон Бар, член СДПГ

«Что касается внутренней политики Аденауэра, то я увидел мало позитивных результатов. Мы, молодые демократы, воспринимали это время как чрезвычайно реакционную и застойную эпоху, неспособную к переменам».

Хильдегард Хамм-Брюхер, член СДП[4]

«Дух этого человека так могуч, что он может поместить всю оппозицию на ногте своего мизинца».

Иоганнес Леппиг, иезуит

«До чего молодой человек, Боже мой, до чего молодой — для его возраста».

Джон Георг Дифенбахер, премьер-министр Канады

«Аденауэр не заканчивает свою политическую карьеру. Великий дож Дандоло завоевал Константинополь, когда ему было 90 лет».

Карл Ясперс, философ

«Возрождение Германии из золы и пепла, восстановление немецкой демократии и могучий подъем немецкой промышленности состоялись благодаря инициативе канцлера, и в большой степени благодаря

таким его чертам характера, как решительность, мужество и идеализм».

Гарольд Макмиллан, премьер-министр Великобритании

«Этот великий немец и европеец не будет забыт как верный защитник Северо-Атлантического союза, который уже целых 20 лет является гарантом мира и стабильности».

Лаурис Норштад, Верховный главнокомандующий НАТО

«В государстве Израиль он увидел выразительный пример надежд и стремлений еврейского народа, и восстановление Израиля на его исконной земле стало для канцлера лучшим залогом будущего этой страны».

Леви Эскал, премьер-министр Израиля

«Внеся свой вклад в единение Европы, он выразил истинный дух демократической Германии».

Джузеппе Сарагат, президент Италии

«Его кругозор сузился, он хороший европеец, благодаря своей удивительной проницательности, но его Европа заканчивается у границ старой Римской империи и не захватывает большую часть собственной страны».

Вальтер Липман, публицист

«Вначале мне нелегко было воспринимать всерьез его чрезмерно простые, часто примитивные формулировки».

Вилли Брандт

«Аденауэр был личностью, чьи гениальные черты характера могли полностью выразиться лишь в том случае, когда он был свободен от давления привычных обстоятельств и мог рассчитывать на возможности, перед которыми пасует среднестатистический деятель. Тогда в нем просыпается фантазия тактика и страсть большого актера».

Курт Шумахер, депутат от СДПГ

Проводы Аденауэра в последний путь стали триумфом. Гроб с телом старого канцлера сопровождали вверх по Рейну из Кёльна в Рёндорф три быстроходных катера Военно-морского флота ФРГ. Двенадцать самолетов «Старфайтер» с ревом пронеслись над долиной Рейна, четыре полевых гаубицы салютовали в честь усопшего. К похоронному шествию, начавшемуся у Кёльнского собора и дошедшему до берегов Рейна, присоединилось более 15 000 человек. Никто не считал, сколько народа стояло на берегу, должно быть, не меньше 100 000. Посол США МакГи чувствовал себя стоящим на «призрачной сцене, как в опере Вагнера», вспоминая, «как корабль с телом канцлера прошел мимо здания нашего посольства в тумане». 400 миллионов телезрителей во всем мире следили за траурной церемонией у телеэкранов.

Главы государств, премьер-министры, министры и послы всех стран мира прибыли на берега Рейна, чтобы отдать последнюю дань Конраду Аденауэру. В их числе были президент США Линдон Б. Джонсон, президент Франции генерал Шарль де Голль и британский премьер-министр Гарольд Уилсон. Даже советское посольство, бывшее для покойного канцлера чуть ли не филиалом Сатаны, приспустило в знак траура флаг. Но самое сильное впечатление произвело присутствие Дэвида Бена Гуриона, легендарного отца-основателя государства Израиль. Прошло всего два десятилетия с тех пор, как Германия была повержена и лежала в развалинах, изгнанная из братства народов, запятнанная невообразимыми преступлениями. Присутствие сильных мира сего и внимание миллионов людей к траурной церемонии прощания показало, что этим апрельским днем 1967 года в могилу сошел человек, с именем которого было связано нечто исключительное. Некрологи и письма с соболезнованиями утопали в превосходных степенях. Уинстон Черчилль еще в 1953

году безо всякой иронии заметил, что Аденауэр является самым значительным после Бисмарка немецким государственным деятелем. В ответ на это обласканный такими словами Аденауэр ограничился лишь сухим комментарием: «Сапоги Бисмарка мне великоваты».

Опрос 1989 года — года падения Берлинской стены — показал, что немцы по прошествии двадцати лет после смерти первого немецкого канцлера с легкостью превосходят в своих оценках Уинстона Черчилля. На вопрос, кто из немцев «больше всех сделал для своей страны», 33 % назвали Аденауэра, Бисмарк попал на второе место, получив 8 % голосов. О Штреземане или Эберте, об Эрхарде или Брандте не шло и речи, а ведь все они были людьми неоспоримых заслуг и гораздо большей харизмы, нежели Аденауэр. В чем же секрет его авторитета, вознесенного на небывалую высоту? Конечно, свою роль здесь сыграла целая команда историков и хранителей традиций ХДС с их сочинениями и юбилейными речами. Кроме того, свою роль сыграло и сильное желание отдать дань светлому образу канцлера после стольких лет господства в немецких учебниках истории XX века мрачных персонажей, чествовать лидера, который не злоупотребил оказанным ему доверием. Но все вышеперечисленное все-таки недостаточно убедительно. Как смог настолько привязать к себе сердца своего народа человек, которому хоть и было свойственно прекрасное чувство юмора, но остроумия явно недоставало — бедность его речи соратники но партии вынуждены были скрепя сердце защищать, называя «гениальной простотой», — и который постоянно подвергался жестокой критике из-за своего непринужденного обращения с правдой?

Секрет заключается в его невероятном политическом успехе. Отношения с Западом и рыночная экономика, партийная демократия и единение Европы — никто из его последователей не смог даже поставить под вопрос заложенный и укрепленный Аденауэром фундамент Федеративной республики. Редкий случай в политике. А еще реже партия, находящаяся в оппозиции по принципиальным вопросам, капитулирует перед основными убеждениями правительства. Так случилось с СДПГ и ее Годесбергской программой, что впоследствии предоставило ей замечательную возможность наследовать власть. Конечно, Аденауэр был лишь одним из отцов огромного успеха Германии, да и его современникам уже было ясно, что с определенного момента дела могли идти только в гору. Но вряд ли кто-то ожидал, что это произойдет так быстро и убедительно. Менее всего этого ожидал сам Аденауэр. Уместно будет привести слова

Голо Манна: «Масштаб успеха был почти непостижим».

Когда быстроходные катера отчалили от берегов Рейна, они еще раз проделали путь через все земли, которыми правил Аденауэр. Кёльн был духовным центром Европы и родиной этого человека. Вошедшая в поговорку «рейнская ментальность», католицизм, приправленный прагматизмом, но исключительно своевременный, выраженное культурное самосознание, ставящее себя выше протестантской Пруссии — все это были основные ценности для уроженца Кёльна Аденауэра. В этом городе он начал свою политическую карьеру в качестве обербургомистра Кёльна. Когда после 1945 года он начал второй этап своей карьеры, то с присущим ему коварством добился того, чтобы Бонн стал столицей Федеративной республики, выиграв это право в борьбе с Франкфуртом, фаворитом американцев. Так что теперь он опять мог жить в своем старом доме и Рёндорфе, расположенном к югу от Бонна, на правом берегу Рейна. Отныне утром и вечером для того, чтобы отправиться на работу или домой, он пересекал Рейн на пароме, курсировавшем между Кёнигсвинтером и Годесбергом. Благодаря Аденауэру Рейн стал центральным пунктом и ориентиром свей федеративной политики.

Флотилия проследовала мимо Петерсберга, находящегося выше по течению, откуда комиссары стран-победительниц должны были следить за начинаниями Бонна. Там, наверху, на «Монте Вето» — так ехидно окрестила это место пресса — Аденауэру часами приходилось настойчиво бороться за увеличение самостоятельности Германии. Это превратилось в основную цель первой половины срока его правления. Доверие, которого канцлеру удалось добиться у комиссаров, стало драгоценным начальным капиталом молодой республики. При этом ему помогало не только безупречное прошлое времен национал-социализма, но и христианско-католическое происхождение.

Во внутренней политике католицизм канцлера как раз являлся достаточно слабым местом. Много намеков было сделано на «клерика-реакционера из Рёндорфа». Конечно, каждые четыре года Аденауэр получал на выборах мощную поддержку со стороны Католической церкви. Но выразителем интересов католического клира он никогда не был. Кёльнский кардинал Йозеф Фрингс, справивший в честь усопшего канцлера большую литургию в Кёльнском соборе, мог рассказать об этом довольно много. В 1948 году, во время совещаний Парламентского совета, он попытался с помощью своего старого кёльнского приятеля повлиять на конституцию. «То, что вы задумали сделать со

школой и церковью, неприемлемо», — так выглядели доводы Его Высокопреосвященства против плана устранения религиозных школ. Аденауэр, который в качестве президента Парламентского совета должен был заботиться о независимости мнений, в своей неподражаемой манере ответил, не соблюдая обращений и званий: «Знаете что, господин Фрингс, занимайтесь церковью, а мы будем заниматься политикой. И если у Вас так же хорошо получится с Вашей церковью, как у нас с нашей политикой, мы все будем довольны».

Без сомнения, Аденауэр был богобоязненным человеком, каждое воскресенье он ходил к мессе; а еще он был человеком, который мог объяснить, почему немецкая история зашла в тупик — она была недостаточно религиозна. Для Аденауэра многое значили церковные моральные принципы. Когда однажды он получил в подарок мемуары Казановы, он с возмущением выслал их обратно отправителю. Но как руководитель правительства Федеративной республики он демонстративно выступал против влияния высокого духовенства на большую политику, подучив определенные представления об этом в те времена, когда духовенство было центральным ядром его партии во времена Веймарской республики. Часто жертвой таких выступлений становился Йозеф Фрингс. Когда канцлер и кардинал вместе ехали в машине, Аденауэр без малейшего сомнения оккупировал в лимузине почетное место справа сзади. Кольцо кардинала он не целовал, по крайней мере, на публике, поскольку это казалось ему «негигиеничным». Он целовал кольцо одного лишь Римского папы. Дошедшие до нас словесные нападки Аденауэра на Фрингса насчитывают целые страницы в сборниках политических анекдотов. Вот, оцените: кардинал летом 1945 года гордо рассказал Аденауэру, что на первую послевоенную процессию, посвященную празднику Тела Христова, пришло 20 000 из 70 000 человек выжившего населения Кёльна. Аденауэр ответил на это новым анекдотом про Тюннеса и Шэля: Шэль встречает Тюннеса после процессии и спрашивает его укоризненно: «Скажи-ка, я не видел тебя на процессии?» Тюннес отвечает: Мне это не нужно, я и в партии не состоял!»

Находчивость и меткий юмор до самого конца оставались козырями, с помощью которых канцлер мог внезапно изменить ход затянувшейся дискуссии и разрядить атмосферу. Он обладал помимо этого еще одним свойством, без которого вовсе невозможно понять феномен Аденауэра. Он был стар. Канцлер был старше любого другого политика Федеративной республики, а также старше всех собеседников, которых он встречал на международном уровне. Когда Бисмарка провожали в последний

путь, Аденауэр был референдарием. Он стал канцлером в 73 года, в возрасте, когда другие уже выбирают себе место на кладбище. «Настоящий кремень, родом из давно минувших времен», — так охарактеризовал его один из наблюдателей в первые годы боннской республики. Его возраст не только обеспечивал ему вес и уважение в обществе, но и способствовал тому, что окружение Аденауэра явно недооценивало его. Замечание, высказанное Аденауэру его врачом еще перед тем, как он стал кандидатом на пост федерального канцлера от ХДС, гласившее, что ему «вряд ли удастся пробыть в этой должности более двух лет», привело к тому, что более молодые конкуренты отнеслись к нему мягче. Тем, кто направил бы молодую Федеративную республику на верный путь, собирался стать человек, который по причине плохого здоровья был освобожден от военной службы и с которым в 28 лет не пожелали заключить договор о страховании жизни, сославшись на его «слабые легкие». Но он правил дольше, чем 21 кабинет министров Веймарской республики и дольше, чем существовала «тысячелетняя империя».

При этом карьеру Аденауэра после 1945 года можно было назвать как угодно, но только не делом предопределенным или хотя бы предсказуемым. По окончании войны Аденауэр был совершенно неизвестен в Германии. Его имя было известно лишь в Кёльне и его окрестностях и было не на самом хорошем счету, поскольку было связано с предположениями о злоупотреблениях в довоенное время, когда он был в должности обербургомистра Кёльна. В следующие четыре года два человека, сами того не желая, обеспечили ему популярность: Курт Шумахер, освобожденный из концентрационного лагеря мученик немецкой социал-демократии, вскоре ставший ее бесспорным лидером, и Джон Барраклоу, бригадный генерал британских оккупационных войск.

Аденауэр после ухода американцев из Рейнланда снова был назначен на пост обербургомистра Кёльна. Его первая поездка по городу, на территорию которого он не имел права ступить во времена национал-социализма, произвела на него глубокое впечатление: «Все пусто, безлюдно, разрушено». Понадобится много времени, прежде чем Кёльн вновь обретет свое прежнее величие. Многократно подвергавшийся краткосрочным арестам гестапо 69-летний Аденауэр попросил подвезти его на джипе США к бывшему центральному пункту кёльнского гестапо. «Я хотел еще раз взглянуть на притон разбойников», — писал он впоследствии. В разгромленном здании он увидел лампу из бронзы и взял ее с собой в качестве сувенира. Он поставил ее в своем доме в Рёндорфе «как предостережение». Этот поступок

очень характерен для него. Даже в моменты сильного эмоционального напряжения он не лишался прагматичной жилки, свойственной его землякам. Сам Аденауэр так прокомментировал историю с лампой: «Человек — странное существо».

Первые недели на посту обербургомистра были движением на ощупь. Канцлер легко находил общий язык с американскими офицерами. Он ценил в них хватку и открытость. Когда он начал критиковать бесчеловечные условия в «рейнских полевых лагерях» — огромных лагерях для военнопленных, расположенных в открытом поле — его собеседники не стали читать ему проповеди, а просто обещали улучшить условия содержания пленных. Хороший опыт отношений с американцами оказался основополагающим. Вскоре Аденауэр начал налаживать политические контакты на более высоком уровне. При этом его первые подобные диалоги еще отражали недостаточную определенность. 5 мая, за три дня до капитуляции, он поделился с одним из своих друзей, что Сталин будто бы является «другом немцев», а Черчилль, напротив — «германоненавистником». Но когда уже довольно скоро выяснилось, что дружба Кремля с немцами имеет свои четкие границы, Аденауэр в числе первых признал, что оккупированная СССР часть Германии не будет «на определенное время учитываться в политических вопросах», так он выразился в сентябре 1945 года. Это чувство реальности в условиях мировой политики оказалось впоследствии трудно переоценить.

Но поначалу он вернулся обратно к тем играм ума, в которые начал играть уже после Первой мировой войны. Он налаживал контакты с французскими офицерами за спиной британцев, которые с июня 1945 года взяли в свои руки руководство Кёльном, и предложил разделить западную часть Германии на три части, с образованием «Рейнского государства» на западе. Это образование должно было быть объединено с другими частями страны лишь отчасти, образуя своего рода «федерацию государств», а в долгосрочной перспективе функционировать как ядро «Объединенных Штатов Европы». Речь больше не шла о какой бы то ни было «Империи». Вокруг этих обещаний кёльнского обербургомистра велось много споров. В соответствующей биографической литературе можно увидеть слова «глупость» или «бардак». На самом деле диалоги со странами-победителями велись на предельно опасном уровне, который историки, настроенные лояльно к Аденауэру, с удовольствием объявили бы табуированной зоной. Речь идет о рейнском сепаратизме. Кажется, что Аденауэр время от времени руководствовался не простым девизом «отгородиться от

Пруссии», но желал освобождения от Имперского союза. Играло ли при этом роль личностное тщеславие — занять в подобном «Рейнском государстве» самый высокий пост — мы оставим за кадром. Но очевидным становится то, что для Аденауэра в это время сохранение политического единства Германии совсем не являлось необходимым условием. Что действительно высвечивает еще весьма «сырая» программа лета 1945 года, так это акцент на немецко-французском примирении в рамках европейского единства. Можно называть все вышеназванное сепаратизмом, принимая во внимание мысль о «западном государстве». Но учитывая реальную ситуацию в последующие годы, эти мысли оказались на удивление прозорливыми. В Париже в октябре 1945 года еще один внимательный наблюдатель, генерал Шарль де Голль, принял к сведению эту обращающую на себя внимание «позицию такой важной фигуры, как Аденауэр».

Но британские оккупационные силы не выносили кёльнского обербургомистра, который на свой страх и риск строил совместно с французами планы, несмотря на распространяющийся на всех немцев запрет на политические действия. Между тем британское правительство было лейбористским и с гораздо большей охотой сотрудничало бы с немецкими социал-демократами, чем с Аденауэром. 6 октября 1945 года Аденауэр был грубым образом уволен со своего поста военным губернатором, бригадным генералом Джоном Барраклоу, на том основании, но он «не выполнил свои обязанности перед населением». Очевидно, что эти причины были лишь прикрытием. Сам Аденауэр выглядел глубоко оскорбленным. Когда впоследствии он, будучи уже канцлером, снова увидел генерала на одном из государственных приемов, британец спросил его, что его собеседник сделал в тот раз с объявлением об отставке. «У меня дома есть пьеса “Уволен нацистами”, — ответил ему канцлер. — А я написал новую под названием “Уволен освободителями”».

«Итак, я не мог снова получить эту должность, а вернуться на этот пост было моей целью все эти годы, поэтому я целиком посвятил себя политической работе, в особенности основанию ХДС». То, как Аденауэр описал этот решающий поворотный момент своей жизни и карьеры, отражает его привычку оглядываться назад и корректировать вещи и события. Начнем с того, что он присоединился к ХДС только после его образования, а переживания по поводу потерянной должности больше походили на «крокодиловы слезы». Ведь уже вдень своей отставки Аденауэр знал, что бригадный генерал оказал ему большую услугу. Швейцарский генеральный консул фон Вайс, часто навещавший канцлера, заметил, что он «редко видел господина

Аденауэра в таком хорошем настроении, как в тот день». И в самом деле, в Кёльне на «коротком поводке» у британцев вряд ли можно было совершить столько благих политических дел. Кроме того, было очевидно, что наступающая зима поставит город перед непреодолимыми трудностями. А еще формулировка «уволен в отставку оккупационными силами» многими воспринималась как знак почета. Когда Аденауэра в 1962 году во время телевизионного интервью спросили, стал бы он канцлером, если бы не был отправлен в отставку Барраклоу, ответ канцлера прозвучал резко, будто выстрел из пистолета: «Наверняка нет. Им пришлось бы искать другого человека, может быть, лучшего, чем я, а, может быть, худшего. Кандидаты были».

Знойный летний лень 21 августа 1949 года стал второй датой, решающим образом повлиявшей на восхождение Аденауэра к вершинам власти. За это время разделение Германий стало реальностью «холодной войны». Запад выиграл «берлинский кризис» благодаря организации «воздушного моста», три западные зоны объединились в демократическое государство, хотя и имели статус оккупированной территории, но со своей временной конституцией, разработанной немцами. Аденауэр тем временем стал известной личностью в Германии. Будучи председателем ХДС в британской зоне и президентом Парламентского Совета, он прославился как «сильный человек». Если бы только он не был так стар! Пусть он и не был в числе отцов-составителей конституции и не трудился напрямую над ее созданием, и Хайс заявлял: «Он не выдал ни одной строчки!» Именно ему было доверено по долгу службы торжественно обнародовать новую конституцию 23 мая 1949 года.

Тремя месяцами позже он пригласил крупнейших деятелей ХДС к себе в Рёндорф, чтобы наметить пути развития в будущем. Тем жарким августовским воскресным днем собрался не легитимный съезд партии, не фракция и не заседание правителей земель. Нет, Аденауэр приглашал «посвященных», согласно своей политической стратегии. Не случайно там не было Карла Арнольда, премьер-министра Северной земли Рейн-Вестфалия от ХДС, который в глазах канцлера был слишком заинтересован в социализации крупной промышленности. Вместо него присутствовал молодой и горячий деятель из Баварии Франц Йозеф Штраус.

За неделю до этого коалиция ХДС — ХСС неожиданно выиграла первые выборы в бундестаг. Они собрали 31 % голосов и не намного опередили СДПГ, получившую 29 %. Результат был еще далек от результатов последующих лет, что во многом зависело от того, что в бундестаг прошло большое количество

мелких партий. Тогда не было еще 5 % барьера, необходимого, чтобы пройти в бундестаг. Но вместе с СПГ[5] и консервативной Немецкой партией (НП)[6] набралось достаточное количество мандатов.

Выборы были чем-то вроде плебисцита для социальной рыночной экономики. Самым успешным «выборным локомотивом» ХДС оказался не Аденауэр, а беспартийный Людвиг Эрхард. С профессором из Франконии немцы связывали валютную реформу, окончание эры централизованно управляемой экономики и намечающийся экономический подъем. Его концепция рыночной экономики и талант оратора имели решающее значение на первых выборах в бундестаг. При этом такое развитие событий было совершенно непредсказуемо. После катастрофически неудачного экономического опыта Веймарской республики и оптимистических воспоминаний о начале управляемой экономики времен Гитлера, для которых были характерны такие лозунги, как: «Автотрассы!» и «Полная занятость!», программа «общественной экономики», выдвинутая социал-демократами и ХДС в Аленской программе, имела огромную притягательность. Лишь после того, что в результате валютной реформы на полках немецких магазинов появился товар, концепция Эрхарда стала конкурентоспособной.

Решающим фактом на первых выборах в бундестаг стало и то, что ХДС встретился с неумелым противником. Партийный аппарат СДПГ считался превосходящим в плане структурности и сплоченности по сравнению с партиями-конкурентами. В высших кругах СДПГ в лице Курта Шумахера был послевоенный политик, обладавший огромной популярностью. Однако Шумахер, переживший ранение в Первой мировой войне и долгие годы заключения в концлагере, своей острой агитацией в предвыборную кампанию чересчур разбередил воспоминания о последних годах Веймарской республики. Например, его горькие упреки в адрес Католической церкви и заявление о «пятой оккупационной силе» привели к тому, что все более-менее верные церкви католики примкнули к ХДС. Помимо того, руководитель СДПГ показал себя настолько закоснелым в национальных вопросах и в своем стремлении держаться за плановую экономику, что потерял большинство, которое смог завоевать в 1948 году.

Итак, 21 августа 1949 года мужчины, тяжело переводя дыхание, поднимались по лестнице к дому Аденауэра, где теперь должны были принять важные решения после нелегкой победы. Что предпочтительнее: маленькая коалиция с СПГ и НП или все же большая — с СДПГ? Кто должен стать президентом? Кто —

федеральным канцлером? Под конец этой послеобеденной встречи Аденауэр одержал верх во всех вопросах. Это был час рождения его канцлерства. Хотя поначалу ничто на это не указывало. Гессенский министр финансов Хильперт и будущий премьер-министр Бадена-Вюртемберга Гебхард Мюллер упрямо приводили доводы в пользу Большой коалиции с СДПГ Только с помощью «огромного блока демократических сил» можно было якобы решить крупные проблемы страны. Людвиг Эрхард энергично противостоял этому, поскольку видел в подобном поведении опасность для «своей» рыночной экономики. Штраус угрожал расторжением объединения фракций в случае, если СДПГ будет приглашена разделить бремя власти. Сам же Аденауэр пел себя очень осторожно, хотя и знал, что последовательное объединение с Западом, к чему он, собственно, и стремился, гораздо легче достижимо без СДПГ. Пока он еще не мог сказать последнее слово, как делал это позднее, будучи канцлером и председателем партии.

Всего лишь раз он дал прием с фуршетом с холодными закусками. Должно быть, это был роскошный прием, по крайней мере, для послевоенных времен. Почти все репортеры возносили хвалу непревзойденным кушаньям того вечера. Помимо прочего, обычно славный своей бережливостью Аденауэр достал из подвалов свои лучшие запасы. «Благороднейшее из благородного», — вспоминал Франц Йозеф Штраус, знаток светлого пива: «Вина, вина позднего сбора, коллекционные вина, какие я никогда еще в своей жизни не пил». Под конец приема, когда атмосфера разрядилась, Аденауэр начал целеустремленно сворачивать на тему конкретных личностей. Назначение его канцлером еще не было решенным делом. Один наблюдатель прокомментировал президентство Аденауэра в Парламентском совете: оно стало «блистательным завершением долгой политической карьеры». Но сейчас Аденауэр не хотел ничего больше знать о «завершении» и использовал момент удачи. «Федеральный канцлер — это важный человек», — ответил он на предложение подать свою кандидатуру на пост президента. «Президентом должен стать другой, а я хочу быть канцлером. Мне 73 года, но я взял бы на себя обязанности канцлера. Во-первых, у меня есть авторитет в британской зоне. Во-вторых, у меня есть определенного рода опыт в государственных делах и управлении. В-третьих, у меня более острые локти, чем я сам думал». В конце концов, ведь лечащий врач обещал ему, что он еще два года будет в состоянии «занимать должность». Вот как делается политика! Ни в этот день в Рёндорфе, ни в последующие дни не прозвучало ни одного серьезного возражения против подобного «захвата

власти», и не только потому, что на самом деле не было другого кандидата, который бы заявил о своих притязаниях. Друзья по партии были по-настоящему сломлены претензиями на власть этого человека, который даже не потрудился сделать вид, что это предложение прозвучало из уст верного ему человека, что являлось бы хорошим тоном. Разумеется, нельзя было предположить, что начнется 14-летняя эра правления Аденауэра. Короткая жизнь кабинетов в Веймаре и благословенный возраст Аденауэра указывали на то, к делам приступает «канцлер на час».

Во время первого заседания фракции ХДС Аденауэру наконец удалось отделаться от Большой коалиции с СДПГ и провести на должность президента своего фаворита, либерала Теодора Хойса. И это был удачный выбор. Когда депутат Курт Георг Кизингер попросил слова и озвучил свои сомнения в отношении кандидатуры Хойса: «Хойс, он ведь просто любезное ископаемое времен Веймарской республики». Другой участник встречи парировал: «А кто же тогда Аденауэр?» Хойс поднялся и ответил: «Господа, для меня неожиданным является тот факт, что вы считаете меня любезным». Громкий смех помог не разгореться начинающейся ссоре. Но замечание Кизингера обратило внимание на то, что эти двое были представителями политического поколения Веймарской республики, и именно они должны теперь заботиться о том, чтобы Бонн не превратился в Веймар. Поскольку политиков не хватало из-за войны и того, что большинство населения состояло в НСДАП, основателями Федеративной республики закономерно стали два вышеупомянутых пожилых господина.

Лишь 15 сентября, в день выборов бундесканцлера членами парламента, Аденауэру стало ясно, как непрочна еще его власть. С трудом ему удалось удержать фракцию к своих руках, причем ситуацию вновь спасла шутка. Я диктатор, — заявил он после напряженных дебатов депутатам ХДС, — но с сильным демократическим уклоном». Последовавшие вслед за этим пленарные выборы окончились с легендарным результатом, который в период боннской демократии ни разу не повторился. Хотя у коалиции чисто математически было голосов на семь больше, чем необходимо, канцлер достиг лишь необходимого большинства в 202 голоса. Разумеется, сам он голосовал за себя, как откровенно признался позже. Пара ненадежных людей из собственной партии чуть не стоили Аденауэру поста канцлера. Итак, его власть все еще зиждилась на непрочном фундаменте.

Через пять дней он выступил со своим первым правительственным заявлением. Оно было готово лишь в самый последний момент, и позже это стало укоренившейся привычкой

Аденауэра. Но тот, кто ожидал новой захватывающей «речи о крови и слезах», был разочарован. В том, что говорил Аденауэр, было мало воодушевления, и звучало это почти как пункт обязательной программы: «Разделение Германии — и мы уверены в этом — когда-нибудь закончится». Правда, направление развития Германии Аденауэр обрисован в этой речи очень неопределенно: «Мы не сомневаемся в том, что но нашему происхождению и взглядам мы принадлежим к западноевропейскому миру». Он предостерегал, что «для немецкого народа не существует иного пути», чем «снова стремиться вверх» вместе с силами Альянса. Редко когда правительственное заявление представляло собой такое неприкрытое волеизъявление и редко когда удавалось настолько непоколебимо следовать ему. При этом объединение с Западом в 1949 году не нашло единодушного одобрения как среди населения, так и внутри партий. Напротив, Аденауэр провозгласил смелую программу, и ее успех зависел от результатов последующих четырех лет.

Лишь теперь канцлер стал публичной фигурой. Местные и иностранные газеты начали задаваться вопросом, что за человек держит в руках судьбы западных немцев. Но биография Аденауэра, и это довольно быстро признали СМИ, вряд ли годилась в качестве материала для захватывающих статей. Его жизнь и карьера были удручающе среднестатистическими: семья — усердные кёльнские бюргеры с типично немецким чувством долга; классическое школьное образование, посредственные способности, обучение на юридическом факультете и впоследствии работа служащего городского управления в Кёльне. Однако после этого судьба повернулась к нему лицом. Свадьба с Эммой Вайер, происходившей из одной из самых авторитетных семей Кёльна, и должность заместителя председателя кёльнского «Центра» — господствующей партии на берегах Рейна — расчистили ему путь для стремительной карьеры в городском правлении. В 1906 году Аденауэр стал заместителем бургомистра, в 1917 году — в разгар войны — обербургомистром. Удивительным в этом стремительном карьерном рывке было то, как ему удалось организовать перевыборы еще до окончания войны, которая, как он знал, положит конец прусскому трехклассному избирательному праву, а значит, устранит преимущество партии «Центр». Срок пребывания Аденауэра в должности главы города составлял 12 лет. Он блестяще пережил революцию 1918 года, договорился с солдатским советом Кёльна и из страха перед мародерами приказал слить в Рейн сотни тысяч литров водки.

Свое истинное лицо будущий канцлер в первый раз показал на посту обербургомистра. Образ Кёльна за время его правления изменился: из средневекового он стал современным городом. Благодаря расширению городской территории и щедрым вложениям в проекты дорожною строительства, электрификации и строительство канализации Кёльн пережил новый расцвет. Этот город должен благодарить Аденауэра за основание университета, создание «зеленого пояса» вокруг города и размещение здесь предприятий крупной промышленности, например, предприятий автомобильной компании «Форд». При этом к делу он подходил с размахом. К началу тридцатых годов город задолжал государству столько, что стал неплатежеспособен. За это кёльнцы окрестили своего обербуртомистра «Долгауэр». Отошедший от партии благодаря городскому законодательству, Аденауэр наживал себе все больше и больше врагов. Когда же он не согласовал с коммунистами свой любимый эскиз моста Мюльхайме, чаша терпения горожан переполнилась.

В 1929 году он был избран благодаря перевесу в один голос, и голос этот был голосом городского правления, что стало болезненным воспоминанием для столь успешного обербургомистра. Отныне ему придется обращать больше внимания на предвыборную борьбу. Разумеется, если бы вопрос о его личном имущественном положении был поднят уже во время переизбрания, а не через два месяца, невозможно было бы и думать о продолжении карьеры. Аденауэр в эти годы был политиком с непопулярной склонностью к чрезмерной заботе о величине своего дохода. В Кёльне ему удавалось проделывать это мастерски, и довольно долгое время факт этот был неизвестен. Учитывая различные надбавки, роскошную дотацию на проживание и некоторое количество возмещенных средств на правительственные расходы, его доход в 1929 году составлял около 120 000 рейхсмарок, что «превышало доходы рейхспрезидента», как подсчитали его политические противники, лопаясь от самодовольства. При этом Аденауэр был на грани разорения. Когда в преддверии «мерной пятницы» он потерял на спекуляциях одолженные ему миллионы, банку «Дойче Банк» пришлось поистине великодушно простить ему этот долг благодаря посредничеству одного из его друзей, кёльнского банкира Луи Хагена.

К облегчению Аденауэра, до публики дошли лишь отрывочные слухи об этом инциденте, что, разумеется, ничего не изменило в отношении к этой ситуации его современников, которые считали, что полагающиеся обер-бургомистру доходы, учитывая задолженность города, слишком щедры. Национал-

социалисты и коммунисты в полной мере воспользовались подобными слухами в своих злобных нападках на обербургомистра. Предвыборная листовка НСДАП в марте 1933 года призывала: «Покончить с Аденауэром! Конец черно-красному коррупционному большинству! Снизить огромные доходы!» Когда в 1933 году нацисты сбросили-таки Аденауэра с его поста, репутация будущего канцлера была довольно сильно подмочена. Не приди к власти Гитлер и не начнись становление Третьего рейха, карьера его наверняка быстро закончилась, кроме того, его малодушные вылазки в имперскую политику в качестве кандидата в канцлеры от партии «Центр» прошли абсолютно незамеченными.

А что с личной жизнью? Когда Аденауэр приносил присягу при вступлении на должность обербургомистра, за спиной у него была настоящая человеческая трагедия, пережив которую многие другие давно потеряли бы надежду. Уже в 1916 году ему пришлось пережить смерть своей первой жены Эммы. У них было трое детей — Конрад, Макс и Риа. Беременности и проблемы с почками отняли у молодой матери слишком много сил. Аденауэр каждый вечер проводил у постели своей жены как санитар и стал ей заботливым и терпеливым супругом. Позднее он объяснял, что перенести эту потерю ему помогла в первую очередь вера. В 1919 году он снова женится на Гусси Цинзер, дочери профессора медицины Кёльнского университета, которая была младше его на 19 лет. Она подарила ему еще четырех детей — Пауля, Лотту, Либет и Георга. Все репортеры и биографы сходятся во мнении, что и второй брак Аденауэра был на редкость счастливым и гармоничным. Но Гусси Аденауэр умерла в 1948 году от заболевания крови. У ее постели муж тоже неустанно дежурил дни и ночи напролет. Особенно трагично было то, что он видел причины ее болезни в попытке самоубийства, которую его супруга предприняла, будучи в заключении в гестапо. Семидесятидвухлетний политик после смерти второй жены впал в глубокую депрессию. Когда предыдущий канцлер империи Генрих Брюнинг посетил его в те дни, он был испуган его подавленным состоянием духа и запомнил одно из высказываний вдовца: «У меня в этом мире действительно нет больше никаких корней».

Не приходится сомневаться, что эта личная трагедия имеете с опытом гонений и преследований во времена национал-социализма привели Аденауэра к озлобленности. Карло Шмидт вспоминает одно замечание будущего канцлера во время одной из первых их встреч: «Нас двоих отличает не только возраст, но и кое-что еще. Вы верите в людей, я не верю и никогда не верил в них». Плодами личного опыта этих долгих лет оказались в

основном недоверие и желание дистанцироваться от всех. Черта, которую замечали в Аденауэре даже самые доброжелательные сотрудники и соратники, — своего рода презрение к людям — уходила корнями глубоко в его биографию. Эта черта характера, хоть и не самая привлекательная. придавала ему силы и политическое чутье. Кроме того, она смягчалась живым чувством юмора и искренней верой.

Сам Аденауэр упрек в том, что его картина мира выполнена в примитивных черно-белых тонах, считал достоинством. «Простота мысли — зачастую драгоценный дар Господа», — так звучало одно из его высказываний. Так же просто выглядело его объяснение катастрофы гитлеровской Германии. Немецкий народ на протяжении десятилетий «творил себе из государства кумира и возносил его на алтарь, — заявлял Аденауэр перед четырьмя тысячами слушателей в актовом зале полуразрушенного Кёльнского университета, — и этому идолу немцы пожертвовали человеческую личность, ее достоинство и ее ценность». Это была простая, но, учитывая обстоятельства, чрезвычайно привлекательная «мировоззренческая» программа — отказ от всех идеологических коллективистских экспериментов века. Достоинство отдельной личности вышло на первое место, и уже из него произошли все без исключения основы воспитания, демократии и экономики. Это была идеальная программа для лечения открытых ран.

21 сентября 1949 года Аденауэр появился на горе Петерсберг, чтобы быть представленным трем Верховным комиссарам Альянса. Членам Альянса это показалось поначалу «меньшим злом». Андре Франсуа-Понсе, Верховный комиссар от Франции, незадолго до этого критически охарактеризовал Аденауэра. Бундесканцлер якобы не является «ни человеком высокого класса, ни по-настоящему искренним человеком». Он «умен, но склонен к интригам», а в остальном просто «сепаратист». Но западные державы очень хорошо понимали, что альтернативой Аденауэру мог бы быть только Шумахер, а это привело бы к опасным и серьезным столкновениям. От Аденауэра, по крайней мере, можно было не ожидать националистических выходок. Кроме того, он, по всей видимости, наладил неформальные контакты и прямые связи с оккупационными силами.

Уже 17 августа, а значит, еще за четыре дня до встречи политиков ХДС на террасе в доме Аденауэра, Вашингтон и Лондон были в курсе того, что он станет канцлером. Сейчас, через неделю после выборов, он явился в резиденцию комиссаров, чтобы представить им кабинет министров и предложить на подпись первые законы Федеративной республики. Американец

Джон МакКой, британец Брайан Робертсон и француз Андре Франсуа-Понсе приветствовали Аденауэра, стоя на роскошном ковре. Подразумевалось, что немец должен стоять перед ним. Аденауэр, не задумываясь, встал на тот же ковер, чтобы прочесть подготовленную речь. Эта сцена приобрела некоторую известность. Фактически одним этим жестом канцлер сказал больше, нежели долгими дебатами.

В последующие годы важной, а временами чрезмерно увлекательной целью для канцлера стала возможность поместить «на ковер великих держав» и Федеративную Республику Германия. Взамен Аденауэр предлагал следующее: последовательное присоединение ФРГ к Западу, европейскую интеграцию и содействие немецких вооруженных сил Альянсу. Делом жизни Аденауэра можно со всей справедливостью назвать стремление упрочить эту прозападную политику, заковав ее в корсет международных договоров. Этот путь был трудным и тернистым и нередко очень одиноким. Иногда лучше было, чтобы немецкая общественность не знала, чем именно сейчас занят канцлер. В первую половину срока почти все силы Аденауэра отнимала внешняя политика. До 1955 года он задавал ей направления, будучи фактически главой правительства и министром иностранных дел. Его постоянно стимулировал страх, что он сам мог выбыть из игры еще до достижения своей цели, а также страх перед непредсказуемостью собственного народа. «Помогите мне как можно быстрее достичь результатов, — требовал он от своего спутника Ганса фон Грёбена, — ведь через тридцать лет все начнется заново».

В бундестаге наступило время больших дебатов. Бонн не стал филиалом телевизионной демократии, которая начала вырисовываться в конце эры Аденауэра. Пока еще дебаты в бундестаге велись страстно, долгими часами и нередко вплоть до самой ночи. Как, например, споры вокруг т. н. Петерсбергского соглашения, в котором правительство постфактум признало образование ведомства Рурской области странами Альянса, взамен получив возможность сократить демонтаж военно-промышленных предприятий. Для СДПГ и более всего для председателя этой партии Шумахера такая позиция приравнивалась к сдаче национальных позиций. В ночь с 24 на 25 ноября 1949 года, когда Аденауэр занял место на трибуне, дебаты достигли кульминации. Если оппозиция будет настаивать на отрицательном ответе, начал канцлер свое провокационное обращение, то «пусть знает, что генерал Робертсон некоторыми своими замечаниями дал понять, что демонтаж предприятий военной промышленности будет проведен до конца». Протокол

заседания бундестага зафиксировал следующее: взволнованные выкрики депутатов СДПГ и КПГ[7], колокольчик президента, возгласы «Вы все еще немец?», «Канцлер стран Альянса!» Заседание закончилось практически хаосом. Шумахер получил от президента выговор и был отстранен от участия в 20 последующих заседаниях парламента «из-за грубого нарушения порядка».

Пропасть между ним и Аденауэром не была преодолена вплоть до самой смерти председателя СДПГ. Канцлер демонстративно не присоединился к сотням тысяч нолей, которые в 1952 году участвовали в траурной процессии, провожая в последний путь Шумахера. Конечно. если бы Шумахер на знаменитом ночном заседании 1949 года знал о политике, которую Аденауэр проводил в течение нескольких последних недель, высказывание канцлера стран Альянса» навряд ли вызвало бы подобную отрицательную реакцию. Буря, разразившаяся вокруг разоружения, обернулась бы против самого Аденауэра.

После образования ГДР в октябре 1949 года советские власти провозгласили Восточный Берлин ее столицей, не посоветовавшись по этому поводу с остальными союзниками, что шло вразрез с договором, заключенным между четырьмя державами-победительницами. Государственный департамент в Вашингтоне, полный боевого задора после победы во время кризиса и организации воздушного моста, отреагировал мгновенно и настоял на том, чтобы три западных сектора объединились в Федеративную Республику Германия. Это был единственный шаг, позволивший странам Запада в последующие годы получить преимущество в берлинском конфликте. Однако американцы и быстро присоединившиеся к этому планы британцы с удивлением узнали, что канцлер не захотел принимать в этом участие. Шумные требования СДПГ придать Берлину статус двенадцатой федеральной земли Аденауэр на встрече с тремя Верховными комиссарами называл «дешевым национализмом» и заявил, что от него потребовалось много мужества, чтобы противостоять этим требованиям.

Хотел ли он, чтобы ответственность за Берлин легла на плечи западных стран? Опасался ли, что в бундестаг попадет слишком много депутатов от СДПГ? Или снова дала о себе знать его давняя антипатия к Берлину, который канцлер уже назвал как-то «варварским городом»? В любом случае Аденауэр повлиял на то, чтобы американский план потерпел поражение. Ясное дело, что публично Верховные комиссары поддержали его позицию и создали впечатление, что лишь их собственное промедление не

позволило проявить инициативу. Невозможно представить себе, что могло бы произойти, если бы общественность узнала, что канцлеру абсолютно не интересен и не нужен Берлин! Уже сейчас, в первый месяц правления, стал очевиден тот основополагающий момент политики Аденауэра, без которого многие его шаги невозможно объяснить: латентный страх, что любое изменение сложившегося положения дел в Германии или Берлине поставит под удар прозападную политику Германии. Лондон, Вашингтон и Париж вскоре признали подобное повеление образчиком драгоценной надежности, который просто нельзя было не поощрить.

Результаты новейших исследований изменили всю картину послевоенных лет в Германии. Долгое время считалось, что только Корейская война заставила канцлера поднять вопрос о немецкой военной поддержке Альянса. В действительности же Аденауэр, никогда не служивший в армии, считал воссоздание немецких вооруженных сил очень важным делом, в то время как большинство немцев относились к проблеме армии без особого интереса. Уже летом 1948 года, когда появилось тяжелое подозрение, что блокада Берлина вызовет новую войну, Аденауэр заигрывал с военными силами западных стран, размещенных в Германии, которые насчитывали 80 дивизий. Тем не менее Рудольфу Аугштайну, бывшему в то время с канцлером на короткой ноге, он говорил, что уместным количеством войск будет 30 дивизий. Но когда из Вашингтона дошли первые сигналы, что победители ни в коем случае не предполагают дать разрешение немцам воссоздавать национальную армию, канцлер временно оставил свои планы. Но остался при своем первоначальном убеждении — немецкие войска будут необходимы в борьбе с Советской армией. Кроме того, армия для государства имеет также и политическое значение, как об этом говорил Макиавелли: «Имея в своем распоряжении толковую армию, можно получить надежных союзников». Однако все эти умозрительные игры с воображаемыми войсками совершенно не мешали ему принимать в расчет настроения масс, и уже в декабре 1949 года он говорил с глубокой уверенностью: «Общественности раз и навсегда следует уяснить, что я принципиально против нового вооружения Федеративной Республики Германия и соответственно против образования новой немецкой армии».

Через полгода он предпринял новую попытку. С учреждением стабилизационной комиссии в июне 1950 года канцлер попытался наконец убедить Верховных комиссаров в необходимости существования собственно немецкой армии. Его озабоченность 70 000 солдат «казарменной народной полиции» (КНП) ГДР

показывает, как важно ему было иметь возможность защититься от нападения с Востока. От тайных сотрудников «организации Гелен» Аденауэр знал, что стратегия Запада предусматривает защиту в лучшем случае Рейна. Прошел лишь месяц после того, как французский министр иностранных дел Роберт Шуман предложил подумать над совместным контролем разработок угля и стали в Рурском и Саарском каменноугольных бассейнах. Это было любимой идеей Аденауэра, который усмотрел в ней первый шаг к объединенной Европе. Ему показалось, что политический механизм Запада наконец-то пришел в движение.

Начало Корейской войны уже через короткое время дало делу ремилитаризации полный ход. Напуганные коммунистической агрессией в Азии британцы и американцы летом 1950 года начали вести захватывающие дух разговоры о вооружении ФРГ и в свете этого вспомнили вдруг об идеях немецкого канцлера. Разумеется, для генеральных штабов стран Альянса привлекательной была мысль о большом потенциале обученных и опытных солдат прежнего вермахта. Пентагон потребован образования от 10 до 15 дивизий, британский генеральный штаб — до 20 дивизий и 200 боевых самолетов. Это все делалось по приказу Верховного командования Объединенных сил НАТО. Поначалу большая часть этих планов проходила мимо Аденауэра, зато канцлер ясно увидел, что можно разыграть выгодную карту — страх народа перед войной.

Но как сообщить об этом народу? Верховным комиссарам канцлер изложил сложную психологию немецкого национального характера. Большая часть немецких городов была еще обезображена руинами, несколько сотен тысяч немцев все еще были пленниками в советских лагерях. Следовательно, обороноспособность ФРГ была еще очень низка. Лучше всего, совершенно серьезно предложил канцлер, если над Федеративной республикой будет кружить эскадра самолетов. Гул самолетов стран Альянса лучше любых слов сможет продемонстрировать населению грозящую немцам опасность.

Каким бы щекотливым ни был вопрос о повторном вооружении Германии, 19 августа 1950 года все быстро встало на свои места. Ловко запущенное в «Нью-Йорк Таймс» интервью с канцлером информировало читателей, что немецкая армия будет воссоздана из-за опасности нападения с Востока. Немецкие газеты отозвались угрожающим эхо. Через пять лет после окончания войны большая часть населения не хотела ничего слышать об оружии и униформе. Даже в собственном кабинете министров Аденауэр вынужден был выслушать громкие протесты, в основном от министра внутренних дел Густава Хайнемана, который оставил

свой пост в октябре именно в результате спора о вооружении. «Бог дважды забирал у нас из рук оружие, — предостерегал канцлера министр, в то же время председатель Евангелической церкви Германии, — и в третий раз мы не имеем права брать в руки оружие, а должны терпеливо ждать». Аденауэр разбередил настоящее осиное гнездо. Интервью журналу «Нью-Йорк Таймс» повлекло за собой начало первого общего движения за мир. Девизом этого движения стали слова: «Без меня!» Карло Шмидт говорил: «Нам бы больше понравилось бытье большевиками, но целыми и невредимыми, чем лежать мертвыми или изуродованными в воронках из-под мин». Уровень популярности Аденауэра снизился на 20 %, это было катастрофически много.

Но пока еще опросы общественного мнения не вызывали паники. Следующие выборы состоятся лишь через три года. Напротив, канцлер начал упорный бой за свои убеждения. При этом он лично мог отразить некоторые контрудары, например, провал серии конференций в сентябре 1950 года, когда настойчивые требования США начать вооружение Германии натолкнулись на железное «нет» Франции. Поскольку почти одновременно с этим военным силам США удалось совершить предварительную высадку на корейском побережье под Инчоном, планы Германии на данный момент погрязли в недрах бюрократической машины. Прямой путь к вооружению и военному союзу был пока блокирован из-за страхов Франции и, как выяснится впоследствии, не в последний раз. А значит, именно в Париже находился ключ к внешнеполитическим целям канцлера. До сих пор остается объектом спекуляций вопрос, стало ли бы в действительности начало немецкого вооружения в напряженной атмосфере 1950 года катализатором предупреждающего удара СССР.

Единственное, к чему привели нью-йоркские конференции в Бонне, спали скупые обещании военной поддержки Запада в случае угрозы для ФРГ. Тем не менее в октябре Аденауэру было дозволено основать учреждение, ставшее прообразом будущего министерства обороны, оно было названо по имени профсоюзного деятеля и позднее первого министра Хардских высот Теодора Бланка, которому демонстративно было отдано преимущество в сравнении с военными, чье прошлое в любом случае было запятнано службой в вермахте. Далекий от армии канцлер налаживал контакты с руководством будущей армии подчас очень комичным образом. После своего первого разговора с прежним генералом танковых войск графом фон Шверином Аденауэр заявил: «Но ведь это совсем не солдат, это совершенно нормальный человек». Когда на одной из пресс-конференций его

спросили, будет ли новая армия вынуждена опираться на высоких должностных лиц вермахта, проще говоря, на солдат Гитлера, канцлер молниеносно и с полным осознанием взрывоопасности темы ответил: «Восемнадцатилетних генералов НАТО мне точно не простит».

Такая неожиданная для многих наблюдателей беспристрастность канцлера в отношении ужасного прошлого своего народа была одной из его тайных удач. Наряду с возвращением миллионов беженцев и изгнанников залогом восстановления Германии стала интеграция множества косвенных сообщников национал-социалистического режима в ряды «незапятнанных сотрудничеством с нацистами граждан». Аденауэр считал патетические «признания вины», сформулированные обеими церквями после окончания войны, одним большим нулем, впрочем, как и американские попытки «перевоспитания нации». Он не раз высказывался за прекращение денацификации. Осмысленным ему казалось только преследование действительно виновных. То, что он упорно держался за своих сотрудников, таких как официальный комментатор нюрнбергских расовых законов Ганс Глобке или Теодор Оберлендер, которого сам Аденауэр называл «министром глубоко коричневой направленности», стало нишей для нападок со стороны общественности. Остается только предполагать, сколько молчаливого одобрения вызывали подобные действия.

Но знаменитое высказывание Аденауэра — «Грязную воду не выливают, если нет чистой» — отражало лишь один аспект проблемы. Ведь для хрупкой пока еще партийной структуры послевоенного времени самым решающим образом было важно не допустить подъема праворадикальных партий. Время от времени кидая националистические высказывания и идеи, Аденауэр добивался поддержки «правого крыла». Возьмем, например, речь в Берне 23 марта 1949 года, в которой он призывал к «пробуждению немецкого национального чувства» и требовал: «Нельзя вечно вменять нам в вину годы национал-социализма и войны». И это было написано в 1949 году! Высказывания некоторых газет о «господине Аденауэре из Четвертого рейха», сильно задели канцлера. Ведь незапятнанная репутация, которую он умудрился сохранить в годы национал-социализма, защищала его от призраков прошлого.

При этом в самом начале эпохи Третьего рейха Аденауэр катастрофически недооценивал опасность национал-социализма. Как и многие его друзья по партии «Центр», еще в августе 1932 года он считал возможным «укрощение» нацистов в коалиции с солидными бюргерскими партиями. В июне 1933 года он писал

одной своей подруге: «наша единственная надежда» состоит в том, чтобы Гитлер «расшевелил тихие волы омута», став «пожизненным президентом рейха» или еще лучше своего рода «монархом». Правда, до этого, уже в феврале, во время выступления Гитлера он показал всем свою железную волю, отказавшись устроить прием в честь фюрера и запретив вывешивать в городе флаги со свастикой, как потребовала НСДАП. Вскоре после этого его с позором отправили в отставку. Пережить последующие 12 лет относительно счастливо Аденауэру позволили два обстоятельства: во-первых, диктатор не воспринимал его как угрозу и даже как-то похвалил «успехи Аденауэра» в качестве главы города. Во-вторых, несмотря на многие попытки вербовки, он не вошел в ряды сопротивления. Можно уничижительно называть такое поведение «недостаточно героическим», как и поступили после войны некоторые критики канцлера, но, оценивая трезво, то, что его имени не было в списках заговорщиков, спасло ему жизнь. Таким образом, по окончанию войны за спиной Аденауэра были лишь долгие недели в застенках гестапо, не причинившие ему непоправимого вреда. Попытка самоубийства, предпринятая его женой из отчаяния, когда та на допросе раскрыла место убежища своего мужа, поначалу, казалось, не имела серьезных следствий.

С момента вступления американцев в Рёндорф у Аденауэра открылись глаза, и он с болью и страданием начал понимать, какие чудовищные преступления совершались в концлагерях и за линией фронта. Не осталось свидетельств его непосредственной реакции на подобные преступления, также неизвестно, насколько много он знал о массовых убийствах во время войны. Но одним из первых совершенных им после вступления в должность бургомистра действий стала отправка в концентрационные лагеря автобусов, чтобы немедленно вывезти выживших. Сильное стремление сделать хоть что-нибудь стало показателем его отношения к холокосту. Только так можно объяснить внезапное согласие выплатить репарацию в размере полутора миллиардов долларов, о котором канцлер сообщил председателю еврейского мирового конгресса Нахуму Гольдману на встрече в Лондоне. Сумма эта была астрономической, больше половины того, что Федеративная республика заработала за все время действия «плана Маршалла», поэтому Аденауэру пришлось выслушать претензии советников относительно его щедрости. Снова в воздухе повис упрек в разнузданном умножении долгов. Но Аденауэр инстинктивно понял, что экономия будет в этот момент совершенно излишней, здесь речь шла даже не о вопросе высокой моральной важности, на кону стояло международное доверие.

«Мировое еврейское сообщество — это большая сила», — полушутя-полусерьезно втолковывал канцлер как-то своим доверенным лицам. Действительно, лишь огромное международное значение выплаты репатриации Израилю позволило обеспечить политическую кредитоспособность страны, так необходимую во внешней политике.

Уже во время своего визита в Париж 11 апреля 1951 года Аденауэр предчувствовал, как много его ждет изматывающих переговоров. «Прием, — с досадой пишет он в своих воспоминаниях, — был совершенно неофициальным. А я, между прочим, был первым членом федерального правительства, посетившим Париж после окончания войны». На летном поле его ожидал даже не министр, а Жан Моне, правая рука министра иностранных дел Роберта Шумана. Возврат Западной Германии в многонациональную семью народов был сопровождаем затаенной враждебностью. При этом очевидно было историческое значение этого визита. До этого город на Сене посетили всего лишь три канцлера — Бисмарк в 1871 году в роли сиятельного победителя в сверкающих доспехах, Брюнинг в 1931 году с мольбой о ссудах и в 1940 году Гитлер. Аденауэр 26 раз побывал в Париже и уже одним этим заложил основы внешней политики Федеративной республики, чтобы раз и навсегда подвести черту под «исторической враждой» между двумя соседними народами. Вашингтон был вторым пунктом его назначения — там он был 12 раз.

Оставив в стороне уничижительное отношение к себе некоторых иностранных коллег, канцлер наслаждался поездками за границу. Он присматривался и подмечал, что во время его прогулок в саду Тюильри и при посещении Лувра и Нотр-Дама французы, которых он встречал, смотрели на него без тени вражды. Его доверенное лицо Герберт Бланкенхорн выяснил, что канцлер неравнодушен к шампанскому и устрицам, поэтому внес эти традиционные галльские деликатесы в программу парижских визитов. Особенно растрогало Аденауэра, когда французская студентка послала ему в знак примирения двух народов Croix de Guerre, полученный ее усопшим отцом еще в Первую мировую войну. После смерти канцлера крест «заклятого врага» нашли у него в ящике стола.

Затем начались переговоры, по окончании которых было образовано Европейское объединение угля и стали, ФРГ вошла в него в качестве полноправного члена, месяцем раньше был сильно смягчен оккупационный режим страны. Самонадеянность, с которой канцлер запоминал эти ранние плоды своей внешней политики, легко можно заметить в замечании, брошенном

журналистам немного позже, уже в Рёндорфе: «Если я опять захочу, чтобы Германия стала великой державой — а мы, немцы, должны это сделать, — я должен начать вести себя как канцлер великой державы». Кто из канцлеров, последовавших за Аденауэром, мог с такой же легкостью произнести слова «великая держава»?

В последующие месяцы, после долгих переговоров, результат обрисовался в виде контракта, который, хотя и не воплощал в жизнь мечты о великой державе, но уже представлял собой огромный шаг вперед. Германия в рамках Европейского оборонительного сообщества должна была распустить собственные войска и получить за это значительную часть государственного суверенитета. Оккупационный статус сменялся т. н. Германским договором. Проще говоря, это означало: немецкие войска под западным командованием в обмен на постепенный возврат немецкой государственной самостоятельности. Чудовищный подвох, а именно то, что такой поворот событий означал бы потерю собственной государственной суверенности, Аденауэр понял еще не до конца. Как раз теперь в Федеративной Республике Германия действительно разгорелся спор вокруг набора договоров с Западом, которые должны были быть подписаны летом 1952 года.

10 марта 1952 года Советский Союз вступил в борьбу за общественное мнение, опубликовав ноту, воспринятую как сенсацию. В этой оферте, вошедшей в историю под названием «нота Сталина», Кремль предлагал Западу объединить Германию и провести свободные демократические выборы, но — на неопределенных условиях. Загвоздка была вот в чем: объединенная Германия по условиями СССР должна была соблюдать полный нейтралитет, а это стало бы крахом прозападной политики Аденауэра и чаяний западных стран. Ни один момент в истории канцлерства Аденауэра не был более дискуссионным, чем этот. В постоянном репертуаре критиков появилось утверждение, что Аденауэр летом 1952 года не сделал попытку вступить в диалоге Советским Союзом. Упрек в том, что он «упустил шанс» объединить Германию, так и остался на его совести мертвым грузом. Судя по этим упрекам, на первом канцлере висела известная часть вины за существование двух Германий и угнетение 17 миллионов соотечественников в соцлагере. Это обвинение подкреплялось по сути враждебным отношением Аденауэра к «пруссам». В качестве примера постоянно приводятся его высказывания, в частности, остроумная шутка веймарских времен, что он «занавешивает окно» каждый раз, когда пересекает Эльбу в восточном направлении, или

замечание, что «Азия начинается на Эльбе».

Не рассматривая сейчас вопрос о том, насколько серьезным было предложение Сталина — об этом можно спорить бесконечно, — мы полагаем, что упрощение и стилизация фигуры Аденауэра как врага объединения скорее всего является продуктом внутриполитических войн, а не серьезного исторического исследования. Обманчивое представление, что канцлер, решивший объединить Германию, запросто смог бы обуздать и обезвредить тектонические силы «холодной войны», будь на то его воля, всего лишь мечта. На самом же деле федеральное правительство летом 1952 года не имело никакой свободы действий, чтобы самостоятельно «примерять» предложения СССР. Оккупационное положение было еще в силе. Чаще всего из Вашингтона, но также и из Лондона доходили отчетливые сигналы, что в переговорах нет никакой заинтересованности. Министр иностранных дел Дин Ачесон настаивал на том, что нельзя затягивать подписание западных договоров. В чем великие люди Запада были полностью согласны с Аденауэром, так это в том, что Западная Европа без Западной Германии оставалась беззащитной. Так чло Верховные комиссары с удовольствием могли видеть, что уже во время своего первого высказывания относительно предложения СССР канцлер ответил ясным и четким «нег»: «Кремль желает, чтобы все германское пространство стало гигантским вакуумом, на который Советский Союз смог бы оказывать решающее влияние благодаря своей географической близости и с помощью различных средств принуждения». Следует упомянуть, что до разжигания внутриполитических страстей СДПГ реагировала так же сдержанно. 11 марта, через день после опубликования ноты, депутат Герберт Венер намекал Верховному комиссару МакКлою, что и сам он не ожидает никаких результатов от переговоров с Советами.

Ответ Запада, к которому и обращался Сталин, заключался в отправке комиссии ООН для проверки возможности проведения свободных выборов в ГДР, что не значило ничего другого, кроме завуалированного отказа. Наблюдатели ООН, призванные проверить готовность СССР принять принципы демократии, были, конечно же, тонко рассчитанным оскорблением. На вторую советскую ноту тоже был лат отрицательный отпет. В ураган страстей вмешалась и немецкая общественность. После письма Курта Шумахера канцлеру, где он умолял последнего вступить в переговоры с четырьмя крупнейшими в стране политическими силами и использовать, вполне возможно, единственный «шанс», направление действий бундестага стало понятным. Однако

действия Аденауэра осуждала не только оппозиция. Рупором национал-консервативной группы стала газета «Франкфуртер Альгемайне» во главе со своим издателем Паулем Сете, позднее он поплатился за это своей должностью при незаметном содействии канцлера. Он вместе с летописцем немецкой истории, Герхардом Риттером, ожесточенно пытался подвигнуть «канцлера, идущего на поводу у Америки» изменить политический курс. Их аргументы звучали еще более резко, чем дебаты в бундестаге. Сете обвинял значительную часть немецкой прессы, которая упорно не желала разделять его мнение, в молчании, за которое «уплачено американскими кредитами».

Аденауэр противостоял всем нападкам, даже в своем собственном кабинете министров, где больше всех выступал за изменение политики берлинец Якоб Кайзер. Канцлер с облегчением заметил, что, судя по опросам общественного мнения, число немцев, поддерживающих его политику, неуклонно возрастает. Он очень хорошо запомнил, какой волнующей темой является тема воссоединения Германии. Через год самым популярным плакатом из напечатанных к предвыборной кампании ХДС был плакат с изображением руки, поднятой вверх как для присяги, и с надписью: «Эту клятву я приношу перед всем немецким народом. Мы не остановимся и не отдохнем, пока Германия не будет воссоединена в мире и свободе». Аденауэр повторял эту формулу на манер надписи на молитвенном барабане: «В мире и свободе». Но объединение ни в коем случае не должно было быть сопряжено с нейтралитетом, поскольку в таком случае вся Германия рано или поздно окажется под влиянием социалистического блока во главе с Советами. Западу нужно просто накопить достаточно сил, тогда СССР придется когда-нибудь добровольно отдать свою зону. Доброжелательно настроенные аналитики называли эту теорию «магнитной». В ответ недоброжелатели выбрали свое название: «пожизненная ложь молодой республики». Независимая «Нью-Йорк Таймс» уже в 1952 году трезво замечала, что стратегия канцлера и стран Запада — курс, «который положит конец всем надеждам воссоединить Германию мирным путем в ближайшее время».

Были клятвы Аденауэра всего лишь коллективной риторикой федеративного немецкого «союза потребителей», который попросту хотел облегчить свою совесть, как считал Рудольф Аугштайн? Или канцлер и в самом деле верил в возможность воссоединения Германии посредством «политики силы»? И являются ли, таким образом, падение Берлинской стены и объединение Германии в 1989–1990 годах запоздалой победой «великого канцлера»? Если да, то он как минимум чудовищно

просчитался Когда в апогее кризиса вокруг советских нот английские журналисты язвительно спросили его, когда стоит ожидать отступления СССР из ГДР — через 25 или 100 лет, Аденауэр ответил с серьезным выражением лица, что, по его мнению, это произойдет в период «от пяти до десяти лет».

На самом же деле консолидация противоборствующих Западного и Восточного блоков дала понять Аденауэру, что «политика силы» не приведет к быстрой победе, на которую он возлагал надежду. Незадолго до своей смерти он признал это. Внутренний взрыв советского блока, произошедший в 1989 году, лежал вне его мировоззрения. Его надежды основывались скорее на эскалации конфликта между Москвой и Пекином, в ходе которого Кремль был бы вынужден пойти на некоторые уступки Западу. Такое видение проблемы было не актуально к 1989 году. Вряд ли между отклонением ноты Сталина и визитом «внука» Гельмута Коля на Кавказ можно провести прямую линию. Аденауэр не был пророком, просчитавшимся на пару десятилетий. Вместо этого он действовал, исходя из существовавших реалий, учитывая все обстоятельства. А реальностью были интересы оккупационных сил. «Самой смертельной ошибкой, — резюмировал Франц Йозеф Штраус происходящее во внешней политике начала канцлерства Аденауэра, — было бы потерять доверие американцев».

Но что произошло бы, если бы бомба, пришедшая с письмом, которую еврейские террористы прислали 20 марта 1952 года на имя Аденауэра, разнесла бы на куски не сотрудника саперной группы, а самого канцлера? Повернулась бы история по-другому? Вряд ли. Ни Якоб Кайзер, ни Ойген Керстенмайер не смогли бы свернуть Западный альянс с выбранного им пути. Даже если бы другой канцлер и потребовал как следует «проверить» советское предложение, разделение Германии и враждующие лагеря в Европе все равно существовали бы. Единственным отличием могло бы быть отрицательное отношение Федеративной республики к западным странам-победительницам. Прошло бы так же беспрепятственно возвращение ФРГ государственного суверенитета? Вопрос непростой. Также остается неясным, смогла ли бы экономика Западной Германии так же быстро и твердо встать на ноги на мировом рынке. Угрожающим выглядит развитие событий, если бы 17 июня 1953 года Федеративная Республика Германия отреагировала бы иначе, не так, как при Аденауэре, а заявила о своей солидарности и провела бы массовые демонстрации в поддержку восстания в Восточной Германии.

8 апреля 1953 года во время своей первой поездки в США

канцлер возложил венок на Могилу неизвестного солдата на большом военном кладбище под Эрлингтоном. Это стало эмоциональной кульминацией государственного визита. Звездно-полосатый флаг дружно реял рядом с черно-красно-желтым. Аденауэр описал эту сцену в своих воспоминаниях с необычной для него выразительностью: «Американская военная капелла играла немецкий национальный гимн. Я видел, как на глазах одного из моих спутников выступили слезы, я сам был сильно растроган. Путь от полного провала в 1945 году до этого мгновения в 1953 году был долог и тернист». Фотографии старого канцлера на американском кладбище облетели весь мир. Пресс-служба Федеративной республики позаботилась о том, чтобы и на родине они получили должное распространение. Ведь в сентябре должны были состояться выборы в новый бундестаг. С благодарностью Аденауэр примял помощь президента США Эйзенхауэра. Однако им ни канцлера в Новый Свет подчеркивал то, что Федеративная республика сумела превратиться из побежденном страны в новою партнера западных стран. Подписание западных договоров в Бонне 26 мая 1952 года, лондонского долгового соглашения от 27 февраля и соглашения о финансовом возмещении с Израилем 10 сентября 1952 года Вашингтон оценил как достаточные доказательства доброй воли. Аденауэр точно следовал настроениям американской общественности, например, пользуясь помощью одного американского PR-агентства. Канцлер с удовольствием мог отметить, что крупный американский журнал в 1953 году коротко и просто назвал его «человеком года».

В таких условиях вести предвыборную борьбу стало настоящим удовольствием. «Среднестатистический избиратель мыслит примитивно, — сообщил Аденауэр после первых выборов в 1949 году доверенным лицам, — и судит он тоже примитивно». Итак, оставалось лишь представить последние четыре года в выгодном свете с помощью подходящих риторических формул. После мучительного периода зимы 1951–1952 годов, когда число безработных составило почти два миллиона человек, а кроме того, выявился даже недостаток зерновых и сахара, с осени 1952 года популярность правительства стремительно росла. Никто, конечно, не заикался еще об «экономическом чуде», но уже господствовало мнение, что дела идут в гору. Народное восстание 17 июня 1953 года в ГДР только подтвердило правильность выбранного курса. Аденауэр неподражаемо говорил в своих выступлениях, что день выборов — это «решающий день для Германии и Европы» и даже «решающий день для всей западно-христианской культуры». Казалось, никто не был на него в обиде,

что он. не последовав совету своих доверенных лиц, после подавления восстания в ГДР отказался посетить Западный Берлин. Его торжественная и даже пафосная речь в день погребения жертв восстания отмела все сомнения. Более 100 000 жителей Берлина слушали, как канцлер произносил твердо и уверенно: «Наряду с горем и сожалением я испытываю гордость за этих героев свободы, гордость за всех, кто восстал против этого рабства, продолжающегося вот уже восемь лет». Как никогда раньше и уже никогда потом за все время его правления Аденауэр в этот день говорил от липа всех немцев. Кто сейчас мог противоречить ему, если он свел предстоящие выборы до выбора между «свободой и социализмом»? Плакаты, изображающие красноармейцев перед Кёльнским собором, и легко запоминающийся слоган «Все пути социализма ведут к Москве» должны были убедить последних неверующих.

В воскресенье, день выборов, канцлер, как и полагалось, пошел сначала на службу, а потом только на избирательный участок. Еще не наступило время приблизительного подсчета голосов, первые результаты ожидались только после полуночи. Следовательно, Аденауэр провел спокойный день, который был необходим пожилому человеку после напряженной избирательной кампании. Вечером он рано лег в постель. На следующее утро в 6 часов ему позвонил руководитель пресс-службы Феликс фон Экхардт и огласил результаты: 45 % за ХДС и ХСС, партию, выступавшую с ней в коалиции. Оглушительная победа! Аденауэр сухо ответил: «Большое спасибо». Чуть позже он сказал следующее: «Дело обернулось очень хорошим образом». Своим сотрудникам Аденауэр говорил: «А теперь нужно снова приниматься за работу». Нет, этого человека успех не мог ослепить. При этом выборы 1953 года были в первую очередь выборами Аденауэра. Даже газета «Франкфуртер Альгемайне», так резко критиковавшая политику канцлера, должна была признать: «Это победа Конрада Аденауэра».

Речь, конечно, не шла уже больше о «двух годах на посту». Эту победу обеспечили успехи прошедшего периода правления и прозападный курс, который подпитывала эскалация «холодной войны» — в Корее и Восточном Берлине. Теперь девиз внешней политики звучал так: «Так держать!» Во внутренней политике окончательно установилась та форма власти, которая останется в учебниках истории как «канцлерская демократия».

К самым значительным наработкам ранней боннской демократии можно отнести тот факт, что закрепленное в конституции тщательное разделение властей без малейшего сопротивления было практически заменено патриархальным

управлением, и теперь канцлер, как и любой из его преемников, мог беспрепятственно преследовать свои цели. Основой такой власти было неприкосновенное положение партии. Вплоть до начала «войны за порядок наследования» с Людвигом Эрхардом после выборов 1957 года ХДС не случайно именовался «избирательным союзом канцлера». Даже враждебные действия со стороны союзной партии из Мюнхена, ставшие впоследствии любимой привычкой, в юные годы республики были не более чем временными заблуждениями. Протоколы заседаний фракций временами выглядят поучениями строгого учителя школьному классу. Преданные канцлеру председатели Генрих фон Брентано и Генрих Кроне держали парламентариев на коротком поводке. Что характерно, первое фракционное голосование Аденауэр проиграл лишь в 1962 году.

Однако в кабинете министров время от времени случались скандалы. Здесь ломали копья вокруг воссоздания армии, единения с Западом и экономической политики. Аденауэр был известен как великолепный мастер убеждения. Он мог с удивительным терпением объяснять свою точку зрения, согласно принципу: «Чтобы стать успешным политиком, нужно уметь сидеть дольше, чем другие». При этом он предпочитал — а это тоже можно записать в число надежных политических рецептов — открытые воззвания, а не список аргументов. Тот, кто все еще противостоял ему, находился в опасности быть заклейменным «болваном» или «предателем», который жаждет поражения Германии. Именно такие слова канцлер бросал противникам воссоздания армии. Канцлер никогда не был человеком спокойных тонов, и когда речь шла о том, чтобы добиться чего-либо, он вел себя как угодно, только не щепетильно. Эрхард, прекрасный министр, добившийся больших успехов, в подобных стычках все время становился жертвой жестких головомоек. «Вы, по всей видимости, — говорил Аденауэр за несколько недель до того, как осенью 1952 года начался рост экономики, — не представляете себе путей экономического развития уже довольно долгое время». При этом в периоды, когда все. казалось, идет не так, канцлер считал, что со всех сторон окружен бездарями и врагами. «Что мне делать с этим кабинетом? — ругался он как-то на одного из своих сотрудников. — Единственный, на кого я могу положиться, это министр иностранных дел». Министром иностранных дел был он сам.

Когда на кону стояло слишком многое, канцлер был способен на настоящую подлость. Так, когда в августе 1951 года он предложил западным странам поддержку немецких войск, он даже не проинформировал об этом предварительно своих

министров. Когда министр внутренних дед Хайнеман понял, в чем дело, и потребовал, чтобы Аденауэр зачитал соответствующий меморандум в кабинете министров, канцлер зачитал только те пассажи, которые не представляли пищи для конфликтов. Якоб Кайзер немного позже спросил, нельзя ли было хотя бы предоставить министрам копии меморандума. Аденауэр ответил на этот вопрос в свойственной ему манере — смеси неискренности и наглости: «У меня у самого нет копии. Существует только один экземпляр, и он лежит в сейфе господина Бланкенхорна».

Десять лет спустя канцлер стоял перед федеративным президентом Генрихом Любке и обсуждал с ним должностной состав министерства иностранных дел. Распределение должностей снова давалось чрезвычайно трудно, это дало Аденауэру повод вздохнуть: «Лучше три избирательных кампании, чем одни переговоры с коалицией». Фаворитом Любке был опытный банкир международного уровня Герман Йозеф Абс. Аденауэр же хотел провести на должность своего тогдашнего министра внутренних дел Герхарда Шрёдера. Любке уступил. Канцлер устранил кандидатуру Абса, по секрету сообщив президенту, что во время войны тот принадлежал к кругу «друзей Генриха Гиммлера». На самом же деле это была чистой воды выдумка. Хотя имя Абса и было связано с неправомерными финансовыми акциями банка «Дойче Байк» во времена Третьего рейха, меценатом СС он никогда не был. Канцлер несправедливо оклеветал человека, с которым был связан узами дружбы с момента начала его успешных переговоров относительно внешних долгов Германии. Абс не стал министром. Часто цитируемые слова Аденауэра о том, что он знает «три вида правды: простую, чистую и громкую», не могут смягчить ощущение от подобного поступка.

Однако частые упреки, что Аденауэр с завидной регулярностью превышает свои полномочия, как правило, необоснованны. Забыв про аферу с журналом «Шпигель», которую закономерно называют кризисом его правления, Аденауэр, юрист с высшим образованием, большое значение придавал соблюдению законов. И в первую очередь не из страха перед публичным разоблачением, в большей степени это ему диктовали внутренние убеждения и законы, сформировавшиеся еще в те времена. когда он был государственным сотрудником. Его противник Густав Хайнеманн в бытность президентом сказал: «Я люблю не государство, я люблю свою жену». В устах Аденауэра представить себе такое невозможно. Он очень хорошо знал, к чему привела Германию идея государственности, возведенная в культ, но он

уважал общество, базирующееся на конституции, как этическую величину. «У меня есть желание», — признался канцлер в одной из своих предвыборных речей, — чтобы люди, оглянувшись назад через туман и пыль этих времен, сказали, что я выполнил свой долг».

Аденауэр отнюдь не считал себя спасителем, чувство избранничества было совершенно чуждо для этого сына чиновника. «Фаустовские блуждания» немецкой души и любой страстный национальный романтизм всегда казались ему подозрительными, а в конце жизни даже ненавистными. Именно демонстративное чувство ответственности обеспечило канцлеру значительную долю репутации. Обратной стороной медали при этом стало «одиночество власти». Недостаточная готовность разделить с другими людьми ответственность сразу бросалась в глаза, у Аденауэра, привыкшего никому не доверять, это свойство базировалось на чувстве, что только он один обладает истинным знанием.

«Я боюсь немцев», — признался он как-то раз своему другу, предполагая, что немецкий народ легко соблазнить на неблаговидные поступки. Большинство биографов Аденауэра в первую очередь живописали образ верного и заботливого отца, который знает обо всех проказах своих ягнят и пытается совладать с ними. И в самом деле, как раз благодаря своей патриархальной манере держаться канцлеру удалось примирить немцев с демократией. Можно ли было более очевидно продемонстрировать, что пресловутая «сильная рука» и демократия не исключают друг друга, чем сделал это Аденауэр с помощью легендарных дней рождений канцлера, которые всегда были инсценированы как государственный акт? Один британский наблюдатель трезво посчитал, что именно те выступления Аденауэра, которые стилизовали его под своего рода избранного монарха, более всего помогли «унять тоску немцев по “сильной руке”».

Доказательства удачного завершения внешней политики Аденауэра вступлением республики в 1955 году в НАТО и значительное восстановление суверенитета являются хорошим примером того, как живучи могут быть маскарады. 30 августа 1954 года потерпела крушение попытка ратифицировать во французском Национальном собрании договор двухгодичной давности о Европейском оборонительном сообществе. Потеря национального суверенитета из-за образования «европейской армии» не нашла в Париже достаточной поддержки. Новое правительство под руководством Пьера Мендес-Франса не чувствовало себя более связанным подписанием договора 1952

года. Аденауэр был глубоко поражен этим. Речь постоянно заходила о «черном дне Европы», и один из сотрудников Аденауэра писал: «Никогда прежде и никогда больше я не видел Аденауэра таким ожесточенным и таким угнетенным».

Но на самом деле вид сломленного европейца был расчетливо просчитанным маскарадом. Конечно, отрицательное решение вопроса о Европейском оборонительном сообществе означало, что Париж затягивал отсрочку, но канцлер давным-давно видел другой, более привлекательный выход. Вашингтон, Лондон и Бонн уже полгода исходили из того, что агония Европейского оборонительного сообщества будет прервана в Париже отрицательным ответом Национального собрания. Поэтому альтернативные решения были уже разработаны. На этот раз движущей силой стали британцы. Министр иностранных дел Антони Иден уже в июне 1945 года во время своего визита в Вашингтон высказывал отвлеченные мысли о непосредственном присоединении Федеративной Республики Германия к НАТО, без подписания договора о Европейском оборонительном сообществе. Чтобы окончательно развеять страхи, связанные с образованием немецкой национальной армии, преемницы злосчастного вермахта, планировалось снова вспомнить о старом Брюссельском пакте, используя его для контроля за вооружением и превратив в Западноевропейскую унию.

Аденауэр знал об этих предложениях и уже на следующее утро после роковой вести взял их на рассмотрение в свою резиденцию в Шварцвальде, где проводил отпуск. По бумагам было явно видно, как все должно было развиваться по мнению канцлера:

1. Продолжение политики общей европейской обороны.
2. Полный суверенитет.
3. Вступление в НАТО.
4. Подписание договоров о пребывании войск других государств в Федеративной Республике Германия.

Ни следа того, что это писал разочарованный приверженец идеи Европейского оборонительного сообщества! Только вот для немецкой — а еще больше для французской — публики канцлер, скорбящий о единой европейской армии, воспринимался, конечно, гораздо менее двусмысленно, нежели канцлер, форсирующий создание национальных вооруженных сил. Итак, новый лозунг был икон: на дипломатическом уровне как можно тише увезти в закрома урожай, то есть новые вооруженные силы ФРГ и возможность вступление в НАТО, и одновременно с этим открыто скорбеть о «потерянном для Европы шансе». Аденауэр настолько хорошо сумел закамуфлировать свои действия, что

долгое время учебники истории принимали его маскарад за чистую монету.

Он смотрел на членство в НАТО, одним глазом смеясь. а другим — плача. Конечно, настроенный в первую очередь на восстановление государственного суверенитета страны, канцлер воспринимал право Франции командовать немецкими войсками как дискриминацию. Внутри планирующегося оборонительного союза бундесвер, напротив, получил бы гораздо больше самостоятельности. С другой стороны, канцлеру пришлось признать, что мечта об объединении Европы — его собственная мечта — потеряла былой размах. Кроме того, снова проснулись былые страхи перед немецкой непредсказуемостью. А месяц спустя, во время ночного разговора с министром иностранных дел Бельгии Полем-Анри Спааком, подслушанного одним немецким журналистом, Аденауэр высказал свои мрачные предчувствия: «Я глубоко, стопроцентно убежден в том. что немецкая национальная армия, к созданию которой нас принуждает Мендес-Франс, станет для Германии и Европы большой опасностью. Придет день, когда меня не станет, и я не могу знать, во что превратится Германия, если нам все же не удастся вовремя создать единую Европу». Тут нам открывается часть внутреннего мира канцлера: он был мастерски способен одновременно видеть перспективу для огромного количества решений и ужасно мучиться от страха перед неизвестным будущим. Можно ли ставить это в мину человеку, который дважды пережил крушение своего внутреннего мира?

Дело пошло быстрее, чем ожидалось, в первую очередь из-за давления англичан и американцев. Вначале в Лондоне, а затем и в Париже страны НАТО вели переговоры об условиях принятия Германии в Альянс. Сначала все шло по намеченному плану. 22 октября, в предпоследний день переговоров в столице Франции, Аденауэр объявил: «Мы добились соглашения по всем пунктам. Я доволен. Завтра мы санкционируем последнюю формулировку. Переговоры по вопросу Саара ведутся». На самом же деле судьба Саарской области еще не была решена. Париж хотел «европеизировать» территорию, которая со времени окончания войны де-факто находилась под французским контролем, заставив население проголосовать за это решение при помощи плебисцита. Сам Аденауэр в сущности выступал за европейский статус, но вместо народного голосования он требовал провести свободные выборы. Он знал, сколько эмоций вызывает «саарский вопрос» на родине, и поэтому считал необходимым добиться успеха по этому пункту. Но и Мендес-Франс пришел на переговоры, зная, что общественность неотступно следит за

каждым его шагом. Так маленькая Саарская область стала «яблоком раздора», о которое рисковал сломать зубы вопрос о интеграции Германии в НАТО. В действительности речь шла о том, чтобы получить все или не получить ничего. Только глубокой ночью удалось принять решение. Выиграли французы. Решать судьбу Саарской области должен был плебисцит. Мендес-Франс допустил только одну оговорку: мирный договор для всей Германии, который, очевидно, должен стать делом далекого будущего, окончательно определит статус Саара.

Аденауэр в своих мемуарах искренне уверял, что в то время он был твердо убежден: «саарцы — хорошие немцы, и они знают, как им голосовать». Но это было скорее его желание, а не уверенность. Эксперты в Париже и Бонне отдали в дни принятия решения, что жители Саара будут голосовать за статус, а, значит, пожелают остаться частью Федеративной республики. Однако оппозиция в Бонне накинулась на канцлера с упреками, что он «бросил» область «на произвол судьбы», чтобы удачно завершить свою прозападную политику. То, что большинство саарцев в конечном итоге проголосовали против нового статуса, то есть за присоединение к Федеративной республике, с полным основанием было названо «невероятным фиаско». Прибыв 1 января 1957 года в Саарбрюкен на официальную церемонию, посвященную присоединению Саарланда к ФРГ, Аденауэр со всей непринужденностью продемонстрировал, что политик может пожинать плоды и там, где ничего не сеял. Тоном глубокого убеждения он заявил в микрофоны: «Это самый прекрасный день в моей жизни».

5 мая 1955 года т. н. Западные договоры вступили наконец в законную силу. В этот день закончился контроль Верховных комиссаров над правительством Германии. Почти день вдень через десять лет после окончания войны Федеративная Республика Германия, хотя и с определенными ограничениями, стала равноправным государством Западноевропейского союза. Если бы это зависело только от Аденауэра, это историческое событие стало бы большим праздником для бундестага. Но поскольку социал-демократы отказались подписывать Западные договоры, в парламенте всего лишь были зачитаны соответствующие заявления. Хотя лидер СДПГ Эрих Олленхауэр говорил: «Германия, как и прежде, разделена!», Аденауэр организовал в саду дворца Шаумбург небольшой праздник. Сотрудник пограничной охраны ФРГ со старым стальным шлемом времен нацистского вермахта на голове поднял флаг ФРГ, а Аденауэр перед камерами и микрофонами обратился с небольшой речью к группе репортеров. И все же праздничное

настроение создать не удалось. На следующий год, как на Востоке, так и на Западе Германии будут призваны на военную службу новобранцы, которым будут жестко внушать, что в случае серьезных столкновений они обязаны стрелять друг в друга.

Аденауэр в своей речи обратился к немцам Восточной Германии, «вынужденным жить отдельно от нас, в условиях несвободы и бесправия»: «Вы — часть нас, мы — часть вас. Радость от свободы, вновь полученной нами, будет омрачена, пока она остается недоступной для вас». Многие из собравшихся журналистов наверняка могли бы слово в слово повторить за канцлером эту часть речи. Признание немецкого единства получило в этот день новое звучание. Западная политика Аденауэра, большая цель, которую он определил для себя уже в 1945 году, достигла успеха. В последние восемь лет правления канцлера только что-то новое могло быть направлено на правильный путь в отношении Европы. С позиций «политики силы» это значило, что нужно ждать, пока Восток не пойдет на уступки. И с каждым новым годом, в котором противоположная сторона не была готова вывесить белый флаг, Запад все больше уходил в оборону. Инициатива была теперь в руках противника. Первая атака Москвы не заставила себя долго ждать.

7 июня 1955 года Бонн был взбудоражен известием, что Кремль передает канцлеру приглашение посетить Москву. Газета «Зюддойче Цайтунг» комментировала это сенсационное событие. На худой конец в июле предстояла одна из тех конференций четырех держав, которая пробуждала как обычно обманчивые надежды на конец разделения Германии. Итак, действительно ли жаждал Кремль встречи с Аданауэром, чтобы «обсудить проблемы, касающиеся “немецкого вопроса”»? Канцлер с самого начала смотрел на это более реалистично. Желание СССР «нормализовать отношения обоих правительств» означало не более чем налаживание дипломатических отношений. Но поскольку в Москве уже было одно немецкое посольство — посольство ГДР — обмен послами означал также и признание Москвой второго немецкого государства. Поэтому специалисты по международному праву в консультационном штабе канцлера советовали ему отказаться от поездки. Ведь Бонн настаивал на праве «исключительного представительства» всех немцев, а поездка поставила бы такую идею под угрозу. Несмотря на это, Аденауэр все же хотел отправиться в пасть ко льву, в первую очередь из-за военнопленных, все еще находящихся к СССР. Сколько из них выжило в советских лагерях, было доподлинно неизвестно, некоторые газеты спекулировали такими цифрами, как 100 000 бывших солдат вермахта, ставших заложниками в

«холодной войне». Их судьба кровоточила болезненной раной на теле «страны, свершившей экономическое чудо», поэтому ожидания немецкого народа были важнее, чем всевозможные юридические тонкости.

8 сентября 1955 года самолет Аденауэра Super-Constellation приземлился в аэропорту Внуково, в 30 километрах от Кремля. На краю летного поля после неожиданно дружеского приветствия канцлера ожидал его шофер Клокнер и хорошо знакомый автомобиль «мерседес-300». Аденауэр приказал взять этот лимузин с собой из Германии, опасаясь, что в другом могут быть установлены «жучки». На следующее утро начались переговоры в одном из московских княжеских дворцов. Атмосфера была напряженной. Когда советский премьер-министр Николай Булганин предложил некурящему Аденауэру сигарету, тот холодно улыбнулся: «Тут у Вас преимущество, господин Булганин. Тут Вы всегда сможете пустить своему противнику пыль[8] в глаза». В такие моменты монгольские черты его лица были каменными. Переводчик перевел ответ канцлера. Шутки закончились.

Довольно быстро оказалось, что обе делегации были совершенно непримиримы. Советы требовали установления дипломатических отношений «безо всяких условий», канцлер наслаивал на том, чтобы переговоры о военнопленных были связаны с вопросом об обеих Германиях. Вскоре тяжесть ужасных страданий, выпавших на долю обеих сторон во время войны, опустилась на плечи переговорщиков невыносимым грузом. Булганин постоянно упрекал немцев за прошлое. Когда речь зашла о военнопленных, он выпалил: «В Советском Союзе не существует военнопленных. Здесь находятся лишь военные преступники из гитлеровской армии. Это люди, потерявшие все человеческое». Немцы, конечно, были информированы о том, что среди заключенных в действительности были такие проблемные фигуры, как, например, камердинер Гитлера Линге, но большая часть военнопленных была так же виновна или невиновна, как и все бывшие солдаты вермахта. Аденауэр взял слово и подчеркнул, что он приехал в Москву не каяться: «Все это правда. Произошло очень много плохого. Но правда также и в том, что русская армия в качестве самообороны — это я признаю — проникла на территорию Германии. В Германии во время войны тоже произошло много ужасных вещей». Это была соль на еще не зажившие раны. Хрущев вскочил с места и потряс кулаками. Канцлер тоже поднялся со стула. Задыхаясь от ярости и мучительно подыскивая слова, они стояли друг напротив друга. Переговоры были на грани срыва.

Аденауэр заказал самолеты компании «Люфтганза» по телефону, не защищенному от прослушивания. Ставки были высоки, ведь на родине ему трудно было бы объяснить, почему посол важнее, чем свобода военнопленных. Для Кремля на кону стояло гораздо меньше. Уже 14 июля СССР проинформировал своего наместника в Восточном Берлине, Вальтера Ульбрихта, что все заключенные будут вскоре оглушены. Уже началась перевозка пленных и накопительный лагерь под Москвой. Если Аденауэр будет упорствовать — военнопленных получит Ульбрихт. Это стало бы неплохо для репутации восточного берлинца. То, что дело все-таки приняло благоприятный для Аденауэра оборот, можно списать не только на знаменитую его сноровку при переговорах, но и на его трезвое понимание действительности.

Вечером 12 сентября хозяева пригласили делегацию на большой банкет в Георгиевском зале Кремля. 700 гостей толпились перед 40-метровым роскошно накрытым столом, который буквально ломился от великолепных блюд и напитков. Консультант канцлера Бланкенхорн вспоминал позже, что будто бы очутился «где-то в Азии в шатре великого хана». Как и накануне вечером, тост следовал за тостом, и Аденауэр еще раз доказал, что, несмотря на свой возраст, он может вынести поистине огромные количества алкоголя. В непринужденной атмосфере праздничного вечера Булганин и Хрущев еще раз внесли слегка измененное предложение: обмен послами в ответ на освобождение заключенных, однако без письменного договора. Должно было хватить честного слова кремлевских господ.

Большая часть немецкой делегации в заключительном ночном раунде переговоров высказалась против подобного обмена. При этом дело было вовсе не в недоверии «честному слову», а в отсутствии какого-либо прогресса в «немецком вопросе». Но Аденауэр в конце концов выступил против «вотума недоверия» своих советников советской стороне, предчувствуя, как такое решение воспримет общественность. Итак, решение «немецкого вопроса» было отодвинуто еще дальше на задний план, и «оговорки» по вопросам объединения Германии и восточной границы, еще раз поднятые делегацией Аденауэра в письменной форме в конце визита в Кремль, в будущем, как и ожидалось, уже не имели никакого значения.

После возвращения канцлера рейтинг его популярности поднялся на невероятную высоту. Картины прибытия последних военнопленных и накопительный лагерь Фридланд в сознании населения стали эмоциональной кульминацией эры Аденауэра. До сих пор согласно опросам общественного мнения его «величайшей заслугой» немцы считают «возвращение домой

десяти тысяч немцев». То, что визит в СССР, если иметь в виду его первоначальную цель, стал провалом в немецкой политике, большинство даже не поняли. Теперь Аденауэра критиковали лишь единицы. Например, графини Марион Дёнхоф, которая в статье в газете «Цайт» горько заметила: «Свобода 10 000 немцев бесповоротно закрепила рабство 17 миллионов». Большинство же немцев ФРГ как раз давным-давно смирились с разделением Германии и воспринимали это как реальность, изменить которую на данном этапе жизни невозможно. В конце концов, у руля стояли «силы истории, намного мощнее, чем Аденауэр», — так выразился однажды Голо Манн.

Канцлер достиг зенита своей славы. После легкого штиля 1956 года он заслужил благодарность немцев во время выборов в 1957 года. Под девизом «никаких экспериментов» ХДС со своим как всегда неутомимо ведущим предвыборную борьбу председателем получил 50,2 % голосов. До сих пор в Германии это не удавалось ни одной партии, избранной посредством свободного голосования. Мировой кризис, восстание в Венгрии и война за Суэцкий канал годом раньше сплотили избирателей вокруг человека, который олицетворял собой защиту. Но тот, кто полагал, что канцлер после проделанной работы спокойно передаст дела своему преемнику и постепенно устранится от повседневных дел, тот ошибался. «Яд власти», как выразился биограф Аденауэра Ганс-Петер Шварц, снова крепко держал его в своих руках. Этому большому политику до самого конца жизни не удалось устраниться от власти.

Так, канцлер, разменявший 5 января 1956 года девятый десяток, продолжал вставать в 5 часов утра и на пару минут опускать ноги в холодную воду. Он любил эти утренние часы, как признался однажды своей секретарше Анне-Лизе Попинга: «С утра, как раз перед тем, как проснуться, человек всегда умнее всего». Если погода позволяла, он прогуливайся в саду, вдоль розовых кустов, которые любил, но никогда не выращивал. Во время чтения газет и утренней почты канцлер мог внезапно схватить телефонную трубку и с утра пораньше дать поручения одному из своих сотрудников. Около 8 утра эскорт канцлера отправлялся в Бонн — впереди следовал «порше» с сотрудниками охраны, потом большой «мерседес-300» Аденауэра, следом за ним еще один «мерседес» с радиостанцией. Паром должен был ждать канцлера, и после его прибытия немедленно отправиться в путь. В 9 часов начинались переговоры и заседания во дворце Шаумбург, в час дня наступал перерыв на обед. Лишь в 20 часов канцлер ехал обратно в Рёндорф, куда всегда брал с собой различные документы и письма. Новые сотрудники регулярно удивлялись,

насколько насыщен день их руководителя, и в большинстве своем на собственной шкуре узнавали, что и от своих подчиненных он ожидал максимальной самоотдачи.

Своей давней страсти — изобретательству — канцлер, к своему глубокому сожалению, мог посвящать лишь немного времени. Так что, кроме таких гениальных изобретений Аденауэра, как, например, освещенное изнутри яйцо для штопки или оборудование для устранения паразитов с помощью электрошока, больше человечество ничего не получило. Даже во время отпуска в Италии на озере Комер, длящегося все лето, он по-настоящему не расслаблялся. Представление о канцлере, играющем в боччиа, обманчивы, поскольку его отпуск не означал ничего иного, кроме «перенесения рабочего кабинета с Рейна на озеро Комер».

Если сравнить вторую половину его канцлерского срока и правление до 1955 года, то на ум приходит образ долгого постепенного упадка. Тогда как в начале 1950-х голов политическая расстановка сил часто определялась как «историческая», то сейчас настали времена политических будней. Даже «звездные часы» второй половины правления Аденауэра — подписание договора о Европейском экономическом сообществе в 1957 году и впечатляющее будущее немецко-французской дружбы после переговоров с Шарлем де Голлем в 1963 году — не могли сравняться по значению с прошедшими годами. Ведь как раз с признанием со стороны де Голля гордых традиций grande nation Европейское экономическое сообщество стало не более чем векселем на будущее. Аденауэр предчувствовал это уже незадолго до подписания, когда заявил журналистам на своем традиционном «чаепитии»: «Вероятнее всего, лишь наши внуки пожнут плоды, семена для которых мы сажаем сейчас».

К триумфам, которых становилось все меньше и меньше, стати добавляться провалы и неудачи. Отсутствие у федерального правительства концепции решения «немецкого вопроса» со времен эскалации «берлинского кризиса» из-за ультиматума Хрущева, увенчалось строительством в 1961 году Берлинской стены. Это казалось следствием бездеятельности Аденауэра, когда он вместо того, чтобы держать речь от имени всего немецкого народа, поторопился подписать бумаги у советскою посла Смирнова. На следующий день, 14 августа, по телевизору он представлял собой картину полной беспомощности и растерянности. Затем он осрамил бургомистра Берлина словами: «господину Брандту, также известному как Фрам», что было скрытым намеком на внебрачное происхождение Брандта. На этот раз берлинцы усмотрели в нерешительности Аденауэра злой

умысел, и когда канцлер в конце концов попал в разделенный город, он был освистан.

Пока год за годом укреплялось разделение Германии, Аденауэр со своим штабом проводили за кулисами малодушные маневры. Канцлер предложил начать переговоры об «австрийском решении» вопроса с ГДР. Это предложение практически не было замечено общественностью, а в СССР просто проигнорировали это предложение, точно так же, как Аденауэр в свое время практически проигнорировал предложение Кремля заключить «перемирие». В бесплодной дипломатии этих лет следует отметить прежде всего то, что первые попытки постепенного признания ГДР предвосхищали собой «политику разрядки», которую начала в 1970-х годах проводить социал-либеральная коалиция.

Внутренней политике Аденауэр нанес больше всего вреда своим решением по вопросу кандидатуры президента в 1959 году. Когда он отозвал кандидатуру на пост президента, уже утвержденную и поддерживаемую общественностью, с единственной целью любой иеной исключить из претендентов на свое место Эрхарда, многие комментаторы начали задумываться, готов ли он вообще по-прежнему занимать этот пост. Образ «сумерек канцлера» дополнился спорной попыткой вместе с министром обороны Штраусом поставить Федеративную республику в один ряд с ядерными державами. В конце концов, неравное партнерство стареющего рейнландца и энергичного баварца стало двусмысленным, когда в августе 1962 года Штраус с согласия Аденауэра начал уголовный процесс против редакции журнала «Шпигель» по обвинению в измене родине. Нападки на неугодный журнал были совершенно необоснованными. Федеральный Верховный суд вообще отказался начинать дело, и Штраус был вынужден признать свое поражение.

То, что Аденауэр не сделал соответствующих выводов из нарушений законов своим министром, можно объяснить лишь многочисленными заслугами последнего. Кроме того, после потери голосов на выборах 1961 года (коалиция ХДС — ХСС получила 45 % голосов) канцлеру необходимо было в течение оставшегося срока правления выбрать преемника и обеспечить для него место. Так, 15 октября 1963 года Аденауэр покинул дворец Шаумбург, предприняв все возможные попытки передать свою должность кому-нибудь, кроме Людвига Эрхарда. Однако его усилия оказались безрезультатными. К счастью, его почти панические опасения, что преемник принесет стране несчастье, не оправдались. Но когда «тонкокожему толстяку», так Аденауэр называл Эрхарда, уже в 1966 году пришлось покинуть этот пост,

«толстокожий дылда» не мог сдержать своего злорадства.

В последние годы своей жизни Аденауэр видел, как эра, названная его именем, постепенно затмевалась новыми временами. Мировая политика определялась разрядкой и сближением враждующих лагерей, а возникновение большой коалиции завершило позиционную войну в Бонне. Молодежь республики готовилась выступить против ценностей и обычаев родителей, которые ассоциировались как раз с «эрой Аденауэра». Этот протест, казалось, не затронул бывшего канцлера, хотя он и застал его начало. Почему? Разве после войны немцы в моральном и духовном отношении не посадили сами себя под стеклянный купол, который теперь казался молодому поколению слишком узким? Аденауэр никогда не считал своим предназначением «быть духовным руководителем нации». Ответственными за это чувствовали себя другие, прежде всего Хойс. Политика для первого канцлера ФРГ в первую очередь была искусством исполнения долга и трезвости суждений. Он никогда не чувствовал себя мессией, призванным стать духовным лидером и вести свой народ к свету из глубокой тьмы. Может быть, именно в этом и был секрет его успеха.

Благодарность немцев была огромной. В архивах лежало еще более 80 000 писем от почитателей и поклонников канцлера, среди них многочисленные предложения руки и сердца. Например, после возвращения последних военнопленных пожилой канцлер получал посылки с благодарностями и подарками: элегантными кусками мыла, шоколадом, фруктами и кофе и сопроводительными карточками в таком стиле: «Только для Тебя, для нас это слишком дорого». Сотрудники канцлера охотно рассказывают историю о госпоже фон Штейн, пожилой даме, переселившейся в Зибенгебирге, чтобы быть ближе к своему идолу. В любую погоду она часами сидела на валуне, расположенном на пути в Ценнигсвег, на котором стоял дом Аденауэра, и была счастлива, когда могла издалека видеть своего кумира. Каждый день она посылала канцлеру цветы и писала длинные личные письма. После смерти Аденауэра она каждый день носила розы на лесное кладбище в Рёндорфе. Когда последние цветы увяли, кладбищенские смотрители были уверены, что пора готовить могилу для госпожи Штейн.

Лишь немногим демократическим правителям выпадала на долю любовь своего народа, среди них можно назвать Кеннеди, де Голля, Черчилля. И Аденауэра. Старый канцлер был счастливым шансом для молодой республики. С высоты прошедших лет многие из его резких черт сглаживаются и в памяти остается самое важное. Память о нем преображается и постепенно

поднимается над банальными политическими спорами, первоклассным мастером которых был сам Аденауэр. Последним немцем, с которым случалось подобное, был «железный канцлер» — Отто фон Бисмарк.

Оптимист
Людвиг Эрхард

«Изначально я вряд ли родился для того, чтобы стать политиком».

«У меня нет политического честолюбия, тем более честолюбия партийно-политического».

«Многие полагают, что политик должен быть хорошим тактиком и действовать с помощью всевозможных уловок, а также должен быть искушен в любых интригах. Это не мой стиль».

«Власть в моих глазах всегда безотрадна, опасна, жестока, а в конечном итоге даже глупа».

«Чудес не бывает».

«Компромисс — это искусство разделить пирог так, чтобы каждый думал, что получает большую его часть».

«Я не испытываю необходимости обещать людям что-то».

«Все, что я сделал, — это слово, ставшее камнем».

Людвиг Эрхард

«В мелях подготовки к экономическим реформам в нашей стране я первым делом прочел книгу Людвига Эрхарда».

Борис Ельцин, президент России

«Со времен Людвига Эрхарда мы знаем, что не только политика вредна для характера, но и характер может быть вреден для политики».

Йоханнес Гросс, журналист

«Людвиг Эрхард проложил королевский путь между капитализмом и социализмом».

Хайнер Гайслер, депутат бундестага от ХДС

«Людвиг Эрхард стал для XX века тем же, чем был Карл Маркс для XIX века, с одним только решительным различием — Маркс ошибался».

Филипп фон Бисмарк, бывший председатель экономического совета ХДС

«Он был полон сил, стоек, прям и грубоват; с ясными глазами и добросовестными речами. Чувствовалось, что он верит тому, что говорит».

Райнер Барцель, бывший председатель фракции ХДС — ХСС

«Он был старателен и невыразимо доброжелателен. Он остался тем, кем был: маяком над вечно беспокойным морем немецкой политики».

Ойген Герстенмайер, бывший президент бундестага

«Когда Эрхард занимается политикой, замечаешь, что он никакой не политик».

Генрих Кроне, бывший председатель партии ХДС

«Эрхард встретил нас, молодых депутатов, с природной открытостью и дружелюбием, которые

поразили меня и много значили для моего политического становления».

Герхард Штольтенберг, бывший министр и депутат бундестага

«Я поддерживаю правительство Эрхарда — даже если с ним самим у меня и возникают разногласия».

Конрад Аденауэр

«Я не слишком задену его, если, несмотря на все заслуги перед немецкой экономикой, припишу ему немалое количество политической неуверенности».

Вилли Брандт

«Людвиг Эрхард успешно вступил на третий путь между либерализмом и социализмом».

Райнер Эппельманн, председатель ХДС

«Своеобразный человек, исполненный воли, фантазии и чувствительности; тот, кто может смеяться и быть грустным; не дипломат, не приспособленец. Он не патриарх, просто мужественный мужчина, взвешивающий свои слова, прежде чем они сойдут с его губ, и пожимающий плечами, если к нему относились враждебно или с недоверием».

Райнер Барцель, бывший председатель фракции ХДС/ХСС

«Уверенность и мужество, общность и партнерство: все это излучал Людвиг Эрхард, и все это нужно нам и сегодня».

Норберт Блюм, бывший министр

«Людвиг Эрхард значит для меня отрицание политики любезности и следование прямым курсом рыночной экономики и формирования хозяйственного порядка».

Гидо Вестервелле, генеральный секретарь СДП[9]

«Для Людвига Эрхарда социальная рыночная экономика была не неподвижным концептом. Он считал ее задачей, которую никогда нельзя выполнить полностью. Именно ее он оставил нам в качестве наследства, задачи, вызова сегодняшнему времени».

Гельмут Коль

«Во всем мире есть очень мало политиков и экономистов, которых я ценю так, как ценю Людвига Эрхарда».

Вацлав Клаус, премьер-министр Чехии

«К счастью, существовал такой мужественный человек, как Людвиг Эрхард, который предотвратил угрозу рецидива в управлении хозяйством и валютном контроле. И сегодня хотелось бы видеть более мужественное отношение к рынку в процессе объединения».

Карл Отто Пёль, бывший президент Немецкого федерального банка

«Людвиг Эрхард был человеком, указавшим цель всему своему народу, подарившим ему свободу, о которой в то время никто ничего не хотел знать. Одних она повергла в ужас, другим дала надежду. Эрхарду

удался настоящий шедевр. Ему удалось объединить в достижении цели и тех, и других — и страшащихся, и надеющихся».

Йоханнес Гросс, публицист

«Если бы Эрхард узнал, какую катастрофу на рынке рабочей силы и какой хаос в области долгов, налогов и пенсий переживают его наследники, он бы выпустил изо рта свою вечную сигару».

Ренате Шмидт, председательница баварского отделения СДПГ

Рейн спокойно тек в своем королевском величии. Его волны серебрились в лунном свете. Высокие деревья в парке вокруг резиденции федерального канцлера отбрасывали длинные темные тени. Дворец Шаумбург силуэтом вставал на фоне ночного неба. На отделанной вилле императорских времен, служившей сейчас резиденцией канцлера, много часов назад погас свет. Курт Георг Кизингер, новый хозяин Шаумбурга, уже ушел домой.

На расстоянии полета камня, в «канцлерском бунгало» — скромной постройке из кирпича и стекла — в этот поздний час небольшая группа преданных лиц собралась вокруг человека, выглядящего усталым и изможденным. Это был побежденный Людвиг Эрхард. Еще сегодня Эрхард, второй по счету канцлер ФРГ, встал утром с постели главой правительства; вечером он стал всего лишь простым депутатом бундестага. Это случилось 1 декабря 1966 года — в исторический день для молодой Федеративной республики.

Памятник был низвержен с постамента — канцлер отправлен в отставку. Живая легенда Людвиг Эрхард, миф времен «экономического чуда», был в этот день уничтожен. Еще совсем недавно толпы приветствовали его восторженными криками. Теперь он был одинок. Иметь дело с проигравшим не хотели даже бывшие соратники и союзники в политике.

Кроме самого Людвига Эрхарда на кожаных сиденьях в углу разместились лишь его жена госпожа Луизе, дочь Элизабет, ее муж, их дочери, племянник Эрхарда, верная экономка Элизабет Квизторп, референты Свен Симон и Ганс Кляйн, а также пять телохранителей бывшего канцлера. Хозяин дымил своей любимой

сигарой. Все получили по бокалу шампанского с закуской, но угнетенное настроение не исчезало. Кроме детей, никто из присутствующих не мог полностью забыть об оскорблениях, с которым столкнулась их семья в последние дни. Особенно горьким для изгнанника был тот факт, что вместе с его карьерой подходила к концу и карьера его верных охранников. Опытные телохранители должны были в будущем исполнять обязанности простых сторожей и работать в замковой службе. Уведомление о переводе на другую должность они получили уже с утра. Это было подло. Впрочем, как и многое другое, произошедшее в эти дни. Но атмосфера не была наполнена злобой, скорее печалью и меланхолией. Постепенно начали рассказывать короткие истории прошедших лет. Людвигу Эрхарду скоро должно было исполниться 70 лет, его политическая биография была очень бурной. На одной дате он остановился. Все началось тогда, в апреле 1945 года…

18 апреля 1945 года Третий рейх был накануне падения, Вторая мировая война должна была скоро закончиться. Факел войны, сумевший повергнуть в бушующее пламя весь континент, давным-давно начал шествие с немецкой земли. Красная армия штурмовала Берлин, а Гитлер все еще фанатично призывал из своего бункера под имперской канцелярией «немного продержаться».

Вдалеке от столицы Рейха, вокруг которой кипели главные бои, во франконском городе Фюрте в тот день по улицам громыхали американские танки Шермана. Люди облегченно вздыхали, ведь для них война закончилась. Одним из таких людей был Людвиг Эрхард, который вместе со своей семьей нашел пристанище в доме бабушки и дедушки. «Наше время придет!», — написал Эрхард несколькими месяцами раньше своей дочери. И вот оно пришло, время освобождения и начала новой жизни. Эрхард хорошо умел использовать благоприятность каждого часа, он говорил: «Изначально я вряд ли был рожден, чтобы стать политиком». Он повторял и подчеркивал эти свои слова снова и снова в бесконечных речах и интервью. «Как только я начал свою политическую карьеру, я стал открытием американцев!» Эти притязания отчасти ложны, а отчасти правдивы, поскольку Эрхард помогал своей судьбе.

Уже в день ввода американских войск, 19 апреля, Эрхард предложил майору Куперу, командиру и верховному представителю американских оккупационных сил в Фюрте, свои услуги в качестве эксперта по вопросам экономики. Так что не совсем верно говорить, что американцы сами нашли Эрхарда, якобы оценив его как автора экономических и политических

статей в юбилейном сборнике. В качестве руководителя экономического института по проблемам исследования промышленности в Нюрнберге Эрхард выпустил в 1944 году исследование, посвященное «военному финансированию и консолидации долгов». В нем он совершенно открыто исходил из скорейшего падения Третьего рейха. Тот, кто высказывал подобного рола мысли во времена национал-социалистической диктатуры, рисковал головой. Но Эрхард беззаботно продавал свой сборник частным лицам. Один экземпляр он выслал Карлу Гёрделеру, о чьей связи с группой сопротивления 20 июля Эрхард, конечно, ничего не знал. В одной из своих последних заметок перед арестом гестапо, показательным процессом в народном суде Фрейслсра и варварской казнью Герделер поделился с остальными заговорщиками своим позитивным впечатлением от Людвига Эрхарда: «Доктор Эрхард написал очень хорошую работу об обращении с долгами, с основными постулатами которой я полностью согласен. Он станет вам хорошим советчиком». Попади это письмо в руки нацистских палачей, эта фраза легко могла бы привести к смертному приговору для Эрхарда.

Насколько опасными для жизни Эрхарда были в то время идеи сборника, рассказывает Теодор Эшенбург, после 1945 года ставший профессором политических наук в университете Тюбингена. Бомбовая война по воле случая свела в октябре 1944 года вместе Эшенбурга и Эрхарда в доме доктора Карла Гута в Берлине. Когда Эшенбург за одну ночь прочитал выданный ему Эрхардом текст, он не хотел ни секунды держать в руках бумаги, которые жгли ему руки. Он постучал в дверь комнаты Эрхарда, который к тому моменту уже пошел спать, и подал ему немедленный совет как можно скорее уничтожить опасные бумаги. Эрхард, которого в тот момент беспокоило только желание спать, неохотно пробормотал, что это не причина его будить. Он ни в коем случае не поддался волнению Эшенбурга и преспокойно продолжал таскать с собой несколько экземпляров сборника в потертой папке через весь рейх. Людвиг Эрхард никогда не был бойцом Сопротивления, но и никак не скомпрометировал себя в период национал-социализма. Он не вступил ни в партию, ни в какую-либо другую организацию. Эрхард держался в стороне. Это гораздо больше того, что могло сказать о себе большинство немцев после 1945 года.

Однако американцы знали обо всем этом лишь совсем немного. Им импонировала самостоятельность инициатив Эрхарда и его самомнение. Оккупантам нравился динамичный и не обремененный сомнительным политическим прошлым человек с глубоко посаженными голубыми глазами. Он был экспертом по

вопросам экономики, а эксперты были в то время востребованы. Вскоре завоеватели посчитали, что он способен справиться и с более серьезной задачей.

Утром 18 октября 1945 года джин американской военной полиции, резко взвизгнув шинами, затормозил перед домом № 49 но улице Форстхаусштрасе, где прожинал Эрхард, когда приезжал в Фюрт. Из него выпрыгнул молодой офицер, решительно заявив, что должен говорить с доктором Эрхардом. После краткого знакомства Эрхарду было приказано следовать за представителем военной полиции без указания причин. Его жене, госпоже Луизе, и их дочери оставалось только ждать возвращения Эрхарда в неведении и страхе. Сам же Эрхард только по дороге в Мюнхен узнал, о чем, собственно говоря, идет речь. Желанием американцев было сделать его министром экономики свободного государства Бавария. Эрхарде радостью согласился, к вящему удовольствию Вильгельма Хёгнера, убежденного социал-демократа, ставшего премьер-министром. Он тщетно пытался найти подходящего кандидата на пост министра экономики, но никто не хотел взять на себя такую ответственность из-за царящего повсюду хаоса и угрожающей экономической ситуации. Эта задача поразительным образом походила на труд Сизифа из античной мифологии. Любое должностное лицо оказалось бы перед целой горой работы и проблем и вряд ли справилось бы с грандиозной задачей поднять экономику на ноги. А Людвиг Эрхард был закоренелым оптимистом. Он верил в себя и в свои способности. Премьер-министр Хёгнер тоже был рад найти кандидата, и вдвойне рад, поскольку этот кандидат был благосклонно принят оккупационными силами. «Позже мне наконец стало ясно, почему американское военное правительство так активно отстаивало кандидатуру доктора Эрхарда на пост министра экономики», — вспоминает Вильгельм Хёгнер 27 лет спустя. «Он был приверженцем идеи свободной рыночной экономики. Я же был социал-демократом». СДПГ выступала в то время за плановое управление экономикой, что пришлось не но вкусу американцам, впрочем, так же как и Эрхарду.

На посту министра экономики Баварии Эрхард, впоследствии весьма успешный министр экономики ФРГ, в 1945–1946 годах потерпел неудачу. Это была не только его вина, таковы были обстоятельства того времени. В послевоенный период преимущество было за организованным распределением дефицитных товарок. Эрхард не мог так поступить. Он вообще придерживался мнения, что успешную экономическую политику можно проводить только на больших территориях. Автономная экономическая политика, ограниченная территорией Баварии, но

его мнению, была абсолютно бесполезна. Так, в ноябре 1946 года Эрхард самонадеянно заявлял: «Бавария мелковата для экономиста моего калибра». Некоторая доля истины в его словах была. Однако уже через короткое время после начала работы в качестве министра экономики Баварии Эрхард обнаружил свою «ахиллесову пяту» — он ненавидел возню с бумагами. Политик не может обойтись без решения письменных вопросов, как и без внимательного отношения к юридическим проблемам. Конкретное оформление проектов Эрхард на протяжение всей своей жизни перекладывал на плечи других. Ему важнее было нащупать основные направления экономической политики, новые горизонты. В результате он не был хорошим управляющим. Он колебался, медлил и постоянно менял принятые однажды решения. В результате ему не удалось подчинить себе баварское министерство экономики. Газеты называли Эрхарда «министром провальной экономики». После выборов в баварский парламент в октябре 1946 года ему пришлось сложить с себя прежние полномочия.

Новый земельный парламент образовал комиссию по вскрытию «нарушений, произошедших в министерстве экономики Баварии в период управления Эрхарда». Это была самая первая комиссия по вскрытию проблем за всю историю западно-немецкого парламентаризма! Хотя Эрхарду и приписывали полную моральную незапятнанность, но приговор организационным дефектам министерства оказался суровым. Это был далеко не самый лучший почин для блестящей карьеры политика. Однако этот эпизод ни в коем случае не повредил Эрхарду — даже наоборот.

В феврале 1947 года Мюнхенский университет назначил его почетным профессором из-за практического опыта в области экономической политики. Доктором экономики Эрхард стал уже в 1924 году. Со словами «Я присваиваю Нам высшую академическую степень» научный руководитель докторанта Франц Оппегеймер со смехом завершил последний устный экзамен, поскольку тот состоялся во время горного похода в энгардинские Альпы и проходил на высоте 2500 метров. Хорошо можно представить себе, сколько сил стоило Эрхарду это восхождение, ведь он перенес детский паралич и передвигался с некоторым трудом. Тем не менее Эрхард хранил добрую память о своем научном руководителе. Все эти годы его портрет украшал кабинет в министерстве экономики ФРГ в Бонне. Попытка получить звание доцента в начале 1930-х годов закончилась провалом по причине недостатка научных знаний, как полагает Волькер Хентшель, биограф Эрхарда. Подругой версии это

произошло по политическим причинам, поскольку Эрхард отказывался вступить в национал-социалистический союз доцентов. С 1947 года благодаря любезности Мюнхенского университета Эрхард мог носить титул профессора. С этих пор звание профессора неразрывно связано с именем Эрхарда. Сам Эрхард всегда считал себя в большей степени ученым. Он считал, что всему, что у него было, он обязан науке, ведь: «Любовь к науке научила меня в первую очередь искусству думать логично». Однако карьеру он сделал на ниве политики.

Следующей ступенькой на карьерной лестнице стало для него место председателя «по особым вопросам финансирования и кредитования». Это ведомство открыли в Бад Гамбурге оккупационные власти с целью проконсультировать немецких специалистов по основополагающим «опросам крайне необходимой денежной реформы, которая должна была стать обязательной предпосылкой экономического восстановления страны. Старая рейхсмарка обесценилась, на «черном рынке» была в ходу только «сигаретная валюта». Немецкие специалисты прилежно планировали реформы, но все их старания оставались безрезультатными. Дело в том, что западные страны уже проработали денежную реформу вплоть до мелочей, без всякого немецкого вмешательства.

В воскресенье, 20 июня 1948 года, настал день начала денежной реформы. Давным-давно и с нетерпением ожидаемый День X наступил! Ни одно событие ранних послевоенных лет не остаюсь так глубоко в коллективной памяти немцев, как это. Люди простаивали длиннейшие очереди, чтобы получить на руки новые деньги: 40 марок каждому. За одну ночь витрины магазинов чудесным образом ожили. До сих пор многие немцы считают Эрхарда отцом денежной реформы. Это совершенно несправедливо. Эрхард настолько же мало имел отношения к самой денежной реформе, насколько любой другой немецкий гражданин. Это звучит невероятно, но это является историческим фактом. Дойчмарка — немецкий миф послевоенного времени — родилась не стараниями немцев, но была «ребенком из пробирки», выращенным странами Альянса.

Все же Эрхарда невозможно не упомянуть в связи с денежной реформой. Ведь он на свой страх и риск решил объединить денежную реформу с фундаментальной экономической реформой. Лишь благодаря этому новая валюта имела такой успех. Только таким образом денежная реформа действительно смогла стать катализатором «немецкого экономического чуда».

С начала марта 1948 года Людвиг Эрхард занимал один из высочайших постов, существующих в Западной Германии — он

был директором правления экономики би-зоны[10]. Таким было официальное название двух объединенных зон оккупации — английской и американской. Хаос должен был быть если не преодолен, то хотя бы чуть упорядочен с помощью этого совместного акта. Предполагаюсь, что немцы будут «содействовать», пусть и под строгим контролем сил Альянса. Англо-американская зона оккупации стала предшественником Федеративной Республики Германия, государством в эмбриональном состоянии. Конечно, называть его так было еще нельзя, ведь англо-американская администрация стремилась к тому, чтобы извне это ни в коем случае не выглядело как образование государства. Поскольку и без того напряженные отношения с советскими оккупационными силами нельзя было обострять еще больше. Поэтому парламент зоны назывался экономическим советом, правительство — советом правления, а о фактических министрах говорили как о директорах правления.

Место директора правления по делам экономики осталось за Людвигом Эрхардом до конца жизни и стало трамплином в его будущей политической карьере, приведшей его в высшие круги немецкого правительства. Получением этого поста, отмеченного рукой фортуны, он обязан исторической случайности и… американской кукурузе.

«Американцы посылают нам корм для кур и еще ожидают нашей благодарности!» — Йоханнсс Земплер. предшественник Эрхарда на этом посту, полагал, что находится среди своих, когда выразился напрямик об американских поставках кукурузы. Однако американцы узнали об этой речи о «курином корме». Критика оккупационных сил со стороны немцев была нежелательной. Кроме того, американцы восприняли высказывания Земплера как грубую неблагодарность, ведь своими поставками кукурузы они боролись с голодом в Германии. Они отреагировали незамедлительно — Земплер был отправлен в отставку.

Необходим был преемник, и выбор пал на Людвига Эрхарда. Его предложила фракция либералов. Их внимание обратилось к бывшему руководителю поста по особым вопросам финансирования и кредитования благодаря его открытым выступлениям в пользу либерализма. ХДС, которому Эрхард впоследствии принесет так много голосов на выборах в бундестаг в период с 1949 по 1965 год, очень неуверенно проголосовал за Эрхарда всего лишь по коалиционно-политическим причинам. Хотя в конце концов Эрхард станет бундесканцлером в качестве представителя от ХДС.

С самого начала Эрхард решительно выступал за введение

рыночной экономики. Не планирование, не давление и коллективизм, а спрос и предложение должны были в будущем, насколько возможно, регулировать экономику. С введением странами Альянса денежной реформы Эрхард понял, что его час пробил. Он принял решение провести одновременно с денежной реформой глобальные экономические преобразования. Для этого следовало немедленно прекратить государственное урегулирование экономикой товаров потребления и высвободить цены как важное средство регулирования рыночной экономики. Сегодня подобную практику мы бы назвали «шоковой терапией». За несколько часов до официального объявления о начале денежной реформы Эрхарду удалось склонить экономический совет принять соответствующий закон — Закон об отмене контроля за ценами. Он предоставлял возможность в будущем постепенно ослабить контроль за ценами, но нужно было еще добиться согласия стран Альянса, без которого закон не мог вступить в силу.

Это и стало историческим деянием Эрхарда. В радиообращении вечером в день денежной реформы профессор на свой страх и риск объявил, что в скором времени будет отменена большая часть мер по государственному регулированию экономики и замораживанию цен. Двусмысленная формулировка была допущена специально. Слушатели исходили из того, что все упомянутые меры на данном этапе уже действуют. Эффект, который запланировал Эрхард, не заставил себя долго ждать. На следующее же утро полки магазинов буквально ломились под тяжестью товаров, прежде припрятанных и копящихся на складах. Это был незабываемый для всех современников «эффект витрин».

Поступок Эрхарда был революционным в условиях того времени. Ориентированность на плановую экономику владела умами не только СДПГ и большей части ХДС. Две из трех стран-оккупантов склонялись именно к плановому ведению хозяйства. Во Франции симпатия по отношению к экономическому планированию была национальной традицией со времен «короля-солнце» Людовика XIV, а Великобритания во времена лейбористского правительства национализировала производство стали и угольную промышленность. Лишь США выступали безусловно и полностью за рыночную экономику. Самостоятельное решение Эрхарда в таких условиях было чрезвычайно мужественным. Ведь недавний пример падения его предшественника показал, как поступают страны-освободители с неугодными немецкими должностными лицами.

Ничего хорошего не обещал и тот факт, что уже на следующее утро Эрхард был безотлагательно откомандирован во

франкфуртскую штаб-квартиру стран Альянса, расположенную в здании «ИГ-Фарбен». Там его ожидал охваченный яростью генерал Люций Д. Клей, военный губернатор США и будущий герой «берлинского кризиса», принимавший деятельное участие в организации «воздушного моста». Он угрожающе бросил Эрхарду: «Как Вы пришли к тому, чтобы менять предписания Альянса?» Ответ Эрхарда был настолько же кратким, насколько и дерзким: «Господин генерал, я их не менял, я их отменил». От подобной наглости Клей поначалу лишился дара речи, но ему понравился дерзкий немец, веру которого в целебную силу свободной конкуренции американец в глубине души разделял. Для Эрхарда это стало счастливым стечением обстоятельств. Свершившийся факт остался свершившимся, а Эрхард сохранил за собой должность и тем самым проложил дорогу рыночной экономике.

Однако поначалу ситуация грозила выйти из-под контроля. Цены взвились до небес. Товаров потребления стало огромное количество, но кому это могло помочь, если большая часть из них оставалась недоступной? Неужели, в конце концов, победу одержат противники Эрхарда, приверженцы централизованного управления экономикой? «Если бы Германия не была совершенно разорена, этот человек довел бы ее до последней точки своими абсурдными планами устранить плановую экономику. После Гитлера и раскола Германии на части это была бы третья катастрофа». Это высказывание журналистки из «Цайт» Марион фон Дёнхофф было одним из самых критических. Профсоюзы подлили масла в огонь: они призывали к однодневной всеобщей забастовке против Людвига Эрхарда, которая должна была пройти 12 ноября. Это была настоящая «премьера» — не только первая всеобщая забастовка послевоенного времени, но и первая акция, направленная против конкретного человека после злополучного путча против Каппа в 1920 году. В зоне англо-американской оккупации 9,25 миллиона работоспособных немцев приостановили работу. В экономическом совете первой отставки Эрхарда потребовала СДПГ. В декабре опросы общественного мнения показали, что примерно 70 % немцев желают восстановления контроля над ценами. По словам алленсбахских социологов, Эрхард был в то время самым непопулярным человеком Германии.

Всего этого профессор не отрицал, но он был нерушимо убежден в правильности своего курса и своих действий. Каждое утро его секретарша Элла Мур должна была делать ему доклад о постоянно растущем ассортименте товаров на витринах. В канун 1949 года цены стабилизировались.

Однако борьба за рыночную экономику ни в коем случае не

подошла к концу. Конечный результат должны были показать выборы в бундестаг 14 августа 1949 года. Плавной темой предвыборной кампании должен был стать будущий экономический порядок. Главный вопрос был простым: рынок или планирование? Людвиг Эрхард стал главным бойцом в этой схватке. Человек, под знаком которого пройдет все следующее десятилетие, — Конрад Аденауэр — еще уступал Эрхарду в политическом весе. Для Людвига Эрхарда этот человек станет судьбой — как счастливой, так и несчастной. 21 апреля 1948 года эти двое основателей боннской демократии встретились в первый раз. Оба поняли, какую пользу может принести им сотрудничество друг с другом. Аденауэру нужен был Эрхард как экономический и политический мыслитель и как хорошая тягловая сила для прорыва коалиции ХДС — ХСС во время предвыборной кампании. Так, концепция рыночной экономики Эрхарда стала программой партии ХДС. Эрхарду в свою очередь необходим был политик от партии — Аденауэр, — чтобы иметь возможность осуществить свой курс и на долгие годы обезопасить экономику. «У меня нет политического честолюбия, а тем более — честолюбия партийного», — утверждал Эрхард 21 июня 1948 года. Через год он уже взял на себя ответственность за избирательный округ Ульм в качестве представителя от ХДС. Вспомним, что изначально Эрхард считался кандидатом от СДП, но он хорошо понимал, что под эгидой либералов и без поддержки крупного политика он не сможет претворить в жизнь свои идеи рыночной экономики. По этой причине он решил перейти на сторону более сильного ХДС, однако в партию он вступил только весной 1963 года. Тогда он уже 14 лет представлял ХДС в качестве министра экономики, а через несколько месяцев стал федеральным канцлером от ХДС. Неудивительно поэтому, что его вступление в партию было негласно перенесено на 1949 год.

Во время первых выборов в бундестаг выиграли приверженцы рыночной экономики. ХДС — ХСС, СДП и малочисленная Немецкая Партия образовали федеральное правительство. Конрад Аденауэр стал бундесканцлером. Ни для кого не стало сюрпризом назначение Эрхарда на пост министра экономики.

В качестве министра экономики он стал легендой уже во время своего нахождения в должности. Это произошло потому, что современники Эрхарда стали в то время свидетелями небывалого подъема экономики совершенно неожиданных темпов и масштабов. Успехи производства наступали друг другу на пятки. Федеративная республика стала чемпионом мира по экспорту и третьей по значимости промышленной

нацией. Послевоенная Германия поднималась из руин с невиданной скоростью и сразу же к высочайшим достижениям. Высокая продуктивность, стабильные цены и постоянно снижающийся уровень безработицы обеспечили устойчивое и неуклонно растущее благосостояние нации. Немцы были в изумлении и едва могли этому поверить. Слава «немецкого экономического чуда» обошла весь мир. Людвиг Эрхард вплоть до сегодняшнего дня считается отцом этого чуда.

Но чудеса не приходят с небес, обычно они имеют исключительно земные причины. Это хорошо знал Людвиг Эрхард. «Мы не верим в чудеса и не должны их ждать». — провозгласил он уже в 1948 году. Эрхард не любил термин «экономическое чудо». Он постоянно отрицал его. «Я не могу допустить, чтобы говорились такие слова. — заявлял он в 1954 году, — поскольку то, что происходило в Германии последние шесть лет, может быть названо как угодно, по только не чудом. Это последствия честных стараний целого народа, который согласно принципу свободы получил право вновь применить человеческую инициативу, свободу и энергию».

И Эрхард был прав. Подъем был не чудом, а результатом тяжелой работы, изобретательского таланта и старания множества людей. Заслуга Людвига Эрхарда была в том, что он создал соответствующие условия для этого, и результаты превзошли все ожидания. Он смягчил условия и пользу свободной конкуренции и рыночного хозяйства. Результат опять превзошел все ожидания. Концепция социальной рыночной экономики одновременно обеспечила смягчение многих социальных трудностей свободной конкуренции, значительно сгладилась напряженность между рынком и идеей социальной защиты.

Конечно же, концепция социального рыночного хозяйства была претворена в жизнь и создана не одним Эрхардом. Ее поддержала либеральная «фрейгбергская» школа, представители которой группировались вокруг Вальтера Ойкена и Вильгельма Рёпке, а также такие крупные экономисты, как Александр Рюстов и Альфред Мюллер-Армак. Именно последний, ставший позже заместителем Эрхарда в министерстве экономики, был автором термина «социальная рыночная экономика». Все это не умаляет заслуги Эрхарда, как и то, что многие основополагающие для социальной рыночной экономики мероприятия проводились против его воли или уже после его отставки. Так, в 1957 году Эрхард до последнего сопротивлялся автоматической подгонке пенсии к обшей сумме заработной платы, которая должна была быть профинансирована позднее. Он считал подобное решение ложным, не только в контексте демографической проблемы, но и

потому что опасался излишнего социального регулирования экономики: «Ничто, — предупреждающе поднимал он вверх указательный палец, — не является более асоциальной вещью, чем так называемое “государство всеобщего благоденствия”, которое усыпляет ответственность индивидуума и его личные успехи». Если бы мы в то время послушались Эрхарда, сегодня не велись бы дебаты вокруг пенсионной реформы и социального государства. Но в таком случае Эрхард вряд ли бы смог похвастаться настолько высокой популярностью, какой он обладал в те времена.

Для немцев министр экономики Эрхард был не только отцом, но вместе с тем и олицетворением «экономического чуда», ставшим плотью символом благосостояния. Полные формы министра экономики хорошо сочетались с тенденциями времени. После лишений и голодных лет послевоенного времени большинство жителей Западной Германии в 1950-е годы снова с удовольствием начали набивать себе желудки. Наибольшим уважением пользовались жирные блюда, такие как свиная ножка или торт со взбитыми сливками. В стране начался настоящий культ еды. Жирок на животе не осуждался, напротив, он наглядно демонстрировал, что человек «кое-чего добился». Поэтому, называя Людвига Эрхарда «толстяком», немцы выражали свое доброе к нему отношение.

При этом надо заметить, что Эрхард вовсе не был толстяком: при росте 1,76 метра его вес колебался между 77 и 82 килограммами. Однако круглое лицо, высоко поднятые плечи и короткая плотная шея, исчезающая под хорошо выраженным двойным подбородком, обеспечили ему такое прозвище. Однако по этому поводу Эрхард никогда не беспокоился.

Настолько же символичным атрибутом внешности Эрхарда была дымящаяся сигара. Для многих современников сигарный дым, сопровождавший Эрхарда, символизировал дымящие заводские трубы стремительно растущей немецкой промышленности. Людвиг Эрхард был страстным курильщиком. В день он выкуривал от 10 до 15 сигар, к глубокому сожалению его жены госпожи Луизы. Между тем курить он начал в 1930 году именно благодаря ей, госпожа Эрхард считала, что курить сигары — «это очень уютно». Британская газета «Daily Mail» однажды назвала Людвига Эрхарда «немецким Черчиллем». Немецкая сигарная индустрия подхватила эстафетную палочку и гордо сообщила потребителям, что Черчилль выкурил за 60 лет 22 километра сигар, а Эрхард 21.5 километра всего за какие-то 27 лет. Сигары Эрхарда назывались пышно, например, «Черная мудрость» или «Немецкое единство». Эрхард не отдавал

предпочтение какой-то особой марке сигар, он курил то, что было под рукой. С 1948 года ему редко приходилось самому покупать себе сигары, и местные, и иностранные поклонники заваливали его замечательными сигарами в знак высокого уважения. Они были уверены в том, что подарок будет к месту, Эрхарду тяжело давался отказ от удовольствия выкурить порцию хорошего табака.

Эрих Менде, бывший с 1963 по 1966 год министром по общенациональным вопросам и вице-канцлером в правительстве Эрхарда, однажды даже был вынужден аккуратно намекнуть шефу, что не приличествует проводить обход почетного караула бундесвера с сигарой в зубах. Бывший офицер и кавалер рыцарского креста Менде строго следил за подобными проявлениями военного этикета. В пленарном зале бундестага тоже царил строгий запрет на курение. Так что Эрхард часто был вынужден поспешно тушить сигару в кадке с комнатной липой перед тем, как войти в зал.

На подобные человеческие слабости Людвига Эрхарда немцы охотно смотрели сквозь пальцы, ведь он был их маскотом[11], талисманом Федеративной республики. Он являл собой девиз, ставший жизненной философией целого поколения: «Благосостояние для всех!»

Также — «Благосостояние для всех» — называлась и книга, в которой Эрхард описывал свою концепцию социальной рыночной экономики. Однако эта удобная формула была придумана не самим Эрхардом, но фраза «благосостояние для всех» объединила все то, что олицетворял собой для немцев Эрхард.

Простой девиз превратил книгу в бестселлер. В течение короткого времени она была переведена не только на английский, французский и испанский языки, но и на русский, шведский, японский и даже вьетнамский языки. Когда Людвиг Эрхард держал в руках первый экземпляр своей книги в русском переводе, он проговорил: «Надеюсь, туда не вкралась ошибка. Было бы неприятно узнать, что вместо социальной рыночной экономики там написано социальная экономика Маркса».[12]

Фраза «благосостояние для всех» имела успех не только в продаже книги. Лозунг помог ХДС, который использовал его во время предвыборной кампании, добиться в 1957 году абсолютного большинства голосов. Людвиг Эрхард при этом был награжден должностью вице-канцлера. Профессор был в зените своей славы. Теперь он хотел большего.

Понукаемый скорее окружением, а не собственным честолюбием, Эрхард вбил себе в голову, что должен сменить Аденауэра на посту канцлера. Однако 80-летний «старец из Рёндорфа» не думал о том, чтобы добровольно покинуть свое

кресло. В сущности, он вообще не хотел никакого преемника, но Эрхарда — меньше всего. Результатом стала многолетняя жестокая борьба за должность канцлера.

Без сомнения, Людвига Эрхарда вместе с Конрадом Аденауэром и Теодором Хойсом можно причислить к крупнейшим основателям Федеративной Республики Германия. Аденауэр в качестве канцлера проводил политику политического и военного укоренения молодого государства в союзе стран Западной Европы, несмотря на все протесты оппозиции. Этим он обеспечил свободу, по крайней мере, западной части Германии — пусть даже ценой разделения страны, Людвиг Эрхард обеспечил политику Аденауэра с экономической точки зрения. Без растущего благосостояния вряд ли демократия в ФРГ развивалась бы так же спокойно и стабильно. «Аденауэр построил политический остов, Эрхард позаботился о внутренней отделке», — заметил Гюнтер Диль, работавший тогда в федеративном отделе прессы. Эра Аденауэра всегда была одновременно и эрой Эрхарда.

Аденауэр хорошо это знал, так же как и то, что Эрхард оказался важной тягловой силой для правительства и ХДС. Таков был Эрхард — уверенный в себе пропагандист социальной рыночной экономики.

Добрая фея одарила его звучным, глубоким голосом, приятным «франконским» говором и ораторским даром. «Когда я говорю свободно, я налаживаю контакт, когда я говорю естественно, я завладеваю вниманием людей и в большинстве случаев их одобрением», — так сам Эрхард оценивал себя в телевизионном интервью 1963 года. «Нет необходимости долго говорить. Они должны увидеть меня». Это было точно! Именно в этом состояла сила Эрхарда. О его восхитительных ораторских способностях писала еще Элизабет Нёлле-Нойман: «Кто-то сказал мне однажды, что слушал доклад Эрхарда в Канаде, среди канадцев, которые не знали немецкого языка, но все утверждали, что понимают его».

Облик Эрхарда и его способ произносить речь часто были более убедительны, чем собственно содержание речей. А в них Эрхард, как это и полагается профессорам, не стремился облегчить слушателям понимание. Его риторика была расплывчатой, туманной, подчас труднодоступной. «Свои речи он часто нашпиговывал экономическими терминами, словесными излишествами и статистическими данными, все это часто было выше уровня понимания публики», — сообщает его последний личный помощник Хорст Фридрих Вюнше, сегодня заведующий Фондом Людвига Эрхарда. Однако слушателям это нравилось, как

и возвышенный стиль речь профессора. Эрхард извлекал выгоду из своей несокрушимой репутации, которой в те времена в Германии обладал человек, носящий профессорское звание.

Как «тягловая сила» ХДС он до сих пор оставался незаменимым в каждой предвыборной кампании. Эрхард наслаждался огромной популярностью, и это делало его в глазах Аденауэра еще опаснее. Потому что не только сам Эрхард, но и его собственная партия, ХДС, ее потенциальный партнер по коалиции и широкие массы общественности видели в министре экономики и вице-канцлере прямого наследника старого канцлера. Для своей задачи — стать преемником во дворце Шаумбург еще не уставшего от своей должности канцлера Аденауэра — Эрхард воспользовался поддержкой публицистов. В частности, Ганс-Хенинга Ценке, воинствующего журналиста Герда Хассенкампа, Курта Стевеса и Антониуса Йона из журнала «Вельт», Клауса Эммериха и Фритца Ульриха Фака из Франкфуртер Альгемайне», до некоторой степени к этому сообществу примкнул и Герт Бицериус, ответственный редактор «Цайт». По ассоциации с партизанскими войсками, сыгравшими свою роль в марте 1920 года во время путча Каппа, маленькую группу журналистов называли «бригадой Эрхарда».

Эрхард и не думал даже захватить власть силой, это противоречило его характеру. Он не хотел сталкивать Аденауэра с его кресла. В конце концов, Эрхард восхищался старым канцлером и уважал его, но такое отношение было односторонним — обратное не соответствовало ни в коем случае. Райнер Барцель, председатель фракции ХДС — ХСС с 1964 по 1973 год, рассказывает, что Аденауэр считал Эрхарда просто-напросто недееспособным. Неизвестно, было это неуважение или коварство, но вплоть до 1960-х годов Аденауэр не мог правильно произнести по буквам имя своего министра. В письмах, написанных от руки, он обращался к нему в стиле популярного комика: «Дорогой господин Эрхардт». В глубине души Эрхард знал об антипатии Аденауэра. Уже в 1950 году он с огорчением был вынужден признаться в одном из писем: «Аденауэру я не нравлюсь». Однако сначала Эрхард чего только не предпринимал, чтобы получить расположение и поддержку Аденауэра и стать официальным преемником первого канцлера. Ему это не удалось.

До самого конца Аденауэр сопротивлялся тому, чтобы Эрхард стал его преемником, всеми доступными ему средствами. «Старый лис» не останавливался перед интригами и кознями, подлостями и ударами ниже пояса. При этом он вообще-то не имел против Эрхарда ничего личного, но тем сильнее были его опасения по поводу будущего европейской политики в том

случае, если канцлером станет Эрхард.

Дело было в том, что Эрхард, как сказали бы мы сегодня, «относился к Европе скептически». Он пытался предотвратить основание Европейского экономического сообщества (ЕЭС) вплоть до подписания договоров в Риме в марте 1957 года. Он жаловался на позицию Аденауэра, «которая считает хорошим все, на что можно нашить ярлычок с надписью “европейский”». «Экономические просчеты и грехи не станут добродетелями оттого, что их провозгласят европейскими», — предупреждал канцлера обеспокоенный министр экономики.

При этом Эрхард был кем угодно, но только не националистом. Он имел свою собственную экономическую картину мира, он мыслил в категориях, которые лучше всего описать понятием «глобализация». Эрхард хотел достичь устранения границ и создания свободного товарообмена на как можно более широкой географически территории. Так, он мечтал создать «Атлантическое сообщество» Северной Америки и всей свободной Европы. Европейское экономическое сообщество, которое должно было образоваться после подписания договоров между Германией, государствами Бенилюкса, Италией и Францией, было для него, напротив, слишком маленьким. Но мнению Эрхарда, это сообщество внутри было слишком политически управляемым, а снаружи — чересчур перфекционистским. Из-за этого он сравнивал сообщество с бронированным автомобилем, у которого чрезмерно мощные тормоза, но недостаточно мощный двигатель, поэтому автомобиль слишком часто останавливался. Вместо этого сообщества по идее Эрхарда стоило бы создать объединенную Западную Европу. С 1957 года во многих немецких газетах можно было увидеть целый рекламный разворот с портретом федерального министра экономики и его формулой объединения Европы: **«6 + 7 + 5 = 1»**. Шесть государств ЕЭС, семь государств конкурирующего сообщества ЕАСТ (Европейской ассоциации свободной торговли) и пять независимых государств — Греция. Турция, Исландия, Ирландия и Испания — должны были стать одним целым и образовать «Европу равноправных и свободных». «Европейская экономика, — писал Эрхард, — держится не на одном колесе и имеет не одну ось».

По всему своему характеру, воспитанию и фритредерскому образу мыслей Эрхард больше склонялся к политическим и экономическим идеям и принципам англо-саксонцев. По отношению к французам он был настроен скептически из-за их склонности к государственному регулированию экономики. Здесь он вступал в конфликт с канцлером Конрадом Аденауэром,

который все яснее отдавал свое предпочтение немецко-французскому направлению во внешней политике. Рассерженный канцлер со злорадством пытался унизить идею Эрхарда: «Этот человек не умеет даже считать!»

Недоверие и нерасположение Аденауэра к Эрхарду росли. Министру экономики полностью недостает понимание внешнеполитической ситуации, так гласил уничижительный приговор канцлера. У Эрхарда наивная картина мира, а именно внешнеполитическую сноровку Аденауэр считал важнейшим качество кандидата на пост канцлера. Уже поэтому Эрхард никак не мог стать его преемником. «Кто-то может быть лучшим в мире министром экономики, но не обладать при этом достаточным пониманием политических вопросов», — говорил Аденауэр повсеместно, громко и внятно. Мол, Эрхард абсолютно не подходит на должность канцлера. Резюмировал он это на рейнском диалекте следующими словами: «Эрхард не сдюжит!» Кроме того, по словам Аденауэра, Эрхарду недоставало важнейшего таланта политика — любви к власти.

«Эрхарду, естественно, было ясно, что политика — это борьба за власть, что в этой борьбе не избежать жестокости, но он не всегда делал из этого понимания соответствующие выводы», — писал Карл Карстенс, бывший позже федеральным президентом и заместителем министра в ведомстве иностранных дел в период пребывания Эрхарда на посту канцлера. «Власть, как я ее вижу, всегда безотрадна, опасна, жестока, и, в конечном итоге, даже глупа, — говорил Эрхард во всеуслышание. — Многие полагают, что политик должен быть хорошим тактиком и действовать с помощью всевозможных уловок, а также должен быть искушен в любых интригах. Это не мой стиль». Герхард Штольтенберг, который в 1965 году стал в кабинете Эрхарда самым молодым министром, подтверждает это: «Эрхард обладал определенной верой в людей, которая в политике часто ведет к иллюзиям. Применять давление, плести интриги, поступить разок-другой коварно — этого Эрхард не умел и не хотел». Той небольшой толики макиавеллизма, необходимой каждому политику пли успеха и выживания, Эрхарду сильно не хватало. Нельзя вменять в вину Аденауэру подобного рода сомнения. Он энергично взялся за то, чтобы уничтожить Эрхарда, своего старого верного сотрудника и сегодняшнего соперника в борьбе за власть.

Открытая борьба за власть началась с наступлением так называемого президентского кризиса. В сентябре 1959 года истек срок президентства Теодора Хойса. Первый федеральный президент оказался настоящей находкой для республики. Он олицетворял собой лучшую часть буржуазной интеллигенции и

пользовался повсеместной любовью народа, который прозвал его «папой Хойсом». Так что в Бонне даже подумывали о том, чтобы изменить конституцию и дать возможность Хойсу участвовать в выборах на третий срок.

Но подобного рода мысли перечеркнули жирной чертой социал-демократы: они предложили в качестве кандидата на пост президента Карло Шмидта. Это был действительно умный ход, поскольку Шмидт, как и Хойс, считался либеральным, образованным, красноречивым политиком, который мог претендовать на голоса и других партий. Перед ХДС встала проблема — ему необходим был теперь подходящий кандидат в президенты. Этого кандидата и предъявил Аденауэр 24 февраля 1959 года, вынув его как кролика из шляпы на глазах ошеломленной общественности. Это был Людвиг Эрхард! Сам он был поражен не меньше других.

Эрхард был как раз на отдыхе в шварцвальдской долине Глоттерталь. когда Аденауэр поразил его вопросом, не хочет ли он стать федеративным президентом. Эрхард чувствовал себя захваченным врасплох, попросил время на размышление и уклонился от однозначного ответа. Он весьма расплывчато заявил, что при определенных условиях он бы не исключал возможность принять на себя должность федерального президента. Всего лишь через несколько часов после телефонного разговора с Эрхардом Аденауэр по собственной инициативе объявил, что Эрхард выставлен в качестве кандидата в президенты от ХДС. Искушение протащить Эрхарда в президенты и благодаря этому предотвратить его покушение на пост канцлера было слишком велико для Аденауэра, поэтому канцлер решил довести это дело до конца. Реакция на выпад канцлера оказалась неожиданно негативной. Слишком прозрачным оказался маневр, с помощью которого Аденауэр хотел перевести Эрхарда на запасной путь в политике. Немедленно поползли слухи об «убийстве наследника». В конечном итоге и Эрхард это понял, поэтому 2 марта он объявил о снятии своей кандидатуры на пост президента.

Возможно, это была ошибка. Ведь на самом деле должность президента полностью отвечала требованиям Эрхарда. Роль политического старейшины, который держит речи, путешествует и представляет свою страну который стоит над всеми партиями и пользуется уважением всей нации, — эта роль подошла бы Эрхарду как влитая. Но он вбил себе в голову, что должен стать канцлером. Каким бы нерешительным и слабовольным он ни был, если Эрхард что-то счел правильным, он упорно добивался цели, несмотря на все препятствия. Так было в 1948 году, когда

Западная Германия переходила на рыночную экономику, так было и теперь. За это ему пришлось вынести немало оскорблений и унижений. Аденауэр не выбирал средства, чтобы дискредитировать Эрхарда в глазах публики.

Поначалу дискредитированным оказался сам Аденауэр, и по собственной вине. После того как Эрхард отозвал свою кандидатуру, канцлер опрометчиво заявил, что сам теперь хочет стать федеральным президентом, но он быстро понял, что полномочий у президента меньше, чем у канцлера. Хуже всего было то, что, уйди сейчас Аденауэр со своего поста, преемником во дворне Шаумбург станет со всей вероятностью Эрхард. Так что он канцлер отозвал свою кандидатуру якобы из-за напряженного политического положения в мире — предстоял еще один берлинский кризис, что не позволяет вверить судьбу Германии в неопытные руки. Это было открытое объявление войны Эрхарду. Тот как раз находился в США и не мог толком защищаться. Общественности было ясно, что Эрхард был жертвой кампании, организованной Аденауэром. Суровая критика не заставила себя ждать. С этих пор нерушимый до сей поры авторитет Аденауэра был надолго подорван.

Но фарс вокруг президентского поста был всего лишь началом конца эры Аденауэра. Дальше было хуже. 13 августа 1961 года Западный и Восточный Берлин были разделены Берлинской стеной, это закрепило существование двух германских государств. Настал час большого крушения немецких политических иллюзий. Политика Аденауэра, призванная содействовать воссоединению Германии при помощи интеграции с Западной Европой и «политики силы», провалилась. За это и канцлер, и его партия были наказаны в сентябре 1961 года потерей абсолютного большинства голосов на выборах в бундестаг.

Теперь уже открыто зазвучали призывы к свержению Аденауэра. Этого требовал уже не только партнер коалиции — СДП. Звучали такие призывы: «Вместе с ХДС, но без Конрада Аденауэра!» или «Кто хочет Эрхарда, голосуйте за СДП!» Видеть Эрхарда в качестве канцлера хотели теперь не только политики из рядов ХДС. Вне себя от ярости, Аденауэр должен был признать, что ХДС добивался благосклонности избирателей как с помощью его имени, так и с помощью имени Эрхарда: «Аденауэр, Эрхард и команда». Рядом с изображением канцлера на одном плакате красовался теперь и портрет Эрхарда. Несмотря на все усилия канцлера, позиция Эрхарда стала сильнее, но он сам все еще страшился низвержения канцлера. «Хороший человек с озера Тегернзее» отказался от открытого голосования против

Аденауэра, и внутриполитическая попытка путча была отменена. Аденауэру удалось стать канцлером еще раз.

Однако было ясно, что теперь это его последний срок на этом посту. В 1962 году Аденауэру пришлось из-за аферы с журналом «Шпигель» пообещать в наступающем году подать в отставку. В оставшиеся двенадцать месяцев Аденауэр, конечно же, целенаправленно искал альтернативу Эрхарду. Он последовательно пробовал сделать своим преемником Франца Этцеля, министра финансов с 1957 но 1963 год; Генриха Кроне, председателя фракции ХДС и министра по особым делам, находящегося с Аденауэром в очень хороших отношениях; Ойгена Герстенмайера, бывшего много лет федеральным президентом; в конце концов, Герхарда Шрёдера, бывшего министра внутренних дел и министра иностранных дел с 1961 года. Однако у всех кандидатов был один изъян — ни у кого из них не было такой большой популярности, как у федерального министра экономики. Уровень популярности Эрхарда был все еще сенсационно высоким. Когда Аденауэр услышал последние результаты опросов общественного мнения, он желчно и с плохо сдерживаемой злостью проговорил свое угрюмое пророчество: «Когда-нибудь и его я сведу к нулю».

Канцлеру это не удалось. Выборы в земельные парламенты в 1963 году еще раз отчетливо продемонстрировали, что Людвиг Эрхард непобедим в качестве тягловой силы в предвыборной кампании и, соответственно, незаменим для ХДС. Эрхард гарантировал партии голоса избирателей, только это и шло в расчет. Так, весной 1963 года фракция ХДС объявила Эрхарда официальным преемником канцлера, несмотря на все предостережения и откровенный протест своего председателя и действующего канцлера Аденауэра.

Когда федеральный президент Ойген Герстенмайер во время официальной церемонии прощания с Конралом Аденауэром в бундестаге сравнил того с Бисмарком, это прозвучало фальшиво. Сложно было бы придумать более неуместное сравнение: «В отличие от Вас, он уходил со своего поста с неудовольствием, как бы блистательно не выглядело его прощание». Именно нежелательная, выглядящая фальшиво и губительно отставка была самым главным сходством между рейхсканцлером из Пруссии и рейнским бундесканцлером. «Я ухожу с тяжелым сердцем» — сказал Аденауэр прямо и открыто, ни секунды не сомневаясь. Ничто не изменилось в его негативном отношении к Эрхарду. Его неприязнь только усилилась, и это не сулило будущему Эрхарда ничего хорошего.

Также скорее плохим предзнаменованием было и то, что

Эрхарду во время выборов в бундесканцлеры 16 октября 1963 года не хватало нескольких голосов из членов правительства. Наметились первые признаки будущих трудностей в отношениях с собственной партией. Однако все это в момент триумфа Эрхарда не беспокоило. Вступая в должность канцлера, Эрхард выглядел откровенно счастливым. Он достиг своей цели. Его непобедимый противник был повержен. В 1963 году Эрхард, так же как и его современники, плохо сознавал, что его победа была пирровой, что противостояние с Аденауэром стоило ему слишком много сил и что, в конце концов, он въехал во дворец Шаумбург полностью обессиленным.

Длинное правительственное заявление Эрхарда, длившееся дольше двух часов, нашло положительный отклик в парламенте, в средствах массовой информации и у общественности. Новый канцлер обещал проводить «политику умеренности и понимания», предвещал прорыв в новую эру либерализма. Речь об «окончании послевоенного периода» прозвучала, правда, лишь в 1965 году, во время второго правительственного заявления Эрхарда, но многие его современники уже в 1963 году увидели этот перелом.

Даже внешне нельзя было не заметить изменений правительственной верхушки. Аденауэра, сухопарого, аскетичного и скептичного рейнландца, сменил уютный, полноватый и жизнерадостный Эрхард со своей бесконечной наивной верой в человеческую доброту. «Если Аденауэр готичен, то я — барочен». Так Эрхард охарактеризовал не только внешность, но и различия в их характере и мировоззрении. Действительно, немцы видели в Аденауэре патриарха, строгого, серьезного, внушающего уважение. «Старый лис» считался прожженным тактиком, изощренным и порой коварным. Эрхарду долго пришлось испытывать это на собственной шкуре. Население уважало Аденауэра, но о любви речи не шло. С Эрхардом дело обстояло иначе. Без его невероятной популярности ему не удалось бы стать канцлером. «Отец экономического чуда» и новый руководитель правительства был человеком из народа, таким же, «как все». Даже хобби — увлечение футболом — новый канцлер разделял с миллионами своих сограждан. Каждое утро понедельника начиналось для Эрхарда с обязательного прочтения спортивного журнала «Kicker». Сотрудник его пресс-службы Ганс Кляйн, позже представитель правительства при Гельмуте Коле, вспоминал, что вплоть до конца жизни Людвиг Эрхард каждую неделю был в курсе того, что происходило с «его командой». Эрхард особенно гордился дружбой с федеральным тренером Зеппом Хербергером.

Другой страстью Эрхарда была игра в скат. Поначалу он часто предавался ей вместе с федеральным президентом Любке. Однако положение дел вскоре после вступлении Эрхарда в должность канцлера изменилось, ведь Любке был приверженцем Большой коалиции, а Эрхард — ее официальным противником.

Размолвка была неминуема. Говорят, позже Любке утверждал, что вовсе не хотел быть политизированным федеральным президентом, но такого неспособного канцлера, как Эрхард, он был просто обязан вывести из строя. Конституционно сделать это было нельзя, и все же Любке вставил очень много палок в колеса Людвигу Эрхарду за короткое время его правления. Так что руководителю правительства пришлось искать себе других партнеров для игры в скат.

Он их нашел в кругу семьи. Людвиг Эрхард был примерным и пылким семьянином. Его вдохновляло собственное счастливое детство. «Я вырос в атмосфере бюргерского покоя и беззаботности, которая не оставляла ни следа сомнения в четко установленном общественном порядке», — говорил Людвиг Эрхард о себе. Он родился 4 февраля 1897 года и был третьим ребенком в семье торговца Вильгельма Филиппа Эрхарда и его жены Августы во франконском городке Фюрт. У его родителей там было процветающее мелкое предприятие. У Эрхарда была одна сестра и два брата.

Особенно теплые отношения у Эрхарда были с его старшей сестрой Розой. Через нее он познакомился со своей будущей женой Луизой Лоттер. Потом на некоторое время молодые люди потеряли друг друга из вида. В 1919 году Людвиг встретил единственную дочь соседа и подругу по детским играм, которая была старше его на четыре года. Они оба изучали политическую экономию в Высшей торговой школе в Нюрнберге. Между тем в их жизнь вмешалась Первая мировая война. Людвиг был тяжело ранен, потерял своего брата Макса, Луиза потеряла своего мужа. Благодаря общему интересу в политической экономии Людвиг и Луиза нашли друг друга.

В декабре 1923 года они поженились. Людвиг с одинаковой нежностью заботился о своей падчерице Лоре и об их совместной дочери Элизабет, родившейся в 1926 году. Позже Эрхард с наслаждением проводил время со своими дочерями и их семьями. С особым удовольствием он возился с маленькими внучками. Это была счастливая семья, точно соответствующая идеалам своего времени. Жена Эрхарда Луиза всегда скромно держалась в тени. На публике ее видели, как правило, тогда, когда она отправлялась за покупками на еженедельный рынок в Бонне, аккуратно следя за ценами. В общем и целом, это была вполне

обычная семья, неброское личное счастье.

Не бросалась в глаза и боннская квартира Людвига Эрхарда, скромный дом на улице Шляйхштрассе, 8 в 200 квадратных метров, на 6 комнат, располагавшийся в типичном бюргерском районе. Лишь в 1964 году семья Эрхарда переехала в новостройку, служебную квартиру руководителя правительства — «бунгало канцлера» во дворе дворца Шаумбург. До тех пор шеф правительства, будучи в Бонне, каждый день возвращался обедать к себе домой. Пресса с изумлением комментировала, что новый канцлер при этом строго следует правилам дорожного движения и не пользуется правом «зеленого коридора». Это было в новинку, Аденауэр не так строго следил за соблюдением этих правил. Эрхард, напротив, хотел быть и в этом образцовым гражданином. Отказом от привилегий он хотел продемонстрировать свою близость народу — и народ верил ему. Уже через несколько дней после вступления Эрхарда в должность произошла трагедия, потрясшая молодую республику — катастрофа на шахтах Ленгеде. Эрхард показал впечатляющий пример всей нации.

24 октября 1963 года, точно в 19:30, внезапный обвал засыпал 129 шахтеров, которые работали в шахте по добыче железной руды под названием «Матильда», в нижнесаксонском местечке Ленгеде. 17 горняков утонули, 80 удалось спастись. Начался лихорадочный поиск остальных. 14 были найдены легко, но надежда найти остальных живыми таяла с каждым часом. Однако через три дня после несчастья спасательная команда наткнулась при бурении на воздушный пузырь, где находилось три человека. Их вытащили. Это было первое, маленькое чудо в Ленгеде. Большое чудо произошло через 14 дней. Была ли это случайность или высшее провидение, но благодаря совокупности счастливых обстоятельств буровые штанги натолкнулись на 11 горняков, много дней синевших на глубине 62 метров под землей в абсолютной темноте с призрачной надеждой на спасение. Газета «Бильд» с уверенностью заявила, что не обошлось без «Божьей помощи».

Народ, лихорадочно прильнув к радиоприемникам и телевизорам, следил, как одного за другим из шахты вытаскивали найденных горняков. Миллионы людей видели, что канцлер, вылетевший на место трагедии на вертолете, старался вселить в заваленных людей мужество и веру в спасение, говоря с ними через буровую скважину. В этом многие видели символ человечности и готовности прийти на помощь.

Как бы хорошо ни был Эрхард принят простыми гражданами, отношения с партиями складывались у него не так хорошо. Профессор испытывал своего рода антипатию ко всяким

партийным объединениям. Партии — это неотъемлемые элементы любой современной демократии, но Эрхарду они оставались чуждыми, если не сказать противными. Это понимал и ответственный сотрудник его пресс-службы Ганс Кляйн: «Эрхард воспринимал партии как преграду между собой и народом. Партийные воззвания казались ему скорее не постулатами политического единств, а ненужными фильтрами для мышления». Эрхард не хотел видеть барьеров между собой и народом. Он считал себя «народным канцлером» и хотел непосредственного контакта с людьми. Его не интересовала партийная работа. Именно поэтому он оставил пост председателя ХДС своему старому сопернику и противнику Аденауэру. Тем самым он совершил роковую ошибку.

Подобным же образом отказ организовать свой собственный личный круг внутри партии негативно сказался на положении канцлера в ХДС. Поэтому отношения между канцлером и ведущей партией в бундестаге оставались прохладными, деловыми и чисто функциональными. Ведь ХДС избрал Эрхарда с единственной целью использовать выдающуюся популярность «мистера экономическое чудо» для своих избирательных нужд. Как только «тягловая сила в избирательной кампании» прекратила бы приносить успех, партия была готова без сожалении отказать Эрхарду в поддержке. Это случилось через три года после выборов в парламент земли Северный Рейн — Вестфалия в июле 1966 года.

ХДС, освобожденный от контроля строгого лидера Аденауэра, в начале 1960-х годов начал превращаться в настоящий вертеп. Внутрипартийная сплоченность, так разительно отличавшая ХДС — ХСС в 1950-е годы от их конкурентов, исчезла буквально за одну ночь. Казалось, все ведут интриги против всех. Приверженцы Большой коалиции спорили с поборниками союза с СДП, сторонники мажоритарного избирательного права — со своими противниками. Жаркие споры бушевали между разными фракциями ХДС — южно-католической, северо-протестантской, либералами-«эрхардистами» и социальными христианами.

Больше всех разделению партии на два враждебных тюри угрожали распри между «атлантиками» и «голлистами». Под этими прозвищами скрывались приверженцы двух основных направлений во внешней политике Федеративной республики. Для «атлантиков» первостепенной важностью обладал союз с военными силами США. В ранние 1960-е годы США проводили активную «политику разрядки» по отношению к Восточному блоку. На немецких союзников они оказывали давление, принуждая их присоединиться к этой политике. «Атлантики»

были готовы пойти навстречу США, «голлисты» — нет. Для них любое смягчение до сих пор существующего жесткого курса было чуть ли не предательством. Их девизом был: «Никаких переговоров с коммунистическими господами без предварительных уступок со стороны Востока!» «Голлисты» полагали, что не могут больше безоговорочно доверять США. Вследствие этого они выступали за усиление самостоятельности Европы вообще и Германии в частности. Правда, союз с заатлантическими друзьями «голлисты» тоже не хотели ставить под удар. Но более важной вещью, чем хорошие отношения с США, «голлисты» считали добрососедские и союзнические отношения Западной Германии и Франции. Бывший бундесканцлер Аденауэр, Франц Йозеф Штраус и Карл Теодор Фрайхер считались представителями «голлистов». Самыми известными «атлантиками» были бундесканцлер Эрхард, министр иностранных дел Герхард Шрёдер и министр обороны Кай-Уве фон Хассель.

Положение усложнялось еще и тем, что политические разногласия но деловым вопросам смешивались с личностным соперничеством и интригами. Это усиливало хаос, в котором на протяжении всего канцлерского срока Людвига Эрхарда находились правительственные партии ХДС и ХСС. Лишь некоторые многообещающие молодые политики вслед за Аденауэром полагали, что Эрхард не справляется с положением бундесканцлера и обречен на провал. Они втайне надеялись, что Эрхард станет «преходящим канцлером», и уже толпились перед стартом, готовые действовать, как только это время наступит. Следовательно, нужно было как можно раньше уничтожить возможных соперников, выставив самих себя в выгодном свете. Это и было основной причиной внутрипартийных разногласий этих лет, частых нападок членов партии на канцлера и различных интриг. Все эти неурядицы, конечно, записывались на счет Эрхарда.

Кто были эти люди, имевшие возможность стать потенциальными наследниками Эрхарда? Можно назвать много имен, но мы остановимся только на некоторых. Прежде всего следует упомянуть Франца Йозефа Штрауса, председателя ХДС, который стремился получить новую министерскую должность в Бонне после своей отставки вследствие аферы с журналом «Шпигель». Еще можно сказать о Райнере Барцеле, влиятельном председателе крупной фракции. Сегодня этот старейшина ХДС рассказывает, как ему постоянно приходилось выбрасывать из своего кабинета потенциальных «цареубийц». Но было очевидно, что этот амбициозный политик, «проявляя лояльность к канцлеру,

шел своим собственным подчеркнуто индивидуальным курсом», как писал Герхард Штольтенберг в своей книге «Рубежи». Не мешало бы еще назвать президента бундестага Герстенмайера, который частенько раздумывал вслух о приложении своих способностей на посту канцлера, а также Герхарда Шрёдера. Тот спекулировал на том, чтобы обеспечить себе пост канцлера, публично выражая свою лояльность бундесканцлеру Людвигу Эрхарду.

Короче говоря, партия совсем отбилась от рук руководителя правительства. Эрхард просто не мог ее контролировать. Но у кого в Федеративной республике нет партийного тыла, у того нет шанса продержаться у власти долго, как бы не любил этого человека народ. Это болезненное открытие сделал не только Эрхард в 1966 году, но и социал-демократ Гельмут Шмидт в начале 1980-х годов. Лишь один человек, сыгравший значительную роль в истории с падением Людвига Эрхарда, сделал из этого правильные выводы — Гельмут Коль. Выходец из Пфальца всегда следил за тем, чтобы связь со своей партией была прочной. Во многом благодаря этому он был канцлером, до сих пор дольше всех находившимся на том посту. Федеративная республика — это в первую очередь партийная демократия, гораздо больше, чем канцлерская.

Когда Аденауэр был канцлером, в этом никто не сомневался. Вскоре после перехода власти к Эрхарду в 1963 году уже мало кто говорил об этом, наоборот, многие, как и журналист Гюнтер Гаус, задавались вопросом, существует ли вообще в Бонне какое-нибудь правительство.

Согласно конституции бундесканцлер определяет основные направления политики своего кабинета. При Аденауэре это было именно так и только так. Он управлял кабинетом министров и фракцией в партии железной рукой и пользовался бесспорным авторитетом. Другие мнения он, конечно, выслушивал, но обычно оставался при своем, избегая крупных дискуссий. С приходом нового канцлера это изменилось.

«Я не ввожу новый стиль или новую моду, я остаюсь самим собой. Я живу согласно своему характеру. Это лучший из всех стилей. Я имею право сказать, что в кабинете атмосфера стала более товарищеской, происходит гораздо больше дискуссий», — писал Эрхард через несколько месяцев своего правления. Несомненно, это было так. «Эрхард любил дискутировать. Это подходило ему как ученому и академику», — подтверждает его бывший министр Герхард Штольтенберг. Заядлый курильщик Эрхард отменил давно существующий запрет на курение во время заседаний кабинета министров, атмосфера была менее

напряженной и более демократичной, чем во времена его предшественника. Обсуждения длились значительно дольше, а решений при этом принимали значительно меньше. Вскоре в Бонне заговорили о слабом правлении Эрхарда.

Нельзя было не заметить и то, что министры ведомства стали гораздо самостоятельнее, чем когда-либо раньше. В основном это можно было сказать о министре иностранных дел Герхарде Шрёдере. Его положение в правительстве Эрхарда настолько усилилось, что газета «Штутгартер Цайтунг» даже как-то раз назвала его «канцлером иностранных дел». Но взгляды Шрёдера, которого его многочисленные противники называли «олицетворенным холодом с харизмой и электронным мозгом», по многом соответствовали взглядам федерального канцлера. Шрёдер был самым близким партийным сотоварищем Эрхарда. Да, у него были дружеские отношения с канцлером, как незадолго до смерти Эрхарда в 1989 году признавался сам Шрёдер. Это было необычно, ведь большинство контактов между Эрхардом и его министрами оставались исключительно деловыми. Ни к кому из них Эрхард не обращался на «ты» за исключением бывшего федерального министра финансов Фритца Шэффера, коллеги Эрхарда еще со времен, когда тот был министром экономики. Но когда они ссорились, а в 1950-е годы это происходило часто, оба на некоторое время переходили на «Вы».

Звучит поразительно, но Людвиг Эрхард, обожаемый народом харизматичный лидер, к которому тянулись сердца людей и который на каждом споем выступлении приковывал к себе взгляды публики, практически не имел близких друзей. Вероятно, дело было в том, что Эрхард по своей природе был робким и замкнутым человеком. «Эрхард часто замыкался в себе, когда посреди толкотни и сутолоки хотел поразмыслить, чтобы ему не мешали», — подтверждает Гюнтер Диль, сотрудник пресс-службы и службы информации федерального правительства. «Это поведение оборачивалось иногда гротеском. Как-то раз, когда все федеральное правительство и дипломатический корпус при полном параде во время официального визита исполняли свои обычные сложные официальные ритуалы, Эрхард стоял совсем один, большой, массивный, постоянно затягиваясь своей сигарой. Он ни с кем не разговаривал, а значит, через некоторое время с ним перестали заговаривать. Это мешало мне, поскольку я не хотел, чтобы у такого важного собрания осталось впечатление, что бундесканцлер находится в изоляции. Об этом бы еще долго судачили, поэтому я подошел к канцлеру, заговорил с ним и продержался до того момента, пока присоединились остальные гости. Эрхард по своей привычке был очень дружелюбен, но у

меня все никак не проходило чувство, что как раз сейчас он обдумывал что-то очень важное и с большим удовольствием остался бы один». Так, Эрхард держал дистанцию в общении даже со своими близкими сотрудниками.

Эти последние представляли собой так называемый «кабинет на кухне», людей, которых Эрхард знал со времен работы в министерстве экономики и пригласил с собой работать во дворец Шаумбург, свою новую резиденцию. Личный референт Данкмар Зейбт был в их числе, кроме этого министериальдиректор Карл Гофман, ставший руководителем канцлерского бюро, а также Людгер Вестрик. Этот рослый вестфалец с угловатыми чертами лица, живыми серо-голубыми глазами и гладко зачесанными назад волосами, был заместителем министра при Эрхарде в министерстве экономики. Именно на эту должность пригласил его Аденауэр, надеясь найти в нем своего верного сторонника, старый канцлер полагал, что Вестрик образует противовес Эрхарду, но его расчет не оправдался. Вестрик стал лояльным и самым важным соратником Эрхарда. И оставался таковым всегда. Эрхард знал об этом и быстро назначил Вестрика на должность шефа канцлерского ведомства.

Шестидесятилетний Вестрик был на два года старше Эрхарда, но выглядел более молодым и полным жизни, чем бундесканцлер. Говорили, что он более простой, общительный и заинтересованный в контактах с другими людьми человек, чем бывший профессор. В отличие от канцлера, Вестрик знал, как обходиться с бюрократией. Так он, постоянно остававшийся на заднем плане, скоро стал одним из важнейших людей в Бонне. Газеты называли его «соканцлер». «Мне часто кажется, — признавался в своем дневнике Хорст Остерхельд, руководитель внешнеполитического бюро федерального канцлера во время правления Аденауэра и Эрхарда, — что Вестрик пытается одновременно выполнять задачи за двоих, а именно за руководителя бюро и за самого бундесканцлера. Но это было бы выше сил любого человека. Он знает, что у него нет таланта выдающегося оратора и что перед публикой он не может выступать так же эффектно, как Эрхард. Однако он с радостью станет рукой, которая тянет за ниточки».

Есть такая пословица: «Много поваров только испортят кашу». Она как нельзя лучше применима к управлению современным государством. А во время короткого правления Эрхарда слишком многие хотели быть шеф-поварами! Эрхард не предпринимал против этого никаких действий, он упустил возможность при случае ударить кулаком по столу и дать недвусмысленно понять, что он — хозяин в доме. Это был не его

стиль, не характерное для него поведение. Зато, как говорил Аденауэр, Эрхард был слишком мягким, слишком готовым к компромиссам и слишком нерешительным. Он слишком легко поддавался чужому влиянию. Так считал и Хорст Остерхельд, описавший события во дворце Шаумбург. «Уже тот факт, что Вестрик, Гофман, Зейбт и секретарши постоянно проскальзывают через заднюю дверь в рабочий кабинет Эрхарда, не соизволив доложить о себе, плох сам по себе. Каждый заговариваете ним, когда захочет. Часто прав оказывается именно тот, кто заходил к нему последним; поэтому сотрудники, в особенности не согласные с канцлером в каком-либо вопросе, стараются не выпускать его из вида».

Слабость правления Эрхарда часто обнаруживалась и на публике. Его вступление в должность в октябре 1963 года народ приветствовал почти с эйфорией. Тем сильнее было разочарование современников. В роли министра экономики Эрхард был убедителен: у него была ясная концепция, последовательная политика, за которую он боролся упрямо и бесстрашно. Если это было необходимо, он преодолевал сильное сопротивление, неважно — политической оппозиции, экономических союзов или главы правительства Аденауэра. Напротив, на посту бундесканцлера он вел себя совершенно иначе, он выглядел человеком, действующим без определенного плана, ведомым и постоянно колеблющимся.

Особенно большие ожидания общество возлагало на нового канцлера в вопросах внутренней политики. Именно ей в своем правительственном заявлении Людвиг Эрхард уделил основное внимание. Дела обстояли неважно практически во всем. «Реформенный кризис» — так звучал диагноз современных критиков. Прежде всего это был вопрос о Чрезвычайном законодательстве, ставший одним из самых главных вопросов 1960-х годов. Правда, в правление Эрхарда Чрезвычайное законодательство не было подписано, поскольку это потребовало бы изменения конституции. Необходимое для этого большинство в две трети голосов было достигнуто лишь при преемнике Эрхарда, Кизингере, в период правления Большой коалиции. Оставив за рамками этот особый случай, можно заметить, что большинство оставшихся тем, усиленно обсуждавшихся во время правления Эрхарда, звучат поразительно знакомо для наших ушей: жалобы по поводу плохого состояния немецких университетов, в воздухе висели зловещие предзнаменования грядущей «катастрофы немецкою образования». Выдвигались громкие требования глобальной реконструкции уголовного права, свода финансово-правовых постановлений и системы

медицинского страхования. Спорили о сохранении заработной платы на время болезни и о переустройстве социального государства. Новый «социальный пакет» необходимо урезать. Темы эти настолько актуальны, что, читая дебаты тех лет, до сих пор можно подумать, что читаешь свежую газету.

Большинство упомянутых реформ так и остались не доведенными до конца за короткое время правления Эрхарда. Он мог лишь дать необходимый импульс, а урожай пожинали уже его наследники. Это хоть и несправедливо, но в истории такое происходит довольно часто. Благодаря этому канцлерство Эрхарда выглядит гораздо более бесполезным, чем оно было в действительности.

У «отца экономического чуда» сердце болело за социальное государство. «Сохранить благосостояние, — говорил он, — еще сложнее, чем завоевать его». Эрхард считал, что «его» большому творению угрожает т. н. эгоизм группировок, большинство которых благодаря растущему благосостоянию постоянно умножают ожидания по отношению к государству. Такое направление развития казалось Эрхарду в корне неправильным: «Государство — не корова, которая пасется на небесах, а доится на земле». Кроме того, либерально мыслящий Эрхард больше доверял энергии отдельного человека, а не всемогуществу и заботливости государства. «Я доверяю частным инициативам. Они — самая большая сила, способная достичь при соответствующих обстоятельствах наивысшего результата. Старый экономический девиз Эрхарда звучал таким образом: «Только там, где индивидуум может раскрыться свободно и спокойно, его развитие и благосостояние гарантированы.

Но наряду со свободой отдельной личности Эрхард никогда не терял из виду социальную ответственность общества. Благосостояние как самоцель — такой образ мысли он всегда отвергал: «Благосостояние — это основа, но не идеал существования». Правда, такому взгляду на вещи противостояли реалии «страны экономического чуда». В молодые годы республики, казалось, для многих земляков Эрхарда богатство, благосостояние, достаток стали настоящим смыслом жизни. Немцы довели себя до состояния потребительской эйфории. Война закончилась, теперь главной ценностью стало наслаждение жизнью. Эрхард считал такой путь опасным и с середины 1950-х годов предостерегал от этого: «Так я вновь возвращаюсь к соблюдению меры как к главной заповеди экономики», — говорил он в радиообращении к народу 7 сентября 1955 года. Так появились знаменитые призывы к соблюдению меры. Эрхарду приходилось повторять их и в качестве министра экономики, и на

посту федерального канцлера бессчетное количество раз. При этом он полагался на благоразумие и добрую волю своих сограждан. Это было по-человечески симпатично, но политически наивно. Поскольку результат, на который он рассчитывал, не мог быть достигнут таким путем. Чаще всего напоминания Эрхарда о том, что следует соблюдать меру, высмеивались и сравнивались с бесполезными попытками как можно дольше держать кружку с пивом в вытянутой руке. Над ним насмехались и слушали его все меньше. В любом случае, никто и не думал последовать его советам и соблюдать меру.

Настолько же бесполезной оказалась борьба Эрхарда против крупных экономических союзов. Если их влияние еще хоть немного вырастет, демократия понесет урон — таковы были опасения Эрхарда, и он как канцлер хотел противостоять этому.

Поэтому одной из его основных внутриполитических тем, начиная с 1965 года, стала концепция «формированного общества». Взамен конкурирующих и противостоящих друг другу социальных групп и экономических союзов должно было возникнуть кооперативное общество, «не на основе авторитарного давления, а лишь по собственной воле, из понимания и растущего осознания обоюдной зависимости». Результатом этого добровольного сглаживания интересов должен был стать отказ от услужливой демократии, такова была идея Эрхарда. С его помощью можно было бы достичь социальной стабильности, роста экономики и обеспечить будущее. Все это звучало запутанно, утопично и романтично. Казалось, Эрхард не понял, что существо демократии как раз и состоит в свободном взаимодействии различных групп и слоев общества, сталкивающихся друг с другом противоборствующих интересах союзов, партий и отдельных лиц. Неудивительно, что реакция на его идею «формированного общества» оказалась преимущественно негативной. Сам термин — «формированное общество» — был выбран неудачно, пусть даже его автором и был Фридрих Шиллер. В нем были отзвуки униформы и унификации, хотя именно этого Эрхард и хотел избежать. Злые языки поговаривали о «переиздании содружества народов». Коротко говоря, концепция «формированного общества» Эрхарда не имела продолжительного успеха.

Уже в 1963 году он безуспешно пытался расставить все точки в растущих требованиях союзов по интересам. Сразу после своего вступления в должность канцлер посчитал, что находится в конфронтации с требованиями жертв войны и, пользуясь случаем, решил продемонстрировать свои убеждения и взгляды. Эрхард отклонил требования паушальных повышений пенсионных

выплат, назвав их перерасходом денежных средств.

При этом сам Эрхард точно так же понес ущерб от войны. В сентябре 1918 года, за два месяца до окончания Первой мировой войны, он был тяжело ранен. На Западном фронте, недалеко от Ипра, вражеская артиллерийская граната раздробила ему левое плечо. Понадобилось семь операций, чтобы собрать его заново, и долгое время ему грозила ампутация руки. Эрхард выздоровел, но его левая рука навсегда осталась слабой, а также была теперь короче правой.

Поскольку он сам попадал под положение о жертвах войны, в 1963 году Эрхард решил, что будет застрахован от критики. Поэтому канцлер еще раз объявил, что размер отступных должен проверяться в каждом отдельном случае. Общество захлебнулось от возмущения. Жертвы войны могли быть уверены в сочувствии и поддержке широких кругов населения. 10 декабря 1963 года в холодный и пасмурный зимний день более 30 000 демонстрантов шли по улицам Бонна, столицы Федеративной республики. Демонстранты несли лозунги с требованиями «справедливости для инвалидов войны», некоторые плакаты предупреждали: «Людвиг, подумай о следующих выборах!» Давление на Эрхарда, в том числе внутри его узкого круга, росло и, в конце концов, он вынужден был отступить. Канцлер был сокрушен, он вынужден был пересмотреть уже однажды принятое решение. Сияющий образ популярного канцлера и любимца народа померк уже через несколько недель. С тех пор число недовольных Эрхардом только увеличивалось, как, например, в споре вокруг телефонных сборов.

Государственное предприятие Deutsche Bundespost (Немецкая федеральная почта) уже много лет работало в убыток, наблюдался угрожающий дефицит бюджета. Наряду с этим почтовое ведомство должно было парадоксальным образом отчислять 6,5 % от своего дохода в государственную казну. Но вместо того, чтобы не долго думая отменить эти платежи, решено было, что возникшую финансовую дыру можно залатать повышением тарифов на телефонную связь. Так, федеральное правительство решило поднять цену за условную единицу телефонных переговоров с 16 до 20 пфеннигов. В ответ на это газета «Бильд», и так весьма критически настроенная по отношению к Эрхарду, открыла но нему настоящий ураганный огонь протеста. Эта газетная кампания привела общественность в состояние всеобщего волнения. К министру связи Рихарду Штюклену и его семье были даже приставлены полицейские охранники на время воскресного посещения церкви.

24 июля 1964 года бульварный листок недвусмысленно потребовал: «Конец почтовой диктатуре! Отзовите бундестаг из

отпуска!» Оппозиция поддержала эти лозунги. СДПГ внесла предложение назначить особое заседание парламента. Всем без исключения депутатам бундестага было приказано вернуться в Бонн к 29 июля. Подобное случалось в Федеративной республике до сих пор только один раз, в августе 1961 года, после национальной катастрофы — строительства Берлинской стены! На этот раз масштаб происшествия был куда мельче.

Подавляющим большинством голосов членов гражданских правительственных партий предложение СДПГ об отмене повышения телефонных тарифов было отклонено. Этот эпизод в ином случае быстро был бы отнесен и разряд фарса, но он стал сенсацией благодаря дальнейшим трюкам Эрхарда. Канцлер хотел смягчить массовый протест с помощью компромиссного решения. Повышение телефонных тарифов было частично отменено, то есть тарифы были повышены только на половину от той суммы, которая предполагалась раньше. «Компромисс — это искусство делить пирог так, чтобы каждый думал, что получил самый большой кусок», — признался как-то Эрхард. Но это был никого не удовлетворивший компромисс. Более того, последствия этого компромисса для рейтинга канцлера были губительными. Четче всех сформулирован ситуацию депутат Шмидт, который в этих дебатах особенно активно вступился за Эрхарда, когда писал канцлеру: «Мне не важно, что из-за Вашего решения вновь понизить телефонные тарифы мое мнение дискредитировано. Мне важно только то, что подорвана вера в Ваши способности руководителя».

Тот небольшой запас веры в способности Эрхарда к руководству, который еще оставался у населения, испарился во время так называемых дебатов о сроках давности. При этом Эрхард всего лишь снова попытался повести себя честно и человечно. Но общество сочло это непростительной слабостью.

Ранней весной 1965 года внутриполитические дебаты велись в основном вокруг одной темы, которая проходит лейтмотивом через всю немецкую историю: щекотливый вопрос о правильном отношении к национал-социалистическому прошлому. Ровно через два десятилетия после разгрома Третьего рейха в 1965 году возникла угроза «тихой амнистии» для всех нацистских преступников. Дело в том, что через двадцать лет после убийства истекал срок уголовного преследования за него. Конкретно это означало следующее: кому немецкая юстиция не успеет предъявить обвинение до истечения этого срока, тот будет освобожден от уголовной ответственности, вне зависимости от тяжести содеянного. Западная Германия была правовым государством, а значит, соблюдение законов обязательно по

отношению к каждому гражданину без исключения. Однако вряд ли справедливо было бы освобождать палачей от ответственности. Только сейчас, после долгого периода молчания и настоящей секретности в 1950-х годах, органы юстиции принялись за пересмотр прошлых преступлений. В то время во Франции только закончился так называемый Аушвицкий процесс. Он наглядно показал, как глубоки могут быть бездны человеческой порочности и что люди могут сотворить с себе подобными. Подводя черту под прошлым, оставить преступления безнаказанными, когда была возможность арестовать и наказать преступника, не значило ли это насмеяться над справедливостью и еще раз издеваться над жертвами? Неужели необходимо было придерживаться формальных постановлений, руководствуясь идеями правового государства, когда сами нацисты нарушали закон и втаптывали его в грязь тысячи раз? Встал непростой вопрос: правовое государство или справедливость? На этот вопрос невозможно было дать простые ответы. Можно было привести хорошие аргументы в пользу обоих решений. Так дебаты вокруг срока давности разделили на две группы экспертов-юристов, политиков и целую нацию.

Федеральный канцлер Эрхард с самого начала выступал против истечения срока давности, это значит, что он был за преследование нацистских преступников и в будущем. Он считал правильным, чтобы в этом высоконравственном вопросе каждый решал по собственной совести. Кроме того, он считался с либеральным партнером по коалиции, а СДП единодушно выступила за то, что сроки давности должны соблюдаться. Так канцлер упустил возможность принять директивное решение в кабинете министров. И проиграл!

Это не было трагедией, поскольку мнение Эрхарда было решающим. После очень эмоционально насыщенных и все же деловых дебатов, ставших своего рода «звездным часом» немецкого парламентаризма, большинство членов бундестага проголосовало за то, чтобы отодвинуть истечение сроков наказания на три года. Лишь позже истечение сроков было отменено совсем. Депутаты были свободны от влияния партии в своем решении. В бундестаге также отменили обязательное голосование членов фракции. Это точно соответствовало поведению Эрхарда и кабинете министров. И все же в его решении, с нравственной точки зрения совершенно безупречном, опять увидели доказательство его слабости как руководителя. На этот раз это было нечестно, но не могло уже никого удивить после всего того периода, пока Эрхард был бундесканцлером.

Во внешнеполитических вопросах Эрхард считался особенно

неопытным в начале своей карьеры. Отсутствие такого опыта Аденауэр постоянно приводил в качестве основного аргумента против того, чтобы Эрхард стал канцлером. В самом деле, с 1963 года отношения с Францией стремительно ухудшились. Часть вины лежала на Эрхарде, но он, несомненно, не был единственным ответственным за эту ситуацию.

Немецко-французские отношения миновали пик уже в последние месяцы правления Аденауэра. Фотография, запечатлевшая объятия двух великих людей, Аденауэра и де Голля, последовавшие после подписания немецко-французского договора о дружбе в величественных помещениях Елисейского дворца, вошли во все учебники истории. Как никакой другой, этот жест стал символом удачного сближения, даже тесной дружбы между двумя народами, которые в прошлом слишком часто ожесточенно сражались друг с другом на кровавом поле битвы. Однако прекрасный образ единодушия был обманчив. Договор о дружбе чуть было не потерпел крушение в бундестаге. Сам Эрхард, тогда еще министр экономики, с жаром нападал на эту идею. Дело было не в том, что немецкие критики договора выступали против примирения с Францией. Никто и не думал продолжать невообразимую кровную вражду. Протест против Елисейского договора имел другие причины.

За несколько дней до подписания французский президент де Голль 14 января 1963 года на сенсационной пресс-конференции наложил вето на присоединение Великобритании к Европейскому экономическому сообществу. Правительство в Лондоне как раз стремилось к такому присоединению. Без предварительной договоренности со своими партнерами по ЕЭС де Голль захлопнул дверь перед носом британцев, к которым он в тот период относился как к «троянскому коню американцев». Де Голль же хотел большей независимости для Европы, он мечтал о «Европе без США». С другой стороны, это противоречило представлениям о Европе не только Людвига Эрхарда, но и многих других. Разве немецко-французский договор о дружбе не должен был в этом контексте обеспечить существование отдельной оси Бонн — Париж и выступить одобрением антибританской и антиамериканской политики де Голля? Именно этого опасались Эрхард и другие противники Елисейского договора.

В первый раз в бундестаге вспыхнули разногласия между «атлантиками» и «голлистами». Бундестаг одобрил немецко-французский договор лишь после того, как ему была предпослана преамбула. В ней подтверждался крепкий союз Федеративной республики с США и выражались надежды на будущее

расширение ЕЭС, с учетом прежде всего Великобритании. Эрхард был сильно обрадован, французский президент — возмущен. По мнению де Голля, эта преамбула обесценивала весь договор. Короткая эйфория дружественных немецко-французских отношений закончилась горьким похмельем.

Все это не было хорошим залогом гармоничного будущего. Именно поэтому в Париже приход Эрхарда к власти был воспринят скорее со скепсисом, хотя поначалу обе стороны добросовестно старались поддерживать хорошие отношения. Первую заграничную поездку в роли канцлера Эрхард предпринял во Францию. Официально Эрхард и де Голль выразили удовлетворение ходом переговоров. Но в действительности вряд ли что-то изменилось по спорным вопросам. Оба пропустили слова собеседника мимо ушей.

Частично дело было в уже упомянутом выразительном стиле Эрхарда. В комплексных вопросах политики иностранных дел одной харизмы было недостаточно, здесь важна была точность. Эрхарду это не подходило. Герман Кустерер, в то время переводчик в Министерстве иностранных дел, в первую очередь мог бы вознести жалобу на Эрхарда: «Людвиг Эрхард, обычно считающийся хорошо владеющим словом, был тем «клиентом», который стоил бы мне лучших трудов». Частенько приходилось попотеть, ведь он не заканчивал предложения — это случалось и особенности тогда, когда он становился критичным, — а бросал слово «но», спеша начать новую фразу, которое вовсе не было противопоставлением, а вводным словом в затруднительном положении. Но от переводчика не терпят полуфраз. А в случае с Эрхардом эти недосказанности не были вопросом языковой беспомощности, а скорее проблемой содержания, нежелания и невозможности занять однозначную позицию».

Отягощало ситуацию еще и то, что между Эрхардом и де Голлем не было ни деловой, ни личной связи. Они по природе своей были чересчур разными, а их политические позиции — чересчур противоположными. Де Голль хотел стать олицетворением «Славы великой Нации», он любил пафос, мыслил категориями национального государства и склонялся к этатизму. Эрхард, напротив, был сама простодушная созерцательность, верил в слияние наций в глобальном единении свободной торговли и ненавидел любые формы экономического дирижизма. Но сильнее всего немецкий канцлер и французский президент расходились во взглядах на роль США в Европе. Де Голль хотел превратить Францию посредством союза с Западной Германией в сильнейшую державу в Западной Европе. США и Великобритании нечего было здесь делать. Эрхард, напротив, был

настроен проамерикански и отстаивал свою идею «братской и свободной Европы». Здесь не было места для каких-либо обособленных союзов, в том числе и для союзов между Германией и Францией. Эрхард хотел быть хорошим партнером для всех без исключения европейских государств. Поэтому он особенно был озабочен немецкими отношениями с Великобританией и более мелкими государствами, такими как Нидерланды или Дания, поскольку последнее Аденауэр скорее оставил в стороне. Премьер-министр Нидерландов Йозеф Лунс так высоко ценил Эрхарда, что признавался: «Этот канцлер мог бы быть голландцем». У де Голля эта политика Аденауэра, естественно, не находила много понимания. После визита де Голля в Бонн в июне 1964 года дело дошло до открытого противостояния.

Предшествовала этому правительственная встреча, исполненная трагизма. Яркими словами и с большим пафосом генерал де Голль говорил о своем душевном стремлении к крепкому немецко-французскому сотрудничеству во всех областях политики, а может быть, и на военном плане. Он предложил своего рода немецко-французский союз — единственный исторический шанс, как многие потом думали. Но это видение было исполнено неуверенности и противоречий. Кроме того, оно не подходило к политической концепции ни канцлера Эрхарда, ни его министра иностранных дел Шредера. Поэтому они чуть не довели де Голдя до белого каления. Хорст Остерхельд, личный свидетель этого заседания, рассказывает: «После убедительного, живого выступления де Голля все посмотрели на канцлера. Но тот молчал. Изумление, беспокойство повисли в зале, почти паралич, пока Шрёдер не прервал эту мучительную тишину и не попросил госпожу Буверат, переводчицу, перевести до конца доклад французского министра образования, сделанный еще до речи де Голля. Многим участникам переговоров эта сцена надолго врезалась в память. Они говорили, что стали свидетелями гибели будущей дружбы».

По всей видимости, эта оценка руководителя бюро иностранных дел канцлерского ведомства соответствовала истине. Впредь отношения с Францией оставались явно холодными. Де Голль никогда не простил Эрхарду это дипломатическое издевательство. На обратном пути в Париж разочарованный президент во всеуслышание провозгласил, что перспектива немецко-французского брачного союза, заявленная в Елисейском договоре, никогда не будет приведена в исполнение. На «голлистов» это подействовало как сигнал к восстанию. В бундестаге поднялся страшный крик. Наряду с министром иностранных дел Шрёдером и бундесканцлер попал под

серьезный обстрел «голлистов», которые упрекали «атлантическое» федеративное правительство в крушении немецко-французских отношений и однозначном ориентировании на США. И в этих упреках было больше правды, чем может показаться.

Эрхард был убежденным «атлантиком». Он восторгался США, до глубины души уважал эту страну «неограниченных возможностей». «Я чувствовал, что убеждения этого народа непосредственно связаны с моими. Я чувствовал с ними что-то родственное». В конце концов, Эрхард был «американским открытием», как он не уставал утверждать. Разве не должны были все немцы чувствовать глубокую и искреннюю благодарность по отношению к Соединенным Штатам? Разве американская благотворительная помощь не спасла многих от горькой беды послевоенного времени? Где была бы сейчас немецкая экономика, лишенная стартового капитала, связанного с планом Маршалла? Как выглядел бы Берлин и Федеративная республика без сильной поддержки Америки? Откуда бы взялись благосостояние, безопасность и демократия в Германии без поддерживающей и всегда готовой помочь руки Соединенных Штатов? До тех пор, пока со стороны Восточного блока исходила постоянная угроза, до тех пор, пока разделенная Германия оставалась потенциальным полем битвы в «холодной войне», союз с Вашингтоном составлял ядро немецкой внешней политики. В этом отношении Эрхард со своей политикой был абсолютно прав. Но его доверие к американцам было слишком большим. Он был наивен.

Эрхард хотел быть лучшим другом США — а еще лучше, лучшим другом самого могущественного человека в Америке. Так что он смотрел на первую длительную встречу с президентом США Линдоном Б. Джонсоном, запланированную сразу после рождественских праздников 1963 года, с большими надеждами, но также и с некоторым беспокойством. Напряжение, написанное на лине канцлера в момент прибытия самолета «Люфтганзы» на и техасский аэродром Остин 27 декабря 1963 года, скоро улетучилось.

Президент Джонсон поприветствовал Эрхарда и сопровождающих его лиц сердечно и по-дружески. Сам он прибыл с супругой, губернатором Техаса Джоном Коннэли с супругой, а также министром иностранных дел Дином Раском техасского происхождения. В целом, визите самого начала принял неофициальный характер, поскольку проводился в Стоунуолле, на ранчо президента, вдали от Вашингтона. На встрече много внимания уделяюсь человеческим отношениям. Американцы

знали, что Эрхард был очень восприимчив к подобного рода вещам. Канцлер и остальная немецкая делегация быстро получили в подарок техасские шляпы, которые гордо носили даже после возвращения в Германию.

В Стоунуолле царила соответствующая атмосфера. Демонстративная дружба между государственными деятелями и представляемыми ими народами ярко проявись во время совместного присутствия на службе в ближайшей деревенской церкви, на американском барбекю и во время пения немецких рождественских песен. Грубоватый техасец Джонсон полагал, что у него есть особое понимание Германии, поскольку в местах, где он родился, жили немцы. Эрхард и Джонсон, казалось, во многом разделяли общую судьбу. Они оба уже долго находились в политике, но короткое время на таком высоком посту. Оба но происхождению и наклонностям предпочитали заниматься внутренними делами, но по долгу службы вынуждены были взять на себя внешнеполитические функции. Более всего оба они страдали от того, что находились в тени своих великих предшественников: Джонсон в тени Кеннеди, Эрхард — Аденауэра. Это их объединяло.

Таким образом, за время своего короткого правления Эрхард встречался с Джонсоном пять раз. В самом деле, между рослым техасцем и упитанным франконцем было что-то вроде дружбы. Эрхард, во всяком случае, называл Джонсона на людях гордо и счастливо своим другом. Джонсон в свою очередь назвал канцлера «сердечным человеком». В отличие от Эрхарда американский президент умел различать личную дружбу и политический расчет. Это выяснилось во время последней их встречи в сентябре 1966 года, Эрхард мог бы заметить это еще в 1963 году, но он не хотел ничего замечать. Так же, как и не хотел увидеть темные грозовые тучи, всходившие на чистом на первый взгляд небе немецко-американских отношений.

США в середине 1960-х годов все больше соскальзывали в пучину вьетнамской войны. На рисовых полях и в джунглях американские военные силы находились под угрозой не только утратить имидж непобедимой державы, но и разрушить собственные идеалы и мораль. Для США проблемы в Европе, в частности «немецкий вопрос», потеряли актуальность в сравнении с вьетнамской войной. Прежде всего США хотели обезопасить тылы не в последнюю очередь при помощи разрядки в отношениях с Советским Союзом. Немцы и их негибкая бескомпромиссная «политика силы», а также незаживающая рана разделения страны становились для США неприятными и обременительными. В последние годы правления Аденауэра

немцы уже считались препятствием на пути к «политике разрядки».

В период правления Эрхарда ситуация начала медленно меняться. В 1966 году его правительство объявило так называемую «ноту мира». В этом документе Федеративная республика торжественно обязалась отказаться от силовых методов воздействия во внешней политике.

Канцлер Эрхард оставил своему министру иностранных дол полную свободу действий, когда тот приступил к налаживанию пока еще полуофициальных отношений со всеми странами Восточного блока. Торговые миссии республики изначально выступали в качестве замены посольств. Лишь ГДР стала исключением. Ни Эрхард, ни Шрёдер и слышать не хотели ничего о том, чтобы признать ГДР как самостоятельное государство.

Тем ожесточеннее боролся с этим Вальтер Ульбрихт, глава государства и партии ГДР. 24 февраля 1965 года «Козлобород», как презрительно называли Ульбрихта в Федеративной республике, ступил на борт корабля «дружбы народов» в Египте, сопровождаемый последние километры египетскими военными судами и реактивными самолетами. Гость из Восточной Германии был принят президентом Насером с воинскими почестями, военным оркестром и под национальный гимн. Все это были атрибуты официального государственного визита, который, несмотря на то что Египет отказывался от этого, соответствовал формальному признанию ГДР как государства. Претензии Федеративной республики, что лишь она является правовой наследницей и представителем Германии на международной арене, серьезно пошатнулись из-за египетского визита Ульбрихта. Правительство Эрхарда столкнулось с критикой по поводу того, что ничего не предприняло дня предотвращения этой ситуации. СМИ заговорили о «Сталинграде на Ниле».

Как должна была реагировать Федеративная республика? Проводимая до сих пор политика ясно гласила: кто признает существование Панкова[13], с тем Федеративная республика оборвет все дипломатические отношения. Но Египет был не просто государством, он считался форпостом и лидером всего арабского мира. Дело сильно осложнялось еще и тем, что Федеративная республика стремилась наладить дипломатические отношения с Израилем, но арабские государства Ближнего Востока препятствовали этому. Если бы Бонн признал государство Израиль, арабские страны немедленно признали бы ГДР, то есть наличие двух немецких государств. Перед этой угрозой Федеративная республика до сих пор отступала.

Эрхард использовал запутанную ситуацию весной 1965 года

для мужественной инициативы: в пику совету политических экспертов по иностранным делам он пошел на риск и 7 марта, не долго думая, объявил о начале дипломатических отношений с государством Израиль. Ввиду нацистского прошлого Германии эта позиция была для него единственно возможной с точки зрения морали. На этот раз он использовал свое право в качестве канцлера принимать окончательное решение и доказал свою точку зрения. Каким бы спорным ни был этот шаг, мораль и история подтвердили правоту канцлера. Начало дипломатических отношений с Израилем останется по прошествии долгого времени важнейшим внешнеполитическим событием канцлерства Эрхарда.

Для современников другое событие 1965 года имело по меньшей мере такую же важность: государственный визит в ФРГ британской королевской семьи. Десять майских дней Федеративная республика нежилась в свете вспышек камер международной бульварной прессы и в сиянии Их Королевских Величеств. Немецкие газеты и глянцевые журналы практически не писали ни о чем другом. Нет сомнения, визит королевы Елизаветы II и ее супруга принца-консорта Филиппа стал самым важным событием года. Помпезность этих дней еще надолго оставит свой след после 28 мая, когда государственная яхта «Британия» с королевской четой на борту, освещенная сотнями огней и сопровождаемая огромным эскортом почета из мелких судов, выскользнула из гамбургского корта в ночную тьму. Таким образом. Эрхард мог надеяться извлечь практическую пользу из соглашения с Великобританией и международного признания Германии, которое доказал визит королевы. Ведь осенью этого года предстояли выборы в бундестаг.

В предвыборной борьбе ХДС мало подчеркивал успехи правлении Эрхарда. В целом они были неочевидны. Но миф о «господине экономическое чудо», благодаря которому Федеративная республика поднялась из руин, все еще оказывай воздействие. Именно его и использовал ХДС. В песне «Людвигу Эрхарду», написанной в стиле карнавального шлягера, пелось:

«Все эти годы
с ХДС Людвига Эрхарда
мы жили совсем неплохо…
Вилли не так хорош,
Людвиг — лучше…»

На предвыборном плакате ХДС красными буквами было

написано: «Речь о Германии!» Под надписью рядом с унылыми руинами домов, явным реликтом проигранной войны, были видны две незаконченные новостройки. Над новыми лесами на крыше возвышалась деревянная мачта ярко-зеленого цвета — символ экономического возрождения Германии, ставшего возможным благодаря Людвигу Эрхарду и ХДС. Это был плакат, полный оптимизма и уверенности.

Однако прежде всего речь шла о Людвиге Эрхарде и о его канцлерстве. До сих пор он выступал в роли кукушки, поселившейся в готовом гнезде. Многие «друзья по партии» понимали это именно так, даже если сравнение было не совсем удачным. На этот раз Эрхард должен был доказать, что один сможет выжрать выборы в бундестаг. Если он не справится, его беспощадно уберут с дороги. Эрхард знал об этом. Речь шла о его политическом выживании.

Если верить предварительным опросам, будущее Эрхарда выглядело неважно. Конечно, его личная харизма производила большее впечатление, чем харизма его соперника от социал-демократов Вилли Брандта. Но партии, по мнению социологов, должны были идти ноздря в ноздрю. Ни ХДС, ни СДПГ, скорее всего, не наберут большинства голосов, поэтому начались разговоры о возможности Большой коалиции, и начал их не кто иной, как председатель партии ХДС и бывший федеральный канцлер Конрад Аденауэр. То, что таким образом он скорее уменьшал шансы своей партии на победу, мало беспокоило Аланауэра, хотя в 1957 году он сам сравнил возможную победу социал-демократов с падением Германии. Все это было не в счет, когда появилась возможность навредить своему преемнику и противнику. Ведь Эрхард считался другом либералов и поборником малой коалиции.

Но Эрхард не падал духом и верил в свою победу. Его оптимизм, ставший притчей во языцех, так и не был сломлен. Полный воодушевления, он ринулся в предвыборную борьбу. «Он, обычно такой сдержанный, явно наслаждался бурной атмосферой в залах и на площадях, чувством локтя по отношению к своим гражданам, всей этой неразберихой с взрывающейся шумом колонной автомобилей, гремящими громкоговорителями, выкриками из толпы и овациями», — сообщает журналист «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг»[14] Фритц Ульрих Фак. За шесть недель он провел более 500 предвыборных мероприятий. Название «локомотив предвыборной гонки» делало Эрхарду честь. В буквальном смысле: поезд особого назначения, арендованный у федеральной железной дороги, стал на эти недели его вторым домом. Центром предвыборной гонки

канцлера был салон-вагон, построенный в 1937 году для маршала Третьего рейха Германа Геринга и прослуживший до 1974 года четверым федеральным канцлерам — Аденауэру, Эрхарду, Кизингеру и Брандту. Сегодня посмотреть на «канцлерский вагон» можно в Историческом музее Бонна.

Предвыборный период традиционно становится временем пафосных и эмоциональных речей. Эрхард следовал традиции. Снова и снова он подчеркивал свои заслуги перед Германией и немцами. «Вряд ли кто-то, кроме меня, оставил на послевоенной Германии такой глубокий отпечаток». Подобное самолюбование провоцировало самодовольных комментаторов, например, журналиста Георга Шрёдера из журнала «Шпигель»: «Эрхард откупоривает воспоминания о своих больших делах как бутылки. Всегда когда штурм критики грозит потушить слабый огонь его оптимизма, он откупоривает бутылку с вином Эрхарда позднего сбора, оригинального разлива, 1948 года, и перекатывает на языке ее содержимое, сладкое, как ликер».

Наряду с самовосхвалением Эрхард раздавал сильные удары своим политическим противникам. СДПГ, которая давным-давно отошла от борьбы против социального рыночного хозяйства, он обвинял в лицемерии: «Социал-демократы больше не бьют ложную тревогу, они — паразиты социальной рыночной экономики; хотят прийти на все готовое, созданное нами».

Если Эрхард чувствовал, что его пытаются задеть на его собственном, исконном поле боя, то есть в экономической политике, он реагировал с остротой, которую обычно никак нельзя было бы предположить в канцлере, выглядящем таким уютным и умиротворенным. Так, когда кандидат на пост канцлера от СДПГ, Вилли Брандт, связал ничтожно возросший процент инфляции с деятельностью Эрхарда как руководителя и объявил, что слабый канцлер не укрепит дойчмарку. «Я работал с национальной валютой и ее стабильностью уже в то время, когда господин Брандт даже еще не ступил обратно на немецкую землю», — ответил с трибуны покрасневший от ярости Эрхард. Он намекал на годы, которые Брандт провел в Норвегии, спасаясь от национал-социалистического режима. Это было слабо, исторически неверно и ниже уровня Эрхарда. К сожалению, у него случались и другие промахи.

«Вновь стало модным, чтобы поэты подчинялись политикам и критикам. Когда они занимаются этим, это их право. Однако в таком случае им должно нравиться, когда их называют соответственным образом, а именно невеждами и бездарностями, выносящими мнения о вещах, в которых они вовсе не разбираются. Они попадают в ряды мелких партийных

функционеров, а хотят быть признанными поэтами высокого уровня. Нет, так мы не уговаривались. Здесь прекращается человек искусства, и начинается мелкая шавка, тявкающая глупейшим образом».

Что заставило такого академически образованного человека, как Эрхард, вступить в подобную полемику? Гюнтер Грасс и Рольф Хохут, двое из самых известных писателей 1960-х годов, открыто начали агитацию в пользу СДПГ. Хохут, например, опубликовал в книге под названием «Выступление перед судом в защиту нового правительства» статью об обществе и экономике Федеративной республики, дальнейшим распространением статьи занялся журнал «Шпигель». В этом сочинении Хохут упрекал ХДС в «каннибальском отношении» к рабочим, выражаясь следующим образом: «В государстве эрхардской социальной экономики воняет». Это был сильный удар, но Эрхард отплатил ему той же монетой. Хотя по-человечески это было понятно, но никак не соответствовало достоинству федерального канцлера. «Существует интеллектуализм, скатившийся в идиотизм» или «Я не могу больше выносить неаппетитные симптомы дегенерации современного искусства, у меня глаза лезут на лоб», — бросал Эрхард. Это был низший уровень разговоров завсегдатаев пивных.

Хотя подобные лозунги принимались массами на ура, но именно они нанесли вред авторитету Эрхарда в истории ФРГ. Кто нынче спорит с пеной у рта об отношении духа и силы, интеллигенции и государства, обычно многозначительно намекает на то, что еще в 1960-е годы немецкий федеральный канцлер ругал «тех самых» интеллектуалов «шавками» и тем самым показал свое истинное от ношение к ним. Подобное опрометчивое суждение, разумеется, похоже на фарисейство и несправедливо по отношению к Людвигу Эрхарду. Эти бурные политические распри были инициированы маленькой группой левых интеллектуалов. В остальном Эрхард старался поддерживать с интеллигенцией скорее хорошие отношения. В отличие от Аденауэра, он налаживал плодотворные контакты с учеными, художниками, музыкантами, актерами, артистами кабаре, поэтами, писателями и журналистами. Хотя многообещающая «бригада Эрхарда» и распалась с момента вступления Эрхарда в должность федерального канцлера, но вместо нее был создан штаб советников, в котором совместно работали независимые ни от администрации, ни от партии эксперты и сотрудники ведомства канцлера. К этому «особому кругу» принадлежали, например, публицист Рюдигер Альтман, журналист Йоханнес Гросс, психолог Манфред Кох и социолог Рудольф Вильдерман. Это группой была разработана и развита,

например, уже упомянутая выше спорная концепция «формированного общества», которую охотно принял Эрхард.

Эрхарду нельзя приписать также и то, что он был мелкобуржуазным мещанином и невеждой в вопросах искусства, как в сердцах назвал его Гюнтер Грасс. Эрхард питал беззаветную любовь к музыке. Его обширная коллекция пластинок охватывала большое количество классических композиторов, от Генделя, Баха, Моцарта и Бетховена, Глюка и Шопена до Рихарда Штрауса, с которым он был лично знаком. Особенно канцлер любил отдыхать вечером с бокалом виски с содовой под звуки симфонии Антонина Дворжака «Из Нового света». Кроме того, Эрхард любил американские евангелические песни и немецкую маршевую музыку, больше всего хоенфридбергский марш. Современную музыку он не любил, зато питал особую склонность к современной архитектуре.

«Эрхард был первым политиком, который вновь придал пусть и не всеобщее одобрение, но официальное значение модернизму, чье развитие было остановлено в эпоху Третьего рейха», — пишет историк Клаус Хильдебранд, который знал канцлерство Людвига Эрхарда «изнутри». Лучшим тому примером можно считать «канцлерское бунгало», служебную квартиру бундесканцлера, построенную в саду дворца Шаумбург. Вокруг этого здания из бетон, металла, неоштукатуренного кирпича и стекла долго не утихали ожесточенные споры. Оно открыто для посторонних глаз и выглядит незащищенным. Эрхард хотел, чтобы служебная квартира канцлера олицетворяла и демократическую архитектуру, полную достоинства, но без пустых претензий «представительствовать». Это соответствовало его собственному пониманию политики и должности федерального канцлера: «Вы лучше узнаете меня, если посмотрите на этот дом, чем если услышите мою политическую речь», — сообщил он журналистам. Однако СМИ видели это по-другому: «Не может быть и речи об интимности. Канцлер, который уединился в своем доме на несколько часов, чтобы отдохнуть и собраться с мыслями, словно находится на витрине мебельного магазина», — писала газета «Христос и мир». Пресса ведрами выливала насмешки и едкую критику на служебную квартиру. Совсем небольшой «плавательный бассейн», размером 3 на 6 метров, особенно часто становился предметом раздражения, из-за этого бассейна новый дом Эрхарда был назван «дворец Шаумбад»[15] или «Услада Людвига». Скромного и непритязательного канцлера обвинили в том, что на строительство дома ушло 2,08 миллиона марок, при этом цена была даже ниже заявленной сметы. Многим показалось, что в стране уютных округлых контуров и гельзенкирхенского

барокко это здание выглядит слишком авангардно. Эрхард, напротив, явно чувствовал себя превосходно в здании архитектора Зепа Руфа. Руф был его другом, и уже в 1951 году сделал проект частного владения Эрхарда на озере Тегернзее в Баварии. Здания в имении и во дворце Шаумбург были похожи друг на друга не только внешне. Вокруг владения Эрхарда на Тегернзее тоже разгорелся скандал: здание было построено в восточном стиле, кроме того, земля на озере принадлежала природному заповеднику. Местное население было недовольно строительством, но после того, как улеглись первые волнения, Эрхард с удовольствием проводил время в этом уголке Восточной Баварии — одном из самых красивых в Германии. Критики Эрхарда отмечали, что он часто прятался здесь от шума и суеты. Впрочем, критикам не нравилось все, в том числе и слишком частые поездки канцлера.

В любом случае, поездки, связанные с предвыборной борьбой, закончились для Эрхарда 19 сентября 1965 года в день пятых выборов в немецкий бундестаг. Несмотря на предсказания о малом отрыве ХДС от СДПГ, ХДС получил 47,6 % голосов и стал лидирующей партией, лишь чуть-чуть недобрав до абсолютного большинства. СДПГ получила 39,3 % голосов, потерпела поражение и оказалась на втором месте. Кандидат от СДПГ на пост канцлера, Вилли Брандт, уже всерьез подумывал о том, чтобы сдаться и, смирившись, вернуться обратно в Берлин.

Людвиг Эрхард в очередной раз подтвердил свое прозвище «предвыборного локомотива». Внешне он выглядел счастливым победителем, но это была пиррова победа. Переговоры вокруг формирования правительства оказались неожиданно сложными и беспощадно разоблачали, насколько хрупким был фундамент власти Эрхарда, несмотря на убедительную победу на выборах. После окончания выборов в ХДС опять вспыхнули внутрипартийные споры поразительной остроты. «Голлисты» вторично призвали к походу против «атлантиков», попытавшись воспрепятствовать повторному назначению Герхарда Шрёдера министром иностранных дел.

Между партнерами по коалиции тоже появилась напряженность. Либералы, которые прежде были самыми мерными союзниками Эрхарда, потеряли много избирателей, голосовавших за их партию, поэтому они стремились во что бы то ни стало проявить самостоятельность в правительстве. Сам Эрхард был болен. Он страдал от гриппа, который заработал во время предвыборной кампании, до конца вылечиться от этой болезни ему так и не удалось. Вследствие этого он был еще менее, чем обычно, способен принимать внятные решения.

Формирование правительства шло мучительно долго. Канцлер выглядел человеком, зависящим от воли обстоятельств, а не хозяином и рулевым. В Бонне снова начали злобно поговаривать о «напыщенном паре зверей» и «канцлере переходного периода». Даже в ХДС раздались голоса, призывающие исключить «предвыборный локомотив» Эрхарда из состава и отправить на запасной путь. В любом случае, его карьера с осени 1965 года уже пошла на спад. Казалось, что правительству Людвигу Эрхарда уже ничего больше не удавалось.

Ситуация в стране резко изменилась. Над республикой нависло прямо-таки невыносимое напряжение. Во всяком случае, Франц Йозеф Штраус полагал, что ситуацию можно охарактеризовать следующими пятью понятиями: неопределенность, ненадежность, неуютность, озабоченность и неудовлетворенность. Появились первые приметы общественного перелома. Начались студенческие движения протеста, которые набирали обороты и достигли своей кульминации в событиях 1968 года.

Над Федеративной республикой словно нависла свинцовая пелена, частично это было связано с изменением менталитета, которое лишь отчасти можно было объяснить рациональными причинами. Однако в то же самое время это изменение имело сильные основания, за что ответственность возлагали на правительство Эрхарда.

Нерешительность, колебания и слабость Эрхарда как руководителя оставляли впечатление внутриполитической стагнации. Во внешней политике Бонн, казалось, тоже зашел в тупик. Де Голль фактически парализовал Европейское экономическое сообщество при помощи политики «пустого стула». Он угрожал прочности военного союза, исключительно важного для немцев, планируя вывести Францию из военных структур НАТО. Балансировать между Парижем и Вашингтоном для федерального правительства было все сложнее. США, важнейший партнер ФРГ в глазах Эрхарда, все дальше увязали в трясине вьетнамской войны и все меньше интересовались своим союзником — Германией, поскольку она требовала и политической, и финансовой поддержки. Отсюда возникло ощущение бесперспективности и во внешней политике ФРГ.

Одновременно с этим бундесвер потрясла серия падений самолетов. «Старфайтер», военно-транспортный самолет люфтваффе Lockheed F-104G, недавно приобретенный у США, по всей видимости не соответствовал тем задачам, которые призван был выполнять. Это был настоящий торговый и политический скандал. Более того, «Старфайтеров» стали называть

«производители вдов» для бундесвера. До середины 1965 года с неба упали 26 самолетов, 15 пилотов погибли. Оппозиция правительству и общественность осенью 1966 года громко требовали голову министра обороны Кая-Уве фон Хасселя. Именно в результате авиакатастрофы погиб сын Хасселя. Но под сильное давление попал не только министр обороны, но и все правительство.

Проблемы кабинета Эрхарда росли главным образом из-за экономического развития страны. Держащиеся на высоком уровне с 1950 года темпы роста экономики сильно замедлились. В самом этом факте не было ничего угрожающего. Цены стабилизировались, царила практически всеобщая занятость, экономика все еще росла, только менее быстро. Для экономиста Эрхарда это было естественно. Он это предвидел и уже давно предупреждал о подобной возможности, призывая граждан к минимальному самоограничению. Он не видел повода для беспокойства.

Но его соотечественники были другого мнения. Немцам. избалованным годами «экономического чуда», такое развитие экономики показалось чуть ли не катастрофой и возможным началом тяжелого спада производства. По-этому публика отреагировала на бездействие Эрхарда с негодованием. Разве правительство не должно было принять меры, чтобы не дать остановиться экономическому развитию страны? Неужели Эрхард оказался несостоятельным даже в экономической политике, где ему не было равных?

В сумме все эти симптомы кризиса дали кумулятивный эффект. Не хватало только повода, чтобы разразилась гроза, нависшая над головой Эрхарда.

Летом 1966 года федеральная земля Северный Рейн-Вестфалия, самая густонаселенная земля ФРГ пострадала от последствий кризиса в горной промышленности. Все большее количество граждан предпочитают отапливать дома с помощью дешевой нефти. Сбыт дорогого угля катастрофически упал. В Рурской области начали закрывать шахты, что явилось результатом экономических структурных изменений, обозначившихся еще и 1950-е годы. До сих пор этого не произошло только благодаря денежным дотациям. Но сейчас последствия структурных изменений в экономике пробили себе дорогу. Нерентабельные шахты были временно остановлены. Безработные вышли на демонстрации. Их ярость была направлена на канцлера Эрхарда, который, казалось, бездеятельно смотрел на происходящее. День выборов и ландтаг стал днем расплаты.

В день выборов, 10 июля 1966 года, ХДС был вынужден

смириться с сенсационным поражением! Это была оглушительная оплеуха для канцлера Эрхарда, который снова активно действовал в предвыборной компании. Настроение в ХДС было грозовое. Результаты выборов и Северном Рейне-Вестфалии стали первым сигналом к давно ожидаемому падению канцлера. «Предвыборный локомотив» Эрхард сошел с рельсов. Теперь он годился только на свалку. Начался публичный демонтаж Эрхарда, долгий и мучительный конец его канцлерства. Этот период Курт Георг Кизингер назвал «Чистка Авгиевых конюшен». Министр-президент земли Баден-Вюртемберг был тем человеком, который получил от этого наибольшую выгоду.

Вступлением к падению Эрхарда стало прошение об отставке его самого важного доверенного сотрудника, главы канцлерского ведомства, Людгера Вестрика. Он устал быть тем человеком, по кому в первую очередь ударяла общественная критика, хотя критики имели в виду, конечно, Эрхарда. Эрхард начал искать подходящего преемника, но нигде не смог найти того, кто был бы готов взять на себя обязанности главы канцлерского ведомства. Никто не хотел быть нанятым первым помощником на давший сильную течь корабль, находящийся под началом слабого и потерявшего ориентиры капитана и дрейфующий прямо в центр шторма. Так Вестрику пришлось остаться в этой должности. Для Эрхарда вся эта ситуация была мучительной.

Второй ступенью падения Эрхарда стал его визит в США в сентябре 1966 года. Визит с самого начал был провальным. Истекающая желчью пресса комментировала неподобающий состав немецкой делегации. Кроме канцлера и Вестрика, который официально уже находился в отставке, министра иностранных дел Шрёдера и министра обороны фон Хасселя, а также жен этих официальных лиц, на борту самолета была и дочь Эрхарда Элизабет со своим супругом. Это привело к ядовитым замечаниям и карикатурам, посвященным «государственному визиту со всеми чадами и домочадцами», расточительному «семейному выходу в свет» канцлера, обычно знающего меру в расходах.

Вообще говоря, Эрхард хотел с помощью блистательного визита заново отполировать свою репутацию, явно пришедшую в негодность. Канцлер спекулировал тем, что в Вашингтоне он сможет найти выход из актуальных финансовых трудностей. Он хотел получить отсрочку безналичному расчету с США на основе зачета взаимных требований и обязательств, учитывая, что американские войска были размещены в ФРГ для защиты ее территории. «Атлантик» Эрхард в последние годы доказал свою особую дружескую верность США и получил за это на родине розги и суровую критику. Теперь он надеялся на ответный жест.

Однако Эрхард фундаментально ошибся в своей оценке ситуации. Благодарность — это не та категория, которая идет в расчет в условиях жесткой политической сделки. Президент Джонсон сам стоял перед крупными финансовыми проблемами. Грязная война во Вьетнаме не только испортила внутриполитическую ситуацию в Вашингтоне, но и проделала огромные дыры в американском бюджете. Джонсон не хотел дать немцам ни часа отсрочки по выплатам, США срочно нужны были деньги. Джонсон ни на йоту не уступил своему «dear friend» Людвигу, напротив, он настоял на буквальном выполнении обязательств и весьма жестко разговаривал с Эрхардом с глазу на глаз.

Джонсон резко жестикулировал, распрямлялся во весь свой огромный рост и возвысил свой и без того громкий и сильный голос. Он буквально обрушил на Эрхарда водопад обвинений и требований. Канцлер выглядел, как мокрый пудель, который никак не мог понять, что с ним произошло. Он робко попытался осветить свой взгляд на вещи. Эрхард говорил, что ему горько слышать от господина президента, что немецкому слову нельзя больше доверять. Не существует ни единой причины сомневаться в откровенности и лояльности Германии. Германия уплатит все свои долги, речь идет лишь об отсрочке. Джонсон невозмутимо выслушал канцлера… и остался непреклонен. В конце переговоров немецкая сторона была вынуждена пообещать выплатить все долги к середине 1967 года и одобрить образование немецко-американско-британской экспертной комиссии. Британцы тоже уже давно хотели повысить платежи за пребывание своих войск на территории ФРГ.

«Я видел Эрхарда, когда он покидал комнату для совещаний», — рассказывает бывший посол США в ФРГ Джордж МакГи, который специально вернулся в Вашингтон к приезду немецкого канцлера. «Он выглядел буквально нокаутированным, и мне было по-человечески чертовски его жаль». Эрхард, разумеется, предполагал, что теперь на родине, в Бонне, он попадет в руки своих беспощадных врагов. Так и случилось.

Не помогло и то, что председатель фракции ХДС — ХСС в бундестаге, Райнер Барцель, заявил: «Людвиг Эрхард был и остается нашим канцлером». Ведь тот, у кого есть сильная поддержка, тот не нуждается, чтобы ему прикрывали спину. Но у Эрхарда не было больше поддержки внутри партии. ХДС начал открыто искать новою преемника.

Осенью 1966 года число безработных на всей территории ФРГ составило примерно 216 000 человек, что составляло примерно 0,7 %. Для современного европейца эта цифра является

признаком недостижимого благоденствия, но для современников Эрхарда настало время бить тревогу. Началась истерия по поводу экономического кризиса. Ведь и мировой экономический кризис начинался с малого! Как и в конце 1920-х годов, страх перед экономическим спадом прямым курсом вел избирателей и руки партий, находящихся на крайнем правом крыле Политического спектра. Национал-демократическая партия Германии (НДПГ) получила места в гессенском и баварском ландтагах.

Эрхард больше не владел ситуацией. Правительство не могло определиться, как залатать крупные дыры в экономике. Из-за этого 27 октября развалилась коалиция с СДП. Несколько недель Эрхард управлял страной в качестве канцлера кабинета меньшинств. Однако ход событий давным-давно определяли другие.

Гельмут Коль, в то время председатель фракции ХДС в рейнланд-пфальцском ландтаге, оборвал постыдные свары вокруг поста Эрхарда. Он разрубил гордиев узел, открыто назвав четыре имени возможных кандидатов на пост федерального канцлера. Это были президент бундестага Ойген Герстенмайер, председатель фракции ХДС Райнер Барцель, министр иностранных дел Герхард Шрёдер и баден-вюртембергский министр-президент Курт Георг Кизингер, который в конце концов и вышел победителем. Вместе с СДПГ он образовал правительство *большей* коалиции. 1 декабря Людвиг Эрхард был отправлен в отставку, в тот же день Кизингер был выбран его преемником.

Вокруг Людвига Эрхарда образовалась пустота. События последнего времени, жесткая критика, происки и интриги врагов и мнимых друзей глубоко ранили его душу. Свое падение он никогда уже не смог полностью преодолеть. На политическую арену Эрхард вернулся еще один лишь раз 5 мая 1977 года. В предвыборной борьбе 1972 года он участвовал вместе с Карлом Шиллером, своим, наверное, самым известным преемником на посту министра экономики, за это время уже покинувшим ряды СДПГ. Слава Эрхарда как великого экономиста сыграла плохую службу ему во время экономического и политического кризиса 1966 года. Многие его современники, как и сам Эрхард, вскоре начали рассматривать его падение в первую очередь как следствие личных недоразумений. Уже через год вышла книга под заголовком «Покушение на талисман Германии», которая попыталась доказать эту точку зрения. Аденауэр расставил все точки над «i» несколькими словами: «Главное, он убрался!» Постоянные удары от первого канцлера и «соратников по партии» в спину были важной предпосылкой падения Эрхарда. Но все же это лишь часть истины.

Как бундесканцлер Эрхард провалился по многим причинам. С одной стороны, дело было в конкретных обстоятельствах, с другой стороны — в нем самом. Разобщенность в ХДС вызвал не Эрхард, но он не смог сгладить или хотя бы сбалансировать ее. Иногда он даже углублял и содействовал ей своей слабостью как управленец. Падение темпов роста экономики и «кризис» 1966 года никак нельзя поставить в вину одному лишь Эрхарду. Тем более что «кризис» был основан по большей части не на экономических факторах, а на психологических ощущениях. Но Эрхарду пришлось терпеливо снести упрек в том, что он недооценил страхи и опасения населения. Здесь ему не хватило тонкости политического чутья. Именно поэтому он так растерялся перед лицом истерии, разразившейся вокруг мнимого кризиса.

В конце правления Эрхарда реальный кризис переживала не экономика, а политика. Однако на Эрхарде лежит только часть вины за это. Ведь наследство, которое оставил Аденауэр своему преемнику, было вовсе не таким упорядоченным, а сияние славы первого бундесканцлера вовсе не таким ярким, как это обычно представляют. Политик с большей внутренней силой и решительностью, не обремененный чувствительной совестью и обладавший значительно большим опытом в делах внешней политики, точно так же не смог бы справиться с этими проблемами. Эрхард не был виноват в том, что США, погрязшие во вьетнамской войне, отвернулись от Европы. Он также не был виноват в своевольной политике де Голля, направленной против европейских соседей и Америки.

Зато по праву можно предъявить Эрхарду упрек в том, что он хорошим отношениям с Францией предпочел союз с США. Можно упрекнуть его в том, что его доверие к американцам было слишком большим, а политические оценки слишком наивны. «Со времен Людвига Эрхарда мы знаем, что не только политика вредит характеру, но и характер вредит политике». Это высказывание журналиста Йоханнеса Гросса ярко освещает самую большую проблему канцлерства Эрхарда. Эрхард был не интриганом и не властолюбцем, он был слишком хорошим человеком. Однако человек, облеченный высшей властью и, следовательно, высшей ответственностью, должен обладать здоровой толикой макиавеллизма и достаточной частичкой бессовестности — у Эрхарда не было ни одного из этих качеств. Самое главное — бундесканцлер должен уметь вести свое правительство, свою партию и свою страну сильной рукой, не обращая слишком много внимания на остальных. Эрхард не хотел и не мог этого. «Он был человеком сомнений, — говорил Герхард Шрёдер, министр иностранных дел в правительстве Эрхарда, —

не только по своему темпераменту, но и по своей политической философии». Он был ученым, профессором, но не политиком. По крайней мере, не успешным бундесканцлером. Аданауэр предполагал это, и в 1966 году он победил «толстяка».

И все же Людвигу Эрхарду история приготовила поздний триумф.

В коллективной памяти немцев Эрхард навсегда останется успешным министром экономики, «отцом экономического чуда», человеком, который обещал «благосостояние для всех» и осуществил его для многих. Сегодня Людвиг Эрхард все еще олицетворяет идеального экономиста, даже после исследований историка экономики и биографа Эрхарда Фолькера Хентшеля Августа фон Хайекаа, лауреата Нобелевской премии в экономических науках. Он писал: «Среди всех экономистов, которых я знал, я не встречал ни одного, кто имел бы такой хороший инстинкт — поступать правильно, кроме Людвига Эрхарда».

Вопрос «Что бы на это сказал сегодня Аденауэр?» никому не приходит в голову. Вопрос «А что бы сделал Людвиг Эрхард?» легко слетает с губ многих. Никто не запнется. Сегодня политики, вне зависимости оттого, к какой партии они принадлежат, претендуют на наследство Людвига Эрхарда, и это происходит не только в Германии, но и во всем мире. «В целях подготовки к экономическим реформам в нашей стране я первым делом прочел книгу Людвига Эрхарда». Эти слова произнес президент Российской Федерации Борис Ельцин. Конечно, прочесть еще не значит сделать из прочитанного необходимые выводы. Но какой еще бундесканцлер мог бы похвастаться тем, что его идеи имеют такую популярность по прошествии столь долгого времени?

Посредник
Курт Георг Кизингер

«Чувствую себя коренным боннцем!»

«Я буду управлять сильно, но не буду выставлять эту силу немецкому народу напоказ в сценках из варьете».

«Беда, когда тот, кому поручено править, не делает этого».

«Революция пожирает не только своих детей. Она пожирает и своих дедов».

«Будучи канцлером Большой коалиции, нужно многое, что так хочется сказать, держать при себе».

«У меня время от времени возникало чувство: я скорее владелец мастерской по ремонту, чем большого предприятия».

«Вероятно, иногда я и вправду слишком медлил».

Кизингер

«Я уже раньше говорил своей жене: если мы сумеем создать Большую коалицию, у меня будет много времени. Единство — это инертность. Мне придется завести подружку или начать писать книгу».

Ганс Апель, политик от СДПГ

«Это отвечало восприятию Брандта, что член НСДАП и антинацист в качестве канцлера и вице-канцлера отражают настоящее этой страны и необходимость примирения».

Эгон Бар, политик от СДПГ

«Политика свободомыслия для Курта Георга Кизингера означает перенять ответственность, «для которой нельзя экономить ни свои деньги, ни свое время, ни свою жизнь». Для Кизингера это высказывание Алексиса де Токвиля стало лейтмотивом всех его действий».

Гельмут Коль

«Несправедливо считать Кизингера лишь «переходным канцлером». Ситуация, в которую он был поставлен, не допускала сенсаций».

Гельмут Шмидт

«Кизингер на посту канцлера обладал способностью выставлять свой авторитет в выгодном свете».

Герхард Штольтенберг, бывший федеральный министр

«Я многому от него научился, особенно его неустанному терпению и его почти неограниченной способности вести переговоры с большим хладнокровием».

Франц, Иозеф Штраус, бывший председатель ХСС

«Кизингер был руководителем без бюрократического педантизма, человеком сильных душевных качеств, со способностью выявлять и добиваться серьезных целей».

Бернхард Фогель, бывший премьер-министр Рейнланд-Пфальца и премьер-министр Тюрингии

«Кизингер олицетворял собой типичного представителя Христианско-Демократической партии, с континентальными наклонностями и пристрастием к французским соседям, убежденного антикоммуниста, который по этой причине прислушивался к мнению США».

Моурис Ковр де Мурвилль, министр иностранных дел Франции

«Кизингер — политик умственного труда. Для него на переднем плане стояла не только тактика, но и внутренний смысл политики, ее разумное обоснование».

Рихард фон Вайцзекер

«Между Кизингером и мной была не пропасть, но то расстояние, которое создали разные жизненные пути и разный смысл жизни».

Вилли Брандт

«Талант Кизингера к болтовне соперничал только с его способностью к компромиссу».

Хорнст Эмке, политик от СДПГ

«Господин Штраус выдумал себе “бумажного друга”, господина Кизингера, федерального канцлера».

«Конрад Аденауэр сказал мне незадолго до смерти, что этот слабак вообще не должен был получить в нашей стране никакой государственной должности».

Вальтер Шеель, бывший глава оппозиции в СДП

«Немецкая пресса должна была всем скопом

предотвратить появление этого сомнительного канцлера».

Генрих Бёлль, писатель

«Даже “вынесение за скобки” спорных вопросов, что часто ставилось ему в вину, доказывает только, что у него было необходимое чутье на правильную политику в правильное время».

Рейнхард Шмёкель, сотрудник Кизингера

Изящная молодая женщина с короткими каштановыми волосами прибыла в Берлин только с одной целью: она хотела дать канцлеру оплеуху. Долгие месяцы она шла за ним по пятам, но нигде не могла подобраться к нему достаточно близко. Но в то утро, 7 ноября 1968 года, на партийном съезде ХДС все прошло как по маслу. На входе она достала просроченное удостоверение своего мужа, французского журналиста Сержа Кларсфельда, и распорядители зала пропустили ее. Она протиснулась между рядами собравшихся членов партии, за время съезда уже изрядно уставших. В то время как на трибуне возрождалось будущее ХДС, федеральный канцлер Курт Георг Кизингер сидел за столом президиума и был занят тем, что подписывал открытки на память. Внезапно «террористка» подкралась сзади и с криком: «Нацист, нацист!» ударила его по лицу тыльной стороной руки. Канцлер на мгновение замер от ужаса, как будто ему тяжело было осознать неожиданное нападение, а потом схватился за левый глаз.

В зале никто ничего не видел. Вероятно, этот случай вообще мог бы пройти незамеченным, если бы генеральный секретарь ХДС не вскочил, чтобы схватить нападающую, а руководитель собрания не встал бы на место оратора и не объявил собравшимся: «Дамы и господа, произошло нечто неслыханное — господин федеральный канцлер получил оплеуху». Сейчас же в зале началось волнение. Делегаты, лишь за три дня до этого освиставшие канцлера, когда он предложил продлить существование Большой коалиции с социал-демократами до 1973 г., поднялись и демонстративно зааплодировали своему канцлеру и председателю партии. Врач исследовал глаз Кизингера и констатировал легкое воспаление конъюнктивы. Спустя два часа на заключительной пресс-конференции канцлер еще сильнее снизил значимость события, сказав, что не хотел бы

принимать «нападение» молодой женщины слишком близко к сердцу. Однако в автомобиле по пути в аэропорт по настоянию некоторых советников он все же подписал заявление о передаче дела в суд. В тот же день в 17.40 было начато разбирательство против 29-летней Беаты Кларсфельд. Спустя два часа она была приговорена участковым судьей к году тюрьмы. После этого приговора, намного превосходившего тяжесть преступления, скандал приобрел идеальное звучание: Беата Кларсфельд за одну ночь стала мученицей внепарламентской оппозиции. Оплеуха бундесканцлеру Курту Георгу Кизингеру заняла первые полосы газет и превратилась в историческое событие.

В этом случае речь шла о пустяке. Оплеуха была не более чем легким ударом, никак не задевшим канцлера. Мера наказания Беаты Кларсфельд годом позже была снижена по итогам апелляции до 4 месяцев, а процесс в конце концов прекращен. Однако этот удар пришелся на то время, когда маленькие жесты имеют большие последствия. «Дело об оплеухе» стало символическим моментом в конфликте, который ознаменовал время правления третьего федерального канцлера и был нацелен также против самого Кизингера. Символические жесты восстания поколения «детей» против поколения «отцов» имели место в Беркли и Лондоне, в Париже и Берлине. Студенты выходили на улицы, протестовали против войны, государственной власти, ядерного оружия, общества потребления и выступали за новую свободу безо всяких ограничений. В Германии к этому конфликту присоединился еще один, хоть только назревающий и еще не разгоревшийся, но очень важный. Послевоенное поколение бескомпромиссно восстало против военного прошлого. Во многих участниках ненависть против носителей темного прошлого смешивалась с негодованием по отношению к родителям, которые после войны восстановили разрушенную Германию, но молчали о своих военных переживаниях.

Кизингер, занимающий самый высокий пост в государстве, будучи канцлером, казался олицетворением поколения «отцов». Он вступил в НСДАП весной 1933 года и работал по время войны исполняющим обязанности начальника радио-политического отдела Министерства иностранных дел. То, что человек, имевший «нацистское прошлое», работавший на тот режим, смог стать канцлером, было для прогрессивной молодежи «плевком в лицо» и, как полагал Гюнтер Грасс — «пощечиной жертвам нацизма». Беата Кларсфельд желала, чтобы ее поступок был воспринят символически, «потому что она хотела доказать общественности и всему миру, что часть немецкого народа, но более всего его молодежь, выступает против того, чтобы нацист стоял во главе

федерального правительства». Для внепарламентской оппозиции эта оплеуха в первую очередь была удачной акцией протеста против «истеблишмента», который, казалось, олицетворял Кизингер в должности канцлера. Тем более что он возглавлял Большую коалицию, само существование которой рассматривалось как угроза демократии. В то время, когда большая часть молодежи искала новые формы общественной жизни в коммунах, участвовала в сидячих демонстрациях и диспутах, выступала за сексуальную свободу, отвергала все авторитеты и боролась с государственной властью, Кизингер выглядел как типичный «пережиток прошлого».

Ирония истории заключается в том, что оплеуха, которую получил федеральный канцлер Кизингер, запомнилась людям больше, чем он сам. Если немца попросить перечислить шесть последних федеральных канцлеров, именно Кизингер, скорее всего, будет тем, кого забудут. Его именем не была названа ни эра, ни эпоха, как это было в случае с Аденауэром и Брандтом. Время его правления с ноября 1966 по сентябрь 1969 года — осталось в памяти народа как время Большой коалиции, «медовый месяц» ХДС и СДПГ. Хотя Кизингер в период своего канцлерства достиг гораздо большего расположения к себе народа, чем его предшественники, опрос 1990 г. показал, что лишь 2 % западных немцев считают третьего канцлера республики лучшим главой правительства. Восточным немцам вряд ли вообще что-то говорило его имя, и то время особенно. Между тем именно Кизингер встал у руля во время первого серьезного кризиса власти в Федеративной республике и совместно с лидерами обеих партий достиг выдающихся результатов по его преодолению. Итак, Курт Георг Кизингер — «забытый канцлер» Большой коалиции?

«Эстет из Швабии, очаровательный болтун, который вечером за стаканчиком и сигарой «Эрбпринц» охотно расскажет пару анекдотов», — писал о нем журнал «Шпигель». «Хозяин политической арены», «уникальное политическое явление», «один из лучших ораторов, когда-либо выступавших в бундестаге», «дирижер, умеющий быть стильным и существенным», «человек гармонии», — так выглядели заголовки некрологов Кизингеру. Кизингеру приписывали множество выдающихся качеств.

Начало его политической карьеры положил случай. Во время войны семья Кизиигера оказалась во Франконии, после окончания войны его потянуло на родину, в Швабию, которая в то время находилась во французской оккупационной зоне. Кизингер обратился с просьбой о помощи к своему другу из бывшего студенческого объединения Гебхарду Мюллеру, в то время

председателю новообразованного Христианско-Демократического Союза земли Вюртемберг — Гогенцоллерн. Тот с воодушевлением сказал: «Слушай, я ищу ответственного секретаря ХДС в этой земле. Ты не мог бы им стать? На таких условиях на твой переезд согласятся и французы». Кизингер согласился. Уже год спустя новоиспеченный политик стал депутатом первого немецкого бундестага. Самыми примечательными чертами Кизингера биографы и журналисты называли оточенную риторику и находчивость в общении с врагами и друзьями. «Точный, красноречивый, умеющий увлечь своей речью, словно музыкант, играющий на органе с таким количеством тонов и оттенков звука, как никто другой», — восторгался один из репортеров. Несколько более критичным выглядит вердикт адвоката внепарламентской оппозиции Хорста Малера: «У Кизингера можно было кое-чему поучиться. Он обладал способностью нанизывать в своей речи друг на друга красивые, вычурные слова, по сути дела ничего не выражающие». Несмотря на это, талант оратора принес Кизингеру репутацию выскочки, приехавшего в Бонн, не имея ничего за душой с целью быстро сделать карьеру. В первую очередь своими пламенными речами, касающимися внешней политики, он скоро получил прозвище «король серебряные уста» и «парламентский клинок Аденауэра». В качестве оратора фракции ХДС — ХСС он много сделал для продвижения политики Аденауэра в области национальной безопасности и внешней политики. Во время легендарного визита в Москву 1955 года Конрада Аденауэра Кизингер был в составе делегации в качестве эксперта ХДС по внешней политике.

Уже довольно скоро швабу были доверены важные функции: он стал членом руководящего правления ХДС и совещательного собрания Совета Европы, председателем коллегии иностранных дел немецкого бундестага и согласительной комиссии между бундестагом и бундесратом. В первую очередь Кизингер продемонстрировал то качество, которое говорило в пользу его последующего пребывания в должности канцлера Большой коалиции — ему снова и снова с легкостью удавалось урегулировать спорные моменты и объединить противников. Конрад Алерс выбрал для него кличку «выездная согласительная комиссия».

О Кизингере говорили как о человеке, который вот-вот достигнет высшей ступени на карьерной лестнице, но снова и снова выяснялись обстоятельства, препятствовавшие его успеху. В 1950 и 1954 годах он сделал неверный шаг, и ему предпочли других кандидатов — протестантов Элерса и Герстенмайера. Снова и снова кандидатуру Кизингера выдвигали на пост

министра, но Аденауэр ни разу не взял его в кабинет. Это значит, что канцлер, хотя и ценил своего блестящего оратора, он не принимал по всерьез как политика. Когда Кизингер выдвинул свою кандидатуру на выборах генеральною секретаря ХДС по предложению Аденауэра, он отказался от должности, поскольку не считал преимущество в один голос достаточным для победы. «Великий старик» бросил тогда, не удосужившись разобраться в ситуации: «У Вас слишком тонкая кожа; Вам стоило бы нарастить шкуру потолще».

После большой победы ХДС в 1957 году дело наконец сдвинулось с «мертвой точки». Поскольку пост министра иностранных дел, на который претендовал Кизингер, все еще был занят Брентано, Аденауэр твердо обещал ему взамен пост в Министерстве юстиции. Однако снова ничего не вышло. Обескураженный Кизингер вынужден был отдать свою должность Фритцу Шэфферу, представителю ХСС, которого так и не смог обойти. Это был тяжелый удар для честолюбивого политика, у которого в январе 1958 года во время дебатов по вопросам внешней политики вырвалась двусмысленная фраза: «Если бы я стал канцлером, я бы с радостью пообщался с руководителем оппозиции». Разочарованный и уставший от ожидания, Кизингер не упустил случай, и в 1958 году, когда ему пришло приглашение, согласился стать премьер-министром земли Баден-Вюртемберг. «Я хочу наконец нормально управлять», — сказал он, не забывая и о финансовой стороне вопроса, поскольку доход руководителя федеральной земли было выше, и повернулся к Бонну спиной. Естественно, не преминув при этом заметить, что этот этап он проходит поневоле, в качестве обходного пути к высшей государственной должности: «В будущем мой интерес к федеральной политике не ослабнет». Аденауэр был огорчен, и даже политический противник Кизингера, Герберт Венер, послал в Штутгарт почти сентиментальную телеграмму: «Бонн обеднел». Но пока Кизингер вернулся домой — в свой любимый «счастливый уголок», к детским воспоминаниям и родным корням.

Курт Георг Кизингер родился в 1904 году в Эбингене в Верхней Швабии. Его отец, протестант, был торговым служащим на текстильной фабрике. Его мать, католичка, умерла вскоре после его рождения. Курт Георг вырос вместе с шестью сводными братьями и сестрами от второго брака отца. Кизингеры были стеснены в средствах, они жили «экономно, но достойно». После окончания учительского семинара в Роттвайле Кизингер учился сначала в Тюбингене, потом в Берлине, он изучал педагогику, философию, литературу и юриспруденцию. Разумеется, родители

не могли позволить себе финансирование его образования. Так что для юного студента добрым волшебником стал фабрикант из Эбингена, Фридрих Хаукс, друг его отца, который щедро помогал молодому Кизингеру получать образование вплоть до 1928 года, когда трагически погиб во время крушения самолета. Первые стихотворения, которые опубликовал музыкально одаренный юноша в местном «Новом вестнике Альп», произвели огромное впечатление на Хаукса, поэтический дебют своего протеже, сборник «Паломничество к Богу», меценат распространил на свои деньги.

Юный мечтатель Кизингер уже видел перед собой будущее знаменитого поэта. Однако разум подсказывал, что необходима «серьезная профессия», поэтому он принялся за изучение сухой юриспруденции. Кизингер сделал это, несмотря на то, что в возрасте 15 лет он гневным жестом отверг призвание нотариуса, поскольку не видел себя «согбенного над огромной стопкой бумаг». Эта нелюбовь к скучной бумажной работе будет преследовать его и во время его канцлерства. Тем не менее Кизнгер был «человеком текста» и блистал своими литературными и историческими знаниями, в качестве канцлера он столь же охотно, как и раньше, ставил на поверку свою начитанность. В качестве премьер-министра у него появилась возможность отойти от своего знаменитого ораторского стиля: Кизингер поставил под вопрос свой бойкий, хотя и несколько элитарный стиль: он опубликовал небольшую книгу — мечтательно-романтические воспоминания о домашней идиллии. «Маленький лохматый озорник» Кизингер был однажды счастлив там, где ездил на почтовой карете «в зеленую долину Бэретал вдоль чистого бойкого ручья» и «следил за старым вырезанным ликом Мадонны над воротами старой мельницы в нише стены».

Кизингер, казалось, был создан на роль главы федеральной земли. Элегантный мужчина ростом метр девяносто, с серебристыми волосами, которого в Бонне иногда называли «красавчик из телевизора» или «Роми Шнайдер бундестага», в качестве премьер-министра федеральной земли был на своем месте. Здесь он имел возможность следующие восемь лет практиковаться в искусстве управления, что не повредило в дальнейшем его достижениям. Он управлял подобно «просвещенному государю» и нежился в лучах «монаршей власти», когда по особым поводам садился за стол между герцогом Филиппом Альбрехтом фон Вюртемберг и маркграфом Максимилианом. Кизингер не управлял из виллы Райтценштайн в Штутгарте — у него была своя резиденция. Кизингер приглашал крупных деятелей культуры и искусства на шумные вечера и

званые обеды и предпринимал дорогостоящие поездки за границу. С крайним изумлением его земляки наблюдали, как сонная провинция обретает почти международный лоск и блеск. Специалист по вопросам внешней политики, Кизингер не видел причин, по которым он в качестве главы федеральной земли не мог бы наладить контакты с сильными мира сего. Он готовил помпезный прием для королевы Елизаветы, укреплял немецко-французские отношения, встретившись с генералом де Голлем, и стал последним немецким гостем, посетившим Джона Ф. Кеннеди в Овальном кабинете Белого дома. Чтобы продолжать такой стиль управления. Кизингеру приходилось использовать деньги из фондов земли. После вступления Кизингера в должность фонд представительских расходов вырос с 85 000 до 250 000 марок в год. Когда экономные швабы начали протестовать, он назвал их мелочными и отрезал: «Управляя большим государством, приходится жить на широкую ногу». Не так уж далеки от истины были те. кто говорил, что Кизингер видит свою задачу в трех буквах «П»: переговоры, путешествия и представительство. Между тем глава федеральной земли не забывал и об управлении. Ему удалось примирить сопротивлявшихся баденцев с земельным союзом Бадена-Вюртемберга. Он, засучив рукава, боролся за образовательную политику; основал три новых университета в Констанце, Ульме и Маннгейме и предотвратил из экологических соображений промышленную застройку Верхнего Рейна. Короче говоря, он был успешным политиком.

Однако Кизингер не забыл о Бонне. Он неустанно следил за «большой политикой». Не секрет, что было три поста, ради которых Кизингер бросил бы все и немедленно отравился бы «в Бонн пешком», как он сам однажды признался. Это были должность федерального президента, федерального канцлера или министра иностранных дел. В 1966 году ему наконец выпал шанс.

После того как министры из партии СПГ (Свободная Партия Германии (FDP = Freie Deutscha Partei) покинули кабинет министров Людвига Эрхарда, его уходе поста канцлера был лишь вопросом времени. За несколько месяцев до того, как Эрхард сложил с себя полномочия, сторонники партии планировали низвержение канцлера и старательно искали кандидатуру ему на замену. В тщательно выверенный список избранных попали три кандидата: министр иностранных дел Герхард Шрёдер, председатель фракции ХДС Райнер Барцель и президент бундестага Ойген Герстенмайер. Кизингер также лелеял надежды вернуться на политическую сцену в Бонне, если не в качестве канцлера, то хотя бы в качестве министра. Уже в июле он заказал себе бумаги из Бонна, чтобы получить информацию о развитии

внешней политики. Когда 27 октября 1966 года — правительство Эрхарда только что пало — Кизингер оказался в Бонне, он не упустил шанса попутно упомянуть в разговоре с друзьями по партии, что должность канцлера очень бы ему польстила.

Однако решающим образом повлиял на выбор его кандидатуры вотум баварских депутатов от ХСС, которые составляли одну пятую часть парламентариев Большой коалиции. Без поддержки Франца Йозефа Штрауса и его партии Кизингер не осмелился бы выставить свою кандидатуру на пост канцлера. Первые же переговоры с генеральным секретарем ХСС в Мюнхене четко выявили, что союзная партия поддержит Кизингера. Но это соглашение было достигнуто без участия одного из самых влиятельных представителей ХСС — Франца Йозефа Штрауса. После аферы с журналом «Шпигель» Штраусу волей-неволей пришлось взять временный тайм-аут в Бонне. Штраус на должность канцлера не претендовал, по крайней мере пока, а Кизингер уже обещал ему пост в кабинете министров. Штраус чувствовал себя исключительно комфортно в качестве «серого кардинала». «Ах оставь, все время ты о своем Кизингере», — отвечал он вначале на вкрадчивые предложения члена ХДС Клауса Шлёйфайена, сам Штраус ставил на Герстенмайера. О «королевском убийце» Барцеле речи не шло, хотя он и казался в свои 42 года достаточно молодым для того, чтобы «потопить» Штрауса, который был на 9 лет старше. Когда ХДС 9 ноября 1966 года в Мюнхене держал совет по поводу рекомендованных кандидатов, Штраус, очевидно, потерял к этому процессу всякий интерес. Он был предложен собственной партией в качестве кандидата на пост канцлера, что было вотумом доверия в чистом виде. Штраус был доволен и благодарно отказался от предложенной чести, как от него и ожидали. Потом выбор пал на Кизингера. Это окончательно решило исход борьбы за кресло канцлера, голосование фракции ХДС — ХСС в Бонне на следующий день было всего лишь формальностью.

Однако это был не единственный барьер, который предстояло взять Кизингеру на пути к власти. Как только он вступил в борьбу за высший государственный пост, ряд средств массовой информации выразили протест. Кизингера настигла тень национал-социалистического прошлого. Первой газета «Новая цюрихская газета»[16] заявила, что не годится, чтобы федеральным канцлером стал бывший член НСДАП. «Достаточно ли хорош такой человек, чтобы занять самую важную должность в Федеративной республике? Ответ может быть лишь один: нет, миллион раз нет!» — заявила брюссельская газета «Le Peuple». Когда «Washington Post» начала распространять ложное

заявление, что Кизингер был офицером СА[17] и служил в вермахте в чине «политического комиссара», дело казалось окончательно проигранным.

В 1926 году Кизингер прибыл в Берлин 22-летним студентом. Тонкости управленческой политики интересовали его в это время слишком мало. Партии Веймарской республики разочаровали его. Рейхстаг он посещал только для того, чтобы послушать лекции Герхарда Хауптманна или Томаса Манна. Виноваты были чары большого города: сверкающая, пульсирующая и будоражащая жизнь 1920-х годов. Вместе с друзьями из «Аскании», центристским католическим студенческим объединением, к которому примкнул Кизингер, он завоевывал высший свет, танцевальные площадки и богему Бернина. Поначалу Кизингер записался на курсы философии и филологии, затем начал изучать право — дисциплину, от которой он ожидал профессионального будущего. В этот же период он был обручен, а на Рождество 1932 года женился на юной берлинке, дочери адвоката, Марии Луизе Шнайдер.

Через несколько недель Кизингер вступил в НСДАП. В своих мемуарах он рассказывает о «пьянящем чувстве оптимизма», охватившем всех после прихода Гитлера к власти, и признавался: «Цель, заявленная националистами, содружество народов и обещание покончить с экономической нуждой, как и желание освободить Германию от репутации парии среди европейских народов, произвели на меня впечатление». Его более поздние объяснения, что он вступил в НСДАП для того, чтобы «изнутри» повлиять на Гитлера и его партию и там бороться с националистским расовым безумием, «где оно взросло», выглядят, разумеется, не просто наивными, но и нарочитыми, что сам Кизингер впоследствии хорошо понимал. На самом деле, он был захвачен волной эйфории и всеобщего воодушевления относительно нового режима.

Датой вступления в партию Кизингер называет конец февраля, еще «перед пожаром в рейхстаге». Партийными службами его членство в НСДАП было зарегистрировано 1 мая, то есть после первого организованного бойкота против евреев. Годом позже Кизингер вызвался добровольцем в «Национал-социалистский автомобильный корпус»[18], надеясь «обнаружить там людей консервативной или либеральной традиции». Однако и это утверждение было создано, что называется, постфактум. «Путч Рема»[19] 1 июля 1934 года, во время которого Гитлер хладнокровно уничтожил неудобных ему руководителей СА, стал зловещим предзнаменованием. Кизингер покинул моторные штурмовые войска.

После выпускного экзамена Кизингер «по соображениям морали» отказался от должности государственного судьи, в 1935 году он осел в Берлине в качестве адвоката Берлинского апелляционного суда и наряду с этим давал частные уроки права для студентов, как уже делал во время своей учебы. Бывшие ученики позднее подчеркивали его антинацистские настроения: «Я восхищаюсь мужеством, с которым он — в отличие от многих других преподавателей права, выступал за право и справедливость», — писал, например, правозащитник Альбрехт Пюндер. Кизингер не вступил в профсоюз юристов. «Национал-социалистский союз по охране права»[20], хотя это и являлось «порочащим его фактом». В последующие годы Кизингер занимался различными мелкими делами апелляционного суда, но на жизнь зарабатывал репетиторством. Дважды он успешно вступался за арестованных гестапо. После ноябрьских погромов 1938 года Кизингер, будучи в ужасе от последовательного «уничтожения прав» и «человеконенавистнического расового безумия», носился с мыслью об эмиграции. Он просто-таки влюбился в «Роландию», немецкое поселение в Бразилии, но ему недоставало стартового капитала, поэтому от этой идеи пришлось отказаться.

Нападением Германии на Польшу началась Вторая мировая война. Когда приказ о явке в ставку тяжелой артиллерии был у него уже в кармане, Кизингеру внезапно представилась непредвиденная возможность избежать воинской повинности. За два дня до его призыва он получил вызов от Министерства иностранных дел в «отделение культуры и радиовещания». Один из учеников Кизингера, работавший там, порекомендовал его. У Кизингера был выбор: Министерство иностранных дел или военная служба. Он решил посвятить себя радио.

Существуют разные мнения относительно того, насколько за время своей службы в Министерстве иностранных дел Кизингер погряз в преступлениях национал-социалистского режима. Кизингер появился в 1940 году в качестве «научного работника» в отделении политических радиопрограмм Министерства иностранных дел. Спустя три года он получил должность временно исполняющего обязанности руководителя отделом. Он осуществлял руководство сектором «А», радиовещанием, и сектором «Б», то есть основным отделом пропаганды. Его задачи в основном состояли в том, чтобы защищать интересы Министерства иностранных дел в соперничестве с Министерством пропаганды. Между патроном Кизингера, Риббентропом, и министром пропаганды Геббельсом развязалась жесточайшая конкуренция за немецкую радиопропаганду за границей. В этом

споре победителем вышел, в конце концов, главный гитлеровский демагог. Впредь Министерство иностранных дел могло выносить свои предложения и следить затем, чтобы нигде не нарушались основные принципы внешней политики Третьего рейха. Речь шла о выработке новой языковой нормы, о цензуре иностранных корреспондентов или о трансляции речей фюрера за границей. При этом Министерство иностранных дел придерживалось менее центристских позиций, чем Геббельс. В этой «малой войне» Кизингер нередко выступал, как он сам неоднократно подчеркивал, «лишь в качестве посредника на уровне референта». Это значит: у него не было прямого контакта с Риббентропом и Геббельсом.

В конце 1940 года Министерство порекомендовало Кизингера в Наблюдательный совет только что созданного Риббентропом и Геббельсом нового ведомства по делам пропаганды — в общество «Интеррадио». Задача этого общества состояла в том, чтобы «сломить нравственность и готовность к борьбе вражеских народов» и таким образом содействовать «уничтожению противника». Акционерное общество «Интеррадио» покупало на оккупированных областях частные радиостанции и превращала их в рупор нацистской пропаганды, находящийся под немецким контролем. Кизингер исполнял обязанности постоянного посредника между Министерством иностранных дел и «Интеррадио». Ему надлежало, как следовало из документа его начальства, передавать информацию обо всех директивах пропаганды.

Похожую задачу Кизингер выполнял и в службе особого назначения «Зеехаус» («Озерный дом»), которая была создана указом Министерства иностранных дел в 1944 году. «Озерный дом», названный так потому, что его штаб-квартира располагалась на озере Ванзее, был центральным местом прослушивания всех иностранных радиостанций. Сюда стекалась вся нефильтрованная информация из-за границы. Кизингер осуществлял связь между «Зеехаусом» и ведомствами Геббельса. Здесь он отточил свою способность достигать компромисса.

Кизингер обладал разнообразной информацией. Знал ли он об акциях уничтожения, направленных против евреев? Можно исходить из того, что сотрудники «Озерною дома» получали информацию об этих преступлениях. Но крайней мере, у Кизингера была возможность узнать об этом. «Отвратительная пропаганда» иностранных СМИ с 1942 года стала предметом ежедневных совещаний у Геббельса. В качестве посредника Кизингер обязан был знать об этом, но прямых доказательств нет.

В зените своей карьеры в качестве канцлера Кизингеру пришлось смириться с тем, что 4 июля 1968 года франкфуртский суд присяжных вытащил на свет его национал-социалистское прошлое. Защита привлекла канцлера в качестве свидетеля зашиты по делу обвиняемого секретаря миссии Фритца Гебхарта фон Ханна. Фритц был назван «кабинетным преступником», виновным в пособничестве депортациям евреев из Фракии, Македонии и Салоников. Отражая обвинения, Кизингер отвечал, что «никогда за весь период моей службы я не знал… самостоятельно или по служебной необходимости», какие мероприятия проводились в отношении евреев. Даже когда на стол ложились сообщения об уничтожении евреев, «это наверняка были именно те сообщения, которые я принимал за вражескую пропаганду». «Мы естественно сопротивлялись тому, чтобы верить этим сообщениям», — говорил канцлер. Якобы только в личной беседе до него дошли слухи об уничтожении евреев на Востоке и возбудили в нем подозрения, что «происходит что-то очень злое, что-то очень плохое». Кизингер очень хорошо знал, что не хочет знать лишнего.

После капитуляции Германии в 1945 году оккупационные власти направили Кизингера в лагерь для интернированных Людвигсбург, его обвинили в службе в ведомстве Риббентропа, и 18 месяцев он провел под арестом. Аттестационная комиссия Шайнфедьда в Средней Франконии 12 мая 1947 года классифицировала бывшего члена НСДАП как «соучастника», но через полтора года он был назван «раскаявшимся».

Кизингер не был ни активным приверженцем гитлеровской политики, ни тем более «кабинетным преступником», но он точно так же не входил в Сопротивление. Кизингер выбрал срединный путь и до самого конца исполнял свою службу. «Он лучше других знал, что заключил с режимом компромисс, поэтому вопрос, всегда ли он вел себя правильно, не давал ему покоя до конца его дней», рассказывает доверенное лицо канцлера, Гюнтер Диль, тоже в свое время служивший в министерстве Риббентропа.

Не только за границей и в самой Германии во время выборов и во время канцлерства Кизингера постоянно звучали протесты против «нациста». Пропаганда ГДР начала регулярную кампанию, где Кизингера поставили к позорному столбу как «лидера нацистской военной пропаганды радиовещания за границей». Немецкий философ Карл Ясперс говорил об «издевательствах и оскорблениях», а писатель Гюнтер Грасс взывал к Кизингеру в открытом письме, замечая, что никто из тех, кто «уже однажды действовал против здравого смысла на службе у преступников», не может занимать должность бундесканцлера.

Сам Кизингер был поражен такой бурной реакцией. Больше всего его задевало то, что обвинения из-за границы и из ГДР были приняты средствами массовой информации в ФРГ за чистую монету и активно распространялись. «Они сомневаются в человеческой честности, — ожесточенно жаловался он, — и это хуже всего. Они сомневаются в честности». Но все же Кизингер не спешил занять однозначную позицию. «Кто защищается, признает себя виновным», — говорил он друзьям. На самом деле ему не помешало бы раскрыть все свое прошлое и тем самым пресечь слухи и сплетни. Но во всех публичных выступлениях Кизингер претендовал на то, что на самом деле он никогда не был национал-социалистом, а наоборот, старался подорвать их авторитет. «Даже если бы я был всего лишь так называемым соучастником, если бы на самом деле я не оказывал сопротивление и не рисковал своей головой, я бы не претендовал на кресло канцлера». — сообщил Кизингер в декабре 1966 года израильской газете. Он видел себя представителем поколения, которое, в сущности, не повлияло на преступный режим, не признавало за собой преступления, но которому приходилось все же нести тяжелый груз ответственности из-за так называемой внутренней эмиграции. В одном интервью 1979 года Кизингер сказал: «Даже если признать, что это было принуждение, против которого никто в одиночку не мог ничего предпринять, все равно каждый был частью народа, попавшего на ужасную страницу истории. Ужасную не потому, что этот народ проиграл войну, а из-за того, что было сделано во имя этого народа. Поэтому руки самому себе я бы не подал».

Истерзанный подобными нападками, будущий глава правительства был почти что готов вывесить белый флаг. «Я не выдержу этого», — якобы сказал он своим доверенным лицам. Однако друзья поддерживали в нем мужество. Американский президент Джонсон также сигнализировал об отсутствии каких-либо предубеждений со стороны США. Когда издатель еврейского происхождения Карл Маркс и берлинский пастор и боец Сопротивления Гейнрих Грубер, переживший в концентрационном лагере Освенцим (Аушвитц), начали уговаривать Кизингера не сдаваться, он вновь обрел веру в себя. В последний момент решающим аргументом стала поддержка с неожиданной стороны: Конрад Алерс, заместитель шеф-редактора журнала «Шпигель», подкинул Кизингеру в день перед выборами документ из актов Главного управления имперской безопасности СС, попавший в его руки во время исследований. Алерс во время аферы с журналом «Шпигель» был обвинен в государственной измене, а Кизингер взял его под свою защиту. Документ стал благодарностью Алерса

— и долгожданным «моющим средством» для «грязного белья» будущего канцлера.

Один из коллег Кизингера по Министерству иностранных дел и очевидно фанатик, Эрнст Отто Дёррис, оклеветал Кизингера 3 ноября 1944 года. Он относился к тем, кто «по достоверным источникам, систематически препятствовали акциям, направленным против еврейскою населения». Кизингер якобы «не допустил установления тайного передатчика для содействия антииудаизму в США» и он якобы сомневается «в выдержке немецкого народа». Почему Кизингер не был в результате этого доноса арестован, остается тайной. Документ затерялся в бумагах и не попался Гиммлеру на глаза. Кизингер вышел из этой ситуации без какого-либо вреда для себя. Однако сейчас, готовясь к выборам, он воспользовался моментом и раздал документ всем членам фракции ХДС. 10 ноября 1966 года началось голосование. В результате Кизингер одержал верх над кандидатами Шрёдером и Берцелем и был избран на пост канцлера от ХДС — ХСС.

Курт Георг Кизингер не был бойцом и по-настоящему «сильным» политиком. Все же он был самым подходящим из всех претендентов на пост канцлера. Именно он оказался способным помочь возродиться раздробленному ХДС, который в последнее время образовывал всего лишь правительство меньшинства. В качестве премьер-министра Баден-Вюртемберга Кизингер одержал славную победу и способствовал тому, чтобы ХДС во время выборов в ландтаг 1964 года получил большинство голосов. Даже его восьмилетнее изгнание из Бонна оказалось теперь преимуществом, ведь Кизиигер не увяз в сложных кознях и интригах, которые предваряли падение Эрхарда, и не запятнал себя. Именно Кизингер мог предотвратить угрозу потери власти ХДС; убежденный в своих способностях. он и сам считал себя таким человеком.

Теперь задача была в том, чтобы как можно быстрее образовать правительство. Кизингер был намелен на создание правительства Большой коалиции. Уже вскоре после выборов Кизингер тайно встретился с руководителем фракции СДПГ Гербертом Венером. Он быстро понял, куда клонит Венер, который ублажал нового канцлера сладкими речами, убеждая в преимуществах Большой коалиции. Еще перед серьезными переговорами с СПГ Кизингер и Венер уже тайно сговорились о коалиции.

Кизингер еще в 1949 году в своей политически ангажированной речи за всеобщие выборы первого федерального президента высказывался за сотрудничество с СДПГ, чем вызвал недовольство некоторых своих товарищей по партии. «Но мы все

должны желать, чтобы это сотрудничество осуществилось на самом деле… Я из тех людей, которые не желают ничего более страстно, чем возможности вести внешнюю политику дел на самом мощном фундаменте, который вообще можно выстроить в этом доме». Между тем настроения авторитетных членов партии изменилось. Уже в 1962 году с помощью Аденауэра была почти возможна Большая коалиция, в 1965 году с целью расстроить планы Эрхарда Аденауэр высказался за «обручение гигантов». Хотя Кизингер потом торжественно заявлял, что он предложил СПГ Малую коалицию, от которой с презрением отвернулись, Большая коалиция являлась его основной целью.

Герберт Венер был в те времена ключевой фигурой в СДПГ, «мозговым центром» партии и «серым кардиналом», который держал в руках все ниточки. Но этот экс-коммунист никак не мог выступить на первый план. Поэтому в качестве кандидата в канцлеры от СДПГ был выбран Вилли Брандт, популярный и всеми любимый бургомистр города Берлина. Правда, во время последних выборов 1965 года социал-демократы потерпели ужасное поражение. Окончательно павший духом председатель СДПГ Брандт пока вынужден был отложить свои мечты о Бонне в долгий ящик и обиженно уехать в Берлин. Венер получил карт-бланш. И теперь, после падения Эрхарда, Венер наконец-то, впервые после 1930 года, увидел отчетливый шанс, открывающий СДПГ путь к власти.

Со времени Годесбергской программы 1959 года и причисления себя к сторонникам политики Аденауэра, включавшей в себя идеи западной интеграции, союза с НАТО и социальной рыночной экономики, СДПГ превратилась в «народную партию». Все-таки во время прошедших выборов ей не удалось обойти ХДС. Если не в одиночку, то хотя бы в союзе с ХДС СДПГ должна была теперь доказать свою способность стать правящей партией. После падения Эрхарда Венер агрессивно заявил в бундестаге, обращаясь к ХДС: «Мы не хотим просто поучаствовать в управлении, мы хотим управлять, и придет тот день, когда мы будем управлять». Этими словами он хотел расставить все на свои места: СДПГ не будет входить в правительство на правах младшего кандидата — только в качестве равноправного партнера. Другими словами, он намекал, что СДПГ в крайнем случае может заключить коалицию с СПГ, но подобная угроза не была воспринята серьезно. Эрих Менде, в свое время партийный руководитель либералов, вспоминает: «Герберт Винер с видом простодушного простофили продолжал вести переговоры с делегацией от СПГ еще долгое время после того, как условился о Большой коалиции с Георгом Кизингером. Он

превосходно понимал, как вводить в заблуждение своих партнеров по коалиции».

Вилли Брандт с гораздо большей охотой заключил бы союз с СПГ, но он не осмеливался противопоставлять себя ХДС — ХСС. Брандт дал уговорить себя вступить и Большую коалицию. Теперь ему, вместе с остальными сторонниками «обручения гигантов», Гельмутом Шмидтом и Гербертом Венером, нужно было уговорить своих товарищей по партии действовать точно так же. 26 ноября 1966 года всю ночь фракция СДПГ вела жаркие дебаты, в результате которых противники Большой коалиции признали свое поражение. СДПГ заявила о союзе с ХДС — ХСС.

Теперь обеим партиям предстояло решить щекотливую задачу — разработать общую программу управления и разграничить сферы влияния. Скрепя сердце СДПГ пришлось согласиться с кандидатурой Франца Йозефа Штрауса на должность министра финансов. «Это нам придется проглотить», — лаконично сказал Венер. Взамен Конрад Алерс, жертва аферы с журналом «Шпигель», в которой принимал непосредственное участие Штраус, стал временно исполняющим обязанности уполномоченного представителя правительства. Сверх того, Кизингеру пришлось одобрить кандидатуру Вилли Брандта на пост вице-канцлера и министра иностранных дел, хотя ранее он обещал этот пост Ойгену Герстенмайеру. Хотя Брандт поначалу выказывал мало интереса к Министерству иностранных дел, под влиянием товарищей по партии он с нехарактерным для него воодушевлением погрузился в решение своих новых задач.

После рекордного периода переговоров, который продолжался 25 дней, Большая коалиция стала выглядеть почти безупречно. До четырех утра делегаты, отправленные на переговоры, откупоривали пробки и праздновали свою победу и союз. 30 ноября федеральный президент Любке положил перед Кизингером список с именами министров, вошедших в кабинет, а 1 декабря 1966 года депутаты бундестага избрали 62-летнего Курта Георга Кизингера федеральным канцлером. Он получил 340 из 473 голосов, такой вотум доверия не получал до этого ни один глава правительства Федеративной республики. СПГ, фракция которой насчитывала всего 49 депутатов, создала маленькую оппозицию.

В целом это не было «соглашением из страха», которое было заключено для того, чтобы преодолеть «нужду всей страны», как драматически писал «Шпигель». Однако новое правительство целиком и полностью воспринималось как «кризисный менеджмент». Первый экономический кризис, мучительный крах

правительства Эрхарда, успехи НДП[21] и ее проникновение в парламенты федеральных земель Гессена и Баварии, а также желание добиться существенных изменений в Конституции — все это доказывало необходимость создания ХДС. Проект государственного бюджета на 1967 год вскрыл недостачу в 4 миллиарда марок. До сих пор сияющее небо экономического процветания затянули черные тучи: это был первый легкий экономический кризис в Германии, уже привыкшей к «экономическому чуду» и сверхзанятости. В декабре 370 000 немцев остались без работы, в январе 1967 года это число превысило 600 000, что по сегодняшним масштабам совсем немного. «Однако в тот момент мы думали, что находимся в ужасном экономическом кризисе», — вспоминает, качая головой, Райнер Барцель.

Проблема избавления от долгов по бюджету привела к расколу Большой коалиции на два лагеря, а для преодоления кризиса нужна была согласованность и сплоченность. Также и нарастающие с 1965 года разногласии относительно Чрезвычайного законодательства требовалось срочно разрешить. ХДС лелеял мечту разрешить эту проблему. В коалиционных соглашениях был намечен переход к «избирательному праву, которое образовывало бы большинство», привело бы к образованию двухпартийной системы и, таким образом, к устранению мелких политических группировок. Именно таким образом планировалось преградить НДП доступ в бундестаг. Эта идея имела и еще один побочный эффект — СПГ, в случае подобной реформы избирательного права, окончательно была бы изгнана с политической арены.

Большой части населения сильно надоели политические интриги в Бонне и борьба за власть, поэтому они приветствовали подобную реформу. Они рассуждали примерно так: если оба «гиганта» сейчас начнут перетягивать одеяло каждый на себя, одно это уже опасно раскачает лодку, в которой сидим мы все. Кизингер и Брандт, представители новой Большой коалиции, поначалу тоже изображали трогательное согласие. Кизингер называл это «вкладом в примирение», если в правительство войдут такие люди, как Вилли Брандт, бывший боен Сопротивления, Венер, бывший коммунист, и сам Кизингер. Брандт, который покинул национал-социалистическую Германию в 1933 году и которого часто называли «эмигрантом», выступил в защиту канцлера во время шквала критики, обрушившегося на него из-за национал-социалистического прошлого. Брандт говорил: «Это был бы хороший пример единства нации, если бы такие люди, как Кизингер и я, сидели бы водном кабинете

министров».

Но не все были так лояльны. Среди интеллектуалов, студентов и внутри отдельных партий Большая коалиция стала настоящим «пугалом». Гюнтер Грасс утверждал, что этот «пошлый брак» подтолкнул СЕПГ к самому мощному внутрипартийному кризису со времени возникновения СЕПГ[22]. Председателю СДПГ пришлось прибегнуть к помощи полиции, поскольку впавшие в ярость молодые социалисты попытались штурмовать штаб-квартиру партии. В Берлине студенты под эгидой социал-демократического профсоюза протестовали против «предательства товарищей» и «против союза ХДС — СДПГ». Среди протстующих был и сын Вилли Брандта, Петер Брандт. В это же время в Майнце и Франкфурте демонстранты скандировали: «Вилли, Вилли, отдай нам наши голоса обратно!» Они не могли простить социал-демократам, что те после 17 лет ожесточенного сопротивления гарантировали «продолжение господства ХДС» и стали «прислужниками Кизингера и Штрауса». Несколько тысяч соратников отказывались повиноваться Брандту и Венеру. Насколько сложно социал-демократам стало прийти к соглашению со своими новыми партнерами, показало голосование по поводу договора коалиции, составленного на базисе, который был полностью претворен в жизнь правительством лишь через полтора года на съезде партии в Нюрнберге: 173 голосов за, 129 — против. С другой стороны, члены ХДС все громче заявляли: «Вначале появится черно-красный союз, потом красно-черный, а потом красные будут управлять в одиночку», — пророчествовал Штраус.

Помимо всего этого то и дело раздавался глас вопиющего в пустыне по поводу того, что союз могущественного большинства есть «грехопадение демократии». И в самом деле, нормальное взаимодействие сил между правительством и оппозицией было нарушено. Большая коалиция располагала голосами 447 депутатов, другими словами, 90 % голосов бундестага. СПГ могла противопоставить этому лишь 49 голосов. Следовательно, эта партия выбыла из игры. В одиночку она не могла ни требовать созыва наблюдательной комиссии, ни принуждать к внеплановым парламентским заседаниям. Правительственное большинство, напротив, имело возможность самостоятельно менять статьи конституции, для чего необходимы две трети голосов бундестага. Хотя обе сильнейшие фракции и возглавлявшие их Райнер Барцель и Гельмут Шмидт и заботились о том, чтобы правительство не выходило за рамки дозволенного. Шмидт даже писал, что «никогда прежде у парламента не было настолько решительного противовеса правительству». Тем не менее Большая

коалиция была исключением из парламентских правил.

Кизингер вполне понимал все сложности создавшегося положения и 13 декабря 1966 года в своем правительственном заявлении он подчеркнул исключительный характер подобного распределения сил: «Твердым желанием членов Большой коалиции является обеспечение зашиты от злоупотребления властью, а именно наличие ее долгое время, значит, до конца срока полномочий». Он подчеркнул желание СДПГ и ХДС организовать избирательное право большинства голосов, что в будущем сделает создание коалиций бессмысленным. Однако до того времени партнеры по Большой коалиции планировали использовать это время с пользой.

Новый кабинет министров, представленный исключительно высококлассными специалистами, собравшимися для официальной фотографии на лестнице виллы Хаммершмидта, затмил личность федерального канцлера. Неудивительно, что впоследствии Кизингер воспринимается несколько блекло на фоне своего правительства. В новом коалиционном правительстве собрались сливки западногерманской политики: от СДПГ — министр иностранных дел Вилли Брандт, министр по общенемецким вопросам Герберт Венер, министр экономики Карл Шиллер, министр юстиции Густав Гейнеман и министр транспорта Георг Лебер; от ХДС — министр финансов Франц Йозеф Штраус, министр обороны Герхард Шрёдер, министр продовольствия Герман Хёкерль и министр труда Ганс Катцер. Кроме того, в правительство входили и властолюбивые руководители фракций — Гельмут Шмидт и Райнер Барцель. «Как я посмотрю, сочетание несколько таинственное, — заметил скептик Аденауэр.

Никогда раньше и никогда потом канцлеру не приходилось применять столько политического таланта. Если бы Кизингер имел хотя бы немного эгоцентризма и тяги к абсолютной власти, он не смог бы возглавить такую команду. Гельмут Шмидт был, в общем, прав, когда сказал: «Не стоило переоценивать компетенцию канцлера в деле определения главной политической направленности Большой коалиции. Против Брандта и Венера невозможно придумать какое-либо направление».

Да и Кизингер спрашивал себя, какой груз он взвалил на свои плечи, но потом все же добавлял: «У меня чутье на людей». В сущности, не было лучшего кандидата на пост столь необычного канцлера, чем Кизингер. Где еще его дипломатичность и изворотливость в переговорах, за которые его прозвали «ходячая согласительная комиссия», могла найти лучшее применение, чем при поиске компромисса партнеров по коалиции? Карл Шиллер

(СДПГ) уже во время приведения к присяге министров правительства пробормотал: «Теперь нам наверняка придется зашить все карманы». Естественно, при таком положении вещей конфликты были просто запрограммированы, соответственно, была востребована способность Кизингера идти на компромиссы. Сцена, запечатленная на многих фотографиях, демонстрировала старания нового канцлера сплотить свою коалицию, он верил, что коалиция «обречена на успех». Большая коалиция стала символом правления Кизингера.

Парк дворца Шаумбург летом 1968 года представлял собой странную картину. Сухие листья старых платанов носил летний ветер. Полусонные от жары птицы сидели в ветвях высоких деревьев и лишь изредка щебетали. Посреди этого летнего ландшафта в тени деревьев сидели 18 господ в официальных костюмах и при галстуках, а также единственная дама в правительстве — министр здравоохранения Кэйт Штрёбель. Кабинет министров Кизингера заседал на лоне природы. Таким необычным способом, как вспоминал секретарь Кизингера Гюнтер Диль, канцлер старался обеспечивать своему кабинету хорошее настроение в жаркие дни.

Дела часто велись по-дружески, вспоминает политик от ХДС Эрнст Бенда, который сменил Пауля Люке после его отставки на посту министра внутренних дел. Так, например, как-то раз министр от СДПГ Карло Шмидт должен был обосновать предложения своего министерства, но, к сожалению, заснул крепким сном 72-летнего человека. «Мы страшно спорили и соревновались друг с другом, мы были соперниками, — рассказывал Райнер Барцель, — но врагами мы не были никогда».

Кизингер на этих заседаниях был «председателем высокого сената». Если какой-либо из его министров начинал обращаться конкретно к нему, канцлер прерывал его словами: «Вы замечательно это сказали, так скажите же это еще раз для всех…» Если он хотел призвать дискутирующие стороны к порядку, он обычно не использовал колокольчик или молоточек, а пару раз легко постукивал своим обручальным кольцом о край стола. Канцлер с удовольствием брал слово и часто произносил длинные монологи. Некоторым заседания кабинета министров казались иногда чрезмерно многословными, особенно когда эстет Кизингер вместе с Карло Шмидтом погружались в остроумные, но чересчур пространные глубины рассуждений об Алексисе де Токвиле или Поле Валери. Рассказывают, что однажды Штраус спросил: «У кого-нибудь есть с собой гвозди? У меня сегодня с собой мой гамак». Для Хорста Эмке эти словесные сражения были доказательством недостающей канцлеру решимости.

«Способности Кизингера болтать уступает только его способность медлить с решениями». На самом деле Кизингер не был человеком, способным легко протаскивать личные решения. «Когда в Большой коалиции возникают конфликты, — сказал он как-то раз, — то это настоящие конфликты, в результате которых либо приходишь к компромиссу, либо к вынесению решений за скобки». Когда устранить различие во мнениях во время заседания кабинета министров казалось невозможным, Кизингер, по словам Диля, прерывал заседание и приглашал «непримиримого министра на разговор с глазу на глаз». Часто он общался тет-а-тет со Штраусом. Сдержанность — таким мог быть лейтмотив его правления», — писал о Кизингере журналист Клаус Харппрехт.

На этом политическом Олимпе успехи могли быть связаны только с постоянным преодолением внутренних конфликтов. Для Кизингера это было постоянным хождением над пропастью, а главной заповедью его правления стало достижение гармонии.

Канцлер проводил ежедневные обсуждения сложившегося положения, во время которых основные политические фигуры информировали друг друга о положении вещей. Малым кругом встречались самые приближенные сотрудники канцлера. Этот круг мог собраться практически в любое время дня и ночи, вспоминает пресс-секретарь Понтер Диль. «По пятницам мы часто сидели в глубоких креслах в канцлерском бунгало. Рядом с нами прямо на полулежали документы и бумаги, на столе стояли бокалы с вином, и мы были одеты по-домашнему удобно, а у Кизингера на коленях сидела его такса. Так мы обсуждали политическое положение, во время обсуждения то и дело возникал экскурс в философию, литературу, историю или религию, необходимый для анализа и вынесения решения». Чтобы устранить разногласия и вместе с тем достичь согласия внутри самого себя, Кизингер иногда засиживался с кем-нибудь с глазу на глаз, иногда втроем или вчетвером до поздней ночи. Такие заседания проходили под девизом in vino veritas. Диль замечал: «В конце концов, ему нужно было много времени для того, чтобы ничего не делать и якобы подумать. И он позволял себе это время». В первую очередь славу лентяя Кизингеру принес его ярко выраженный страх перед бумажной работой. Он был, как до сих пор подтверждают его сотрудники, «канцлером-слухачом». Работа за письменным столом не привлекала его, Кизингер гораздо больше любил устные доклады об общем положении дел. Куча бумаг вызывала его негодование. Легендарной стала фраза канцлера: «Уберите от меня бумаги. Я теряю обзор». Часто он расстраивал своих сотрудников тем. что смахивал со стола

документы, требующие немедленного рассмотрения: «Не докучайте мне этими глупостями». Или заказывал трудоемкие и подробные отчеты, чтобы потом оставлять их пылиться непрочитанными под столом. Кизингер в целом был непростым и нелегким работодателем. Внешне он всегда был дружелюбным и любезным, но он был «неудобным» шефом, который «позволял себе эмоции». Докладчиков он иногда резко перебивал словами: «Пожалуйста, еще раз сначала, только на этот раз понятнее». Специально для него составленные официальные бумаги он не раз грубо смахивал под стол: «Как вообще модно подавать что-то подобное?» Осознавая себя прекрасным оратором с собственным стилем, которого приводят в пример, он исключительно критически реагировал на черновики речей и писем, которые попадали к нему на стол. Он отдавал их назад, пестрящими исправлениями или вовсе переписывал их самостоятельно. Во дворце Шаумбург его называли «железным кулаком в шелковой перчатке». В качестве руководители партии и главы коалиции ему часто не хватало этой жесткости.

Партнеры по коалиции, по мнению Кизингера, должны были «на веки вечные» держаться друг за друга. И поначалу так они и поступали. Самой безотлагательной задачей в своем правительственном заявлении Кизингер назвал борьбу с экономическим кризисом. К всеобщему изумлению, министр финансов Штраус и министр экономики Шиллер были просто без ума друг от друга. Вскоре боннские журналисты назвали их «Плиш и Плюм», бывшие противники ловко и быстро впряглись в одну упряжку. Это был хорошо сбалансированный и невероятно успешный союз. В период Большой коалиции этот дуэт произвел санацию государственных финансов и способствовал почти полной ликвидации безработицы. Однако «концентрированная акция» государства и профсоюзов через некоторое время потерпела неудачу. В ответ на это Шиллер и Штраус предложили современный экономический инструментарий в виде закона о стабилизации экономики. Экономическая политика пользовалась поддержкой парламента благодаря близкому сотрудничеству глав фракций Шмидта и Барцеля.

Канцлер же мог наконец предаться своей любимой страсти — внешней политике. В своем правительственном заявлении Кизингер подчеркнул, что Германия является объединяющей силой между Востоком и Западом. Эрхарду удалось столкнуть двух самых важных союзников — Францию и США. Кизингеру, который блестяще знал французский и английский языки, удалось смягчить напряженность между «атлантиками» и «голлистами» и заверить, что Германия одинаково связана с

обеими странами. Франции при этом он отдавал «решающую роль для будущего Европы». «Атлантик» Эрхард вызывал у де Голля впечатление, что Федеративная республика является «собственностью Америки». Одним из первых шагов нового канцлера стал визит в Париж на «встречу с примирением», Кизингер выразил де Голлю свое почтение. Правда, для европейского политика Кизингера стало тяжелым ударом то, что новое ходатайство Великобритании о вступлении в Европейское экономическое сообщество было отклонено упрямым французом. Вступление Британии в ЕЭС в 1973 году стало поздним оправданием политики Кизингера. На посту федерального канцлера ему не удалось ее осуществить.

Спорным моментом, который всегда обострял отношения Германии с США, оставалось обещание Германии оплатить содержание американских войск в ФРГ путем закупок оружия в США. Чтобы выпросить отсрочку, Эрхард даже совершил визит в Америку незадолго до своей отставки, но получил твердый отказ. Кизингер мог сейчас договориться хотя бы о том, чтобы обещанные платежи не сводились исключительно к закупкам оружия. Наряду с этим новый канцлер выглядел и переговорах с американцами более уверенным в себе. Он воспользовался договором о нераспространении ядерного оружия как поводом для того, чтобы обвинить обе сверхдержавы в «сговоре», и настоял на широком совещании по этому вопросу, хотя США возражали против этого. Ричард Никсон, сменивший в 1969 году ни посту президента техасца Линдона Б. Джонсона, уступил и довольно рано информировал канцлера об американских решениях. То, что Кизингер отказывался подписать контракт вплоть до конца срока своего правления, стало испытанием на прочность для заокеанскою «Большого брата». У Кизингера было насколько причин — экономические причины, соблюдение внешней безопасности и нежелание принимать решения против воли партнера по коалиции — СДПГ. Кизингер не уставал торжественно заверять всех, что добиться цели воссоединения и разрядки и начать процесс единения можно только рука об руку. Удачно играли на руку Кизингеру его частные посещения дочери Виолы, которая проживала в Вашингтоне со своим мужем. Сердца американцев завоевали фотографии «дедушки Кизингера» и его внучки.

После 100-дневного срока пребывания на посту канцлера Кизингер находился на пике своей популярности. Еще в августе 1966 года, как показали результаты социологических опросов, 45 % немцев «ничего не слышали о Кизингере». В январе 1967 года количество ничего не знающих о будущем канцлере

снизилось до 4 %. Скоро он мог править с полной уверенностью, что из 100 немцев 80 не желают видеть на посту канцлера другого кандидата. Теперь опыт Кизингера в качестве премьер-министра земли оправдал себя: «Он с такой уверенностью в себе вступил во владение своей должностью, что создавалось впечатление, будто эта должность была в каком-то смысле создана специально для него», — говорит один из его биографов. Ни с чем не сравнимый стиль правления Кизингера, утверждали другие, был похож скорее на стиль правления удельною князя, чем главы правительства. Уже довольно скоро после его вступления в должность за ним закрепилось прозвище «князь Георг I из Бонна». Французский эссеист Франсуа Бонди писал: «Кизингер исподволь начинает напоминать осмотрительный немецкий вариант генерала де Голля». Отчасти язвительно, отчасти с восхищением за его спиной говорили, что он «несет свою должность, как горностаевую мантию».

Однако канцлер, напоминающий о позорном прошлом Германии, нравился не всем. Во времена Большой коалиции Федеративная республика попала в фазу сильных внутриполитических колебаний. В то время как СДПГ и ХДС создали коалицию, крайне левый и крайне правый фланги политического спектра пришли в упадок. НДП, которая удачно использовала депрессию 1966 года, во время последующих выборов в ландтаг смогла пройти и земельный парламент. В 1969 году, набрав 4,3 %, она тем не менее не смогла пройти в немецкий бундестаг. Нередки были уличные демонстрации как протест против правительственной «монополии на демократию», сформировалась сильная внепарламентская оппозиция[23].

Студенческое движение протеста началось в конце 1950-х годов в США. В университете Беркли началось студенческое движение за права чернокожих граждан и против политики США во Вьетнаме. Одновременно обострился происходящий во всех индустриальных странах мира конфликт между традиционными ценностями старшего поколения и новыми представлениями молодежи. Так проявился дух времени.

В Германии тоже стало нарастать негодование против «кайзеровского государства». Распространялись слухи, но профессура парит в университетах «как княжеская аристократия». Родители, оставляющие у себя переночевать жениха» своей дочери, обвинялись в сводничестве. Молодежь до отвала наелась «мещанских» ценностей своих родителей и хотела только одного — дистанцироваться от них. В 1960-е годы все больше молодых людей переезжали в большие квартиры и пытались наладить жизнь коммунами. Они снимали с петель двери в уборные,

читали Маркса и Маркузе, пили жасминовый чай и ром с колой, слушали Боба Дилана и «The Who», курили гашиш и марихуану, отращивали волосы и подвергали сомнению любые авторитеты. Война во Вьетнаме стала символом жесткой государственной власти, угнетения и произвола. Новыми идолами молодежи стали революционеры-коммунисты Эрнесто «Че» Гевара, Фидель Кастро, Мао Цзэдун и Хо Ши Мин.

Поначалу протесты начинались сравнительно безобидно. Социалистический немецкий студенческий союз[24], возникший на основе СДПГ, и Социалистический союз высших школ[25] при Свободном университете в Берлине в 1965 году выступили против закосневшего университетского правления и профессуры. Такие лозунги, как под ризами пахнет тысячелетней плесенью», «из сталинистов выйдут хорошие социалисты» или «все говорят о погоде, мы говорим о Вьетнаме» потрясли старый преподавательский состав и быстро подорвали его авторитет среди студентов. С возникновением Большой коалиции протест получил новое развитие. В то время, когда протестующим казалось самым важным сломать вековую иерархию в обществе, в политике и вообще в жизни, двухпартийный кабинет министров во главе с Кизингером являлся воплощением авторитетов. С одной стороны, находились студенты, жаждавшие свободы и демократизации общества, а с другой — бывший член НСДАП Георг Кизингер. Пошел не очень понятный сегодня слух о «новом 1933-м». Страх перед диктатурой усугублялся отменой законов военного положения. В мае 1967 года в Берлине дело дошло до первой крупной демонстрации, в которой приняли участие 2000 студентов, протестовавших против ситуации во Вьетнаме, после чего последовали акции протеста в других городах Германии, эти акции также были направлены против Большой коалиции и старых университетских структур.

Государство поначалу реагировало жестко, с полным непониманием ситуации. Полицейские как представители режима, особенно сильно ощущавшие на себе ярость восставших, реагировали на забрасывание крашеными яйцами и пудингами ударами резиновых дубинок. Публичные дискуссии в университетах были запрещены. Даже Вилли Брандт, чья партия отреклась от своей молодежной организации — Социалистический немецкий студенческий союз — из-за ее марксистской направленности, высказывался против того, чтобы «немцы играли первую скрипку в мировой политике». Газета «Бильд» назвала студентов «хулиганами» и «скандалистами». Одним словом, власть полностью подтвердила все худшие опасения демонстрантов.

Смерть студента Бенно Онезорга 2 июня 1967 года стала сигналом к началу «восстания 1968 года». В Берлине визит иранского шаха Пахлеви спровоцировал яростные демонстрации против диктатора. Демонстрантов начали разгонять при помощи грубой силы. Пока шах с супругой вечером внимал сладким звукам «Волшебной флейты», на улицах дело дошло до настоящей «охоты на ведьм». Приказ бургомистра Берлина Генриха Альбертса начальнику полиции был однозначен: «Когда я выйду, улицы должны быть чистыми». Полиция перекрыла все выходы с площади и пошла с дубинками против демонстрантов, оказавшихся в ловушке. Шум, суета, отчаянные крики боли и паники наполнили улицы Берлина. Внезапно где-то позади толпы прогремел выстрел: сотрудник криминальной полиции Карл-Хайнц Куррас застрелил со спины двадцатисемилетнего студента Бенно Онезорга, которым в этот день впервые захотел составить себе представление о демонстрации.

Это привело к глубокому кризису доверия молодежи к институтам власти. Для десятков тысяч молодых немцев, которые организовали траурные процессии во многих городах страны, этот молодой студент, убитый полицейским, стал «доказательством того, что западногерманская демократия существует только на бумаге в виде конституции и что за осуществление демократических свобод на всех уровнях придется бороться», — писал журнал «Шпигель». Молодежь стала крайне политизированной, началась «война против истеблишмента». Государство оказалось абсолютно беспомощным и начало вооружаться против своих же граждан. Война с «остроконечниками» — так называли полицейских из-за их остроконечных киверов — закончилась. С этих пор слуги закона начали носить боевую одежду и боевые защитные шлемы с забралом.

Правительство начало «закручивать гайки» после того, как на Пасху 1968 года правый радикально настроенный террорист смертельно ранил тремя выстрелами представителя Социалистического союза немецких студентов Руди Дучке на берлинской площади Курфюрстендамм. Дучке был одновременно и идеологом, и звездой нового студенческого движения. Теперь новой мишенью демонстрантов стала газета «Бильд», на которую возложили ответственность за покушение на Дучке, поскольку на страницах этой газеты проводилась кампания против него. В Мюнхене, Берлине и Гамбурге студенты совершили нападения на здания издательства «Аксель-Шпрингер», забросав их бутылками с зажигательной смесью «коктейль Молотова». Беспорядки и уличные бои с полицией распространились за пределы Берлина, в

Мюнхене они привели к двум смертям. Кульминации протесты достигли в мае 1968 года, когда предстояло отменить законы военного положения. Это вылилось в самую крупную в истории ФРГ в основном мирную демонстрацию. Во время «звездного марша», в котором принимали участие 30 000 человек, в том числе и бывшие заключенные нацистских концлагерей, демонстранты заявили протест против «чрезвычайного положения демократии» и «ограничения гражданских свобод». Страны-победительницы в войне собирались отменить специальное законодательство 1954 года с помощью соответствующих изменений в Конституции ФРГ, согласно этому законодательству три державы-победительницы в чрезвычайных случаях могли взять на себя исполнение высшей власти в ФРГ. Строго говоря, это было ограничение суверенитета ФРГ. Уже с 1958 года пелась работа над проектами Чрезвычайных законов, но ни один из них не набрал двух третей голосов. В этом случае сам Вилли Брандт стал защитником этого законодательства.

Протесты внепарламентской оппозиции, в которую влились и профсоюзы, в первую очередь касались ограничения основных прав личности, например, тайны переписки и телефонной связи, а также права объединяться в общественные организации. Протесты подогревались страхом перед возможным использованием войск бундесвера для подавления восстаний, а также из-за возможного ограничения законодательной власти, например, после назначения чрезвычайного парламента. После затяжных переговоров 30 мая 1968 года была принят конституция чрезвычайного положения, несмотря на протест не только фракции СПГ, но и 53 членов фракции СДПГ. Чрезвычайная конституция до сегодняшнего дня так ни разу не применялась и вскоре была предана забвению.

Кизингср с абсолютным непониманием относился к восстанию студентов. Для него как для образованного гражданина такой вид противостояния власти был отвратителен. Он с удовольствием сел бы в кругу студентов и культурно начал бы дискуссию о бедственном положении университетов или критике системы образования или решений правительства. Беспорядки, уличные бои и шумные демонстрации наполняли его ужасом и отвращением. Кизингср был канцлером, который охотнее всего наблюдал за своим народом на расстоянии, при личных встречах с гражданами он благосклонно интересовался их самочувствием, но никогда не хотел быть одним из них.

В 1968 году, когда началась волна студенческих протестов, канцлер находился в предвыборной поездке перед выборами в парламент земли Баден-Вюртемберг; Когда на предвыборных

мероприятиях появлялись студенты с мегафонами, плакатами и транспарантами и начинали перебивать его возгласами неодобрения и пронзительными свистками, Кизингер либо смело вступал с ними в дискуссию, либо приказывал полиции очистить площадь. После покушения на Дучке канцлер выразил его супруге в личной телеграмме соболезнования и возмущение по поводу происшедшего, но в телевизионном обращении он предупредил «военные левоэкстремистские силы, которые открыто поставили своей целью разрушить парламентский демократический порядок», что в случае, если они немедленно не прекратят свои акции, «возникнет необходимость ужесточить государственные средства зашиты». Поскольку в каждой земле был свой начальник полиции, правительству очень не хватало универсальной военной силы. Вместо этого сотни демонстрантов, среди которых был и сын Вилли Брандта Петер, были задержаны и обвинены в нарушении общественного порядка, несанкционированных массовых сборищах и других правонарушениях. Однако от запрещения Социалистического союза немецких студентов и НДП Кизингер все же отказался, поскольку хотел бороться с экстремистами «законными политическими средствами». 27 октября 1968 года была легально оформлена Германская коммунистическая партия[26]. Кизингер с облегчением заметил, как после двух смертельных случаев в Мюнхене пыл студентов молниеносно угас. Канцлер еще меньше, чем сами студенты, понимал, чего они, собственно, хотят. «Иногда в борьбу вступают демоны», — вздыхал он.

С отменой Чрезвычайных законов у студенческого движения не было больше объединяющей цели. Внепарламентская оппозиция начала разрушаться изнутри. Небольшое количество протестующих вооружились и ушли в подполье, другие вступили в Германскую коммунистическую партию, но после смены власти в 1969 году около 100 000 бывших студентов, в основном благодаря СДПГ, собрались на «марш против институтов». Образование социально-либеральной коалиции сигнализировало о конце внепарламентской оппозиции.

В то время как Большая коалиция достигла двух основных внутриполитических целей — стабилизации экономики и отмены Чрезвычайных законов, одно из самых важных внешнеполитических направлений — «восточная политика» — застопорилось на начальном этапе. В своем правительственном заявлении Кизингер подчеркнул, что он ищет взаимопонимания с восточными соседями и хочет «снять напряженность в отношениях с ГДР, а не осложнять их еще больше, преодолеть пропасть, а не углублять ее». В этом вопросе оба партнера по

коалиции были согласны друг с другом. Однако со временем обнаружилось и различие в их целях: в то время как Кизингер в основном искал сближения с Москвой, Венер и СДПГ делали в первую очередь ставку на переговоры с Восточным Берлином. С этого началась социал-демократическая политика «перемен через сближение». Разумеется, распространенное мнение о том, что Большая коалиция подготовила «восточную политику» Брандта, неверно. Кизингер уже вступил на этот путь, пусть даже осторожно и неуверенно. Конечно, при этом ему приходилось сопротивляться консервативным силам в своей же собственной партии, но главное, ему не хватало силы принять решение в этом лавировании между партнерами по коалиции.

Самым важным партнером по переговорам о «восточной политике» был для Кизингера министр по общегерманским вопросам Герберт Венер, который имел репутацию «самого сильного человека в кабинете министров». С этим бывшим коммунистом Кизингера связывала почти что дружба. Ночи напролет, особенно в первый год существования коалиции, они просиживали за бокалом французского вина в бунгало канцлера и вели долгие разговоры. «Кизингер почитал в то время Герберта Венера как святого», — пишет в своих воспоминаниях министр труда Ганс Катцер: «Иногда по вечерам Венер доставал свою губную гармонику и пел вместе с канцлером». Это значило, что у Венера было одно преимущество — он часами мог слушать монологи Кизингера по политическим или философским вопросам. И Венер относился к этому позитивно, ему это нравилось: «Мы с Кизингером могли обо всем поговорить серьезно, он со мной и я с ним». Это единение распалось лишь весной 1969 года, когда на первое место вышли серьезные разногласия по «восточной политике».

Кизингер видел шанс на воссоединение лишь в преодолении конфликта Западного и Восточного блоков и конфликта между сверхдержавами. Если бы они смогли «зарыть топор войны», полагал канцлер, отпала бы необходимость даже в НАТО. Лишь свобода восточноевропейских народов, по его мнению, может начать процесс политического прорыва в ГДР. Панков оказался бы изолирован, и на него можно было бы оказать серьезное давление. То, что он не сможет гарантировать эту свободу, не выпив на брудершафт с Москвой, было ему очевидно. Взаимодействие с Восточным Берлином было для Кизингера, который глубоко не доверял коммунистам, лишь неизбежным злом, для того чтобы не оскорбить Кремль и не вызвать скандал.

В самом начале своей «восточной политики» Кизингер предпринял почти «скандальный» для того времени шаг. В первый

разе 1950-х годов, 11 мая 1967 года, письмо из Восточного Берлина не было отправлено в корзину для бумаг как «недоставленное». Как рассказывает Ганс Нойзай, личный референт канцлера, «отказ от писем» принял к тому времени уже абсурдные формы: курьер отдавал в канцлерском ведомстве коричневый конверт и должен был ждать у ворот. Конверт открывали, чтобы с ужасом установить, что это письмо от Вальтера Ульбрихта. Конверт немедленно запечатывался и выдавался обратно курьеру. Одновременно с этим послание из Панкова появлялось на ленте телетайпа. Что делать? Несчастные сотрудники ведомства, не долго думая, передавали послание обратно в Восточный Берлин.

Теперь это должно было измениться. Конечно, поначалу происходили длинные дебаты в ХДС, где возникли протесты целых групп против личного письма канцлера в ГДР. Но по совету Венера 5 июня Кизингер, в конце концов, самолично ответил на письмо премьер-министра ГДР Вилли Штофа, а в следующем письме даже назначил его заместителя партнером в личных переговорах. Канцлер, конечно, не надеялся достичь единства благодаря общению с Панковом. Но ему важно было восстановить межчеловеческие отношения в Восточной Германии, и он чувствовал, что в этом намерении «едины с Венером». «Мы хотим достичь того состояния, чтобы обе части Германии в последующие годы не отдалялись друг от друга еще дальше, — объяснял Кизингер журналисту Рейнхарду Аппелю. — Это было бы наихудшим из того, что может произойти. Чтобы достичь цели, нам придется смириться с необходимостью наладить контакты с ведомствами по эту и по ту сторону границы». С октября по май 1967 года напряжение в обмене письмами со Штофом исчезло, отношения нормализовались. Однако эти отношения так и не смогли принести плоды: в то время как Штоф требовал «представительства от имени обеих Германий», Кизингер упрямо избегал использовать название ГДР, отказываясь признать существование второго немецкого государства.

Значительно больше Кизингера интересовал прямой контакт с Кремлем. Он сигнализировал о своей готовности заключить с Москвой и всеми государствами Восточной Европы, включая ГДР, «пакт о ненападении» и «преследуя свои цели в решении “немецкого вопроса”, федеральное правительство откажется от использования силы и угрозы использования силы» — это была инициатива Эрхарда, который в 1966 году заявил «ноту о мире». Также канцлер хотел, чтобы Федеративная республика выглядела мирным государством, отказавшимся от претензий на владение атомным оружием. В конце концов, канцлер не смог решиться на

то, чтобы подписать договор о нераспространении ядерного оружия и отложил решение на потом, как это делали до него уже многие.

В марте 1967 года, не договорившись с СДПГ, канцлер направил в Москву посла с секретной миссией — прощупать обстановку. Но Кремль не был расположен к переговорам. Брежнев даже предупредил о «гитлерском коварстве» новой «восточной политики» и ее «ориентации на агрессию». Он заявил, что коммунисты прекрасно видят, что хоть Бонн и протянул социалистическим странам руку, но в ней непременно должен быть камень.

При этом Кизингер даже начал забивать «священную корову» немецкой политики: он вырвал из оцепенения доктрину Хальштайна. Согласно этой доктрине Бонн готов был применить любые санкции, вплоть до разрыва дипломатических отношений с любым государством, признавшим ГДР. Еще перед образованием Большой коалиции Министерство иностранных дел смягчило это условие для стран соцлагеря, простив им признание ГДР, поскольку это являлось «недобровольным деянием». 31 января 1967 года были установлены дипломатические отношения с Румынией, в августе — открыто торговое представительство ФРГ в Праге. Несмотря на сопротивление своих коллег, Кизингер сделал еще один шаг, установив отношения с Югославией, которая не была членом Варшавского договора, поскольку в 1957 году, когда Тито признал ГДР, отношения были разорваны. Пусть канцлер по-прежнему настаивал на том, чтобы быть единственным представителем всей Германии, действовал он в очевидном противоречии с доктриной Хальштайна. Для Кизингера все эти действия были возможностью заниматься «восточной политикой» в обход ГДР.

Восточный Берлин реагировал на изоляционную тактику Кизингера с некоторой паникой, да и Москва видела во всем этом скорее попытку вырвать отдельные государства соцлагеря из железных объятий Кремля. Советский посол Царапкин позже с угрозой указал канцлеру на то, что «никому никогда не было дозволено вычеркивать даже одно-единственное государство, входящее в содружество социалистических стран». По просьбе Ульбрихта Кремль спешно отозвал своих наместников и выдвинул в переговорах с Бонном жесткие условия: признание ГДР и границы по Одеру — Найсе, недействительность Мюнхенского соглашения, а также присоединение к Договору о нераспространении ядерного оружия. По мнению Кизингера, это положило конец «восточной политике», поскольку в двух пунктах он ни на йоту не отклонился от политики Аденауэра: он не готов

был признать границу по Одеру — Найсе и существование ГДР. Германская Демократическая Республика осталась для него «московским протекторатом», а значит — безымянным образованием. Это вело к неизбежной конфронтации с СДПГ, которая скрытно налаживала собственные контакты с Восточным Берлином и заявила о своей готовности забыть об основных позициях внешней политики ФРГ.

Когда 21 августа 1968 года советские танки загремели по пражским мостовым и раздавили цветы «пражской весны» в зародыше, настал черный день и для Кизингера с его попытками разрядки международной напряженности. В отношениях ФРГ — СССР снова наступила зима «холодной войны». Тем более Москва обвиняла «западногерманских империалистов» в том, что они поддерживали повстанцев в ЧССР. Предлогом для этих обвинений стало посещение Праги политиками социал-демократического толка и визит в ЧССР федерального президента Блессинга, который состоялся против воли Кизингера. Тогда Кизингер все еще мог успокаивающе заявить: «Мы будем последовательно продолжать “восточную политику”». Упрек де Голля правительству ФРГ в безответственных действиях попал точно в цель. Страх быть оставленными в беде западными партнерами по союзу и смятыми мельничными жерновами «холодной войны» крепко сидел в западных немцах. Любая дальнейшая инициатива была парализована. Канцлер не видел больше причин для односторонних уступок. Вилли Брандт пренебрежительно считал, что Кизингер неспособен решиться перепрыгнуть собственную тень.

Кизингер и его министр иностранных дел Брандт были символами коалиции, они поддерживали друг с другом вежливые, но прохладные отношения и предпочитали держать дистанцию. Эгон Бар полагал, что у них просто не совпадали химические процессы в организме. Застывший, как статуя, брюзгливый, раздраженный Брандт сидел рядом с Кизингером во время заседаний кабинета министров и говорил только самое необходимое. В большинстве случаев он молчал, свое молчание Брандт с удовольствием растянул бы на часы. Кизингеру его министр иностранных дел и заместитель казался на удивление «пустым», как «пробка, которую несет по течению реки». Брандт жаловался, что Кизингер не дает ему «достичь своего расцвета».

На самом деле канцлер не доверял Брандту и его доверенному лицу, эксперту по делам Германии Эгону Бару, в первую очередь в вопросах «восточной политики». Брандт отстаивал мнение, что с признанием ГДР удастся ослабить советскую империю. Во времена, когда каждое слово

взвешивалось на аптекарских весах, его заявление в Румынии о том, что нужно «исходить из реальных поступков», и это верно для «обоих политических систем, которые на данный момент существуют на немецкой земле», — вызвало в ХДС настоящий взрыв и поставило Кизингера в сложное положение.

В заботах о гармонии и установлении диалога Кизингер основал пользующийся дурной славой «крессбоннский круг», как уничижительно называли «центр управления и заговоров» Большой коалиции. Когда в августе 1967 года лучи солнца бились о волны озера Бодензее, а отдыхающие катались на парусных лодках, под яблонями и Крессбонне, где в то время отдыхал Кизингер, заседала блестящая компания — Курт Георг Кизингер, Вилли Брандт, Герберт Венер, Франц Йозеф Штраус, Гельмут Шмидт и Райнер Барцель. Канцлер в наилучшем расположении духа, в свободном костюме — серо-голубой рубашке, бежевых брюках и сандалиях — вел переговоры с глазу на глаз с основными фигурами в своем правительстве. Снова канцлер полностью оправдал свое прозвище «ходячая согласительная комиссия», впрочем, он сам именно так и понимал свою роль. «Я пытаюсь быть посредником, руководить с помощью содействия, а значит, и коалиции, где собрались два почти равных по силе и уверенных в себе партнера, искусство управления главы правительства, по моему мнению, заключается в том, что он, руководствуясь своими убеждениями, содействует достижению компромисса, заботится о том, чтобы как можно скорее преодолеть трения». Правда, при этом Кизингеру приходилось выносить упреки в том, что он забывает об энергичных решительных действиях. Вместо того чтобы раз и навсегда сказать своевольным министрам вроде Штрауса, Шрёдера, Брандта или Венера, как им следует действовать, Кизингер нередко был занят тем, чтобы загладить и сгладить последствия их самостоятельных действий. Это «побочное правительство» часто подвергалось критике, но в то же время этот неформальный круг нашел широкую поддержку среди членов коалиции и все то время, когда Кизингер находился на посту, «побочное правительство» оставалось институтом, который заседал в Бонне почти каждую неделю. Этот орган управления, по словам руководителя личного кабинета Кизингера, Райнхарда Шмёкеля, был для коалиции то «поводом», то «кнутом» и помог справиться не с одним кризисом в правительстве.

И все же вскоре единство коалиции дало трещину. «Восточная политика» достигла своего предела, дальше Кизингер был не готов идти. В отличие от Брандта. В тот день, когда министр иностранных дел в марте 1968 года на собрании партии СДПГ в

Мюнхене назвал границу по Одеру — Найсе «заслуживающей признания и соблюдения», коалиция затрещала по швам. Эта трещина вскоре превратилась в бездну, через которую уже невозможно было перекинуть мосты. В этот же период стало известно, что СДПГ поддерживает тайные контакты с итальянскими коммунистами. ХДС, получивший информацию об этих конспиративных встречах от федеральной службы разведки и контрразведки, был приведен в ужас этими действиями СДПГ, о которых партнеры по коалиции ничего не знали. Социал-демократы тайно встречались в Риме с представителями СЕПГ, чтобы прощупать почву насчет совпадений во взглядах. То, что СДПГ отложило принятие мажоритарного избирательного права на неопределенный срок, только углубило образовавшуюся пропасть.

СДПГ, конечно, одобрила изменение избирательного права перед выборами 1969 года, самое позднее — 1973 года. Однако, когда им пришлось смириться с удручающими потерями, во время выборов и ландтаг Баден-Вюртемберга, социал-демократы призадумались. Внутри партии начались подсчеты, согласно которым в сомнительном случае они всегда окажутся на втором месте. С изменением способа голосования партия отняла бы у себя все коалиционные шансы и вынуждена была бы уйти в долговременную оппозицию. Снова коалиция оказалась под угрозой. Попытки Кизингера «умиротворить» пылкие сердца, как он сам говорил, ни к чему не привели. ХДС в этом решении видел разрыв коалиционных соглашений и был «до крайности недоволен». Министр внутренних дел Пауль Люке, яростный защитник мажоритарного избирательного права, подал в отставку. «Почему, — многие в Бонне задавали себе этот вопрос, не только заместитель министра Диль, — почему сейчас Кизингер не поднял вопрос о коалиции?» Снова канцлеру не хватило «металла в голосе».

Нельзя ставить ему в вину, что из-за этих политических маневров его должность представлялась ему «тягостными хлопотами». На Рейне Кизингеру было «несколько душно, да и климат не особенно стимулирующий». Его часто тянуло в Швабию, на родину, чтобы пополнить запасы энергии. Так Кизингер открыл для себя воздушное сообщение. В то время как Аденауэр предпочитал автомобиль, а Эрхард — железную дорогу, «летающий канцер» Кизингер пользовался вертолетами федеральной пограничной охраны. В своем «доме Герхардсру», небольшом особняке в Бебенхаузене под Тюбингеном, он проводил выходные дни, отдыхая от ожесточенного ритма боннской политической жизни. Здесь он знал следы каждого

зайца и чувствовал себя настоящим счастливцем, часами гуляя по лесу Шёнбух и предаваясь собственным мыслям. «Я могу несколько минут смотреть на траву, — признавался канцлер, — и пытаться найти четырехлистный клевер». По вечерам он с удовольствием расслаблялся, читая криминальные романы Жоржа Сименона о комиссаре Мегрэ. Кизингер был прекрасным отцом семейства. Со своей женой Марией-Луизой он познакомился в Берлине на костюмированном балу. Он пришел одетый в бархатный камзол трубадура, она — Снежной Королевы. Оба выиграли приз за лучший костюм, станцевали вместе вальс почета, и Кизингер влюбился в прекрасную Снежную Королеву, совершенно потеряв голову. Он говорил, что «под париком из белоснежных локонов смотрели два огромных темных глаза, против которых совершенно невозможно было устоять». В тот же вечер он сделал ей предложение. Госпожа Кизингер принадлежала к тому сорту женщин, которые с удовольствием оставляют политику мужьям. «Сейчас он счастлив. Если я нагряну со своими политическими идеями или просто даже начну вмешиваться, он придет в ужас». Для Марии-Луизы это тоже была «любовь с первого взгляда». Больше всего ей понравилась «его красноречивость». Из двоих детей Кизингеров в то время в Германии жил только Петер, который изучал юриспруденцию в Тюбингене. Дочь Виола переселилась в Вашингтон. Канцлер любил общаться со своей семьей, с ней он набирался сил для «большой политики».

Кизингер любил сравнивать коалицию с упряжкой неравных по силе лошадей, которой он вынужден управлять. То, что, в конце концов, поводья выпали у него из рук, выяснилось во время выборов Густава Гейнеманна на пост федерального президента весной 1969 года. Брандт заявил, что в первый раз после смерти Фридриха Эберта следует посадить на место главы государства социал-демократа. Сам по себе Кизингер был готов оставить социал-демократам эту должность, хотя бы для того, чтобы заинтересовать партнеров в возобновлении коалиции после выборов в бундестаг. Однако канцлер вновь оказался слабым руководителем, он дал коллегам по партии уговорить себя и выставить на выборы своего кандидата. Правда, разногласия и тут не прекратились. Фаворитом Кизингера был Рихард фон Вайцзекер, а большинство из ХДС отстаивали кандидатуру министра обороны Герхарда Шрёдера. Кизингер и Шрёдер были давними соперниками, и министр обороны не уставал критиковать «восточную политику» канцлера и «подпиливать ножки его стула». «Я не хочу быть федеральным президентом. Вместо этого я соберу следующий кабинет министров, в крайнем

случае, через один срок», — открыто говорил он коллегам по партии. Кизингер тянул и лавировал до тех пор, пока Вайцзекер не потерпел поражение во время внутрипартийной перебаллотировки ХДС.

1 ноября 1968 года СДПГ выдвинула на пост федерального президента кандидатуру федерального министра юстиции Гейнеманна. ХДС выставил со своей стороны Шрёдера. Для Кизингера, который 22 мая 1967 года стал председателем своей партии, это было постыдным поражением, его репутации был нанесен непоправимый ущерб. Позже он сам признавался, что должен был жестче отстаивать Вайнзекера. «Если я и чувствую себя сейчас в чем-то виновным, — напишет он в 1980 году, — так в том, что тогда не пригрозил партии своей отставкой». Большинству членов ХДС теперь стало очевидно, что им не хватает сильного человека во главе. Председатель земли Рейнланд-Пфальц Гельмут Коль предупредил Кизингера, что в партии «чувствуется отчетливый призвук недовольства, которое не умолкает и при Вашем имени. Общий упрек заключается в том, что председатель слишком отдален от собственной партии». Коль сообщил, что многие считают, будто у канцлера нет воли к власти.

Решающую роль в какой-то момент сыграла СПГ, без ее голосов Гейнеманн не смог бы получить абсолютного большинства голосов. Со времени собрания партии в Ганновере в апреле 1967 года СПГ в большинстве своем была ориентирована в национальной политике на социал-демократический курс. С тех пор партия раскололась на реформистов и консерваторов. Вопрос стоял так: удастся ли новому председателю партии реформисту Вальтеру Шелю развернуть СПГ налево? Венер неожиданно внес сенсационное предложение: если СПГ проголосует за Гейнеманна, изменение избирательного права будет отменено окончательно, а введение этого нового способа выборов стало бы для либералов смертным приговором.

6 марта 1969 года Густав Гейнеманн был избран новым федеральным президентом. То, что либералы сплоченно проголосовали за кандидата СДПГ, обозначило перемену вектора власти и, соответственно, конец Большой коалиции. Уже давным-давно было видно, что все карты будут смешаны: «Как я это вижу, все идет к коалиции с СДПГ», — уже в 1968 году сообщил по секрету глава СПГ Шель своему заместителю Гансу-Дитриху Геншеру во время летней прогулки по Праге. Конец Большой коалиции приближался с согласия Венера.

«Берлинский кризис» нанес окончательный удар по энергичному строителю Большой коалиции. Перед выборами

федерального президента Восточный Берлин и Москва ожесточенно протестовали против присутствия федерального собрания ХДС в Берлине. Раз Бонн не признает статус Берлина, выборы воспринимаются как провокация, а Бонн обостряет напряженность Восток — Запад. Венер увидел в этом удачную возможность все еще разбить лед в отношениях с Панковом, он предложил сменить место выборов. Но восточные берлинцы совершенно не волновали Кизингера, он почувствован шанс изменить отношения с Москвой: когда Кремль предложил «сделку», требуя перенести место федерального собрания, можно было ответить «жестом снижения напряженности». Кизингер уже видел себя в роли укротителя медведей и обратился к советскому послу Царапкину с требованием улучшить условия жизни восточных берлинцев, в противном случае выборы пройдут в Берлине. Кизингера постигло разочарование: в ответ на все его заявления ГДР предложила западным берлинцам возможность посетить родственников, но не наоборот, восточным берлинцам вход в Западный Берлин был запрещен. Этого было, разумеется, недостаточно. Кизингер отклонил предложение.

Тем не менее федеральное собрание было проведено в Берлине, но между Венером и Кизингером начала расти пропасть. Вечером 2 марта 1969 года канцлер дал понять Венеру, что с самого начала имел намерение изолировать Панков и убрать с политической арены Ульбрихта как неисправимого бойца «холодной войны». Позже Венер разочаровался, придя к выводу, что Кизингер «скрывал» свое реальное отношение к делу. Теперь оно раскрылось, и разрыв Кизингера и Венера был неизбежен. Москва тоже делала ставки на «смену караула на Рейне», как пишет эксперт по делам Германии Валентин Фалин. Уже в октябре 1968 года Брандт и советский министр иностранных дел Андрей Громыко встретились в Нью-Йорке и нашли много точек соприкосновения. Кремль не торопился.

Коалиция была на грани распада, казалось, что все точки соприкосновения исчезли. Штраус и Шиллер сцепились друг с другом по вопросу ревальвации немецкой марки, «крессбоннский круг» тем временем разросся до совершенно недопустимых размеров, поэтому Кизингер, не долго думая, расформировал его. Члены кабинета министров практически не разговаривали друг с другом.

Приближался день выборов в сентябре 1969 года, а у ХДС практически не осталось желания воссоздавать Большую коалицию. Было самое время вступить в игру председателю партии, который мог бы «взять за горло» поссорившихся коллег и склонить их к одному решению. Однако Кизингеру сильно не по

душе была роль щелкающего кнутом циркового укротителя. На партийном съезде, прошедшем с 4 по 7 ноября 1968 года в Берлине, Кизингер скрепя сердце выступил в пользу возобновления коалиции, предупредив коллег, что «результаты выборов могут потребовать от нас продолжения Большой коалиции. Может быть. Если мы смогли сделать это в 1969 году, то сможем и в 1973 году». Делегаты зашумели, из зала донеслось «Ужасно!» И Кизингер тут же пошел на попятный, разрядив атмосферу шутками: «Я говорю про абсолютную границу. Хотите ли вы продолжать до 1977 года?» (смех в зале). «Как чудесно было быть запряженным в одну тележку с маленьким, милым партнером по коалиции. То же самое сказал баварский крестьянин, когда его спросили после 1871 года, что ему нравится в новой империи. Он ответил: “Да, бывали времена и получше, когда на прусака можно было и насрать”» (смех в зале, аплодисменты).

Кизингер осторожно прощупал настроения в партии — и испугался. С либералами на всем протяжении своего правления Кизингер обходился как мачеха с Золушкой. То, что он хотел добиться политической смерти СПГ, настроило их весьма недружелюбно. С тех пор, как Шель выступил как за признание границы по Одеру — Найсе и за признание ГДР, СПГ стала совершенно бесполезна Кизингеру в качестве партнера по коалиции. Он игнорировал ее, и подобным поведением пилил сук, на котором мог бы еще сидеть. Канцлер на время выборов отдался во власть колебаний и сомнений. Он носился с идеей сохранения коалиции с СДПГ, но в тоже время считал вполне приемлемым объединение с СПГ, а в целом надеялся на абсолютное большинство голосов в пользу ХДС. В любом случае фракции было ясно: «Конец коалиции!» — требовал Райнер Барцель.

Из «партнерства в соперничестве» выросла одна из самых ожесточенных предвыборных битв в послевоенной немецкой истории. Недовольный партийным руководством Кизингера, ХДС все же использовал популярного в народе канцлера в предвыборной гонке. Лозунг партии звучал так: «Все зависит от канцлера!» Кизингер внес свою лепту — 6 недель поездок и 600 речей. Он выступал в качестве хранителя добрых и надежных традиций и достижений под девизом «уверенность значит уверенность». Зловещий призрак «восточной политики» Брандта стал своего рода инструментом ХДС: «Помните: июнь 1953 года — Восточный Берлин! Октябрь 1956 года — Венгрия! Август 1968 года — Чехословакия… Слишком легко мы теряем ощущение опасности, которая грозит извне». Но и СДПГ шла на

конфронтацию. Лозунг «Мы сотворим современную Германию» был выдержан в духе обновления и перемен, СДПГ пыталась представить Кизингера и ХДС безнадежными консерваторами. Социал-демократы выступали в роли политических экспертов: «У нас есть подходящие люди».

Ночи выборов суждено было стать одной из самых драматичных в истории ФРГ. Для канцлера она обернулась полным поражением. Когда Курт Георг Кизингер вечером около 20.00 послал за рейнскими винами, мир для него все еще сохранял свой порядок. Было воскресенье, 28 сентября 1969 года. В канцлерском бунгало Кизингер собрал вокруг себя доверенных лиц, среди них были заместители министров Гюнтера Диля и Карла Карстенса, а также Гельмут Коль. С беспокойством собравшиеся наблюдали за поступающими результатами, о которых сообщали телеканалы «Объединение публично-правовых радиостанций ФРГ» и «Второе немецкое телевидение». Постоянно поступали новые сообщения, в 18.45 были произведены первые приблизительные подсчеты голосов: НДП не прошла в бундестаг. СПГ с трудом преодолела 5 % барьер и по сравнению с прошлыми выборами потеряла половину голосов. Следующее сообщение вызвало ликование среди собравшихся — ХДС получит более 50 % голосов — абсолютное большинство! Чувство победы уже начало охватывать ХДС, Кизингер получил телеграмму от американского президента Никсона с поздравлениями с победой. В 21.15 выяснилось, что СДГП и ХДС идут наравне. Незадолго до полуночи стали известны окончательные результаты: ХДС и ХСС получили 46,1 % голосов. то есть 242 мандата, СДПГ набрала 42,7 % голосов. СПГ — 5,8 %, то есть вместе они тоже получили 242 мандата.

Кизингер вытащил ХДС из глубин падения в 1966 году, и он оставался самой сильной фракцией в парламенте. Кизингер упустил абсолютное большинство голосов. Канцлер победил, но большинство проиграло. Появилась возможность создания социально-либеральной коалиции. СДПГ, будучи еще в союзе с ХДС, доказала свою способность к власти, а теперь осмелилась претендовать на эту власть. Ко всему прочему, около полуночи канцлера вызвали в парк вокруг дворца Шаумбург молодые члены ХДС, дезинформированные и опьяненные победой, 200 молодых людей пришли сюда, чтобы чествовать своего якобы победившего канцлера. В ответ на приветственные крики канцлер только вымученно улыбнулся.

В этот решающий момент Кизингер опять заколебался, и эта ошибка, вероятно, стоила ему последней надежды на канцлерское кресло и участия в управлении ХДС. Уже во время предвыборной

кампании он не высказался однозначно за продолжение Большой коалиции. Именно сейчас был последний момент, когда он мог провести переговоры с СДПГ, но он этого не сделал. Большинство членов ХДС отстаивали в первую очередь христианско-либеральную коалицию. Кизингер просто не мог поверить в то, что проиграл предвыборную гонку. Он ночью послал свое доверенное лицо Гельмута Коля к либералам, однако Геншер вспоминает, что Коль явился без интересных предложений, а в пункте, касающемся Шеля, только заявил: «Он снова может стать министром по вопросам помощи развивающимся странам».

Кизингер, который после фиаско на выборах обиженно заявил, что СПГ «сама капитулирует» в парламенте, отправился спать. Брандт, напротив, выступил перед камерами, заявив, что хочет стать канцлером. Еще ночью он дважды вел телефонные переговоры с Шелем. Шанс выпал социально-либеральной коалиции. Еще раз стало ясно, что Кизингер не владел искусством «закулисной игры», необходимой для удержания власти в своих руках, да и никогда не хотел учиться. В ночь выборов, 28 сентября, он предоставил СДПГ возможность действовать. Для ХДС в первый раз за все время существования ФРГ началась тяжелая жизнь партии, находящейся в оппозиции. Кизингер был парализован и не хотел поверить в свое поражение. Еще за два дня до вступления Вилли Брандта в должность канцлера министр внутренних дел Бенда публично размышлял над новой ролью ХДС в качестве оппозиции. Он вспоминает, что Кизингер, позвонив ему после окончания речи, с негодованием и яростью накричал на него: неужели не понятно, что его, Кизингера, послезавтра выберут бундесканцлером? С трудом контролируя себя с болезненно перекошенным ртом Кизингер все-таки нашел в себе силы поздравить в день «Х» только что избранного федерального канцлера Брандта. Для Кизингера это был конец карьеры.

Курта Георга Кизингера ценили за то, что он был очень талантливым оратором, мыслителем и эстетом — за это же его и осмеивали. Сомнения в его способностях организатора и управленца были не вполне обоснованны. «Обычное представление о политике не слишком очаровательно. Требуется работать на износ и добиться того, чтобы чувствовался запах страха перед властью. Легкая риторика и элегантное поведение часто вызывает подозрение, что что-то идет не так», — говорилось в речи на смерть Кизингера. На самом деле он был райской птицей на боннском паркете. Интриги и склоки политических будней были ему не только ненавистны, он действительно был выше их. Британскому журналисту Нилу Эйчерсону Кизингер

напомнил детскую историю про быка Фердинанда, который больше любит нюхать цветы, чем бороться со своими соперниками. Кизингер хоть и осознавал полностью все искушения власти, но был независим от них.

Но все же дух времени способствует тому, что образ Кизингера кажется более блеклым, чем он был на самом деле. «Правление соперников» не было «канцлерской демократией» в аденауэровском стиле. Большая коалиция стала исключением из правил, и Кизингер с честью пытался представить это исключение в качестве первого лица государства. Парадоксальным образом Большая коалиция вошла в историю как самое успешное правительство ФРГ. За время существования этого правительства были приняты 436 законов, решены многие проблемы, связанные с необоснованным увольнением рабочих и сохранением заработной платы на время болезни, была стабилизирована экономика, отменены Чрезвычайные законы, снято табу на «восточную политику», нормализованы отношения с Францией и США. Рискованные решения и гениальные озарения не были «коньком» Кизингера, тем более что интересы обеих партий были слишком различны и слишком сильным было сопротивление в его собственной партии. Правительство Большой коалиции сдвинуло с места многие проблемы и добилось обновления политики. В эпоху Кизингера новое сражалось со старым, он был в одно и то же время представителем старшего поколения и канцлером периода перемен. Плоды будут пожинать его последователи.

После своей отставки с поста канцлера Кизингер не остался в Бонне, хотя до 1980 года был депутатом. Еще несколько лет он был председателем ХДС, потом почетным председателем партии. Кизингер хотел снова быть канцлером, он очень долго жалел, что во второй период правления не смог совершить ничего великого. Наконец он смирился с тем, что его время прошло. Многие неохотно вспоминали время его правления. С болью Кизингер узнал о неблагодарности ХДС, но «для ХДС он персонифицировал падение с высоты двух десятилетий единоличного царствования в глубокий обморок, в котором находится каждая оппозиция», — пишет историк Арнульф Баринг. Бывший канцлер вернулся на родину, в Швабию. «Того, у кого есть хладнокровное отношение к власти и к собственным возможностям, смирение и юмор, настоящая любовь к ближнему, воля и сила к бескорыстной службе, мы можем считать призванным», — писал однажды Кизингер в своей книге «Идеи обо всем». У него было призвание канцлера. Только вот политика больше не была ему нужна, как и он ей. Кизингер умер в 1988 году в возрасте 83 лет.

Пророк
Вилли Брандт

«В наше время реалистом можно быть, лишь веря в чудеса».

«Мы хотим отважиться на большую демократию».

«История не должна стать хомутом, который не отпускает от нас наше прошлое».

«Четкое историческое самосознание не терпит невыполнимых претензий».

«Считать канцлера человеком, на которого можно оказывать давление — чистый гротеск. Я не такой человек».

«Я совершил свои ошибки. Я не всегда обращал внимание на то, на что следовало. Мне жаль. И это правда».

«Мир — это не все, но без мира все становится ничем».

Вилли Брандт

«Он отпускал повод, а указания давал только тогда, когда это было неизбежно».

Эгон Бар, мен СДПГ

«Я всегда видел его очень закрытым, недоступным человеком. В общении со мной он старался изо всех сил, но быть близким кому-то ему по-настоящему тяжело».

Маттиас Брандт, сын Вилли Брандта

«Он был не тот человек, который утром еще до завтрака разрубал два-три “гордиевых узла”. Если это было возможно, он с удовольствием аккуратно их развязывал».

Клаус Харппрехт, советник Вилли Брандта

«Это тот, кто дает волю собственной меланхолии… и когда вы ходы заколочены, отступает вперед».

Гюнтер Грасс, писатель

«Он не говорил красивых слов, которые обычно говорят правители, и не играл в героя, берущего все решения на себя».

Рихард фон Вайцзекер

«Он мог обнять всех вокруг, но с отдельными людьми у него возникали трудности».

Рут Брандт

«То, что Брандт любил жизнь и мог оказывать на женщин превосходное впечатление, то, что он не гнушался мелкой любовной интрижкой, способствовало его популярности. Это отражение комплексов, во-первых, обывателей, а, во-вторых, «серых мышек», которые до сих пор заполняют скамьи в правительстве и господствуют в бундестаге. Бонн — это санаторий для душевных импотентов».

Клаус Харппрехт, советник Вилли Брандта

«Тот, кто смотрел в глаза Брежневу, за спиной чувствовал кулак Кизингсра, помнил про Барцеля и не попал в яму, которую выкопал ему Штраус, велик как

государственный деятель и настоящий победитель».

Лоре Лорентц, актриса

«Мы помнили, что сказал Кеннеди: если я хочу изменить статус-кво, я должен признать его. Мы хотели повернуться лицом к Востоку, открыться ему и таким образом открыть его. Это означало долгий путь к немецкому единству, после того как короткий путь был для нас закрыт».

Эгон Бар, член СДПГ

«Устная речь Вилли Брандта заставляла предположить, что возникновение мыслей происходит одновременно с их выражением».

Зигфрид Ленц, писатель

«Даже для самых близких сотрудников он, несмотря на конфиденциальное обращение на “ты”, никогда не был приятелем. У Брандта был “неавторитарный” авторитет».

Хорст Эмке, член СДПГ

«Бундесканцлером стал не агрессивный католик из Мюнхена, а незаконнорожденный Герберт Фрам из Любека, который лишь подчеркнул позор бюргерского общества, этот первородный грех идиотизма, когда стал социалистом и эмигрантом».

Генрих Бёлль, писатель

«Он был всегда за хорошее вино и хорошую еду, и всегда был открыт жизни».

Эрнст-Дитер Люг, журналист

«То, что этот человек не чуждался развлечений, мы знали. Это было его дело. Но он не должен был позволить этому повлиять на работу».

Эгон Бар, член СДПГ

Как предписывает в таких случаях протокол, к мемориалу торжественно был возложен венок. Также в полном соответствии с протоколом высокие гости вышли вперед. «Где же он?» — «Он что, упал?» Фотографы из задних рядов помогали себе локтями, чтобы пробраться вперед. Вилли Брандт внезапно и так неожиданно упал на колени, что можно было подумать, что канцлеру стало плохо. Щелканье фотоаппаратов превратилось почти в шум. Брандт стоял коленопреклоненный на мокром асфальте: десять секунд, двадцать секунд, бесконечную половину минуты. Его голова была опушена, взгляд застыл на сложенных руках. Потом он поднялся одним энергичным движением, не обращая внимания на протянутые ему руки сопровождающих лиц. Медленно он пошел назад к своим спутникам.

Утром 7 декабря 1970 года федеральный канцлер прибыл на эту площадь, окруженную скучными серыми блочными домами. Бронзовый памятник, стоящий здесь, был посвящен жертвам Варшавского гетто. Там, где стоял на коленях Вилли Брандт, раньше был ад. Сюда подручные Гитлера согнали 400 000 человек, чтобы отправить их в лагеря смерти или уничтожить на месте. «То, что там произошло, было совершенно спонтанно. Брандт за два часа до этого не знал, что опустится на колени. Не он упал на колени, что-то уронило его», — рассказывал очевидец Генри Наннен, главный редактор журнала «Штерн».

Своим коленопреклонением перед мемориалом в Варшаве Вилли Брандт создал образ государственного деятеля, который больше других сделал для реабилитации Германии в мире. Он просил прощения, стоя на коленях, просил не за себя, а за свой народ. Через двадцать пять лет после окончания войны он наконец открыл путь к примирению народов и к примирению Германии с собой. Брандт, эмигрировавший во время Второй мировой войны, сознательно «перестал быть чужим в Германии».

Вилли Брандт как никто другой поляризовал эмоции соотечественников. Его приверженцы преклонялись перед ним и любили его, но его политические противники чаще всего были не

просто соперниками на политической арене. Они были его врагами. Правление Брандта осталось в памяти соотечественников как ряд сцен и картин: Вилли Брандт коленопреклоненный в Варшаве, Вилли Брандт машет рукой из окна отеля «Эрфуртер Хоф», Вилли Брандт получает Нобелевскую премию мира. Эти картинки говорят том, что Брандт был харизматической личностью, а время его правления — четыре года — назвали целой эпохой, также было названо время правления Аденауэра. Эпоха Брандта послужила началом социально-либеральной коалиции в ФРГ и просуществовала до 1982 года. «Республика во время перемен» — так называли эту эпоху.

Эра Брандта началась с детективной истории на выборах. В ночь с 28 на 29 сентября 1969 года политический бомонд Бонна пережил контрастный душ различных эмоций. Когда после закрытия избирательных участков начался первый приблизительный подсчет голосов, поначалу все было ясно. ХДС — ХСС явно вырвались на первое место, оставив социал-демократов позади, христианские демократы вот-вот должен был достичь абсолютного большинства голосов. Около 21.0 ˚СМИ сообщили, что в ХДС — ХСС более 50 % голосов. С улыбкой бундесканцлер Курт Георг Кизингер принимал первые поздравления. Из Вашингтона президент США Ричард Никсон поздравил Кизингера с победой. Молодежь ХДС явилась к канцлерскому бунгало с факелами и начала чествовать мнимого победителя. Дома у Рут Брандт были гости, приглашенные на «куриный суп и телевизионный вечер». В случае, если бы ее муж победил, они тут же отпраздновали бы это событие. По всему было видно, что с празднованием ничего не выйдет: «И вот мы сидели с нашими тарелками куриного супа», — вспоминает она. СПГ к этому времени оплакивала свое сокрушительное поражение. Предварительные результаты показали сокрушительное поражение. Председатель партии Вальтер Шель, которому мало что могло испортить настроение, давным-давно покинул центральный избирательный пункт и спрятался дома. Многое можно было предположить, но такой провал СПГ не прогнозировали даже скептики.

В 21.30 компьютеры выдали новые результаты: ХДС — ХСС начал отставать, а СДПГ быстро сокращали разрыв. Спустя полчаса это означало, что СДПГ и СПГ вместе набрали на 4 голоса больше, чем ХДС — ХСС. В 22.30 стало известно, что они обошли ХДС — ХСС уже на 6 голосов.

Вилли Брандт поднял телефонную трубку. Он сообщил, что СДПГ хочет образовать правительство вместе с СПГ. На другом

конце провода воцарилась тишина. Голосов хватит. У социал-демократов и у либералов вместе голосов больше, чем у ХДС — ХСС, настаивал Брандт. Собеседник был в замешательстве. «Да, я согласен», — сказал наконец Вальтер Шель. Незадолго до полуночи Брандт вышел к микрофону: «СПГ потеряла много голосов, ХДС — меньше, но сильно проигравший и слабо проигравший все равно проигравшие… Я дал понять СПГ, что мы готовы к переговорам с ними. Это был важный шаг с нашей стороны, он не терпел промедления. Обо всем остальном мы поговорим завтра». Несколько позже выяснились окончательные результаты выборов: сильнейшей партией, несмотря на большую потерю голосов, оставался ХДС — ХСС (46.1 %), СДПГ удалось добиться результата в 42,7 % голосов. От либералов хоть и сбежала половина избирателей, которые проголосовали за них на прошлых выборах, СПГ получила 5,8 % голосов и могла образовать правительственное большинство с социал-демократами.

Объединению социал-демократов с либералами предшествовало избрание социал-демократа, министра юстиции Густава Гейнеманна федеральным президентом. Произошла «частичная смена власти», говорил он в интервью одной из газет, создав обозначение для смены караула на верхушке власти. Более всех Вальтер Шель стремился к тому, чтобы сблизиться с СДПГ, он хотел вернуть СПГ из политического забвения, в которое его партия попала во времена Большой коалиции в качестве единственной оппозиции. Либералы не были едины в том. что касалось объединения с социал-демократами. Оставалась небольшая группа противников коалиции, ее возглавлял бывший председателем партии Эрих Менде, который упрямо стоял на своем, до конца его убедить так и не удалось. 15 рядах СДПГ далеко не все стремились избавиться от надежной и выгодной Большой коалиции. Так, лидеру фракции Герберту Венеру казалось, что самым лучшим будет тандем ХДС — СДПГ. СПГ была в его глазах кучкой ненадежных соратников, которая и без того балансирует на краю могилы. Уже в ночь выборов он презрительно ворчал про себя, что либералы — «старая партия-маятник, которая еще не выбрала политического направления».

В быстром темпе Брандт и Шель обошли сомневающихся и довели дело до конца. 30 сентября Вальтер Шель, выступая перед партией, выдвинул решение — первым делом необходимо провести переговоры с СДПГ. С ХДС можно было ограничиться «обменом информации». В этот же день были проведены переговоры о коалиции, начались они с футбольного матча перед виллой Брандта, а после игры маленькие группки провели

переговоры прямо на природе. Через два дня бумаги о соглашении были готовы, фракция СПГ согласилась с этим решением. 3 октября Брандт с Шелем выступили перед федеральным президентом и оповестили его о своем желании «править совместно». В целом у коалиции было преимущество в бундестаге в 12 голосов. Хватит ли его?

21 октября 1969 года Вилли Брандт был избран четвертым федеральным канцлером ФРГ. Чтобы предотвратить ситуацию, в которой депутаты могли бы уклониться от принятия решения, воспользовавшись своим отсутствием, Гельмут Шмидт назначил перекличку на утренние часы. Если кого-то не хватало, к нему тут же направлялся курьер, который, при необходимости мягко настаивая, препровождал депутата в бундестаг. Где курьеры должны были искать уклонившихся депутатов, было ясно, поскольку накануне вечером каждый народный избранник должен был оставить информацию о том, «в какой кровати он будет спать». Этого потребовал временно исполняющий обязанности председателя партии. Действительно, депутаты от СДПГ и от СПГ оказались дисциплинированными и сплоченными — к счастью для коалиции, поскольку Брандт набрал 251 голос, что лишь на два голоса превышало барьер, необходимый ему для вступления на пост канцлера. Следовательно, двое депутатов коалиции голосовали против него.

«Господин депутат Брандт, Вы принимаете этот выбор?» Голос Вилли Брандта оставался твердым: «Да, господин президент, я принимаю выбор!» — сказал он быстро и решительно. Первым его поздравил Гельмут Шмидт. Его предшественник на посту канцлера, Кизингер, колебался чуть дольше, чем необходимо. После поздравлений от верхушки СПГ — Шеля, Геншера и Мишника — к канцлеру медленно подошел Герберт Венер, лидер фракции социал-демократов. Он немного нерешительно взял его руку. Потом на несколько мгновений прислонил свою голову к плечу Брандта, тот немного смущенно похлопал его по спине. За запотевшими стеклами очков были видны влажные глаза Венера. В первый раз за всю историю ФРГ во главе правительства встал социал-демократ. Четыре избирательных бюллетеня были объявлены недействительными из-за недопустимых замечаний на полях. На одном из бюллетеней было написано «Амос, 5:20»[27], для большинства депутатов это было непонятно. На остальных трех было написано: «Бедная Германия!», «Спасибо, нет!», «Фрам, нет!» Это было понятно.

К началу канцлерства у 55-летнего Вилли Брандта уже сложилась яркая политическая карьера. Два раза он уже пытался занять важную должность в Бонне. Он делал свои первые шаги в

политике в послевоенном Берлине, помогая бургомистру. В 1957 году он сам стал бургомистром Берлина. Стремительная политическая карьера Брандта привлекла внимание партийной верхушки СДПГ, которая стремилась избавиться от идеологических пут и трансформироваться в современную народную партию. Постепенно пыльные идеологические реликты времен основания партии были отправлены в чулан со старым хламом: обращение «товарищ», обращение на «ты» между членами партии, «социалистический привет», который завершал любое официальное письмо коллегам по партии.

Чтобы избавиться от славы поклонников классовой борьбы, СДПГ нужен был новый лидер, соответствующий духу времени. Вилли Брандт, молодой и динамичный. сознательно противопоставил себя «ветерану», первому канцлеру Конраду Аденауэру. В противоположность прежнему кандидату СДПГ, очень талантливому, но не слишком выразительному Эриху Олленхауэру, Брандт обладал яркой харизмой и был на удивление фотогеничен. С высокими скулами, серо-голубыми глазами и смелым локоном надо лбом, про который его жена всегда говорила, что он «там один как Берлин», Брандт был невероятно хорошо принят как женщинами, так и мужчинами. Он знал, как показать товар лицом. На Берлинский бал для прессы он явился в смокинге. Его жена Рут была в облегающем белом сатиновом платье, и на следующий день украшала первые полосы всех газет. Жизнь семьи Брандт проходила «как в кино», и общественность была в восторге.

Стратеги избирательной кампании выставили Брандта в самом привлекательном виде. В рекламных сюжетах избирательной кампании можно было видеть, как утром Вилли прощается с семьей и отправляется в ратушу Шёнеберг, разумеется, без сопровождения полиции. Брандт должен был стать кандидатом от народа, «своим парнем», «человеком, живущим по соседству». Его показывали во время дискуссии с пожилыми жителями, с которыми он серьезно обсуждал вопрос — получит ли каждый пенсионер по телевизору. Избирательная кампания по американскому образцу должна была обеспечить сногсшибательный успех а-ля Джон Кеннеди. Во время избирательной кампании Брандт носился по стране и проводил бесчисленные встречи, менял модные костюмы, сшитые для него на заказ, и произносил охрипшим голосом предвыборные речи на партийных мероприятиях в провинции, и домах престарелых и на вечеринках. Избиратели принимали его хорошо. Брандт был кандидатом, который может выслушать и охотно выпить с вами стаканчик-другой. Конкуренты раскритиковали «немецкого

господина Кеннеди» по всем статьям, назвав бессодержательной копией американского президента. Они настаивали на том, что у Брандта нет масштаба Кеннеди, что он просто повторяет позы и жесты великого американца. А когда его жена, Рут Брандт, в середине избирательной кампании забеременела, многие заявили, что это «уловка», поскольку у Джеки Кеннеди год назад, во время избирательной кампании Джона Кеннеди, родился «процентный ребенок». Нападки политических противников Брандта во время избирательной кампании были лишь репетицией перед будущей клеветнической вакханалией.

13 августа 1961 года срочно вызванный бургомистр Берлина Вилли Брандт растерянно стоял перед колючей проволокой, за которой строители деловито снимали асфальт в самом центре города: «Эй, парни, что это вы тут творите?!» — спрашивал Брандт. ГДР без всяких шуток приняла решение остановить исход восточных немцев в ФРГ при помощи строительства стены в Берлине. В яростном бессилии Брандт апеллировал к своему «другу», президенту США Джону Кеннеди, и просил положить конец этому безобразию. Тот, разумеется, остался холоден и потребовал только усиления военного гарнизона США в Берлине.

Брандт выучил этот урок. На будущее он понял, что ФРГ должна сама защищать свои интересы, если она хочет выстоять в условиях протектората держав-победительниц. Канцлер Аденауэр не прервал избирательную кампанию. Когда через 9 дней после постройки Берлинской стены канцлер появился в Берлине, его встретили язвительные крики: «Ура! Спаситель явился!» Берлинцы были очень обижены на Аденауэра за то, что он оставил их вместе с бургомистром наедине с бедой и предпочел участвовать в предвыборной гонке, все больше напоминающей фарс. Сын Брандта Петер, которому в это время исполнилось 13 лет, до сих пор вспоминает о невероятных нагрузках, которые пришлось вынести его семье в те месяцы: «Я ничего этого не понимал. Меня учили, что патриоты — это те, кто выстоял против Гитлера».

Намеки на прошлое Брандта, которыми ХДС — ХСС напичкали свою избирательную кампанию, имели совершенно другой смысл. «Если с кем-то его политические противники и обращались с невероятной тактичностью, так это с господином Брандтом, он же Фрам», — ругался Аденауэр вскоре после постройки Берлинской стены. В Вильсхофене Франц Йозеф Штраус вторил Аденауэру: «Что вы делали там *снаружи* 12 лет? Мы знаем, что мы делали *здесь внутри*!» В Бонне говорили, что он сменил имя так же, как «Адольф Гитлер, чье настоящее имя было Шикельгрубер». Никто не может быть ответственным за то. что он

родился вне брака, но тем не менее…

Вилли Брандт родился в 1913 году под именем Герберт Эрнст Карл Фрам. Его матери было всего 19 лет, она оставила ребенка под надзором своего дедушки, Людвига Фрама, который заменил Герберту отца. Лишь спустя долгое время Герберт узнал, что его дедушка не был отцом его матери, но это нисколько не уменьшило его любви к этому человеку, чей «запах пота, мокрой кожи, пудры и масла» он вспоминал, будучи уже в преклонном возрасте. О своем физиологическом отце Вилли Брандт писал: «Отца он никогда не знал, не знал даже, кто он. И никогда не хотел знать». Контакт с матерью остался на уровне визитов. Через регулярные промежутки времени местный фотограф документировал развитие маленького Герберта: есть его фото в матроске или в защитной куртке и крошечной каске на голове с деревянным ружьем на плече, что отражало верность кайзеру.

Чувство безопасности, которое хотел внушить ему дедушка, мальчик нашел вне отчего дома, в рабочем движении. откуда происходили и отец с матерью: детская группа, клуб мандолин, «Ястребы» и, в конце концов, Социалистическая рабочая молодежь. В 1930 году, в 17 лет, Герберт вступил в СДПГ.

Как особо одаренный ученик он получил бесплатное место в гимназии, которое на самом деле предназначаюсь сыну из бюргерской зажиточной семьи. Он охотно говорил на исторические и общественные темы, его соученики называли Герберта «политиком». После окончания школы он писал статьи для «Любекского народного вестника»[28], который возглавлял его наставник Юлиус Лебер, председатель любекских социал-демократов. Лебер, который позже присоединился к немецкому Сопротивлению, был убит в концлагере, он очень сильно повлиял на Герберта. В 1931 году Фрам присоединился к Социалистической рабочей партии Германии (СРПГ)[29], маленькой ультралевой группировке, которая выделилась из СДПГ в знак протеста против вялой политики СДПГ, которая находилась в оппозиции в рейхстаге. После того, как партия была запрещена национал-социалистами в 1933 году, она работала нелегально. Было принято решение поддержать Сопротивление в рейхе и соседских странах. Герберт Фрам должен был стать руководителем отделения СРПГ в Осло. Это было кстати, поскольку гестапо выслеживало издателей «вражеских» листовок. Имя Фрама было в списках.

В ночь на 2 апреля 1933 года Герберт Фрам покинул Германию на рыболовном катере, спрятавшись среди ящиков и тросов. С началом этого путешествия он оставил за своей спиной страну и целый отрезок жизни. Позже он будет писать об этом

времени: «О юноше по имени Герберт Фрам… у меня осталось лишь смутное воспоминание. Над этими годами висит непроницаемая пелена, серая, как туман над любекской гаванью». Впредь он называл себя только Вилли Брандтом.

В Норвегии уже образовалась община немецких эмигрантов, ждавших конца «нацистского безумия». Вилли Брандт, 19-летний юноша, хотел по-настоящему начать жизнь заново. В кратчайшие сроки он выучил норвежский язык и начал зарабатывать деньги, публикуя статьи в «Arbeitsbladet», газете Норвежской рабочей партии. В 1936 году партия направила его в Берлин. После нескольких недель пребывания в германской столице под чужим именем ему пришлось похоронить надежды на скорый конец нацистского режима. Вторжение немецких войск в 1940 году в Норвегию вынудило Брандта к новому побегу, на этот раз в Швецию. В следующем году у него родилась дочь Нинья. Мать, норвежка Карлотта Торкильдсен, была на 9 лет старше Брандта и вышла за него замуж лишь недавно.

В октябре 1945 года Вилли Брандт вернулся в Германию в качестве судьи-референта на судебных процессах в Нюрнберге. Столкновение с преступлениями нацистского времени сформировали для него проблему немецкой вины и ответственности немцев за войну, эта проблема и стала толчком для политической деятельности Брандта.

В 1947 году Рут Хансен приехала в Берлин к Брандту, где он в это время работал норвежским атташе по делам печати при Контрольном совете Альянса. Брандт познакомился с юной норвежкой в Стокгольме, год спустя состоялась свадьба. Родился Петер, первый из трех сыновей Брандтов. 1 июля 1948 года Вилли Брандт, которого национал-социалисты лишили гражданства, получил удостоверение, согласно которому он снова официально стал немцем. «У меня было чувство, что здесь я нужен больше», — обосновывал он позже свое решение.

Именно эти события сделали Вилли Брандта целью нападок избирательной кампании. Тем не менее можно было предположить, какими будут результаты выборов 17 сентября 1961 года: ХДС — ХСС сохранили преимущество, а Конрад Аденауэр остался федеральным канцлером. Глубоко разочарованный, Брандт вернулся в Берлин, отказавшись от депутатского мандата. Такая реакция была хорошо знакома его друзьям, Брандта видели плачущим даже из-за небольших поражений.

Четыре года спустя канцлерское кресло оказалось свободным, «железный канцлер» Аденауэр наконец ушел со сцены. Его преемник Людвиг Эрхард считался несерьезным соперником и

«случайным человеком на посту федерального канцлера». К тому же социал-демократы нашли авторитетных единомышленников среди интеллектуалов. Писатель Гюнтер Грасс неутомимо проповедовал вдоль и поперек по всей стране в поддержку социал-демократов. Другие интеллектуалы старались придать Плеск старым и унылым партийным лозунгам. Однако большинству социал-демократов новый лозунг «Поменять партию, но остаться верным жене» казался все еще слишком прогрессивным, так что в результате остались при своем таком же старинном, как и неоригинальном «надежность есть надежность». Союз поставил на уже испытанные клеветнические кампании. Над Рурской областью кружили самолеты с транспарантами, на которых можно было прочитать: «Где был Брандт в 1943 году? Он был надежно спрятан». Согласно опросам общественного мнения, выборы должны были закончиться почти «ничьей», кандидаты должны были прийти к финишу «ноздря в ноздрю». Тем более разочарованы были в СДПГ, когда появились первые результаты. Партии хоть и удалось набрать 39,3 % голосов, то есть на 3 % больше, чем на предыдущих выборах, но это едва ли имело какой-то смысл, учитывая триумф ХДС. Людвиг Эрхард был для избирателей послевоенного времени символом «экономического чуда» и набрал для своей партии 47,6 % голосов. «Я ведь вернулся в Германию с чистыми руками, с чистыми!» — вырвалось у Вилли Брандта в одном телевизионном интервью незадолго после объявления результатов выборов. Он был беспредельно разочарован. Как будто каждый крестик на избирательном бюллетене обозначал «мы тебя не хотим», он воспринял провал на выборах как свое самое главное поражение. Его кандидатуру отклонили избиратели. больше никогда он не выдвинет свою кандидатуру на пост федерального канцлера. Он скажет Бонну «Прощай!» и вернется в Берлин, и на этот раз навсегда.

14 месяцев спустя семья Брандт переехала назад в Бонн с вещами, двумя собаками и черепахой, а Вилли Брандт принял документ о своем назначении в кабинет министров Большой коалиции. Федеральный канцлер Георг Кизингер сформировал коалиционное правительство.

Брандт не был полностью доволен после создания Большой коалиции, по легко освободился от первоначальною скепсиса относительно «слоновьей свадьбы» между крупнейшими партиями: «В Конституции… нигде не написано, что оппозиция должна состоять больше чем из 200 депутатов и всегда должна быть представлена СДПГ», — так он обосновал свое решение. Брандт хотел возглавить Министерство образования, но коллеги передали ему в ведение Министерство иностранных дел,

поскольку он имел связи за границей и пользовался большим моральным доверием иностранных партнеров ФРГ. Будучи космополитом, способным к изучению языков, Брандт нашел себя на международной арене. Он бегло говорил по-норвежски и по-английски, хорошо знал французский и мог объясниться по-испански и по-итальянски.

Канцлер Кизингер и его вице-канцлер Брандт представляли собой странный тандем. Союз бывшего члена НСДАП и эмигранта-антифашиста символизировал примирение немцев с собственной историей. Но отношения Брандта с Кизингером были непростыми. Практичного Брандта раздражали эстетские разговоры в кругу Кизингера. К тому же в той сфере деятельности, где он чувствовал себя как рыба в воде — во внешней политике — Брандта раздражала опека Кизингера. Канцлер не пропускал ни одного документа, не подвергнув его критике и не внеся изменения, жаловался Брандт. Личные отношения министра иностранных дел и канцлера тоже были сложными. «Серебряные уста», как называли Кизингера из-за его выдающихся ораторских способностей, основательно действовал Брандту на нервы. С другой стороны, Кизингер страдал от упрямства своего министра. Чем больше Брандт на что-нибудь сердился, тем жестче становился Кизингер и применял оружие, которое доводило других до отчаяния, он упорно молчал. Для Брандта годы Большой коалиции были очень большим напряжением. Он все чаще испытывал депрессии, меланхолию, привыкал к неумеренному потреблению алкоголя. В случаях, когда он сильно злоупотреблял спиртным, газеты писали, что у него грипп.

«Я не могу представить себе коалицию, в которой нашлось бы место для министра иностранных дел Брандта. Большая коалиция делает существование министра иностранных дел Брандта невозможным», — отчаявшись, говорил он в интервью в сентябре 1969 года. Личное и политическое недовольство правительством в 1966 году привнесло свою лепту в то, что в ночь выборов Брандт держался так уверенно. Таким Вилли Брандта вообще-то не знали, поскольку последние годы принесли ему славу человека вечно нерешительного и сомневающегося, но теперь он был полон решимости.

Теперь во дворец Шаумбург вселилась новая команда и был принят новый стиль управления. Министром иностранных дел и вице-канцлером стал Вальтер Шель. Профессор Карл Шиллер, на чьей политической репутации СДПГ построила свою избирательную кампанию, принял на себя обязанности министра экономики, Алекс Мёллер стал министром финансов, Гельмут

Шмидт — министром обороны. Министром внутренних дел стал Ганс-Дитрих Геншер, а министром сельского хозяйства — воинственный баварец Йозеф Эртль, который в ночь выборов не делал большого секрета из своей антипатии к малой коалиции. Герберт Венер, прежде министр по общенемецким вопросам, ушел со своего поста и принял на себя обязанности председателя фракции в бундестаге.

В кабинете министров при Брандте дела велись спокойно и непринужденно. Брандт ценил дискуссию, но не эпического формата, как Кизингер. Брандту просто было важно мнение сотрудников. Руководитель канцлерского ведомства Хорст Эмке вспоминает: «Нам нравилось работать с Брандтом. Если он однажды убеждался в способностях человека, он давал ему возможность работать, не вмешиваясь постоянно в его деятельность». «Какой смысл бить кулаком по столу? Столу больно, а толку никакого», — сказал однажды Брандт, отвечая на вопрос, не стоит ли иногда действовать более решительно и жестко. В канцлерском ведомстве порядок наводил Хорст Эмке, он действовал с такой скоростью, энергией и активностью, что даже вызывал удивление. Во многом он был противоположностью спокойного уравновешенного канцлера. Тоже выходец из Северной Германии Брандт и весельчак с Рейна Вальтер Шель были настоящими противоположностями, но отлично ладили друг с другом. По правилам Шелю как новому министру иностранных дел по должности полагалась вилла Брандтов на Сосновой аллее. а Брандты должны были переехать в канцлерские апартаменты. Но поскольку Шель не испытывал ни малейшего желания переезжать, он предложил канцлеру просто оставить все как есть. «Рут в восторге от этого жилища и не хочет поселиться в том ящике внизу», — ответил Брандт. И дело было решено.

Брандт и Шель остались соседями на холме Венусберг и решали многие проблемы в приватной обстановке за бокалом вина. Однако друг для друга они оставались «господином Шелем» и «господином бундесканцлером». Это было типично для Брандта. Он не любил приятельских отношений, и его часто упрекали в этом, хотя неформальные вечеринки с большим количеством алкоголя имели у канцлера успех. Он любил держать людей на определенной дистанции, казалось, что он воздвиг стеклянную невидимую стену между собой и своим окружением. «Он мог любить и принимать людей в целом, но у него были проблемы с отдельными личностями», — вспоминает его жена Рут. Даже его взгляд был всегда немного отрешенным, Брандт лишь изредка смотрел людям в глаза или прямо в камеру. Тем сильнее добивались этого люди из его окружения. Черты характера

Брандта, которые на самом деле должны были ограждать его от людей, казалось, напротив, привлекали их. Чем более явно он увеличивал дистанцию, тем больше коллег стремились сблизиться с ним. У Брандта была очень обаятельная манера говорить. Если нужно было произнести речь, ему хватало небольшой записки с нацарапанным от руки списком важных пунктов. Своим густым, прокуренным голосом он говорил медленно, как будто хотел еще разок взвесить каждое слово, которое произносил.

Наверное, самым необычным союзом в новом политическом ландшафте был союз Вилли Брандта и Герберта Венера. Для простодушного Брандта «дядюшка Герберт», как называли Вернера товарищи по партии, был крепким орешком. Он повторял свое кредо непрерывно: он — «извозчик», который должен везти «телегу СДПГ», пока партия этого хочет. Тяжело до самоотречения он воспринимал легкий стиль правления Брандта, которого не понимал. Он молча презирал канцлера, избалованного прессой и считал его легковесным человеком, относящимся к политике без должной серьезности. Сварливый и агрессивный, Венер в некоторых случаях был склонен к добродушному и даже сентиментальному поведению. Венер снискал симпатию многих соратников по партии, посылая им огромные букеты красных роз по особым торжественным случаям. Брандт же не очень понимал, что делать с партнером, который взял на себя роль самоотверженной жертвы и не уставал обращать внимание на свои страдания. Он дал Венеру право действовать по собственному усмотрению. Смена власти в 1969 году была воспринята участниками и наблюдателями как своего рола цезура: впервые одна партия сменила другую на вершине власти мирным путем. Так все еще юная республика прошла свое испытание на парламентскую демократию.

Смена правительства для тех, кто его поддерживал, была порывом ветра, пробудившим страну от долгой летаргии. Трезвому прагматизму эры Аденауэра, как казалось современникам, пришла на смену эпоха политического и духовного обновления нации. «Никаких экспериментов» — таким был девиз эры Аденауэра. «Не бояться экспериментов!» — провозгласил Вилли Брандт, обратившись напрямую к сердцам юных избирателей. Вилли Брандт в своей собственной семье испытал конфликт поколений. Старший сын Брандта, Петер, в 1968 году был 20-летним студентом, принимавшим участие в молодежной демонстрации протеста против войны во Вьетнаме, и был приговорен к 14 дням ареста. Консервативная пресса сделала из него настоящего врага государства, в лице которого являют

свое настоящее лицо убеждения его отца. Утверждалось, что Петер учится в Москве или Пекине, а на Кубе его учат вести партизанские войны. Вилли Брандт стоял на стороне своего сына. «Эмоционально мы были гораздо ближе, чем политически», — вспоминает профессор истории Петер Брандт. У Вилли Брандта было мало общего с «сидячими» и «лежачими» забастовками и длинноволосыми вдохновителями майских выступлений 1968 года. Именно поэтому он стерпел исключение из партии члена городского совета города Берлина Гарри Риштока, который присоединился к одной из демонстраций протеста. Ришток вооружился плакатом «Я член СДПГ» и открыто высказывал свое возмущение «мечтателями и радикалами, которые полагают, что следуют девизу южно-американских революционеров-раликалов». Тем не менее «поколение-68» уважало антифашистскую биографию Вилли Брандта. Многие студенты «поколении 68» начали карьеру в государственных органах со вступления в СДПГ. В следующие годы именно Брандт обеспечил постепенный приход молодежи в государственные структуры.

Но не только для молодежи заявление Брандта, которое он огласил 28 октября в бундестаге, стало манифестом нового политического курса. «Политика этого правительства будет проводиться под знаком обновления» — так звучало программное вступление к речи. «В прошедшие годы многие в этой стране опасались, что вторая немецкая демократия пойдет по пути первой. Сегодня я верю в это меньше, чем когда-либо. Нет, мы не стоим в конце нашей демократии, мы находимся в самом начале». Основная мысль речи заключалась в утверждении: «Мы хотим отважиться на большую демократию… ФРГ стоит перед необходимостью обширных реформ». Список реформ, который предлагало новое правительство, представлял собой целый том изменений, предполагавший реформы семейного права, реформу высшего образования, новое земельное право, защиту вкладчиков, охрану прав животных, снижение избирательного возраста до 18 лет, равноправие мужчин и женщин и многое другое. Если это было больше, чем простые «социальные фантазии», как называли эту программу критики, следовательно, правительство взяло на себя колоссальную ответственность.

Поистине революционный аспект правительственного заявления содержался во внешней политике. «Федеральное правительство продолжает политику, начатую бундесканцлером Кизингером… О международно-правовом признании ГДР федеральным правительством не может быть и речи. Даже если на территории Германии и существуют два государства, друг для друга они не являются зарубежной территорией. Их взаимные

отношения могут строиться лишь особенным образом». Это предложение, а в действительности всего лишь замечание, сделанное походя, было чрезвычайно важно. Было произнесено слово «государство». «Этот феномен, который образовался там, за стеной», — говорил бундесканцлер Кизингер о ГДР, обходя более или менее элегантно слово «государство». Это было симптоматично для нерешительности, с которой федеральное правительство относилось к государственному образованию с той стороны стены. Хотя Большая коалиция и начала корректировать политический курс, но исполнение всех нововведений было отложено на потом. «Восточная политика» оказалась в тупике, вовсю еще действовала доктрина Хальштайна. Это значило, что никаких дипломатических отношений с государствами, которые признают существование ГДР, у ФРГ быть не может. Если бы Брандт сохранил этот пункт, ФРГ и в западном мире грозила бы нарастающая изоляция. ГДР была государством, в состав которого вошли бывшие территории Восточной Германии по границе с Польшей, но ФРГ до сих пор игнорировала этот факт. В течение двух лет правительству Брандта удалось благодаря договорам с СССР и Польшей, переговорам с ГДР на высшем уровне в Эрфурте и Касселе и новому четырехстороннему договору добиться создания новых международных отношений и выйти на новый уровень взаимного существования обоих немецких государств.

Для правительства ключи к новой «восточной политике» находились в Кремле. Без этих господ, через голову СССР ничего бы не сдвинулось в отношениях двух Германии и сосуществовании с восточноевропейскими соседями. Ситуация была более благоприятной, чем та, которую застала Большая коалиция. Москва серьезно конфликтовала с Пекином и искала покоя и разрядки на Западе. Чтобы сдвинуть с места отношения, нужен был подходящий человек. Вилли Брандт посчитал таковым статс-секретаря Эгона Бара. Тот был упорен и хитроумен, к тому же канцлер полностью ему доверял. Уже в 1963 году он сформулировал идею «перемен через сближение». Теперь это предстояло претворить в жизнь. В январе 1970 года Эгон Бар прилетел в Москву. Западные союзники не без опасения следили за новым курсом политического обновления. Белый дом не скрывал своего скепсиса относительно немецких действий в одиночку. Генеральный секретарь США, Генри Киссинджер, напомнил о том, что забыли посоветоваться с западным партнером. «Информация вместо консультации», — так звучал новый девиз Федеративной республики, которая таким образом подчеркивала свою независимости от США. «Я считаю себя канцлером не побежденной, а освобожденной Германии»,

самоуверенно заявил Вилли Брандт журналистам после выборов.

На протяжении примерно 50 заседаний с советским министром иностранных дел Громыко Эгон Бар смог заложить новый фундамент немецко-русских отношений. Когда после трехнедельного пребывания в Москве Бар вернулся наконец в Бонн, он привез с собой черновик текста договора с бывшим военным противником. Две недели спустя текст уже красовался на титульных страницах газеты «Бильд» под заголовком «Что было тайным до сих пор». Хотя соглашения, которые как-то просочились наружу, и были приведены не полностью, этого уже хватило, чтобы напугать западных немцев. Отказ ФРГ от будущих территориальных претензий и признание территориального статуса-кво в Европе, были в глазах общественности не чем иным, как «распродажей немецких интересов», ведь черным по белому было сказано, что Германия отказывается от территорий, потерянных во Второй мировой войне. Правительству с трудом удалось восстановить равновесие. В следующем раунде боев за договор участвовал Вальтер Шель. На даче Андрея Громыко оба министра иностранных дел пришли наконец к единому мнению, так родился Московский договор. Он содержал взаимные заверения в признании существующих европейских границ, в том числе и границы по линии Одер — Найсе, образующей «западную границу народной республики Польша, а также границу между ФРГ и ГДР».

11 августа канцлер прервал свой отпуск в Норвегии и вылетел и Москву. «Мы прилетели поздно, но мы прилетели», — многозначительно прокомментировал он опоздание своего самолета. На следующий день в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца состоялось праздничное подписание договора под бдительным оком главы государства и партии Леонида Ильича Брежнева. После церемонии Брежнев, с которым Брандт лично никогда раньше не встречался, отвел его в сторону и попросил о разговоре с глазу на глаз. Много часов спустя Брандт знал об опасениях советского лидера, который подарил канцлеру открытку с изображением Владимира Ленина и договорился о скорейшем подписании договора. Этот разговор послужил фундаментом для будущего согласия между обоими политиками. Вечером Брандт обратился с телеэкранов к своим соотечественникам. С подписанием этого договора не было потеряно ничего, что мы не проиграли бы уже давным-давно». Это было признание счетов, оставленных со времен Второй мировой войны. Брандт заявил, что готов их оплатить.

Параллельно с переговорами с СССР правительство Федеральной республики стремилось добиться своей цели в

«восточной политике» в отношении с ГДР. Диалог двух немецких государств на высшем уровне начался в Эрфурте.

Когда Вилли Брандт сошел с поезда, перед вокзалом уже собралась нетерпеливая толпа, которую с трудом сдерживали полицейские. Брандт произнес короткую приветственную речь: «Благодарю вас за теплый прием, а также за то, что обеспечили хорошую погоду». «Погода не должна мешать делу», — парировал Штоф не без иронии. Перед отелем «Эрфуртер Хоф» толпа прорвала полицейское заграждение. «Вилли, Вилли!» — скандировали собравшиеся. Чтобы не было никаких недоразумений, толпа потребовала лицезреть «классового врага»: «Вилли Брандт, к окну!» Брандт в номере отеля боролся с собой. Он знал, что если эмоции на площади будут нарастать, это может окончиться плохо. Он медленно подошел к окну и поднял руку ровно настолько, чтобы можно было понять этот жест и как приветственный, и как успокаивающий. «Я на следующий день опять буду в Бонне, а они останутся здесь… Поэтому я призвал своим жестом к сдержанности. Меня поняли. Толпа замолчала. Я отвернулся с тяжелым сердцем», — вспоминал позднее Брандт.

Прием Вилли Штофа во время ответного визита в Касселе выглядел менее сердечно. Уже на вокзале премьер-министра ГДР попросту освистали. Дело дошло до скандала, когда радикально настроенные демонстранты сорвали с флагштока флаг ГДР и разорвали его. Штоф был возмущен: значит, в ФРГ плетутся неонацистские интриги и демонстранты угрожают официальным представителям ГДР. Брандту ничего не оставалось, как извиниться за «инцидент», но атмосфера осталась напряженной. Восточный Берлин и Бонн решили поначалу взять «время на раздумья».

Результат обеих встреч в верхах оказался более чем скромным, но переговоры продолжались. На гораздо более эффективной основе зиждились такие ослабления режима, как возможность наносить взаимные визиты и обмениваться письмами. Это было необходимо для сохранения чувства общности всех немцев. Договор об основах взаимоотношений между ФРГ и ГДР был подписан 6 ноября 1972 года «без ущерба конституциям ФРГ и ГДР по основополагающим вопросам, в том числе и по национальному вопросу», как было указано в преамбуле к договору. Другими словами, это означало, что ФРГ по-прежнему выступает за объединение немцев. В самом соглашении было установлено, что оба государства начнут делать шаги по вступлению в ООН. В ходе «нормализации отношений между ними» должны быть по-новому решены «практические и гуманитарные вопросы». Было оговорено, что по вопросам науки,

экономики, техники, культуры, здравоохранения, экологии и пр. в будущем будут подписаны отдельные соглашения для достижения нового консенсуса. Отдельным письмом ГДР одобрила ослабление режима передвижения и разрешение на воссоединение семей.

Договор об основах отношений с ГДР не цементировал разделение Германий, напротив, он письменно зафиксировал требование о воссоединении и поселил эту мысль в головах граждан обоих государств благодаря упрощению взаимного общения. Кроме того, визит Брандта в Эрфурт был ясным указанием на то, что после 20-летнего разделения немецкая нация по-прежнему чувствовала себя единым целым.

«Здесь разрывают то, что является единым», — выкрикнул Вилли Брандт в 1956 году в Берлине перед Бранденбургскими воротами, когда разъяренная толпа хотела прорваться в восточную часть города в тот день, когда советские войска подавили восстание в Венгрии. Брандт смог взять под контроль и успокоить толпу, затянув национальный гимн. Годами позже он опять смог вернуться к этой фразе.

В 1971 году мир почтил усилия Вилли Брандта Нобелевской премией мира, он стал четвертым в мире немцем, получившим эту высокую награду. Он «протянул руку примирения между старыми врагами» и внес «значительный вклад в мирное развитие не только Европы, но и всего мира».

Московский договор открыл путь к единению со странами соцлагеря, символической кульминацией которого стало коленопреклонение Брандта у мемориала в Варшаве. «Кто хотел меня понять, тот мог понять, и многие немцы, где бы они ни находились, поняли меня», — сказал Брандт позже о своем жесте. Но были и те, кто не понял. Противники Брандта говорили, что его падение на колени было не спонтанным выражением чувств, а хорошо продуманной инсценировкой, и об искренних чувствах не могло быть и речи. К тому же многие СМИ не без задней мысли путали памятник жертвам Варшавского гетто с Могилой неизвестного солдата, что придавало жесту Брандта совсем иную окраску. Согласно опросу журнала «Шпигель» лишь 41 % опрошенных считали коленопреклонение Брандта уместным, 48 % посчитали этот шаг чрезмерным. Когда-то ведь должен наступить конец вечному покаянию, нельзя же вечно посыпать голову пеплом, таково было мнение большей части населения ФРГ. В обществе начались протесты против «продажи восточных областей Германии», ведь Варшавский договор содержал недвусмысленное признание линии Одер — Найсе западной границей Польши. «Десятки лет мы жили в иллюзии, что

воссоединение и новое обретение “потерянной родины” могут быть реализованы лишь в западном варианте. Вид коленопреклоненного бундесканцлера задел меня и был исключительно неприятен. Подобный жест в чужой стране противоречит всем международным обычаям», — оценивал поведение канцлера Фридрих Вальтер, вице-президент «Союза изгнанников».

Оппозиция критически наблюдала за процессом ведения переговоров. Эгон Бар якобы поступил слишком меркантильно и слишком быстро согласился на ряд неприемлемых условий. Бар, который и в самом деле очень ценил атмосферу мистичности, позже всегда защищал свою скрытную тактику ведения переговоров. На примере публикации «бумаг Бара» хорошо было видно, что стремление «выложить карты на стол» не оправдывает себя. В конце концов, разговоры за закрытыми дверями всегда возбуждают недоверие, которое прежде всего звучит в обшей волне критики. Франц Йозеф Штраус назвал Вилли Брандта «продажным канцлером». Якобы он примеривает внешнеполитические шаги ФРГ к «милости» Москвы. «Вы, господин бундесканцлер, находитесь в процессе отмены “западной политики” Германии и создания ее советской концепции», — говорил депутат бундестага от ХДС фон и цу Гуттенберг. «Так нельзя», — выразил общее мнение оппозиции Райнер Барцель. Продолжение четырехсторонних переговоров о Берлине было настоящим прогрессом, тогда как отказ от них вел прямиком в тупик. Конечно, договоры должны были быть ратифицированы, но игнорировать мнение оппозиции тоже было нельзя. Следовательно, «совместное постановление», документ, в котором еще раз оговаривалось право на самоопределение с условием мирного договора, должно было предложить элегантное решение для дилеммы с оппозицией. Райнеру Барцелю не удалось уговорить свою команду принять компромиссную позицию. В результате договоры были ратифицированы без голосов оппозиции.

В сентябре 1969 года коалиция начала свою работу с преимуществом в 12 мандатов. С продолжением «восточной политики» это маленькое преимущество начало таять, как снег на солнце, потому что не всякий член коалиции был готов поддерживать новый курс. Все началось в октябре 1970 года. Эрих Менде и Зигфрид Цоллман вышли из состава СПГ, но не отдали свои мандаты, а передали их в другую фракцию — ХДС — ХСС. Теперь каждый голос был важен как для правительства, так и для оппозиции. Следующим СПГ покинул Хайнц Штарке. А когда Герберт Хупка в марте 1972 года перешел в ХДС, оказалось, что

для численного перевеса оппозиции не хватало лишь двух голосов! Казалось, что и эта проблема была решена — голоса нашлись, коалицию покинули члены СПГ Кнут фон Кюльманн-Штумм и Герхард Кинбаум. Было известно, что уже в 1969 году они оба весьма скептически относились к коалиции, да и сейчас не скрывали мыслей о переходе на сторону ХДС. Окончательно нокаутировал правительство Вильгельм Хельмс, неизвестный до сих пор политик, когда 20 апреля 1972 года объявил, что покидает СПГ. Он и был тем самым 249-м депутатом, в котором так нуждался лидер оппозиции Райнер Барцель, чтобы сбросить Брандта. Воодушевленный победой на выборах в ландтаг земли Баден-Вюртемберг, ХДС — ХСС принял решение вынести 24 апреля конструктивный вотум недоверия Вилли Брандту, в результате чего канцлером должен был стать Райнер Барцель, а правящей партией — ХДС — ХСС.

Обе стороны пустились в изнурительные переговоры с Хельмсом, пытаясь перетянуть его на свою сторону.

Оппозиция не приняла в расчет общественное мнение, которое громко заявило о себе. Образ действий Барцеля и его людей является скрытым государственным переворотом, заявляли левые листовки. «Штраус и Барцель рады встретить новый тридцать третий!» — было написано на одном из плакатов во время демонстрации в Берлине. Ситуация выглядела так, словно новое правительство под покровом ночи хотело водрузить корону себе на голову. Вилли Брандт стал иконой, мучеником, который бескорыстно боролся за мир в Европе и теперь должен был быть убит из-за угла. Солидарность с СДПГ, находящейся в сложном положении, выразилась в волне демонстраций в поддержку партии. В Рурской области прошли первые предупредительные забастовки, а после смены правительства большинство рабочих обещали не выходить на работу. Все это не обещало ничего хорошего.

27 апреля представители всех партий собрались на общее голосование. Дела правительства были плохи. Утром этого дня Кинбаум и Кюльман-Штумм объявили, что они склонны поддержать позицию Барцеля. Казалось, все решено. В канцлерстве готовились к достойному отступлению. Секретарь Брандта Петер Ройшенбах вспоминает: «Мы сидели в своих офисах, я, в частности, паковал бумаги, которые не должны были попасть в руки преемника бундесканцлера».

Между тем в бундестаге на трибуну вышел Вальтер Шель. Он подготовил две речи: оптимистическую на случай. если изменников удастся в последнюю секунду переманить на свою сторону, и «последнюю песнь социально-либеральной

оппозиции», если дело окончится провалом. Шель решился на последний вариант: «Надежность личного будущего не вопрос совести», — это было обращение к перебежчикам. «Здесь выиграна убогая игра. Правительства без веры и правды наш народ не заслуживает», — этот выстрел был направлен в сторону Райнера Барцеля.

Потом микрофон взял Вилли Брандт. Здравый смысл подсказывал ему, что он держит последнюю речь, занимая пост федерального канцлера. «Я выполнял свой долг, а иногда и более того. Господин коллега Кизингер, я лучше представлял интересы нашего народа и государства, чем если бы слишком часто следовал растерянным предложениям оппозиции… Я уверен, что после сегодняшнего голосования мы продолжим оставаться правящей партией». Конец речи был простым: «А теперь, дамы и господа, ничего нам больше не остается, как, по Канту, исполнить наш проклятый долг».

Этими словами дебаты завершились, началось голосование. Оппозиция выступила сплоченными рядами, двое депутатов были больны, но их доставили в бундестаг для голосования. Лидер фракции Венер не советовал депутатам СДПГ участвовать в разделе голосов. Либералы выставили нескольких «надежных» кандидатов, чтобы создать «прикрытие» отступникам из рядов ХДС — ХСС. Начался подсчет голосов.

Вальтер Шель покинул зал и присоединился в столовой к своей жене Милдред и к Рут Брандт. Вилли Брандт ждал в холле, среди нервных депутатов он упражнялся в «черном юморе». После нескольких минут, показавшихся вечностью, федеральный президент Кай-Уве фон Хассель в 13.22 объявил о результатах голосования: из 260 депутатов, решившихся участвовать в голосовании, 247 были за Барцеля, 10 против, 3 — воздержались. Райнеру Барцелю не хватило до победы двух голосов.

«Не произошло ничего непродуманного или случайного. Ни с какой стороны. Это было задумано», — жаловался побежденный Барцель, которому три депутата своими голосами нанесли поражение всей его жизни. Того, что все это был тонкий расчет, придерживался не только Барцель, некоторые депутаты голосовали исходя из личных соображений. Это должны были быть члены ХДС — ХСС, потому что Кинбаум и Кюльманн-Штумм поспешно заверили, что сохранили верность Райнеру Барцелю. Одним из этих голосов был голос Вильгельма Хельмса, благодаря которому вообще встал вопрос о вотуме недоверия. Он объяснил позднее Барцелю, что был настолько поражен речью Шеля, что спонтанно решил нарушить данное обещание.

Если в случае с Хельмсом дело было в пробудившейся

совести, то настоящим злодеем, как выяснилось позднее, оказался Юлиус Штайнер, член ХДС. Он признался, что голосовал не за Барцеля. По его словам, лидер фракции СДПГ раскошелился на 50 000 марок, и Штайнер проголосовал «против». Перед срочно собранной следственной комиссией Карл Винанд отрицал, как и ожидалось, что имели место какие-либо выплаты. Поскольку с обеих стон имелись лишь отрицающие друг друга показания, 13 марта комиссия приостановила работу. Ни одна из сторон не имела реальной заинтересованности в продолжении следствия, опасаясь, как бы не выплыли компрометирующие обе фракции факты. ХДС и ХСС при попытках переманить на свою сторону депутатов тоже выглядели не всегда безупречно. Например, некоторые депутаты, перешедшие в другую фракцию, видели свои имена на почетных местах в списках депутатов от федеральных земель.

В 1980 году Герберт Венер высказал в интервью то, о чем многие догадывались. На вопрос, все ли в 1972 году прошло так, как полагается, он выдавил из себя со злостью: «А что значит, как полагается? Полагается, чтобы людям платили. Как это делалось? Есть люди, которые платили и которым платили, и я могу их назвать. Я не думаю этого делать, ведь тогда обнаружится совершенно особая сторона нашей демократии, а меня без конца будут вызывать в суд». И еще: «Лидер фракции должен знать, что происходит и что пытаются сделать, чтобы выбить у правительства почву из-под ног. Правительство само вовсе не обязано знать об этом. Я всегда знал, что будет тяжело. Кто-то должен быть дураком, и это буду я. Я знаю двоих людей, которые осуществили это. Один из них я, другого больше нет в парламенте». Этим другим человеком мог быть только Карл Винанд, который в 1974 году покинул бундестаг, хотя до сих пор на вопрос, говорил ли Венер именно о нем, он с таинственной улыбкой отвечает, что очень многих «больше нет в парламенте». Афера Винанда — Штайнера сильно подорвала репутацию СДПГ. Эта потеря имела большое значение летом следующего года.

Райнер Барцель не смог получить большинство голосов в бундестаге — а Вилли Брандт их тем не менее потерял. Во время срочно назначенного Райнером Барцелем на следующий день совещания бундестаг отклонил бюджет на следующий год, голоса разделились поровну — 247 против 247. Выходом из этой ситуации могли стать только новые выборы. После летнего отдыха сам канцлер поставил в бундестаге вопрос о доверии правительству. Министры коалиции, как им и предписали, воздержались от голосования, поэтому Брандту высказали доверие лишь 233 депутата. Благодаря этому появилась

возможность распустить бундестаг и назначить новые выборы.

Основную фотографию на плакат для избирательной кампании подбирали особенно тщательно. Было решено использовать отпускную фотографию Вилли Брандта, на которой он, загоревший, улыбался в камеру с видом победителя. Это было важно, ведь начинающаяся избирательная кампания была в сущности «кампанией Вилли».

В то время как рейтинг СДПГ постоянно падал, любовь к канцлеру возросла до невероятных прежде масштабов. Казалось, он окружен аурой непогрешимости и незапятнанности. «Имейте мужество проявлять сострадание! Имейте мужество к ближнему своему! Вспомните об этих так часто забываемых ценностях! Найдите путь к самому себе!» — говорил он своим слушателям на партийном съезде в Дортмунде. «Я своими глазами видел, как молодые и старые женщины и даже мужчины пытались дотронуться до него или до его пальто, когда он проходил мимо», — вспоминает Карл Винанд. Отчет о том, как проходит избирательная кампания, показывал, что его избирательный штаб делал все, чтобы создать настоящий «культ Вилли». «Шпигель» писал, что его речь «дышит возвышенной монотонностью григорианства». Видные деятели кино и телевидения призывали голосовать за Вилли. Среди них были Харди Крюгер, Ганс-Йоахим Куленкампф и Петер Франкенфельд. «Телевизионные полицейские» Зигфрид Ловитц и Хорст Тапперт тоже временно прекратили расследовать преступления, чтобы выступить за Вилли Брандта. Во время избирательной компании писатели, художники и прочие интеллектуалы отказались от традиционного неприятия власть имущих. Генрих Бёлль, который после 1965 года решительно отказался выступать в поддержку любого политика, кем бы он ни был, открыто выступал за Брандта: «Он первый немецкий канцлер, который вышел за границы барских традиций». Напротив, обращение с участниками избирательной кампании конкурентов Брандта могло быть названо как угодно, но только не щепетильным. Лидер оппозиции Райнер Барцель воспринимался публикой как злой шарж на прославленного властолюбца. Леволиберальная пресса называла его не иначе, чем «скользкий честолюбец». Гюнтер Грасс также не скрывал своего отвращения к Барцелю, о чем открыто заявлял в своей книге, посвященной предвыборной борьбе, «Из дневника улитки».

Симпатия к Брандту вылилась в большую волну солидарности среди населения. «Вилли Брандт должен стать канцлером», — гласили тысячи наклеек, которые распространяли среди народа трудолюбивые помощники предвыборного штаба. В одной из школ в качестве оправдания учителя принимали от

учащихся такое объяснение: «Клеили плакаты в поддержку Вилли». А одна из инициативных групп из Северной Германии наклеила на свой автобус лозунг: «Христос голосовал бы за Вилли!»

19 ноября 91,1 % избирателей проголосовали, это был абсолютный рекорд за все время существования ФРГ. Во-первых, СДПГ стала сильнейшей фракцией в бундестаге, получив 45,9 % голосов, ХДС — ХСС потеряли голоса и получили 44,9 %. Успех СДПГ был связан с мобилизацией молодых избирателей, 60 % которых проголосовали за СДПГ. Учитывая 8,4 % голосов, которые получила СПГ, социал-либеральная коалиция получила 271 место в парламенте. Наконец-то у оппозиции было серьезное преимущество, которое позволит управлять, не опасаясь постоянно козней оппозиции. Вечером победители праздновали победу на выборах в канцлерском бунгало. Сенатор США Тед Кеннеди, прибывший в качестве гостя СДПГ, взял звезду дня под руку и заверил его, уже совсем не скромно: «Willy, I love the winners»[30]. «Выборы Вилли» в 1972 году были кульминацией популярности канцлера, но социально-либеральная коалиция уже миновала зенит славы.

«Немедленная операция, запрет на курение, никакого алкоголя, строжайший постельный режим», — таково было распоряжение врачей. Вилли Брандт не вынес нагрузок избирательной кампании. В последние недели перед выборами его голос превратился в сиплый хрип, и теперь врачи настоятельно рекомендовали ему срочную операцию на гортани из-за угрозы развития злокачественной опухоли. Это значило, что во время предстоящих коалиционных переговоров канцлеру придется соблюдать постельный режим и молчать, поскольку врачи запретили ему напрягать связки. Между тем Герберт Венер и Гельмут Шмидт, а также верхушка СПГ — Шель, Геншер и Мишник — обсуждали будущий политический курс. Они должны были вынести предварительные решения, а Брандт после выздоровления должен был изложить свои соображения.

Но канцлер пытался вмешаться в переговоры с помощью распоряжений, нацарапанных на листках бумаги. Правда, похоже было, что некоторые участники обсуждения не слишком переживали о временном отсутствии главы правительства. Так, Герберт Венер «забыл» письменные указания, которые передал ему Брандт, в кармане куртки. Победителями в социально-демократическом междусобойчике оставались либералы. Вопреки недвусмысленному указанию канцлера, СПГ занялась экономикой. В ряде других случаев соратники канцлера поставили того перед свершившимися фактами. Так,

злокозненный Хорст Эмке был вытеснен на пост министра образования. Как руководитель канцлерского ведомства он со своим фамильярным стилем общения нажил слишком мало друзей в Бонне. В канцлерстве его заменил Хорст Граберт, которого за глаза называли «папкой для бумаг». Конрад Алерс, друг и пресс-секретарь Брандта, был изгнан из узкого круга приближенных лиц. Перемены были не к лучшему. Энергичный и коммуникабельный Эмке был идеальным партнером к погруженному в себя, закрытому канцлеру. Будущие ближайшие советники канцлера, называемые насмешниками «кухонным кабинетом», скорее всего, усилили бы его замкнутость и погруженность в себя. В остальном все оставалось по-старому, в кабинете появилось лишь несколько новых лиц.

К моменту написания правительственного заявления канцлер снова был здоров. Брандт парадоксально любил работать на отдыхе. На этот раз он работал в Фуэртевентуре. В январе он работал здесь с Вальтером Шелем над формулировками правительственного заявления, которые он считал важными для второго периода своего канцлерства. Легкая напряженность наблюдалась и в тандеме Брандт — Шель. Все-таки именно Шель участвовал в коалиционных переговорах вопреки указаниям Брандта.

Отношения изменились, это было видно даже в мелочах. Шелю не нравился отель, который выбрал Брандт и который на самом деле был холодным, а номер-люкс находился на восьмом этаже. Шель говорил о «падении и грязные миры Некермана», как сообщал «Шпигель», а пойманный врасплох министр иностранных дел смущенно отказывался от своих слов.

Разработанное на пляжах Фуэртевентуры правительственное заявление выглядело как немного менее объемное переиздание предыдущей версии. Оно было короче, удобнее и обращалось к уже заявленным проектам.

После произвольных высокопарных упражнений первых лет правлении теперь нужно было выполнять свой долг. 1973 год был первым годом для социально-либеральной коалиции, когда не предстояли выборы в ландтаг, большинство членов партии были рады этому, ведь от напряженной работы в период избирательной компании пошатнулось здоровье не только Вилли Брандта. Наконец пришло время исполнять заявленные цели, хотя бы потому, что практически год прошел в бездействии, а реформы были необходимы. Неужели от обещанных реформ не осталось ничего, кроме пафоса?

При этом достаточно значительные проблемы, забытые на время избирательной кампании, требовали решения. Так

называемое «Постановление о радикальных элементах», предназначенное для «зашиты от врагов конституции» на государственной службе, вызвало сильное недовольство. На самом деле постановление, которое сточки зрения закона представляло собой не слишком большое новшество, повлияло на порядок приема на службу, против этого возражали левые. Экономические проблемы страны во время первого периода пребывания канцлера на посту канцлера значительно обострились, отставка министров экономики Мёллера и Шиллера, которые не смогли провести свои вполне справедливые требования через кабинет министров, говорила сама за себя. Произошли изменения в мировой экономике. Летом 1972 года Римский клуб издал консультативное заключение под названием «Границы развития», где покончил с бытовавшей до сих пор верой в бесконечный прогресс. Правительство Брандта рассчитывало на долгосрочные преобразования экономики. Получается, что это было иллюзией? Что произойдет, когда ресурсы будут исчерпаны? В обществе появились новые идеи, а во время нефтяного кризиса наступающего года развились радикальные настроения.

Тем временем коалиция крошилась на куски и, как в первый период правления Брандта, держалась лишь за счет внешнего давления. Первым отказался прикрывать Вилли Брандта Гербер Венер, который перешел к открытой критике канцлера. По-настоящему оба никогда друг друга не любили. Венер все еще видел в Брандте легкомысленного человека, которому всегда выпадало счастье и политике, как и в личной жизни, в то время как ему самому приходилось экономить каждую копейку и очень много работать. Венер поддерживал Брандта до тех пор, до которых тот служил «делу». Но продолжал ли канцлер делать дело? По мнению Венера, недостаточно энергично.

На самом деле, психическое состояние Брандта внушало опасения. Выражение его лица напоминало маску, он постоянно имел отсутствующий вид. Кто-то впервые его назвал «Вилли Вольке»[31]. В качестве одной из причин своего состояния Брандт в более поздних интервью называл медицинский запрет на курение. Советник канцлера Гюнтер Грасс вспоминает, что этот запрет он соблюдал строго, но это было для него мучительно. Во время одного из визитов на холм Венусберг его отвели в сторону и шепотом попросили, чтобы он не курил в присутствии канцлера. Брандта не хотели вводить в искушение. Кроме того, он не должен удивляться тому, что ему не предлагают никаких алкогольных напитков.

Без никотина Брандт, который был заядлым курильщиком в

течение 40 лет, испытал резкий спад работоспособности. Всего этого не случилось бы, будь у него сигареты, убеждал он позже своих собеседников. Однако вряд ли лишь запрет на курение так изменил канцлера. Окружение Брандта было знакомо со срывами и глубокими депрессиями, которые то и дело его преследовали. За ночь он мог внезапно почувствовать себя плохо, канцелярию информировали об этом, а все встречи отменяли. «С ним никому не разрешено было говорить… Газеты писали, что Вилли страдает от тяжелой простуды», — вспоминает его жена Рут. Сам Хорст Эмке, который многократно вытаскивал канцлера из его тяжелого состояния словами: «Давай, Вилли, подъем! Нам надо править!» Но в этот раз Эмке не пускали к нему. Дело выглядело очень серьезным.

В конце мая Венер решился встретиться с главой государства и правящей партии ГДР Эрихом Хонеккером. Первые полосы «Новой Германии» украшала фотография послеобеденного разговора Хонеккера и Венера «тет-а-тет» за чашкой кофе и пирогом на озере Вандлитцзее. Брандт, знавший о поездке Венера, никак его не поддержал. Когда после возвращения его призвали к ответу, он жалобно ответил: «Он не сказал ни слова! Ни слова…»

Таинственность, с которой председатель фракции устроил свое путешествие в Восточную Германию, спровоцировала различные кривотолки и спекуляции. Может быть, дело пахнет братанием бывшего коммуниста Венера со своим единомышленником? На самом деле Хонеккер и Венер решали проблему воссоединения семей. Хотя договор об основных положениях воссоединения семей был подписан, на практике дело застопорилось. Венер опасался, что правительство предоставило «восточную политику» самой себе. Он не раз говорил об этом, но не смог привлечь внимание правительства к этому вопросу. Лишь когда лидер фракции начал открыто ругать канцлера, покатилось эхо его слов.

24 сентября 1973 года Венер полетел с делегацией немецкого бундестага в Москву. Журналисты встретили его вполне доброжелательно и готовы были идти навстречу. Охотно и подчас даже по собственной инициативе он делился сведениями о политике своего правительства и, прежде всего, о канцлере. Одна его фраза произвела фурор: «Номер один» «погружен в себя» и «лишен энергии». Венер сообщил изумленной публике, что канцлер любит купаться в прохладной воде с пеной.

По иронии, Брандт получил обрушившийся на него из Москвы залп со стороны Венера, находясь с визитом в США. Он выступил в Нью-Йорке с речью перед ООН и в этот период узнал

последние сведения из Москвы. «Он должен убираться!» — вспылил канцлер.

Однако слова остались словами, пусть и жесткими. Брандт не хотел доводить дело до противостояния внутри партии. Внешне Венер и Брандт поддерживали лояльные отношения, но в личных отношениях царил ледяной холод. Когда дело доходило до обмена мнениями на холме Венусберг, Венер и Брандт сидели час за часом, не произнося ни слова, погруженные в свои мысли перед наполненными бокалами с красным вином, словно участвовали в чемпионате по молчанию. Наконец Венер поднимался, чтобы пожелать «доброй ночи», как он сам позже меланхолически замечал. Рут Брандт ожидала конца «разговора» и спрашивала мужа, как все прошло. «Он спрашивал меня, не хочу ли я попробовать объединиться с ним еще раз».

Слова Венера в Москве были больше, чем просто расторжение партийной верности. Постамент, на котором находился канцлер Брандт, начал шататься. Вальтер Шель открыто раздумывал над сроком расторжения коалиции с СДПГ и после того, как президент ФРГ Густав Гейнеманн объявил о том, что не останется на второй срок, Шель заявил о смене курса. «Подлая торгашеская душонка, — пробормотал оскорбленный Брандт, когда узнал об этом. Кроме того, пресса, бывшая до сих пор верной сторонницей Брандта, сбросила своего любимца с пьедестала. Летом 1973 года газета «Цайт» открыто насмехалась: «Канцлер поселился наверху на высоком постаменте, далеко от суеты мерзкого мира внутренней политики». В декабре «Шпигель» посвятил канцлеру на 60-й день рождения такие строки: «Канцлер в кризисе — монумент рушится». На иллюстрации было видно голову памятника Брандту, исчезающую в облаках. Теперь канцлер выступает только с эстетическими речами для интеллектуальной публики, говорилось в статье, а низины ежедневного труда политика он совсем забросил. Но немедленного разрешения требовали как раз насущные политические проблемы. В результате Йом-Киппурской войны (1973) арабские государства-экспортеры нефти объявили бойкот Западу, который поддержал в войне Израиль. Цены на нефть взлетели до невиданных высот. Правительство ФРГ попыталось преодолеть проблему, объявив четыре воскресенья в ноябре и декабре 1973 года «свободными от машин». Более серьезными последствиями кризиса стали психологические. Право на пользование автомобилем, символизирующее свободу и прогресс, было урезано. Это был намек на давно забытую систему нормирования и регламентирования военных и послевоенных лет, что вызвало взрыв в обществе. Нужен был человек, который сможет

преодолеть кризис. Справится ли в этой ситуации Брандт?

На заседании 1974 года профсоюз работников коммунального хозяйства и транспорта (HTV) потребовал повысить заработную плату на 15 %, это было совершенно утопическим требованием ввиду нехватки денег в кассах. Брандт попросил членов профсоюза разумно оценивать возможности правительства, но разрешить проблему не удалось. С февраля начались первые забастовки автобусов, трамваев, мусоровозов и почтовой службы. Профсоюз по-прежнему настаивал на повышении зарплаты — и канцлер сдался. В глазах общества он сразу потерял очки, падение Брандта стало уже вопросом времени.

К тому же положение в партии изматывало его нервы. «Иногда это выглядело так, что в пятницу члены правительства расходились по домам, и никто из них не желал больше ничего знать о коллегах, более того, не хотел возвращаться, поэтому им стоило труда собраться снова в понедельник утром», — вспоминает Карл Винанд. В марте Гельмут Шмидт заявил, что ввиду сложившейся в коалиции ситуации недостаточно сменить пару людей. Это значило, что необходима смена власти.

Но Вилли Брандт еще раз показал свои бойцовские качества, которые лучше всего проявлялись тогда, когда он оказывался прижатым к стенке. Он, казалось, вернулся из внутренней эмиграции, в которую ушел на несколько последних месяцев. Окружающие заметили, что выражение столица стало более спокойным, к нему вернулась часть его былой жизнерадостности. В «Актуальной студии спорта» на канале ZDF выступил бодрый и умиротворенный Вилли Брандт. Пока сынишка Маттиас стрелял «по замковым воротам», канцлер разговорился о спортивном сотрудничестве ФРГ и ГДР. На вопрос, приносит ли вам радость пост канцлера, Брандт ответил откровенно: «Если уж быть честным, то бывали времена, которые радовали меня больше, чем последние несколько недель. Но все может поменяться. По крайней мере, сегодня мне весело». В апреле он преподал урок своим левым соратникам по партии с помощью плана из десяти пунктов. Предложение пообщаться Венер с благодарностью принял и снова мог сидеть во фракции на своем законном месте, с которого был изгнан после «московской истории». «Он носится с этим, как девственница с первым поцелуем», — насмехался Хорст Эмке. Перед предстоящими выборами в ландтаг Нижней Саксонии складывалось впечатление, что Венер и Брандт хотят снова попробовать сотрудничество.

24 апреля 1974 года бундесканцлер Брандт вернулся после государственного визита в Египет. Он снова был в унынии. В

Каире у него началось расстройство желудка, кроме того, его мучили зубные боли. Но то, что он узнал от явившегося к нему с докладом Ганса-Дитриха Геншера, не шло ни в какое сравнение с его недомоганиями. Министр внутренних дел сообщил: утром арестовали Гюнтера Гийома.

Как и многие агенты но времена «холодной войны», двойная жизнь секретаря Брандта Гюнтера Гийома началась с обыденного пересечения границы. В 1956 году он со своей женой Кристель, которая была родом из ГДР, переселился к теще во Франкфурт-на-Майне, в ФРГ. Совершенно обычное «воссоединение семьи», правда, облегченное финансовыми вложениями Министерства государственной безопасности. Через год после переезда «пара беженцев», согласно указаниям из Восточного Берлина, вступила во франкфуртское отделение СДПГ, и Гийом стал депутатом бундестага. Здесь он познакомился с Георгом Лебером и стал усердным помощником будущею министра по делам сообщения во время выборов. После смены власти Лебер обеспечил своему протеже должность в Бонне, в канцлерском ведомстве.

Гийом бесстрастно выдержал стандартную проверку органов безопасности. Руководитель канцлерского ведомства лично проводил собеседование с Гийомом, поскольку в его биографии были замечены некоторые несоответствия. Гийом, по воспоминаниям коллег, отвечал спокойно, но не настолько уверенно, чтобы возбудить подозрения, короче говоря, вполне обычно. Такой вердикт и был вынесен по результатам собеседования: совершенно обычный беженец из Восточного Берлина, таких в ФРГ были тысячи, в том числе и среди работающих в Бонне. Георг Лебер вспоминает об этом так: «В те времена Гийом был для меня настолько же подозрителен, насколько подозрительны были господин Геншер, господин Мишник и тысячи других людей, которые попали к нам из Восточной Германии и которым мы доверяли». Папку с делом Гийома закрыли, и он стал помощником секретаря в ведомстве канцлера и был назначен ответственным за «связи с профсоюзами и союзами рабочих». Как «выходец из народа», без академического образования, он хорошо подходил на эту должность. Так Гийом проник в «святая святых».

В кругу ярких интеллектуалов вокруг Брандта бесцветность и ординарность Гийома были великолепной маскировкой: «Он меня просто не интересовал. Он был сам по себе слишком скучен», — вспоминает советник Брандта Клаус Харппрехт. Гийом редко бросался в глаза окружающим, но присутствовал всегда. Он усердно сновал в любое время дня и ночи по вестибюлю дворца Шаумбург. Даже если он задерживался на службе допоздна, с

утра он часто поджидал сторожа, отпирающего двери. Если было нужно, перед началом рабочего дня канцлера он мог сварить кофе или принести свежих булочек из пекарни.

Гийом был незаменим, но его не любили. Брандту, привыкшему держать дистанцию с людьми, его преданная приятельская прилипчивость действовала на нервы. Некоторым коллегам бросалось в глаза его чрезмерное любопытство. Секретарь Вильке иногда просто выставлял его из комнаты, когда он присутствовал при разговорах, при которых ему совершенно незачем было присутствовать. Гийом был настоящим клещом, но он был незаменим.

В результате он «погорел» случайно. В кёльнском федеральном ведомстве одному из служащих в начале 1973 года бросилось в глаза, что в трех лежащих перед ним отчетах о шпионаже присутствует имя Гийома. В замешательстве он рассказал об этом своему коллеге. Тот же случайно оказался тем человеком, который в 1950-е годы поймал три странных разговора с Восточным Берлином: в 1956 году были переданы поздравления с днем рождения некоему Георгу, в другой раз вообще нечто малопонятное — «Хр.». А в третий раз по тому же адресу передали поздравления «второму человеку». Что-то в рассказе коллеги напомнило этому сотруднику о случае, который произошел почти 15 лет назад. Они сравнили даты и обнаружили, что поздравление «Георгу» пошло в эфир в день рождения Гийома, и Кристель тоже порадовали в день рождения приветом из Восточного Берлина. «Второй человек» был их сынишка Пьер, родившийся 8 апреля 1957 года. Казалось, что круг замкнулся, но тем не менее прошел еще год, прежде чем на запястьях Гийома защелкнулись наручники.

Первым результаты исследований двух педантичных сотрудников получил глава ведомства по охране конституции Гюнтер Ноллау. Ему показалось, что готовится что-то плохое. В тот же день он назначил встречу с министром внутренних дел Гансом-Дитрихом Геншером. Как вспоминает Ноллау, Геншер просто «заискрился»: «Об этом должен знать канцлер!» Сам Геншер запомнил это происшествие гораздо менее драматичным. Он был не полностью убежден в важности сообщения, но все же считал необходимым сообщить об этом Вилли Брандту. 29 мая 1973 года после обеда он отозвал канцлера в сторону и сообщил ему о происшествии: выяснилось кое-что про сотрудника с французским именем. Существует возможность. что этот сотрудник работает на ГДР. Брандт смягчил дело словами: «Я считаю это практически невозможным». Было решено, что за этим человеком установят слежку. Брандт должен вести себя как

обычно и ничем не выдавать подозрений. Канцлер включился в игру: он почти трогательно разложил на рабочем месте карандаши в одному ему известном порядке и положил на стол ниточку, чтобы проконтролировать, рылся ли кто-либо в его вещах.

Летом канцлер с семьей должны были, как обычно, отправиться в Норвегию в Хамар, родной городок Рут Брандт. Секретарь Брандта Вильке попросил на это время отпуск, он уже давно хотел поехать куда-нибудь с семьей. Конечно, Гюнтер Гийом был готов поработать вместо коллеги. Он заверил, что ему вполне хватит пары дней отпуска, а потом он с удовольствием присоединится вместе с женой к канцлеру в его поездке.

Позже шпион назвал эту поездку своим «звездным часом». Его основная задача заключалась в том, чтобы передавать канцлеру поступавшие из Бонна телеграммы. Чем он усердно и занимался, с той лишь разницей, что исправно набивал копиями сообщений полку для белья в своем шкафу.

У них наладились во время этого отпуска хорошие отношения, пусть Рут Брандт и не могла относиться к этой мещанской парочке с искренней теплотой, но сын Брандтов, Маттиас, любил ночевать в доме Гийома. Правда, ему бросилось в глаза, что хозяева ночью необычно активны. Он вспоминает об этом и сегодня: «Гийом был очень милым. Я только все время спрашивал себя, почему в их доме ночью постоянно стучит пишущая машинка».

На рассвете 24 апреля 1974 года Гюнгера Гийома и его жену разбудил звонок в дверь. Их сын Пьер тоже проснулся и подслушивал, стоя в пижаме у дверей своей комнаты. Гийом открыл дверь в квартиру. Перед ним стояли двое мужчин и женщина: «Вы Гюнтер Гийом?» Он тихо ответил: «Да, я вас слушаю». «У нас приказ об аресте от генерального федерального прокурора». Гийом побледнел и отступил на два шага в коридор. «Я прошу вас, я гражданин ГДР и ее офицер. Отнеситесь с уважением», — сказал он громко. Все стало на свои места. Гийом признался. Возможно, он поступил так, чтобы сохранить лицо в присутствии сына. Может быть, Гийом испытал облегчение от того, что окончились почти два десятка лет лжи.

Когда Брандт получил это роковое известие, он еще не мог предположить, что арест секретаря будет началом его падения. Пока что все это выглядело как ошибка органов безопасности, пусть и очень неловкая. «Бывает период, когда тебе кажется, будто на тебя сложилось все сразу», — сказал он 26 апреля в бундестаге, но слушатели отнеслись к этому почти весело. Поначалу дела пошли как обычно. 1 мая, когда канцлер

отправился в Гамбург на демонстрацию ОНП (Объединение немецких профсоюзов), появился Клаус Кинкель, сотрудник Геншера.

У Кинкеля есть очень важные материалы, которые канцлер обязательно должен увидеть, настаивал Геншер. Речь шла о многостраничном досье федерального управления уголовной полиции. Брандт просмотрел его поначалу небрежно. Но потом он присмотрелся: со скрупулезностью и безжалостностью инквизиторов в этом отчете приводилось все, что выяснилось из допроса сопровождавших канцлера лиц. Когда Гийом не предоставил никаких полезных сведений, следствие обратилось к охране канцлера с целью установлении шпиона в канцлерском ведомстве. «Люди в темных очках» преданно сообщили, кто обычно заходил к канцлеру, ведь среди посетителей мог скрываться еще один агент. Среди прочего в досье Кинкеля были перечислены посетители, а прежде всего посетительницы кабинета канцлера и указано время их пребывания. Гийом приводил к канцлеру «легкомысленных дам». В досье содержался целый калейдоскоп фотографий и имен подозреваемых. Брандт был возмущен. Выходит, что эти люди, которые неспособны устранить из канцлерского ведомства шпиона, тратили все свое время на то, чтобы копаться в подробностях его личной жизни! Но все-таки он скомандовал: «Продолжайте расследование». Это не выбьет его из колеи.

Рутинная поездка в Хельголанд должна была стать последней официальной поездкой Брандта на посту канцлера. Когда Брандт и его окружение прибыли на остров Хельголанд, улицы были пусты, их встречала лишь официальная делегация от местного отделения СДПГ. Простые хельголандцы сидели перед телевизорами и смотрели международный чемпионат мира по футболу. Спутники Брандта шутили: «Был бы с нами шпион, этого бы не произошло, maotre de voyage Гийом превосходно подготавливал все мероприятия». Лишь вечером настроение улучшилось. Обильные возлияния раскрепостили высоких гостей. Даже канцлер, казалось, расслабился, пел застольные песни, раскачиваясь в такт, под конец все спели песенку «Господин пастор и его корова». «Дерьмовая жизнь», — вдруг пробормотал канцлер. На следующее утро сопровождавшим его лицам бросилось в глаза, что голубые брюки Брандта явно не подходят к его серому пиджаку. Гийома не хватало буквально на каждом шагу. Кроме того, личный телохранитель канцлера Ульрих Баухаус был отозван на допрос в Бонн.

Теперь канцлер отправился в Аурих, городок в Северной Германии. Здесь тоже кое-что пошло не так, как надо. Пока

Брандт терпеливо в одиночестве осматривал сад дома престарелых, его жители сидели перед своими остывающими чашками кофе и кусочками пирога. Когда высокий гость наконец прибыл, по расписанию оставалось лишь немного времени на короткое приветствие и «чашечку вежливости». Но все же терпеливым пожилым дамам и господам выпала честь увидеть одно из последних официальных выступлений бундесканцлера Брандта. Только они об этом не знали.

В это время в Бонне Гюнтер Ноллау отправился к Герберту Венеру с крайне неоднозначными материалами подмышкой. Ноллау был предан своему другу, ведь в конце концов, именно Венеру он был обязан своей должностью в ведомстве но охране конституции. «Дядюшка Герберт» не поверил своим ушам, когда Ноллау поделился с ним пикантными деталями жизни бундесканцлера: «Герберт Венер был поражен. Когда я назвал последствия, которые могут произойти от этого дела, он согласился, что нужно что-то делать». Нельзя было и представить, что произойдет, если на Восток дойдут хотя бы слухи об этом происшествии. «Я увижу его завтра в Мюнстерайфеле», — пробормотал загадочно Вернер, но он не сказал, что собирается сделать.

Вооруженный информацией от Ноллау, лидер фракции на следующее утро, 4 мая 1974 года, выехал в Айфель, где и начался последний акт «падения канцлера». После многие гадали, что именно произошло в доме заседаний СДПГ. Брандт через несколько недель после своей отставки написал воспоминания под названием «Записки к делу Г.». Он был настолько задет и разочарован, что эти зарисовки и обвинения, наверное, не годятся в качестве фактического материала по делу, а являются красноречивым свидетельством душевного состояния бывшего канцлера.

В Бад Мюнстерайфеле после дискуссии с ОНП началась дискуссия между Брандтом и Венером. Тот сообщил канцлеру, что знает о досье федерального управления уголовной полиции, о знакомствах с женщинами, об оставленном колье… Но на мелочи он не обратил внимания. Он обещал, что сохранит Брандту нерушимую верность, вне зависимости от того, на что решится канцлер, но «будет тяжело». Брандту нужна была помощь, поддержка и совет, а верный все эти годы соратник как раз не давал ему советов. Не больше, но и не меньше, как позже не раз вспоминал глубочайшим образом пораженный канцлер. В своих «Записках» он писал: «Поздним вечером я уже не веду разговор с Гербертом Венером, а вместо этого обстоятельно и открыто беседую с Хольгером Бёрнером и Карлом Равенсом. В этом

разговоре становится очевидно мое решение подать в отставку. Бёрнер и Равенс пытаются переубедить меня».

На следующий день Гельмут Шмидт приехал в Бад Мюнстерайфель и вынужден был признать, что партия уже сыграна. Венер и Брандт, видимо, договорились, что место Брандта займет Шмидт. Он уговаривал канцлера, кричал, что нельзя же из-за ерундовых историй с женщинами подавать в отставку. Конечно, Шмидт хотел быть канцлером, но не при таких подозрительных условиях. Однако Брандт был уверен в своем решении. Возвратившись в Бонн, он написал от руки заявление об отставке. «Уважаемый господин федеральный президент! Я беру на себя ответственность за халатность в связи с делом агента Гийома и прошу отправить меня в отставку с поста федерального канцлера».

В понедельник вечером команда Брандта в последний раз собралась в канцлерском ведомстве вокруг своего шефа. После нескольких бокалов мозельского вина всем бросилось в глаза, что Брандт, несмотря на все напряжение, был весел. Через час он уехал домой на холм Венусберг. На следующее утро он прибыл на заседание фракции СДПГ с опозданием. Но он все еще был бундесканцлером, ведь справку об увольнении он получит только в обед. Во время продолжительных аплодисментов товарищей по партии Венер произнес меткое приветствие: «Мы приветствуем председателя Социал-демократической партии Германии и стоим за ним!»

Брандт и Венер заняли свои места, не встречаясь глазами, между ними, как кроваво-красная стена, лежал обязательный букет роз с длинными стеблями, упакованный в целлофан. Венер продолжал: «Мы все чувствуем боль после этого события, уважение перед решением, а также любовь к личности и политике Брандта». Во время последних слов Эгон Бар потерял самообладание. Он закрыл лицо руками и заплакал как ребенок.

В тот же день Брандт сделал в программе «Тагесшау»[32] открытое заявление: «Вечером 6 мая я объявил федеральному президенту о своей отставке и таким образом взял на себя ответственность за халатность в деле агента Гийома. Никто не мог заставить меня изменить это решение. Существовали отправные точки, которые должны были в связи с делом о шпионаже порвать мою личную жизнь на куски. Что бы об этом ни говорили, глупо считать федерального канцлера человеком, на которого можно оказывать давление. Я не такой человек».

После этого он вернулся домой. Проблемы, которые теперь требовали решения, были сугубо личными.

С отставкой Вилли Брандта закончилась целая эра в истории

ФРГ. Вилли Брандт еще только один раз встретился с Гюнтером Гийомом на процессе в 1975 году в Дюссельдорфском верховном суде, где тот был обвиняемым, Брандт удостоил его лишь коротким взглядом. Имя своего бывшего секретаря он вычеркнул из своего лексикона. Если невозможно было его не упомянуть о нем, Брандт говорил о «Г.». Цепочка срывов и упущений в работе служб безопасности дала возможность шпиону попасть на самый верх и там оставаться. После того как появились подозрения на счет Гийома, каждый понадеялся на коллегу и никто не сделал необходимого. Парламентская следственная комиссия пришла к сенсационному приговору по поводу «негативного конфликта компетенций». Так никто и не смог определиться с ценностью той информации, которую Гийом передавал в Восточный Берлин. То, что Вилли Брандт споткнулся о ту подножку, которую подставило ему государство, с которым он хотел образовать «один народ и добрососедские отношения», было иронией истории.

Однако искать причины увольнения Брандта лишь в деле Гийома» было бы не корректно. Его самого в последующие годы часто спрашивали о причинах такого шага и о том, могло ли все пойти по-другому. Но на этот вопрос Брандт ни разу не дал точного ответа, но признавался, что в ином физическом и психическом состоянии мог бы повести себя совершенно иначе. Брандт был истощен, он устал и был просто слаб для того, через что ему предстояло пройти.

Четкий привкус этого ужаса он почувствовал еще до своей отставки. Неписанный закон СМИ, сохранять молчание о возможных моральных ошибках главы правительства, был нарушен — сразу и впервые за всю историю ФРГ. Уже 4 мая бульварная пресса пестрела заголовками: «Шпион снимал порнофотографии?», «Салон автомобиля переоборудован под кабинет для ночных развлечений». Журналистов интересовали не только свидетельства честности канцлера. «Дамы» известной профессии были дорогими гостями в кабине канцлера, а в соседнем кабинете дежурил шпион.

Брандт уже обжигался на молоке. В памяти остались еще грязные инсинуации прессы, которые он и его семья пережили в 1960-е годы. Тогда он мог опираться на свою чистую совесть, но сейчас он и в самом деле кое в чем был виноват. «Битву в грязи», которая ему сейчас предстояла, он мог и не выдержать. «Я боялся, что он может что-нибудь с собой сделать», — сообщал его друг Эгон Бар.

Но что из всех этих скандальных историй было правдой? «То, что этот человек не чуждался развлечений, мы знали. Это было его дело. Но он не должен был позволить этому повлиять на

работу», — резюмировал Эгон Бар. Советник Брандта Клаус Харппрехт был другого мнения: «То, что Брандт любил жизнь и мог оказывать на женщин превосходное впечатление, то, что он не гнушался мелкой любовной интрижкой, способствовало его популярности. Это отражение комплексов, во-первых, обывателей, а во-вторых, “серых мышек”, которые до сих пор заполняют скамьи в правительстве и господствуют в бундестаге. Бонн — это санаторий для душевных импотентов».

Сам Брандт, понятное дело, сам никогда не вдавался детально в этот вопрос. Святым он не был никогда. Также он никогда не утверждал, что свободен от человеческих слабостей, но о нем сплетничали гораздо больше, чем стоило в действительности, утверждал сам Брандт годы спустя.

Однако причины отставки Брандта нужно искать и в политике. Он был человеком больших проектов, с помощью которых в 1969 году он воодушевил страну. Поднятый на волне этой симпатии, он пережил зенит своей славы во время выборов 1972 года. Нужно было решить полый ворох экономических проблем. Для их решения нужен был подходящий человек, общественность полагала, что на эту роль подходит Гельмут Шмидт, преемник Вилли Брандта на посту канцлера.

Бесславный конец правления Вилли Брандта не должен уменьшить уважение к его заслугам. Он начал свое правление с большим мужеством и большими надеждами. Эти надежды, если посмотреть на внутреннюю политику Германии, оправдались. Первая социально-либеральная коалиция начала реформы в области уголовного и семейного права, заставила задуматься об экологии. Однако большинство планов опирались на государственную конъюнктуру и, соответственно, уперлись в реальную действительность. На многие проекты и концепции у кабинета министров уже не хватало бюджетных денег.

Историческая заслуга Вилли Брандта заключается, без сомнения, в «политике разрядки» и примирении со странами Восточной Европы. Он расширил возможности ФРГ в русле «западной политики» Аденауэра, а также удачно использовал шансы для внешнеполитической деятельности в странах соцлагеря. В контексте всей Европы он решил особый «немецкий конфликт» с Восточной Германией, которая до сих пор не участвовала в общеевропейских договоренностях. Этот курс останется основополагающим и для будущего правительства Гельмута Шмидта и Ганса-Дитриха Геншера.

Усилия Вилли Брандта, направленные на восстановление отношении ФРГ — ГДР и укрепление мира в Европе, нашли свою кульминацию и окончание в конце его жизни. Его жена Бригитта

Зеебахер-Брандт до сих пор во всех подробностях помнит рассветные часы 10 ноября 1989 года. Накануне вечером бундестаг прервал свое заседание сенсационной новостью: ГДР сняла запрет на выезд из страны. Стена, которая простояла 28 лет, рухнула. В четыре часа утра у Брандтов зазвонил телефон. Сонная Бригитта подняла трубку. Звонил журналист. Когда строили Берлинскую стену, Вилли Брандт был бургомистром Берлина, что он скажет на то, что люди прорвали заграждение и начали штурмовать стену. Госпожа Брандт внезапно полностью проснулась и подозвала к телефону мужа. Тот охотно дал всю информацию, спокойный и уверенный в себе. Через несколько часов он уже был на пути в Берлин. Еще в самолете, как обычно, он записал на бумажке: «Срастается то, что было когда-то едино».

Лоцман
Гельмут Шмидт

«Сегодня я полагаю, что самый важный долг политиков в Германии перед будущими поколениями — это руководствоваться принципом соблюдения человеческого достоинства отдельного человека».

«Кто не желает идти на компромиссы, не годится для демократии».

«Я и сам интеллигент. Мне нужен сотрудник, который бы меня контролировал».

«Наша профессия похожа на профессию актера. Без поддержки публики мы гибнем».

«Весь политический класс сегодня хуже, чем в 1950-е и 1960-е годы. 1970-е годы я опускаю, поскольку это мое время, значимость которого оценят другие».

«А теперь позвольте старику пойти домой».

Гельмут Шмидт

«Как часто я наступал ему на ногу, намеренно или не намеренно, и как он снова и снова доказывал мне свою лояльность».

Ганс Апель, член СДПГ, министр обороны в кабинете Шмидта

«Для многих, в том числе и для меня, Гельмут Шмидт не обретал признания как государственный деятель. Он им был. И остается им».

Райнер Барцель, председатель фракции ХДС — ХСС

«Если бы Конрад Аденауэр вел себя так, как сейчас ведет себя Гельмут Шмидт, мы бы уже наверняка были частью советской империи».

Альфред Дреггер, член ХДС

«От его замечательной борьбы в роли “грубияна Шмидта” против военной политики молодого Штрауса до признания жестокого военного опыта старика Брежнева тянется все тот же суховатый пафос. Музыкой всей жизни Шмидта была ненависть к тому, что поколение 1945 года называло “дерьмовой войной”».

Петер Глотц, член СДПГ

«Гельмут Шмидт продолжает говорить о чувстве долга, расчетливости, осуществимости, непоколебимости. Это все второсортные добродетели. Следуя им, тем не менее, вполне можно быть начальником концентрационного лагеря».

Оскар Лафонтэн, член ХДС

«Меня меньше интересовало содержание его политики, меня больше завораживала его личность. Здесь компетенция перемешивалась с тщательно культивируемой агрессией. Здесь профессионализм был виден настолько же, насколько и превосходство».

Герхард Шрёдер, член ХДС

«Гельмут Шмидт умел противиться искушению сказать людям то, что они хотят услышать. Он давал им больше, чем обещания, он говорил им правду».

Петер Шульц, бургомистр Гамбурга

«Шмидт вскоре после рождения достиг земного совершенства, отсюда не считает нужным более чему-либо учиться и держит всех остальных за идиотов».

Франц Йозеф Штраус, председатель ХСС

«Мы все живем в общей Европе и всегда будем стремиться к Вашему руководству, потому что Вы, как и прежде, имеете большую власть над всей Европой».

Андрей Громыко, министр иностранных дел СССР

«Тех, кто знает и ценит Гельмута Шмидта, больше всего волнуют его человеческие качества: сила его характера, его лояльность, сердечная человеческая доброта. Не существует другого политика, которому я доверял бы больше в области человеческих отношений или чьи оценки нахожу более убедительными».

Генри Киссинджер, государственный секретарь США

«Несмотря на опасность почувствовать свою важность, я должен признаться, что вечером 17 декабря 1968 года, после телевизионной дискуссии на канале НДР (NDR), он заявил перед пятью любителями пива, что в течение трех лет будет либо канцлером, либо промышленником».

Рудольф Аугштайн, журналист

«У Гельмута Шмидта есть почти все таланты идеального главы правительства, к тому же ему сопутствует удача. Ему нужно было бы опасаться мести богини Немезиды, если бы он сам не носил в своей груди сомнения. Пусть даже те, кто видит в нем только закулисного делягу, этого не понимают. В глубине души его грызет сомнение, в нем живет меланхолик, который в

наступающем будущем гораздо отчетливее различает черные катастрофы, чем светлые, полные надежд моменты».

Марион фон Дёнхофф, журналистка

«Шмидт должен был чувствовать себя вольготно, как офицер на войне, а тот зимний визит в Гамбург, был, видимо, самым счастливым в его жизни».

Голо Манн, историк

«Личная трагедия Гельмута Шмидта состоит в том, что за 50 лет существования ФРГ нет ни одной вехи, вошедшей в историю, которая пришлась бы на его правление».

Петер Филиппс, журналист

«Шмидт у аппарата! Я слушаю!» Импровизированная телефонная связь на частоте авиадиспетчерской службы была плохой, на другом конце слышно было только нечеткое «Алло!» «Пожалуйста, говори медленно и громко!» — попросил канцлер. «Самолет захвачен!» — Гельмут Шмидт не поверил своим ушам. «Не понял!» — поперхнулся он. Когда Ганс-Юрген Вишневски уточнил информацию, он испытал облегчение: «Работа выполнена. Трое мертвых террористов. Человек из GSG-9[33] ранен. Больше никаких сведений». Канцлер вполголоса повторил эти слова, услышанные им из далекого Могадишу, как будто хотел еще раз удостовериться в том, что все закончилось. Он был один в информационном центре канцлерского ведомства. Захват «ландсхута» арабскими террористами закончился штурмом в 0:12 в аэропорту столицы Сомали. Все из 191 заложника благополучно пережили взрыв ручной фанаты и перестрелку между похитителями и боевым подразделением GSG-9. Прежде всего Гельмут Шмидт должен был объявить о победе членам большого антикризисного штаба канцлерского ведомства. В миг высшего триумфа политик, обычно прекрасно владеющий собой, не смог сдержать слезы. Двое министров взяли Гельмута Шмидта под руки, чтобы поддержать его. В штабе царила эйфория. Уполномоченный правительства Клаус Бёллинг с трудом поверил

в радостные вести: «О Боже, неужели это возможно!» Глава оппозиции Гельмут Коль поздравил канцлера. Однако изможденный, с ввалившимися глазами и растрепанными волосами Шмидт все еще казался оглушенным.

Незадолго до того, как тем вечером он отправился к себе, чтобы отдохнуть, стало очевидно, какие черты его характера выступили на первый план во время этого кризиса: решительность, выдержка и способность к холодному анализу. «Это повторится», — произнес Шмидт и покинул празднующих победу. Он оказался прав. После Могадишу террористы больше не рассчитывали на то, но на какое-либо правительство можно будет с легкостью оказывать давление.

Мужественное решение штурмовать самолет «Люфтганзы» было принято в большом антикризисном штабе канцлерского ведомства в Бонне. Совершенно сознательно Шмидт с самого начала поддерживал связь с оппозицией. Был вызван Гельмут Коль, о котором канцлер обычно отзывался с демонстративным презрением, его мнение было важно, в эти часы вместо раздора в политических кругах требовалось единение против экстремистов. Это единение было выковано на протяжении нескольких недель антикризисных заседаний. Однако при этом было точно понятно, кто руководит операцией. Гельмут Шмидт подгонял свою команду, задавал вопросы, давал указания, работал сутками. Канцлер хотел знать все факты — он должен был принять решение, он был «крайним». Позднее он признался: «Я был готов отступить, если бы что-то пошло не так, как нужно».

Ему не пришлось отступать, поскольку захват самолета «Люфтганзы» закончился относительно благополучно, но «горячая осень» 1977 года еще не закончилась. Нация узнала об освобождении заложников еще ночью благодаря телевизионным сообщениям. Уполномоченный правительства Бёллинг объявил об успехе операции. Однако утром 18 октября ему пришлось произнести следующие слова: «Этой ночью мы думаем о Гансе-Мартине Шлейере и его семье. Мы не прекратим прилагать все усилия для спасения его жизни».

Председатель Союза западногерманских промышленников Ганс-Мартин Шлейер был похищен 5 сентября в Кёльне террористической организацией «Фракция Красной Армии» (RAF) и все еще находился в заложниках. Похитители поставили федеральному правительству ультиматум: они требовали освобождения заключенных террористов Андреаса Баадера, Гудрун Энсслин и еще восьми человек. Каждый из них должен был получить по 100 000 марок и вылететь в любую страну по их выбору. В противном случае Шлейера немедленно застрелят.

Пока в Бонне заседали антикризисные штабы, полиция лихорадочно и по-дилетантски прочесывала Кёльн в поисках квартиры, где держали похищенного. Полицейские были недалеко от конспиративной квартиры террористов, но не нашли Шлейера.

В это время семья похищенного старалась оказать давление на правительство. «Обменяйте его!» — кричали заголовки газеты «Бильд», а ниже приводились слова жены Шлейера: «Все усилия по его освобождению до сих пор бесполезны. Теперь судьба тех, кого этот случай напрямую касается, и самосознание нашего государства, по моему убеждению, требуют полностью соблюсти выдвинутые похитителями требования».

Но у канцлера было свое собственное мнение по поводу самосознания государства. В марте 1975 года, после похищения берлинского политика, члена ХДС Петера Лоренца, Гельмут Шмидт пошел на уступки и отпустил террористов. Осенью 1977 года он видел ситуацию совершенно иначе: «Мы знали, что если мы отпустим преступников, нам это не поможет. Мы знали, что они вернутся и продолжат убивать», — так Гельмут Шмидт обосновывал свою жесткую позицию. Он сделал ставку на то, чтобы найти и освободить Шлейера. Если бы это не удалось, государство должно было им пожертвовать. Гельмуту Шмидту нелегко далось это решение, но он никогда этого не показывал. Несмотря на постоянный сильный стресс, он чувствовал себя в своей стихии. Нация смотрела на него, общественное мнение было на его стороне, он должен был разрешить этот кризис. Его поддерживала даже оппозиция. Ирония истории состоит в том, что в сложнейшем государственном кризисе канцлер действовал в идеальных политических условиях и снискал наибольшее уважение.

Глава правительства надеялся, что поиски вот-вот дадут результат. Всех перечисленных террористами заключенных он лично опросил, в какую страну они хотели бы вылететь. В итоге были названы Ливия, Северная Корея, Уганда, Южный Йемен. Согласно тактике Шмидта, из названных стран должны быть вызваны консультанты, чтобы выиграть драгоценное время. Но и эти маневры ни к чему не привели. Убежище террористов отыскать было очень сложно.

Похищение «ландсхута» 13 октября еще больше осложнило тактику задержания террористов из «Фракции Красной Армии», арабские похитители усилили давление на канцлера ФРГ и потребовали освобождения находящихся под арестом в Германии членов «Фракции Красной Армии», кроме этого, он настаивали на освобождении двоих палестинцев, находящихся в заключении в

Турции. Помимо этого, похитители требовали 15 млн долларов, а передать их должен был Эберхард Шлейер, сын похищенного председателя Союза западногерманских предпринимателей. «Жизнь пассажиров и экипажа, а также жизнь Ганса-Мартина Шлейера зависят от того, как вы выполните наши требования», — говорилось в ультиматуме арабских террористов. Когда в ночь с 17 на 18 октября начался штурм самолета «Люфтганзы», Шлейер по-прежнему находился в руках похитителей. Успех GSG-9 в Могадишу мог стоить похищенному Шлейеру жизни, и Шмидт знал об этом.

Это опасение превратилось в ужасную уверенность, когда канцлер узнал, что уже в ночь освобождения самолета заключенные Андреас Баалер, Гудрун Энсслин и Йон-Карл Распе покончили с собой в тюрьме Штутгарт-Штамгейм. Их соратница Ирмгард Мёллер была найдена тяжело раненой и спасена. Коллективное самоубийство, которое левые экстремисты пытались выдать за убийство государством заключенных, было политически очень грамотно просчитано членами «Фракции Красной Армии». Государство показало, что на него нельзя надавить, и теперь их «мученическая смерть» должна была обострить борьбу «Фракции Красной Армии» с ФРГ.

Именно это и произошло. Первой жертвой стал Ганс-Мартин Шлейер. Утром 19 октября в немецкое пресс-агентство поступил звонок. Женский голос сказал: «Через 43 дня мы оборвали плачевное и продажное существование Ганса-Мартина Шлейера. Господин Шмидт, который своими властолюбивыми расчетами спекулировал смертью Шлейера, может забрать его на улице Шарля Пеги в Мюльгаузене, труп находится в зеленом «Ауди 100» с гамбургскими номерами». Действительно, полиция нашла в указанном месте труп Шлейера в багажнике машины, он был убит тремя выстрелами в голову.

Пассажиры самолета «Люфтганзы» были спасены сенсационным образом, государство не позволило давить на себя, во имя нерушимости «внутреннего мира» пожертвовал собой один-единственный заложник Ганс-Мартин Шлейер. Таковы были личные итоги Шмидта «горячей осенью» 1977 года. Он пережил ситуацию, которая, по его собственному признанию, была «настоящей античной трагедией». Он возложил всю вину за это на себя. Позднее Шмидт признался, что пережил этот кризис только потому, что «полностью чувствовал себя во власти Божьей».

Общественность это мало интересовало. Она чувствовала себя единой в мнении о канцлере — уровень его популярности был высок как никогда. Одна нью-йоркская газета писала: «Западногерманское правительство заслужило похвалу и

восхищение всего цивилизованного мира». Но главе правительства предстояла тяжелая встреча с вдовой Ганса-Мартина Шлейера во время его похорон 25 октября. Вальтруда Шлейер много лет спустя рассказала в телевизионном интервью, как подействовал на нее Шмидт в тот момент: «Он действительно чувствовал, что это был один из самых несчастных случаев в его жизни. И до сегодняшнего дня я помню это: он был действительно охвачен горем… Для него это было ужасно».

Но эти личные переживания были спрятаны подальше от публики. «Горячая осень» 1977 года только укрепила образ бескомпромиссного канцлера, разрешающего кризис «железной рукой», ведущего за собой войска и принимающего непопулярные и тяжелые решения, если они служат всеобщему благу. В дни драматических событий осени 1977 года этот образ стал клише и значительно повлиял на отзывы о правлении Шмидта. «Горячая осень» стала самым тяжелым испытанием для Гельмута Шмидта, ведь в те дни речь шла о человеческих жизнях, а не о голосах избирателей или о власти.

В политической жизни Гельмута Шмидта хватало испытаний разного рода. Кризисы приводили его к власти и удерживали у власти, он стоял перед ними с повинной и управлял ими. Многие видели его в роли государственного деятеля, который в некотором смысле находится вне всех партий: «Лучший канцлер ХДС, который когда-либо управлял СДПГ», — уважительно шутили его политические противники. Личность Гельмута Шмидта в глазах многочисленных избирателей была самым сильным аргументом для продолжения существования коалиции СДПГ — СПГ, у которой уже не было больших политических амбиций. Эта коалиция принесла большинство голосов «лоцману», который должен был безопасно провести корабль государства через все рифы и мели. Человек, который даже на публичных мероприятиях носил хельголандскую лоцманскую фуражку, органично слился с этим образом и поддерживал его.

К власти его привел в 1974 году кризис канцлерского правления Вилли Брандта. Критика стиля управления Брандта давным-давно раздавалась и в его партии. Руководитель фракции СДПГ Герберт Венер бросил первый камень. По-человечески он никогда не был особенно близок Брандту, но всегда оставался ему верен, до тех пор, пока его политика и образ действий укрепляли репутацию партии. Венер отвернулся от него, когда счел, что канцлер стал для СДПГ лишней ношей: Брандт больше не вел за собой, он просто позволял вещам случаться. Венер сказал о нем: «Господин Брандт любит купаться в прохладной воде!»

Конечно, и настроения в стране постепенно изменились. После лет эйфории, связанных с позитивными изменениями, наступил упадок — население устало от реформ. Теперь вместо изменений большинство западных немцев хотели стабильности: в состоянии депрессии после первого нефтяного кризиса они искали того, кто сможет преодолеть кризис. Вилли Брандт определенно не был таким человеком. Кроме того, левое крыло СДПГ не хотело мириться с новыми настроениями в стране и крепко держалось за планы новых реформ. Душевное состояние избирателей их не интересовало, следовательно, результаты опросов избирателей весной 1974 года для СДПГ стали катастрофой.

Неясная картина начала 1974 года стала достаточным поводом, чтобы руководитель фракции СДПГ Венер поставил под вопрос пребывание Брандта на посту федерального канцлера. Его критика нашла поддержку. Исполняющий обязанности председателя партии, а также министр финансов Гельмут Шмидт проголосовал за перевыборы канцлера. Шмидт озабоченно наблюдал за тем, как избиратели отворачиваются от его партии. Он потребовал, чтобы СДПГ приняла в расчет настроения избирателей, уставших от реформ. 6 марта 1974 года во время телевизионного интервью он предложил реорганизовать правительство, более того, он заявил, что: «…реорганизация правительства сама по себе может оказаться просто очередным трюком. Дело должно зайти дальше, чем просто сменить пару человек».

Если это и было требование смешения главы правительства, то оно не нашло широкой поддержки. Атака Шмидта привела к тому, что партия солидаризовалась с Брандтом. Критика была принята, но никто не собирался свергать канцлера. Лишь раскрытие аферы с Гийомом заставила Брандта подать в отставку. Канцлер взял на себя ответственность за скандал, когда к нему слишком приблизился шпион ГДР Гийом. Однако Брандт продолжал борьбу с самим собой: должен ли он был действительно оставить пост канцлера по этой причине? В начале мая 1974 года друзья по партии советовали ему не делать этого, среди них был и Гельмут Шмидт, который яростно протестовал против планов отставки Брандта. «Я никогда так не кричал на Вилли Брандта, как тогда, когда он позвал меня, чтобы сказать, что подает в отставку, а я должен быть его преемником», — вспоминает Шмидт. «Я боялся этой должности, точнее сказать, этой ответственности». На самом деле Шмидт исполнял мечту всей своей жизни. Брандт сдался и 6 мая 1974 года записал в своем дневнике: «Я даю Гельмуту Шмидту дружеский совет не

вести себя так, как будто я оставил ему какой-то дерьмовый магазинчик».

Смена главы правительства 16 мая 1974 года отразила «тенденцию к переменам» в стране в целом. Были сменены не только отдельные личности: «Брандт олицетворял собой больше, чем все остальные политики социал-либеральной коалиции вместе взятые… С его отставкой и одновременной сменой тоже символичной для коалиции фигуры Вальтера Шеля, который стал президентом… исчезла значительная часть человеческой, духовной и эмоциональной составляющих этой коалиции. Союз Брандт — Шель перерос в трезвое деловое сотрудничество Шмидт — Геншер», — так позже оценил эту ситуацию политолог Вольфганг Йегер.

Правительственное заявление, которое Шмидт 17 мая 1974 года передал в бундестаг, имело основной идеей «концентрацию и непрерывность»: «В то время, когда проблемы во всем мире непрерывно нарастают, мы концентрируемся со всем реализмом на том, что сейчас необходимо, оставляя нее остальное в стороне». На практике оказалось, что упор был скорее на концентрации, чем на непрерывности. В свой кабинет министров Шмидт набрал социал-демократов, которые сконцентрировались на осуществимых и не слишком дорогих проектах и надеялись таким образом вернуть лояльность большей части избирателей. Министром финансов стал Ганс Апель, министром обороны Георг Лебер, Вальтер Арендт взял на себя Министерство труда и социального обеспечения, Ганс-Йохен Фогель — Министерство юстиции. Новый канцлер усилил свое правительство функционерами из профсоюзов, таких как Курт Гшайдле (министр связи) и Ганс Маттхёфер (министерство исследований и технологий). Шмидт хотел «делать политику» для общей массы своих избирателей, а не воплощать в жизнь глобальные и во многом утопические проекты. Требовались не реформаторы или идеологи, нужны были солидные прагматики, готовые к компромиссу. В кабинете министров не было звезд, устраивающих показательные бои. «Граждане ожидают от нас, что новый правительственный аппарат будет работать под новым руководством разумно и четко, что решения, созревшие в дискуссии, будут приняты и, в конце концов, реализованы», — вот на что претендовал новый канцлер. Хотя он и считался человеком, который легко принимает решения, он принимал их не в одиночку. Шмидт был «виртуозом консенсусов», и не только внутри кабинета министров, но и когда речь шла о том, чтобы вовлечь в принятие решений различные общественные силы.

Чтобы иметь возможность эффективно представить работу

своего правительства, он усилил Ведомство печати и информации под руководством своего доверенного ища Клауса Бёллинга, журналиста, бывшего художественного руководителя радио «Бремен». Канцлерское ведомство, возглавляемое Манфредом Шюллером, под руководством Шмидта стало эффективным предприятием сферы услуг. «Кухонного кабинета», где намечались бы вехи развития политики, не было. «Я и сам интеллигент. Мне нужен сотрудник, который бы меня контролировал», — так Шмидт объяснял свой отказ заниматься долгими дискуссиями внутри канцлерского ведомства. На ежедневных встречах с Бёллингом. Шюлером и Вишневски они обменивались аргументами «за» и «против» по деловым вопросам и разрабатывали стратегии. Но принимались решения в кабинете министров. Там Шмидт хоть и дискутировал, но когда обсуждения выходили за рамки регламентов, он вмешивался и требовал прийти к какому-то результату. Обсуждать одно и то же несколько раз, как любил делать Вилли Брандт, было не его коньком.

Новый федеральный канцлер не думал о том, чтобы продолжать проекты реформ прежнего правительства. Реализовано должно быть только то, что принесет реальные плоды. Вилли Брандт, ставший председателем СДПГ, поначалу полностью открыл новому канцлеру спину. Председателем фракции в парламенте оставался Герберт Венер. Не раз упоминавшиеся Бёллинг, Шюлер и Вишневски были временным сообществом, которое должно было функционировать долгие годы. Оно покоилось на сомнительном балансе: Брандт говорил с теми, кто ассоциировал себя скорее с его мягким душевным социализмом, Шмидт зажигал тех, кому нравилась его сила в принятии решений на благо государства, а глава фракции Венер, руководствуясь особым политическим инстинктом, поддерживал то одну, то другую сторону, чтобы сохранять внутрипартийную сплоченность.

Новый канцлер смог сконцентрироваться на решении актуальных проблем. Речь шла об экономической и социальной стабилизации страны в условиях кризиса мировой экономики. Как бывший министр экономики и финансов он казался удачной кандидатурой для достижения консолидации. Он импонировал многим благодаря своему серьезному отношению к делу, вел себя без пафоса, говорил кратко и по делу, убеждал своим спокойным, точным и острым анализом ситуации. В то же время он был великолепным оратором и в совершенстве умел обходиться с таким средством массовой информации, как телевидение.

Но что вдохновляло политика Гельмута Шмидта? Неужели он

был только расчетливым комбинатором? Существовало мнение, что он умел управлять в состоянии кризиса, знал, что сделать в следующий момент, но ему не всегда хватало воображения. Было бы неправдой отказывать в этих способностях Гельмуту Шмидту. «Обвинения и “чистом прагматизме” подразумевают “не подкрепленные теорией” беспорядочные усилия в стремлении пробиться вперед, без четкого целеполагания. Подобная классификация предполагает, что большая часть проделанной демократами работы будет неосознанно выставлена в дурном свете», — так в 1975 году Шмидт защищал свои прагматические позиции.

Сам Шмидт неоднократно высказывался на тему своих мыслительно-философских предпосылок: его картина мира основывалась на философских трудах римского императора Марка Аврелия, Иммануила Канта, Макса Вебера и Карла Поппера. Стоик Марк Аврелий научил его «добродетели исполнения долга и внутренней невозмутимости». Философ Кант подвел его к осознанию, «что мир между двумя народами — это не естественное состояние, его приходится восстанавливать снова и снова». Остальные моменты учения Канта Шмидт резюмировал для себя так: «Политика — это прагматическое действие во имя нравственных целей». Социолог Макс Вебер покорил Шмидта тем, что делал различия между этикой убеждения и этикой ответственности, об этом Шмидт писал в своей книге «Воспоминания и размышления». Будучи прагматичным человеком действия, Шмидт признавал, что склоняется к аналитической, прагматической этике ответственности, нежели к нравственной и требовательной, но не всегда легко реализуемой, этике убеждения.

Наконец, согласно его собственному признанию, в картине мира Шмидта огромную роль играли тезисы философа Карла Поппера: отрицание тотальной утопии, а также любой формы диктатуры, поскольку они ведут к подавлению, несвободе, массовой бедности и насилию. Демократию Поппер понимал не как власть народа, и Шмидт был с ним согласен: «Управляет ни в коем случае не народ, но при демократии он имеет возможность ненасильственного смещения одного правительства и его замены другим», — писал Шмидт. Позднее он признавался: «У Поппера я научился принципу пошаговой реформы экономики, общества и государства как основному принципу политической практики, соответствующему демократии. Ведь глобальные изменения создают опасность для свободы граждан, потому что в случае неудачи они могут быть устранены лишь ценой значительно больших жертв, чем небольшие реформы. И добавлю —

парламентская система в условиях сложной промышленной демократии в принципе не способна к циркулярным изменениям».

Это была его личная принципиальная программа, точка зрения, которая сформировалась у него после войны. Годы под властью свастики оставили у Шмидта, как и у многих других его современников, ощущение духовной пустоты и потери ориентации. «За что бороться — выяснить это и было нашей основной духовной проблемой после войны… Это был трудный процесс обучения, когда начинаешь с нулевого уровня знаний, а на деле с минусового, то есть с уровня ложного знания», — так он позднее описывал в одном интервью тот отрезок своей жизни.

До конца Второй мировой войны политические вопросы играли в жизни Гельмута Шмидта лишь второстепенную роль. Он родился 23 декабря 1918 года в Гамбург-Бармбеке и вырос в мелкобуржуазном окружении. Его отец был учителем в начальной школе и получил второе образование в качестве преподавателя коммерческих наук, отец ограждал Гельмута и его младшего брата Вольфганга от политических событий периода Веймарской республики. Во время редких политических разговоров в родительском доме мальчики должны были покидать комнату. Кроме того, существовал строгий запрет: «Дети газет не читают!»

Так что политически необразованный подросток после захвата власти НСДАП в 1933 году легко мог бы стать убежденным национал-социалистом, в четырнадцать лет сложно противостоять духу времени. Но сразу после установления национал-социалистического режима он узнал от своей матери, что его дед — еврей, а отец — внебрачный сын еврейского банкира, который отказался от воспитания своего потомка. «Так что с момента того разговора с моей матерью осенью 1933 года было ясно, что в душе я не смогу быть нацистом», — пишет Шмидт в своей книге Детство и юность под властью Гитлера». «В 1937 году, когда мне исполнилось восемнадцать, я все же отчетливо знал, что я был “против”», — пишет он.

Еврейские родственные связи удалось скрыть и в 1934 году Гельмут Шмидт благодаря школьной команде по гребле попал в морское отделение гитлерюгенд. В 1937 году он досрочно вызвался пройти воинскую службу, поскольку после нее хотел начать изучать архитектуру. Но двухлетняя воинская служба плавно перетекла в войну, и Шмидт отслужил пять лет в люфтваффе. Артиллерист-зенитчик, он не стремился целенаправленно к офицерской карьере, но в 1940 году был переведен в запас в чине лейтенанта, а в 1942 году получил чин обер-лейтенанта. С подразделением зенитной артиллерии он в

1941 году воевал под Москвой и участвовал в кровопролитных и жестоких боях вермахта. В 1942 году его откомандировали на родину. В июне того же года Шмидт женился на двадцатидвухлетней учительнице начальной школы Ханнелоре «Локи» Глазер, которую знал еще со школьных лет. Их первая собственная квартира в 1943 году была разрушена во время тяжелых артиллерийских атак на Гамбург. Первому ребенку молодой семейной пары, маленькому Гельмуту, исполнилось всего семь месяцев, когда в декабре 1944 года он погиб.

Обер-лейтенант Шмидт продолжал воевать и в конце концов был переведен в министерство авиации Третьего рейха как эксперт по приказам «легкой и средней артиллерии». В Берлине он узнал о покушении на жизнь Адольфа Гитлера — взрыве 20 июля 1944 года. «Несколько недель спустя я был откомандирован в качестве слушателя на один из процессов верховного суда по политическим преступлениям (Фольксгерихгсхофа), видимо, это было сделано с целью запугать подсудимых… Из нашего бюро многие были откомандированы в разные дни заседаний в качестве слушателей… Тот день слушаний, который пережил я сам, был ужасным и отвратительным. Лишенный достоинства председатель суда Фрайслер постоянно вульгарно и крикливо оскорблял подсудимых, он хорошо бы смотрелся в дантовском аду», — пишет Гельмут Шмидт в своей книге «Детство и юность под властью Гитлера». Война закончилась для него после последних боев в горах Эйфель, в марте 1945 года, когда он попал в плен к британцам.

Его новая, политическая, жизнь началась, как и для многих мужчин его поколения, с карьеры военнопленного. Во время создания временного лагерного университета в лагере POW (POW; Prisoner of War — военнопленный) в Бельгии Шмидт познакомился с педагогом и религиозным социалистом профессором Гансом Боненкампом, который был размещен вместе с ним в офицерском лагере, он был в чине подполковника. «Ганс Боненкамп положил начало моему воспитанию в русле демократии. Он дал мне первые позитивные представления о демократии, правовом государстве и о социализме. После этого для меня было чуть ли не неизбежным стать социал-демократом: быть демократичным из-за возникшей во время правления нацистов потребности в свободе и быть социальным из-за острой нужды в дружбе, солидарности и братства», — так описывает Шмидт свое первое столкновение с социал-демократией.

Шмидт расценивал термин «социал-демократия» почти провокационно. Становление Шмидта как социал-демократа было нетипичным. Он не был ни «старым товарищем с рабочих

окраин», ни безупречным квалифицированным идеологом партии. Помимо этого, опыт и военные впечатления усложняли Гельмуту Шмидту попытки солидаризироваться с молодыми социал-демократами, участниками волнений 1968 года. Гельмут Шмидт был «выученный» социал-демократ, пришедший в партию по зову разума, часто «сидевший между двух стульев» и имевший ряд проблем на посту канцлера из-за сложных отношений с СДПГ.

Когда Шмидт вернулся с войны, ему было 27 лет и у него не было профессионального образования, с ноября 1945 года он изучал в Гамбурге национальную экономию у профессора Карла Шиллера. Когда тот в 1949 году стал в Гамбурге сенатором по делам экономии, он предложил своему бывшему студенту место в своем учреждении. Шмидт вступил в СДПГ в 1946 году, а в бундестаг в первый раз был выбран в 1953 году. Он был одним из немногих социал-демократов, которые активно занимались военными проблемами и созданием бундесвера. Он уже в 1950-х годах сделал себе имя в политике благодаря острим речам, направленным против запланированного министром обороны Францем Йозефом Штраусом оснащения вооруженных сил ядерным оружием. Напористого новичка прозвали «речистый Шмидт». Чтобы получить собственный опыт в бундесвере, Шмидт отработал добровольным резервистом военно-воздушных сил и быстро был отстранен от работы в президиуме фракции все еще критически настроенными по отношению к НАТО членами СДПГ.

В 1961 году он вернулся в Гамбург, чтобы вступить в должность сенатора по внутренним делам. Его первое испытание в деле ликвидации кризиса состоялось во время наводнения 1962 года. Шмидт решительно и бесцеремонно взял на себя полномочия, которые не соответствовали его должности сенатора по внутренним делам. Он объединил под своим командованием подразделения бундесвера и пограничной охраны — с тех пор успехи в преодолении кризиса создавали его образ. В 1965 году он вернулся в бундестаг, с 1967 по 1969 год был председателем фракции СДПГ, с 1968 года был временно исполняющим обязанности председателя партии, а в октябре 1969 года стал министром обороны в первом кабинете СДПГ — СПГ. В 1972 году Шмидт, будучи последователем «суперминистра» Карла Шиллера стал министром экономики и финансов, а после выборов 1972 года — министром финансов.

Начало его правления в 1974 году совпало с периодом экономических проблем. Слепую веру в постоянный подъем экономики подорвало реальное положение дел. Вместо ожидаемого 2 %-ного экономического роста — экономическая стагнация, вместо «оправданных» 3 % количество безработных в

1975 году выросло на 5 %. В кризисный момент Шмидт выделил дополнительные деньги, чтобы стимулировать работу государства и отдать долги.

Но обширная программа преобразований окончилась ничем, некоторые отрасли тяжелой промышленности переживали серьезный кризис. Налоговая реформа, путь к которой указало правительство Брандта и которую претворил в жизнь Шмидт, была воспринята налогоплательщиками без воодушевления. Это тоже была дилемма эпохи Шмидта, и внезапные расходы на социальные льготы и преобразования. Второй канцлер СДПГ стал «управленцем пустых касс».

Сначала Гельмут Шмидт попытался освоить внешнеполитическую сферу — и это с блеском ему удалось. На закрытии Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в Хельсинки амбициозный канцлер получил идеальную трибуну для выступления. В финской столице встретились главы правительств Востока и Запада, чтобы подписать соглашения. Дипломаты из всех европейских стран, а также США и Канады почти два года заседали в Хельсинки, и теперь результат должен был быть наконец официально зарегистрирован. У заключительного соглашения не было директивной международно-правовой силы, но оно было протоколом о намерениях всех подписавших сторон. Основными были три пункта, официально называемые «корзинами»: стороны обязались не менять границы силовым путем, развивать экономическое сотрудничество и не мешать межличностным отношениям. Запад рассматривал последний пункт как обязательство Востока уважать права человека. Подписание этого соглашения в Хельсинки всеми руководителями государств и правительств было понято как сигнал к тому, что «холодная война» в Европе — при полном осознании всех идеологических противоречий — должна была быть окончена и уступить место сосуществованию, основанному на сотрудничестве. Это было только на руку немцам, поскольку разделенная нация в центре Европы сильнее всех чувствовала последствия конфронтации Востока и Запада. Добрая воля была наглядно продемонстрирована в Хельсинки, но атмосфера все еще была подпорчена предубеждениями «холодной войны» и личными опасениями.

Шмидт вошел в конференц-зал в доме «Финляндия» незадолго до начала первого заседания, все остальные 34 главы государств и правительств уже сидели на своих местах. Он целеустремленно направился к советскому главе государства и партии Леониду Брежневу и поприветствовал его. Брежнев неожиданно прижал канцлера к груди. Руководитель ФРГ был

единственным человеком, который не пожалел своего времени на то, чтобы обойти зал с личными приветствиями. После приветствия Брежнева последовал обмен сердечными рукопожатиями с президентом США Джеральдом Фордом — здесь канцлер чувствовал себя в своей стихии.

В зале был также Эрих Хонеккер. В первый раз делегации двух немецких государств встретились на международном уровне. Для Шмидта и Хонеккера это была первая встреча. Они сидели рядом друг с другом, разделенные только пролетом лестницы. Хонеккер держался демонстративно весело, безобидные шутки растопили лед первых неловкости и замешательства, затем последовало рукопожатие. Объективы и камеры полутора тысяч журналистов, казалось, делали достоянием общественности выражения лиц и малейшее движение рук.

В течение дня Шмидт и Хонеккер встречались за «двусторонними» переговорами. Темы соответствовали духу времени: речь шла о транспортном сообщении между Западной Германией и Западным Берлином, о воссоединении семей и о западногерманских кредитах для ГДР. Затем Шмидт сказал открытым текстом: «Но, господин Хонеккер, я хочу сказать Вам, что мне не понравилось, как вы поступили с Гийомом. Я не забыл об этом». Последовал сравнительно неприкрашенный обмен мнениями. Канцлер быстро понял, что и у Хонеккера, ревностного сторонника Варшавского договора, было мало места для маневра. Так что в последующие годы Шмидту был интереснее диалог с «большим братом», нежели с Хонеккером.

Пока встречи на высшем уровне с главой ГДР неоднократно были перенесены на более позднее время, канцлер много раз встречался с Леонидом Брежневым. Шмидт очень жестко вынес Хонеккеру свой приговор: «Я всегда вел себя по отношению к Хонеккеру корректно, правдиво и был готов помочь, я был открыт к сотрудничеству, но с его стороны дело обычно не шло дальше привычных метафор и выражений: лишь в исключительных случаях он позволял себе высказать собственное мнение. В сравнении с Тито или Кадаром (в то время руководителем Венгерской коммунистической партии и главой правительства) он для меня выглядел простоватым; кроме этого, в практической сфере у него действительно не было способностей к самостоятельным рассуждениям».

Существенный успех был достигнут немцами в Хельсинки в последний день совещания. Местом, где Шмидт собирался начать новую страницу истории, было посольство Польши. Канцлер выразил надежду, что может достичь взаимопонимания с главой польского государства Эдвардом Гереком, а также лично дал

совет корреспондентам ARD и ZDF: «Пойдемте со мной к Гереку, там мне будет что сообщить вам». Речь шла о немцах, живших в областях, которые Третий рейх уступил Польше после Второй мировой войны. Канцлер хотел дать этим людям возможность переселиться в ФРГ.

Шмидт пригласил корреспондентов, но в польском посольстве возникли проблемы: там их задержали сотрудники службы безопасности и, наконец, прогнали с территории посольства. В здании посольства шла борьба не на жизнь, а на смерть. После ужина там шли настоящие торги до трех часов утра. Конечно же во время переговорного процесса широко использовались водка и сигареты. Канцлер пил шнапс из вежливости. После войны у Шмидта начались проблемы с желудком, поэтому он больше не интересовался алкоголем. Папиросы же были канцлеру просто необходимы. Всегда и повсюду его сотрудники возили с собой запасную упаковку ментоловых сигарет «Reyno».

В четыре часа утра шаркающей походкой и с красными глазами, но чрезвычайно довольный канцлер покинул посольство. «Дети, дети, что за ночь», — бормотал он про себя. Летом в Финляндии солнце встает рано, и было уже почти светло. Поляки выставили немецких журналистов, значит, канцлеру самому нужно было отправиться к прессе. В отеле «Marski» в Хельсинки он нашел толпу утомленных репортеров, точно так же как переговорщики в посольстве, собравшиеся в отеле поддерживали себя алкоголем и сигаретами. Но многих покинула усталость, когда канцлер объявил об успехе своих переговоров: до 1980 года 125 000 немцев получат возможность выехать из Польши, по окончании этого срока можно будет подавать следующие ходатайства. Польша получила за это кредит на миллиард немецких марок с процентной ставкой 2,5 %. «Герек, которого я не знал до сих пор, мне понравился. После этого соглашения ему нелегко придется дома», — отозвался Шмидт о своем оппоненте, с которым с этого дня поддерживал дружеские отношения. Торговля людьми из соображений человеколюбии, 10 000 немецких марок «подушной подати» за каждого переселенца — это были реалии «холодной войны». В 1975 году это соглашение ФРГ и Польши было новшеством, многие были настроены скептически, действительно ли польское правительство разрешит людям уехать. После подписания «протокола» в 1975 году они почти полностью сдержали свое слово. Да и после 1980 года десятки тысяч людей смогли выехать в ФРГ.

После этой долгой ночи в Хельсинки канцлер не собирался пойти сразу в постель. В пять утра он еще стоял и курил,

прислонившись к своему лимузину на тротуаре перед отелем «Marski». Вокруг него собрались журналисты, тоже дымящие сигаретами. Лица собравшихся были отмечены усталостью последних 24 часов, только канцлер, казалось, был бодр. Он шутил с окружающими и рассуждал на тему предстоящих вызовов времени.

Эти вызовы были прежде всего экономической природы. Внутри страны Шмидт был не слишком успешным политиком из-за положения дел в экономике. В Хельсинки, по взаимной договоренности с французским президентом Валери Жискар д'Эстеном, президентом США Джеральдом Фордом и британским премьер-министром Гарольдом Вилсоном, Шмидт письменно предложил созвать встречу на высшем уровне между крупнейшими промышленными державами, чтобы победить международную экономическую стагнацию. Шмидт считался в мире блестящим экономическим политиком, его ценили за его способность постигать связи, анализировать и объяснять.

Премьера состоялась 15 ноября 1975 года в Рамбуйе под Парижем: на первое мировое экономическое совещание на высшем уровне прибыли представители США, Франции, ФРГ, Великобритании, Италии и Японии. Главы правительств заседали в узком кругу, у каждого из них было в конференц-зале только два спутника. Шмидта сопровождали министр иностранных дел Геншер и министр по финансовым вопросам Ганс Апель. Результаты встречи не были сенсационными, и в ходе переговоров были обеспечены соглашения по вопросам торговли, а также энергетической, сырьевой и валютной политики. Шмидт как инициатор встречи был исключительно доволен.

Вера в очередные разговоры между знакомыми партнерами покоилась на опыте Шмидта в должности министра по финансовым вопросам. В 1973 году во время нефтяного кризиса министры финансов США, Великобритании, Франции и ФРГ часто встречались на закрытых встречах. В тот год министром финансов Германии был Гельмут Шмидт, Франция была представлена тогдашним министром финансов Жискаром д'Эстеном. Два года спустя, в 1975 году, они встали во главе своих государств, а в Рамбуйе они стали основателями ставшей со временем регулярной встречи на высшем уровне по вопросам экономики.

Долгий совместный путь и вызовы, которые им предстояло отразить совместно, сблизили Жискара и Шмидта. Оба подчеркивали, что во время пребывания у власти взаимное уважение постепенно превратилось в своего рода дружбу между крупным буржуа и консерватором Жискаром и мелкобуржуазным социал-демократом Шмидтом. «Наш стиль жизни был

исключительно разным: Валери и его жена Анн-Эмон владели замком под Парижем и квартирой в лучшем районе столицы… Мы жили в Гамбурге в поселке “Новая Родина”. Я не знаю, чувствовала ли себя супружеская пара Жискар в нашей мансарде, оборудованной под гостевую спальню, уютно. Они об этом не говорили, так же как и я не показал, что чувствовал себя в их замке немного растерянным», — признается Шмидт в своих воспоминаниях. Однако потом он пишет: «Мы оба любили искусство, музыку, интересовались историей, но больше всего, конечно, совпадали стратегически». Они знали, что интересам обеих стран только пойдет на пользу дружба первых лиц государства.

В традициях Конрада Аденауэра Шмидт был убежден в том, что, как он сказал, «Европейское содружество совершенно невозможно без поступательного процесса в немецко-французских отношениях». Хотя Шмидт и не творил по-французски, они понимали друг-друга, ведь оба политика бегло говорили по-английски. Наиболее часто они были едины во мнениях относительно своих политических коллег. Кроме того, между ними царило полное согласие в видении обшей, экономически единой и политически дееспособной Европы. Но они были необходимы друг другу и по практической причине: партнеры прикрывали друг другу спины, если были конфликты с ведущей державой США. И все же, речь не могла идти об идентичности интересов в стратегических вопросах обороны. Но «дружба» глав правительств облегчила сотрудничество в тех областях, где мнения были различны, например, в финансовой и экономической политике — так, например, во время введения Европейской валютной системы (EWS), которая гарантировала стабильность обменного курса большинства западноевропейских валют.

Во внешней политике в 1975 году Шмидт уверенно набрал очки, то, как решительно действовал на международном уровне, заставляло многих задуматься. Его авторитет в мире был настолько высок, что лондонская газета «Файненшл таймс» назвала его в конце года человеком года: «Немецкий бундесканцлер Шмидт стал нашим человеком года, поскольку в последние двадцать месяцев его правления немецкая экономика, немецкая демократия и внешняя политика Западной Германии пользуются уважением во всем мире… Шмидт — один из людей, чьи лучшие качества раскрываются в трудные времена».

Внутри ораны «эффект Шмидта» тоже действовал. Казалось, партия поддерживает его, председатель партии Брандт быстро стал сторонником Шмидта. Перед каждым заседанием

президиума они встречались для длительного и подробного разговора. Если резиденцию канцлера посещали важные иностранные гости, для бывшего бундесканцлера устраивали личные встречи с посетителями. Однако покой во внутренней политике был обманчив. Уже на партийном съезде в Мангейме в 1975 году обрисовались главные конфликты. Левое крыло партии требовало государственной программы инвестирования. Брандт тоже был готов обсудить эту тему. Шмидт напротив считал все происходящее «чушью». Как это часто бывало, канцлер утрировал ситуацию, он считал свое интеллектуальное превосходство бесспорным, поэтому обращался с многими товарищами по партии «как старый учитель», в некоторых случаях он говорил тоном фельдфебеля, распекающего подчиненных, поэтому коллеги довольно быстро прозвали его «нагоняй-канцлером».

Но критику в его собственной партии провоцировал не выбор выражений, не тон и не стиль, а политика Шмидта. Она казалась недостаточно социал-демократичной: канцлер выступал за программы экономии, которые обременяли «маленьких людей», как, например, повышение взносов за страхование от безработицы с 2 % до 5 % от обшей суммы заработка. Одновременно его правительство хотело дать предприятиям стимул в виде инвестиций. Канцлер защищался: «Виноват в сегодняшних трудностях не только мировой кризис, мы все долго жили в Германии не по средствам». В конечном итоге, так же считало и большинство членов партии. Группа «150 правых», которых в шутку называли «канальными рабочими» из-за их скрытого влияния на дела партии, попыталась озаботиться тем, чтобы при выборах президиума было выбрано как можно меньше «левых» представителей партии. Против этой хорошо организованной группы никто в партии не мог ничего предпринять. «Канальные рабочие» теперь постоянно давили на делегатов центра, от которых зависели оба крыла. Они требовали сплотиться вокруг канцлера. Мощная поддержка коллег по партии обеспечит поддержу и уважение избирателей как главе правительства, так и правящей партии — СДПГ.

Заседание партии было хорошо режиссировано и прошло удачно: Шмидт получил 407 голосов делегатов, так же много, как и любимец СДПГ Вилли Брандт. В необъявленной войне за власть канцлер удивительно хорошо выстоял против своего неофициального противника Брандта. Кроме того, на партийном заседании была утверждена программа, которая имела мало общего с проектами левого крыла. Отклонены были проекты управления инвестициями, перевод банков, страховых обществ и больших концернов в общественное пользование. Шмидт победил

на всех фронтах, но, несмотря на это, не завоевал сердца всех партийных делегатов.

Иллюзия стабильности и широкой поддержки мало помогла канцлеру на выборах 1976 года. Теперь на него наседала не собственная партия, а политический противник. Год начался с политического поражения в Нижней Саксонии. Победа на выборах в ландтаг досталась партии с трудом, но, несмотря на это, кандидат от СДПГ Гельмут Казимир не смог объединить вокруг себя большинство в ландтаге во время выборов премьер-министра. Во время второго тура 14 января 1976 года выборов премьер-министром был избран кандидат от ХДС — Эрнст Альбрехт — с преимуществом в один голос. Некоторые депутаты от СПГ или СДПГ не отдали Казимиру свой голос. Дело дошло до первого серьезного кризиса доверия между СДПГ и СПГ в Бонне.

Но главное, представители федеральных земель, где преимущество имела ХДС, неожиданно получили явный перевес в бундесрате. Это еще больше осложняло правление Шмидта. Это был дурной знак, с которого начался «самый черный год» его правления. Также важным било и другое событие: ХДС решил выдвинуть своего кандидата Гельмута Коля, премьер-министра земли Рейнланд-Пфальц как основного кандидата на выборах 1976 года. Шмидт демонстративно не воспринял своего противника всерьез, но все равно в предвыборной борьбе 1976 года канцлер использовал метод запугивания: «Господин Коль хочет казаться простаком, по мне, так пусть, но необходимо не упустить собирающихся вокруг него господ типа Дреггеров, Карстенов и Штраусов». Громкие лозунги звучали во время всей предвыборной гонки. Лозунг ХДС «Свобода или социализм!», ХСС выразился еще более четко: «Свободу вместо социализма», СДПГ расхваливала «Образцовую Германию» и положилась на популярность своего лидера Гельмута Шмидта: «Действуй с нами, выбирай Шмидта!» — было написано на плакатах.

Но вовсе не так много избирателей готово было действовать совместно с СДПГ. Коалиция СДПГ/СПГ победила на выборах в бундестаг в октябре 1976 года с очень небольшим перевесом голосов. Результаты выборов потрясли членов коалиции, ведь конкурент Шмидта Гельмут Коль с 48,6 % голосов достиг второго лучшего результата выборов в истории ХДС. СДПГ получила 42,6 % голосов, только уважение к Шмидту не допустило того, чтобы результаты были еще хуже. СПГ набрала 7,9 % голосов.

Настоящее унижение канцлеру пришлось пережить 15 декабря 1976 года, в этот день проходили выборы бундестагом канцлера. Действующий и, скорее всего, будущий канцлер в этот день, как и всегда, сидел в первом ряду зала для пленарных

заседаний бундестага ФРГ. Он склонил голову и опустил глаза, это была поза человека, который готовится к тому, чтобы принять удар, а не поза победителя. Результаты выборов показали, что предчувствия не обманули Шмита. Он был переизбран немецким бундестагом, но победу ему принес перевес в… один голос. Это было болезненно. Два депутата его собственной коалиции отказали Шмидту в поддержке: один воздержался, другой проголосовал так, чтобы его голос был недействительным. Согласно протоколу президент бундестага Карл Карсгснс задал после объявления результатов выборов решающий вопрос: «Я спрашиваю депутата Шмидта, Вы согласны с результатом выборов?» Все глаза в зале были направлены на канцлера, который на мгновение заколебался. Обычно такой сильный и волевой, он поднялся медленно, в его жестах не было и следа привычной уверенности и размаха, словно он потерял желание управлять. Он облокотился на стол с каменным лицом. На какой-то момент депутаты от коалиции опасались, что канцлера разозлит сложившаяся ситуация и он ответил своенравным «Нет». Видно было, как Шмидт пытался обрести контроль над собственным голосом: «Господин президент, я согласен с результатом выборов». Практичный борец с кризисами, удачливый политик и «мировой экономист» только что чуть не был повержен. Что же произошло?

Неприятности начались пару недель назад. Гельмут Шмидт за несколько дней до выборов вызвал кризис доверия к своей партии и коалиции. Во время предвыборной кампании на страницах газетой заявил пенсионерам:

«Я гарантирую вам обеспеченную старость». Выступая но телевизору, он пообещал повышение пенсий на 10 % к 1 июля 1977 года. Однако во время сборов пенсионного страхования начались проблемы. Помимо этого выявилась ошибка в расчетах Министерства здравоохранении и социального обеспечения. После выборов, во время коалиционных переговоров с СПГ, стало ясно, что в пенсионной кассе до 1980 года не хватит 84 миллиардов марок — крушение пенсионной реформы стало неизбежным. Чтобы повысить пенсии, работодателям пришлось бы поднять пенсионные взносы, однако Геншер и СПГ были против этой меры. Геншер и Шмидт за неделю до выборов канцлера в бундестаге решили передвинуть повышение пенсий на полгода вперед, без консультаций с собственными партиями.

Оппозиция тут же назвала Шмидта «пенсионным предателем». Избиратели почувствовали себя обманутыми. Парламентская фракция СДПГ восстала, ведь депутатам пришлось почувствовать на себе недовольство избирателей.

Накажут ли они своего кандидата во время выборов канцлера в бундестаге? Внезапно Шмидту пришлось опасаться за свое переизбрание на пост канцлера. В конце концов, Шмидт капитулировал перед протестующей и бунтующей партией: ему пришлось скрепя сердце согласиться на увеличение пенсий с 1 июля 1977 года.

На покрытие дефицита пошли остатки социального страхования. Выборы бундесканцлера 15 декабря 1976 года с тех пор считаются самым большим политическим поражением политика Гельмута Шмидта.

Шмидт остался у власти, получив перевес в один голос и пустую государственную кассу. Канцлер покинул свое прежнее рабочее место и переселился из дворца Шаумбург в новое канцлерское ведомство. «Дом, который снаружи выглядел, как довольно большая рейнская сберкасса, в распоряжении которой очень много денег», — недовольно оценил глава правительства свою новую резиденцию. Однако он утешился, украсив здание картинами на свой вкус. Шмидт с юных лет был любителем искусства, с момента знакомства с художественными дисциплинами в прогрессивной гамбургской школе «Lichtwark». Особенно канцлеру, обладающему художественным вкусом, пришлись картины немецких экспрессионистов Эрнста Людвига Кирхнера, Эриха Хекеля, Карла Шмидта-Роттлуффа, Августа Маке, Кристиана Рольфса и Франца Марка. Уже перед въездом в новое здание он советовался с экспертом по искусству. Шмидт лично озвучил свою концепцию на публике: «Все произведения искусства должны быть предоставлены во временное пользование, чтобы не перегружать бюджет канцлерства. Имена всех художников должны быть связаны с изгнанием, дискриминацией, ссылкой и запретом заниматься искусством в годы национал-социализма в Германии. Зритель наряду с радостью от общения с искусством будет вынужден к серьезным размышлениям». В кабинете канцлера рядом с портретом социал-демократа Августа Бебеля висела каргина «Море» его любимого художника Эмиля Нольде. Интерес Шмидта к искусству остался в истории: в 1980 году по его указанию началась перестройка площади перед резиденцией канцлера, где была поставлена абстрактная работа британского художника Генри Мура, знакомая каждому телезрителю скульптура «Two Large Forms», переименованная боннцами в «Гельмута и Ганнелору».

Однако искусство не могло заставить канцлера забыть политические проблемы 1976 года. Тем охотнее он снова обратился к мировой политике. Роль, которая ему блестяще удавалась: немецкий канцлер — «честный посредник» между

сверхдержавами СССР и США. Но отношения с США постепенно испортились, поскольку в ноябре 1976 года президентом США был избран Джимми Картер. «Джимми, ужасное имя, — канцлер не потрудился скрыть свою холодность по отношению к новому человеку и Белом доме. По-деловому сдержанный профессиональный политик Шмидт считал эмоционального и все время улыбающегося фермера из Джорджии крайне неопытным политиком. Эта антипатия имела и конкретнее причины. Президент США Картер сразу после своего вступления в должность подчеркнул, что он озабочен соблюдением прав человека в государствах соцлагеря. Картер бесцеремонно относился к советскому правительству, высказывая свои симпатии диссидентам. Канцлер, который предпочитал «ориентированную на разум», а не на чувства этику, видел в этом угрозу для неокрепшей «политики разрядки».

Когда Шмидт в июле 1977 года посетил Картера в Вашингтоне, были разобраны и конкретные политические разногласия. Шмидт не признавал ведущую роль немецкой экономики в продолжающемся мировом экономическом кризисе. Кроме того, существовали разные мнений насчет того, о каком ядерном оружии должна идти речь во время американо-советских переговоров о разоружении. Шмидт хотел включить туда также ракеты средней дальности, направленные на ФРГ. Картер видел угрозу США только в межконтинентальных ракетах и хотел добиться результатов разоружения в первую очередь в этой области. Президент США остался непоколебим в этом вопросе, но примирительно заметил: «Я чувствую себя более сильным, зная, что могу посоветоваться с Гельмутом Шмидтом… Он — государственный деятель, он умен и видит вещи с собственной точки зрения. Он постиг вызовы нашего времени и думает о том, как встретить их лицом к лицу. Я слушаю его и получаю пользу».

Официальная похвала не совсем полно отражает картину происходящего. Бывший советник по вопросам безопасности президента США, Збигнев Бжезинский, объясняет личные трения между Шмидтом и Картером со своей точки зрения: «Картер был заинтересован в том, чтобы учиться у Шмидта и работать рядом с ним. Эта установка не находила никакого ответа у немецкого канцлера. С самого начала, с первой встречи, Шмидт занял позицию снисходительного превосходства, в то же время рассыпаясь в малоправдоподобных уверениях в дружбе». После каждой встречи Шмидт позволял вовлекать себя в разговоры с различными американскими и немецкими журналистами и отпускал злобные комментарии в адрес Картера, утверждал Бжезинский. Канцлер сильно омрачил немецко-американские

отношения, позволяя себе подобные высказывания. Из-за поступков Шмидта уважение президента Картера к проектам американцев в Германии было подорвано, таков был вывод бывшего советника по вопросам обороны.

В 1978 году противоречия обострились. Картер опять заклеймил СССР позором из-за нарушения прав человека и агрессивной внешней политики в странах Африки, где СССР поддерживали многочисленные партизанские движения и возникающие просоветские правительства. Президента США не устраивало мнение о нем, как о слабом правителе, поэтому он не ограничился только словами. Картер попытался уговорить НАТО начать программу вооружения, которая, по общим подсчетам, должна была стоить 20 миллиардов марок, треть этих расходов должна была взять на себя ФРГ. Кроме этого, требовались расходы на строительство портов и складов, которые тоже будет нести Западная Германия. Финансовое положение в стране было нестабильным, экономия и подобные расходы для социально-либеральной коалиции стали бы для немцев серьезной проблемой.

Также речь шла и о реализации внешнеполитического курса Шмидта: сохранить «политику разрядки», чтобы стабилизировать ситуацию в мире и облегчить жизнь людям в обеих Германиях. Концепция Шмидта, по его собственному признанию, была следующей: «С одной стороны, твердое желание выглядеть с военной точки зрении неспособными к обороне, с другой стороны, опираться на достигнутый таким способом военный баланс сил, а также стремление сотрудничать с СССР». Во время заседания НАТО в Вашингтоне в мае 1978 года немецкая делегация опасалась, что предложения Картера могут начать очередной виток «холодной войны». Только много позже Шмидт признался, что был после этой конференции «подавлен». У него сложилось впечатление, что «Леонид Брежнев может лучше понять мои опасения, чем Джимми Картер».

Это провокационное высказывание Шмидта можно, вероятно, объяснить тем впечатлением, которое осталось у него незадолго до этого от главы СССР. По-человечески они стали ближе друг другу во время государственного визита лидера советского государства и партии в ФРГ в начале мая 1978 года. Во время пребывания Брежнева в Гамбурге, в родном городе Шмидта, канцлер пригласил его к себе на обед в Гамбург-Лангехорн. Коммунист Брежнев увидел дом канцлера, который поразил его не роскошью, а скромностью. Дом из красного кирпича был настолько невелик, что только после пристройки к нему обеденного зала здесь стало возможно соответствующим образом

принять высоких гостей. Дом Шмидта отличала скандинавская мебель, кирпичный камин и небольшой домашний орган. «Квартира человека, который родился в стесненных обстоятельствах и который отказывает себе в том, чтобы раздвинуть свои личные рамки», — так в 1970-х годах один журналист прокомментировал быт главы правительства ФРГ.

После аперитива — пили польскую водку — Шмидт показал гостям свой дом. В гостиной правитель Советской империи с интересом рассмотрел полное собранно сочинении Карла Маркса. Потом канцлер показал Брежневу свой исключительно скромный, небольшой рабочий кабинет, который был забит книгами до самого потолка. Здесь в буквальном смысле слова теснились Шмидт, Брежнев, Геншер, Громыко и два переводчика. Когда стороны обсуждали взаимные геополитические претензии, они использовали глобус, находящийся в кабинете. Когда после упоминания о немецко-китайских контактах Брежнев заговорил о «захвате в клещи» Советского Союза, канцлер положил один палец на Бонн, а другой на Пекин, и сухо спросил: «Не далековато ли для клещей, господин генеральный секретарь?» Смех разрядил обстановку и разговор продолжился. Потом все прошли в столовую, чтобы отобедать в узком кругу. За столом не было даже хозяйки дома Локи Шмидт. «Пообедайте в мужском кругу», — сказала она по-хозяйски решительно и по-протокольному корректно в ответ на просьбу советского посла Валентина Фалина присоединиться к обеду.

Пребыванием в Гамбурге завершился государственный визит, во время которого русские и немцы достигли доверия на личном уровне, но не смогли приблизиться к решению конкретных вопросов. Шмидт хотел говорить о своих опасениях касательно размещения современных советских ракет СС-20. Это оружие с тремя боеголовками и дальностью действия более 5000 километров должно было заменить старые образцы, снабженные одной ядерной боеголовкой и меньшей дальностью поражения. Новые военные ядерные установки могли быть размешены за Уралом, но при этом ФРГ попадала в зону их действия. Одновременно с этим сами установки находились вне зоны действия ядерного оружия НАТО, размещенного в Европе, СС-20 могли быть выведены из строя только американскими межконтинентальными ракетами. Канцлер опасался, что теперь СССР при определенных обстоятельствах сможет оказывать давление на Западную Европу и ФРГ. Баланс сил в Европе сильно пошатнулся благодаря СС-20.

Брежнев в свою очередь во время визита выразил свои пожелания Западу в вопросах разоружения. «Договоримся об

отказе производить и размещать новые системы оружия массового уничтожения. Благодаря обоюдным соглашениям мы исключим возможность того, что в мире появится нейтронное оружие», — требовал Брежнев. Он изображал Европу как сообщество народов, которому угрожает повое изобретение американской военной промышленности — нейтронная бомба. Новое оружие было разработано как боеголовка для ракет меньшей дальности. После взрыва излучение убивает людей, но оставляет неповрежденными военное оборудование и здания, которые через некоторое время становятся неопасными, в отличие от зараженных радиацией после ядерного взрыва.

Брежнев оказался сложным гостем, состояние его здоровья в то время уже внушало опасения. Официальный прием из-за усталости советского лидера пришлось прервать. Во время обсуждения ракет средней дальности канцлер настолько рассердил Брежнева своими аргументами, что тот от ярости сорвал со стола карты, при помощи которых канцлер объяснял положение дел. На этом фоне личный визит Брежнева в дом Шмидта в Гамбурге выглядел исключительно красиво и гармонично. Заключительное коммюнике не заявляло о конкретных результатах, а лишь сообщало, что: «В первый раз в заключенном между Востоком и Западом соглашении принято решение, обе стороны считают важным, что никто не стремится к военному превосходству и для обороны достаточно приблизительного равенства и паритета». Для Гельмута Шмидта, «честного посредника» между Западным и Восточным блоками, это было успехом, пусть даже суровую реальность «холодной войны» едва ли можно было изменить при помощи подобных красивых формулировок. Его обязательства были признаны. «Шмидт был сложным, но вместе с тем разумным политиком. У меня постоянно складывалось впечатление, что он хорошо понял, что непременно нужно искать с Советским Союзом соглашения, приемлемые для обеих сторон», — так оценивал канцлера советский министр иностранных дел Андрей Громыко.

По другую сторону проблем вооружения в эпоху «холодной войны» обе стороны вполне успешно достигали консенсуса, например, во время визита Брежнева в Бонн советские и немецкие политики договорились о экономическом сотрудничестве — советский природный газ в обмен на немецкие стальные трубы. Проект был рассчитан на 25 лет. Логика «холодной войны» и «политики разрядки» базировалась на шатком, но сохранявшемся равновесии между угрозами и предупреждениями и сотрудничеством. Следовательно, обе стороны хорошо понимали, что зависят друг от друга и в военной, и в экономической сферах.

Именно это понял Гельмут Шмидт и постарался превратить это понимание в политический курс.

В отличие от США, западноевропейские партнеры склонялись к тому, чтобы последовать за немецким канцлером по этому пути. Это стало очевидно в 1978 году, когда на повестке дня стояли государственный визит Джимми Картера и мировая экономическая встреча на высшем уровне в Бонне. Отношения с Картером все еще были натянутыми, главными проблемами были «политика разрядки», мировая экономика и соблюдение прав человека. В последнее время добавилась еще одна проблема: Картер объявил о начале производства нейтронного оружия, Шмидт поддержал его. Из-за этого отношение части СДПГ к канцлеру сильно испортилось. В апреле 1978 года Картер, не проконсультировавшись со Шмидтом, ревностным защитником нового оружия, заявил, что нейтронное оружие временно производиться не будет, а будет обсуждаться на переговорах о разоружении.

Несмотря на все различия, во время государственною визита с обеих сторон звучали заверения в немецко-американской дружбе. Канцлер и президент посетили базу войск США в ФРГ и родственников военнослужащих и Висбадене, где был организован грандиозный немецко-американский праздник. Последовал обязательный визит президента США в Берлин. Тот факт, что Шмидт сопровождал Картера, для восточногерманских политиков было словно бельмо на глазу. Для них Западный Берлин не был частью ФРГ, а присутствие Шмидта они расценивали как иллюстрацию политических притязаний Западной Германии на их часть города. На транзитных пунктах пограничники ГДР обслуживали транспортные средства из рук вон медленно, возвращение было очень затруднено из-за хаоса уличного движения.

Между тем канцлер с президентом ехали вниз по улице Курфюрстендамм в открытой машине, их приветствовали 150 000 ликующих жителей Берлина. Картина была известной, но очень показательной: западные политики и население Берлина плечом к плечу во вражеском окружении. Люди праздновали собственное признание свободы, ведь в Берлине у этой свободы были границы. Когда жители спросили Картера, как долго еще будет стоять стена, он ответил: «Этого я не знаю. Надеюсь, что придет день, когда она будет снесена. Мне жаль, что я не могу дать вам другой ответ, но такова реальность».

В последующие дни интерес немцев, а также мировой общественности, был снова прикован к Бонну. Главы правительств семи важнейших основных индустриальных стран

встретились в столице ФРГ Гельмут Шмидт был хозяином и в то же время одним из ведущих лиц на переговорах. С гордым и сияющим лицом 16 июля 1978 года он смотрел на прибытие высоких гостей во дворец Шаумбург. Гости прибывали по одиночке, канцлер приветствовал вновь прибывших, общаясь на хорошем английском. В резиденцию канцлера прибыли японец Такео Фукуда, британец Джеймс Каллаган, итальянец Джулио Андреотти, канадец Пьер Трюдо, президент США Джимми Картер и, наконец, президент Франции Жискар д'Эстен. Все шло замечательно, и канцлер радостно поприветствовал своего французского друга: «Приятно видеть Вас, Валери, посмотрите, какую прекрасную Вы привезли погоду».

Обсуждение экономических вопросов Шмилт организовал искусно и эффективно, результаты должны были быть многообещающими: США обязались повысить цену на мировых рынках на добываемую в ФРГ нефть, японцы пообещали открыть свой рынок для импорта, немцы — стимулировать свою экономику путем снижения налогов, чтобы дать импульс развитию мировой экономики. Но самое успешное постановление этой экономической встречи практически не имело отношения к экономике: было решено противопоставить советским ракетам СС-20, угрожающим Западной Европе, собственное современное оружие. Этот известный, но спорный план, позже был назван «довооружение».

Во время этой экономической встречи на высшем уровне Гельмут Шмидт находился в зените своей популярности. Весь мир наблюдал, как он постепенно сделал Западную Германию ведущей экономической и политической державой. В войне сверхдержав ФРГ стала посредником. Шмидт трезво понимал новое немецкое самосознание: «Мы не сверхдержава, мы — государство средней величины, такими и хотим остаться. С другой стороны, нам нет никакого смысла влезать в шкуру лилипута».

Возрастающее значение ФРГ на мировой арене обозначилось также на встрече стран «четверки» на острове Гваделупе в январе 1979 года. Французы, британцы и американцы пригласили канцлера ФРГ, чтобы обсудить военно-стратегическое положение в Европе. В первый раз глава немецкого правительства фактически сравнялся статусом с руководителями стран-победительниц во Второй мировой войне. Речь шла о воплощении плана «довооружение», об ответе на размещение советских ракет СС-20. Картер предложил разместить в ФРГ ракеты средней дальности. После чего вооружение НАТО крылатыми ракетами «Першинг» было решенным делом. Канцлер предложил

размещать новое ядерное оружие не только на территории Западной Германии, но рассредоточить его по многим европейским странам. Эта идея нашла поддержку у всех присутствующих, а план размещения нового оружия был назван «двойное решение» НАТО, поскольку «довооружение» было совмещено с идеей о переговорах со странами соцлагеря. Советский Союз был проинформирован о том, что это решение будет пересмотрено, если переговоры об ограничении СС-20 будут результативны. Однако СССР в ультимативной форме заявил, что переговоры могут быть проведены только в том случае, если Запад откажется от «довооружения».

Пока весь мир привыкал к термину «довооружение», канцлер не предполагал, на какое мощное сопротивление натолкнется эта политика НАТО. В то самое время, когда он чувствовал себя влиятельной фигурой в переговорах крупных западноевропейских держав, начался самый сложный период его правления. Настроения в стране изменились. Шмидт пользовался большим уважением населения, и особенно избирателей СДПГ, он все еще имел высокий рейтинг в опросах общественного мнения. Его внешнеполитический курс не пользовался популярностью.

Ориентированность на традиционные группы избирателей и политические проекты привела к тому, что Шмидт совершенно упустил из виду важный процесс — в ФРГ происходила смена политической культуры. Внутри общества с середины 1970-х годов назревали новые конфликты, в центре которых были проблемы энергетики и ядерного оружия. На съезде партии в 1977 году в Гамбурге СДПГ все-таки удалось прийти к компромиссу. В энергетике преимущество должно оставаться за угольной промышленностью, атомные электростанции будут построены только тогда, когда в этой отрасли начнется дефицит. Также собравшиеся подчеркнули, что принципиально очень важно чувствовать ответственность за строительство и развитие атомных электростанций.

Те делегаты съезда, которые настаивали на рассмотрении проблем экологии, с неохотой пошли на компромисс с канцлером, который был настроен поддержать развитие атомной энергетики. Тем не менее они чувствовали себя неуютно, СДПГ, где всем заправлял Шмидт, исключила проблемы экологии из числа первостепенных. При канцлере СДПГ настолько приблизилась к центристским партиям, что в 1979 году появилось новое политическое объединение леворадикального направления. Ядро новой партии сформировалось на основе движений против ядерного оружия и атомной энергетики. Эта партия была названа «Другое политическое объединение. Зеленые». Несмотря на то что

«зеленые» настаивали на защите экологии и пацифистских идеях, они были привлекательны для левых экстремистов, особенно в Северной Германии. Весной 1979 года новая партия в первый раз выставила своего кандидата на выборы в европейский парламет. И получила 3,2 % голосов, то есть около миллиона человек проголосовали за экологию и против войн. Шмидту не понравились эти настроения, по он не почувствовал всей серьезности дела, как многие в стране. Для канцлера «зеленые» были просто опасными идеалистами, которые хотели вернуть промышленность Германии в каменный век и устраивали столкновения с полицией на стройплощадках атомных объектов. Однако постепенно «зеленые» заняли то политическое пространство, которое проигнорировали Шмидт и СДПГ — и добились успеха. В октябре 1979 года они вошли в ландтаг земли Бремен.

Популярность «зеленых» повысилась, когда НАТО официально приняло «двойное решение». Движение за мир вызвало движения массовых протестов против «довооружения» и «двойного решения» НАТО, а следовательно, против Гельмута Шмидта. «Зеленые» подняли эмоциональный вопрос — вопрос о сохранении мира. Это вызвало беспокойство в левом крыле СДПГ, где было немало приверженцев сохранения пацифистских традиций социал-демократии. Друг Шмидта по партии, выходец из Нижней Саксонии Герхард Шрёдер позже рассказал, что думали в то время левые члены СДПГ о своем канцлере: «Его точка зрения на атомную энергию и на “довооружение” разочаровывала меня. Я пытался бороться с этой частью его политического курса, поскольку считал ее ошибочной и имеющей далеко идущие последствия».

Консенсус Гельмута Шмидта и Герберта Венера, который до сих пор облегчал контроль за партией и фракцией СДПГ в парламенте, тоже нарушился. Герберт Венер четко выразился, что считает размещение ракет средней дальности ошибкой. До этих пор Шмидт мог полагаться на то, что их с Венером мнения совпадают и конструктивное сотрудничество протекает без осложнении. Когда председатель фракции весной 1979 года заговорил о том, что советское вооружение имеет «оборонительную природу», дело дошло до первых серьезных прений со Шмидтом. Канцлер мог видеть, что внутри его партии политический вес и популярность СССР возрастает. Советский Союз хотел использовать общественные настроения в ФРГ, чтобы предотвратить «довооружение» НАТО. В конце концов, Шмидт добился от Венера, чтобы тот в будущем не преуменьшал опасность советской гонки вооружений.

Так что на собрании СДПГ в Берлине в декабре 1979 года внешне партия была едина, но подспудно нарастало напряжение. Левые члены партии выступили против того, чтобы стать «выборным обществом канцлера, таким же, как ХДС во главе Аденауэра в 1950-е годы». Вилли Брандт, выздоровевший после сердечного приступа в 1978 году, вновь стал иконой левых членов СДПГ, критикующих центристскую политику партии и тоскующих по политическим проектам, который выходили бы за рамки шмидтовской рациональности.

Важнейшими темами на очередном съезде партии были атомная политика и «довооружение». Шмидт ввиду вопроса ядерной энергии уже в начале заседания угрожал отставкой: «Если вы видите проблему энергетики иначе, чем я, а без использования атомной энергии мы не переживем этот переходный период, ищите себе другого дилера, который сочтет нужным проводить другую политику. Возможно, вам повезет». Эти слова показали, что партия Шмидта зависела от него как от популярного в обществе канцлера, испытывала на себе его давление и была вынуждена следовать его курсом. В вопросе «довооружения» он попытался использовать довольно сомнительный тезис: американцы готовы к переговорам, но без осуществления обеих частей «двойного решения», которое предполагает необходимость вооружатся и одновременно подготавливать следующее предложение, невозможно будет заполучить советское руководство за стол для переговоров. Шмидт убедил членов партии, тем более Вилли Брандт произнес слабую и неубедительную речь. Он однозначно не поддерживал политику канцлера, но в то же время не сформулировал собственную ясную позицию. Противники атомной энергии и критики вооружения не смогли найти в Вилли Брандте в 1979 году сильного и авторитетного лидера, вокруг которого они могли бы сплотиться. Канцлер еще раз праздновал триумф. Как позже писал историк Голо Манн: «Он был для левых членов партии укротителем. Звери покорились ему еще раз, но с растущим недовольством. Его победы, в конце концов, были только кажущимися. Они больше не имели веса».

Несмотря на это, канцлер однозначно чувствовал себя готовым к решению задач, которые ждали его в новом, 1980 году. Он не был готов к тому, что политические вызовы встретят его уже перед Новым годом: 27 декабря 1979 года советские войска молниеносно заняли соседнее государство Афганистан, до сих пор не принадлежащее к Восточному блоку. В стратегически важных точках страны высадился десант, на быстро захваченные аэродромы по воздуху были доставлены танки. Скоро уже 50 000

советских солдат были введены на территорию Афганистана, правящий режим был свергнут, Советская армия привезла в Кабул нового главу государства, который стал марионеткой в руках СССР. Нападение СССР на Афганистан изумило канцлера. Немецкие разведчики «проспали» развитие событий, американцы, если у них вообще были какие-то сведения, не предупредили Шмидта.

Канцлер не был готов к тому, что Брежнев нанесет такой удар по «политике разрядки». «Я был шокирован и возмущен тем, что произошло в Афганистане», — писал он позже. Большой проект Шмидта оказался под угрозой. Поначалу канцлер беспомощно отказывался от публичных комментариев ситуации. Мировая общественность догадывалась, что «честный посредник» между Западным и Восточным блоками превратился в сторонника умиротворения, который отчаянно, любой ценой пытался спасти разрядку. Его правительственное заявление перед бундестагом было очень неконкретным, из интервью, которое взяли у него журналисты, тоже было трудно понять отношение канцлера к Брежневу.

Однако судьба «политики разрядки» больше не зависела от Гельмута Шмидта. Разрядка напряженности больше не являлась высшей заповедью на мировой политической арене. Президент США Картер объявил о введении торгового эмбарго на поставку высококачественной техники из СССР. Символом осуждения действия Советского Союза стало заявление американцев о том, что они бойкотируют Олимпийские игры 1980 года в Москве.

Шмидт поехал в Вашингтон и заявил протест против бойкота Олимпийских игр. Картер в ответ на это потребовал у Западной Германии присоединиться к бойкоту и тоже объявить о введении эмбарго. Шмидт опасался, что эти меры скажутся на результатах внутренней политики ФРГ, но это мало интересовало президента США. Шмидт позже писал: «У меня не было чувства, что я убедил Картера. Американский президент, казалось, был больше не в состоянии оперировать четкими категориями. Это было очевидно из его упорного требования присоединиться к бойкоту Олимпийских игр. Ему не хватало осознания всей тяжести положения, в которое он поставил Жискара, меня и лидеров других европейских стран своим односторонним заявлением».

Француз Жискар д'Эстен на этот раз продемонстрировал полную независимость от американцев. Он объявил, что Франция не намерена становиться «провинцией «сверхдержавы США. Французы отправились на Олимпийские игры в Москву, тогда как Национальный Олимпийский комитет ФРГ присоединился к бойкоту. Более того, в мае Жискар д'Эстен встретился в Варшаве с

Брежневым. Он не обратился за советом к своему немецкому коллеге. Президент Франции не приносил жертвы «стратегической» дружбе со Шмидтом, когда речь шла о первейших французских интересах.

В то время как во внешней политике высоко ценились умения Гельмута Шмидта минимизировать потери и преодолевать кризис, отношения с избирателями в ФРГ были не так безоблачны. Он начал избирательную кампанию 1980 года больным и измотанным. Уже в начале февраля, во время визита в Париж, оказалось, что напряжение последних дней не прошло даром. В Елисейском дворце, после немецко-французских консультаций, Шмидт захотел встретиться с Жискаром д'Эстеном для завершающего разговора. Решено было встретиться с глазу на глаз в роскошном зале для посетителей — в так называемом Салоне портретов. Жискар д'Эстен был напуган тем, как выглядел канцлер. После обмена несколькими незначительными фразами Шмидт ослабил галстук: «Я чувствую себя не совсем хорошо, Валери, но это сейчас пройдет». Через несколько секунд канцлер захрипел и издал еле слышный стон. Президент Франции вскочил, помог канцлеру встать и добраться до дивана: «Прилягте на диван. Так будет удобнее», — предложил Жискар. Жискар д'Эстен описал в своих мемуарах «Власть и жизнь» этот момент: «Его голова склонилась, он закатил глаза. Вероятно, он потерял сознание. Мы одни в комнате; двери закрыты. Снаружи наверняка полагают, что мы углублены в разговор. Если я выйду в приемную и попрошу помощи, мои сотрудники тут же ворвутся внутрь. Журналисты и фотографы наверняка ждут во дворе. Пришлось бы выносить Шмидта на руках. Нет уж! Я возьму дело в собственные руки. Я дойду до телефона, который подключен к коммутатору, и вызову врача».

Французский президент тактично вызвал военного врача, который отвечал за медицинское обслуживание президентского аппарата. Жискар ждал, а канцлер не двигался, и единственным признаком жизни было его свистящее дыхание. За окнами февральский день рано превратился в сгущающиеся сумерки. «Это недолгое дежурство у его постели было похоже на сцену из Шекспира. Что бы сказала общественность, если бы увидела нас в таком виде: Гельмута на диване и меня, беспомощно стоящего рядом, не в силах ему помочь?» — вспоминает бывший президент Франции. Наконец пришел врач. Он осмотрел канцлера, сердце билось нормально, пациент пришел в себя. «Что произошло?» — спросил Шмидт. Он отклонил предложение поехать в гостиницу и хорошенько отдохнуть, напротив, канцлер хотел принять участие в спланированном на вечер ужине. Через час канцлер снова был в

бою. Подчеркнуто живо он вошел в столовую, галстук снова был элегантно затянут. Политика была нужна ему, даже если доводила его до болезни, он не хотел показывать свои слабости.

Это относилось и к предвыборным дебатам с Францом Йозефом Штраусом, кандидатом от ХДС — ХСС. Канцлер не хотел показываться, чтобы избиратели видели его больным. Косвенным признанием его проблем со здоровьем был отказ от курения. Избирательная кампания быта жесткой и сложной. ХДС — ХСС бичевал канцлера как «предателя пенсионной реформы» и «долгового канцлера». Лозунг оппозиции звучал так: «Против государства СДПГ — остановите социализм». Полемика заменили конкретные обсуждения. Канцлер, напротив, показал себя личностью международного масштаба. Он заставил Картера недвусмысленно пообещать, что вторая часть «двойного решения» будет выполняться и впредь. Ведь еще во время «довооружения» Советскому Союзу настоятельно предлагали переговоры о демонтаже ракет средней дальности. В 1980 году Шмидт отправился в Москву. И добился успеха! Советский Союз согласился на переговоры без лишних условий. Внутри своей страны Шмидт праздновал победу, но как «честный посредник» он повел себя с Брежневым благодарно и скромно: «Я передам Ваше предложение президенту Картеру. Господин Геншер уже завтра отправится в Вашингтон».

Дома во время избирательной кампании Шмидт почивал на лаврах своего успеха в деле разоружения. Он резко напал на своего противника Штрауса, заявив, что хотя тот и согласен на мир во внешней политике, но не способен его обеспечить. Главной избирательной стратегией СДПГ было то, что избиратель должен был поверить — он выбирает войной и миром. Заново отлакированный политический имидж Шмидта и склонность к экстремальной политике баварца Штрауса способствовали тому, что в октябре 1980 года кандидат от ХДС — ХСС потерпел тяжелое поражение. Хотя оппозиция и осталась сильной фракцией (44,5 % голосов), она потеряла 17 мест в бундестаге, а СДПГ выиграла еще 4 места, заработав 42,9 % голосов. Удивительного результата добилась СПГ, которая получила 14 дополнительных мест в парламенте и набрала 10,6 % голосов против 2,7 % на предыдущих выборах.

Усиленная коалиция СДПГ и СПГ противостояла ослабленной оппозиции. Позднее выяснится, что это решение избирателей не очень выгодно сказалось на отношениях внутри коалиции. Между СДПГ и СПГ возникли трения в основном в вопросах экономической политики. Речь шла о сталелитейной и горной промышленности. В бюджете 1981 года и СПГ, и СДПГ хотели

придерживаться принципов экономии, но партнеры по коалиции не могли договориться о том, какие статьи бюджета должны быть сокращены. Список спорных проблем был длинным. СДПГ хотела отменить налоговые льготы на строительство домов, СПГ, напротив, стремилась сохранить «параграф 76» и стимулировала строительство квартир и развитие частного сектора жилья. Одновременно с этим планировалось ограничить арендную плату, СДПГ была категорически против. В итоге экономическая политика стала основой для конфликтов между партнерами по коалиции.

Между тем экономический баланс только что избранного правительства был и без того не впечатляющим. Число финансовых провалов все росло, безработица выросла с 889 000 человек в 1980 году до 1 270 000 человек в 1981 году. Налоговый вклад предприятий в бюджет уменьшился, а социальные выплаты возросли, следовательно, пострадала государственная казна.

Гельмута Шмидта критиковали и внутри его партии, коллеги намекали, что канцлеру не хватает вдохновения. Так, его товарищ по партии заметил: «Еще никогда с момента правительственного заявления, даже после заявления Людвига Эрхарда осенью 1965 года, атмосфера не была настолько безотрадной, как после правительственного заявления 24 ноября 1980 года». Левое крыло СДПГ, возглавляемое Эпплером и Гансом-Утьрихом Клозе, было готово к бою против политики в области энергетики и политики «довооружения». Оно питало симпатии к движению «зеленых», которое внепарламентским путем сопротивлялось распространению атомной энергии и ядерного оружия.

Для Шмидта ситуация стала опасной, когда председатель СДПГ Вилли Брандт начал поддерживать идеи противников «довооружения» Эрхарда Эпплера и Оскара Лафонтена. Их основным требованием были переговоры с СССР без предварительного «довооружения» Запада. Брандт хотел добиться благосклонности юных идеалистов, активистов движения за мир, канцлер выступал за «довооружение», это было для него важнее, чем неясные страхи и антиамериканские настроения. Шмидт подчеркивал, что и в этом вопросе выступает за такие ценности, как «чувство долга, честность, практичность и стойкость». В ответ на это его коллега по партии Лафонтен ответил, что канцлер «пестует второсортные добродетели». В одном из интервью Лафонтен подчеркивал, что: «Следуя им [добродетелям] буквально, вполне можно быть начальником концентрационного лагеря».

Правительство, возглавляемое СДПГ, имело дело только с двумя парламентскими оппозициями: с ХДС — ХСС и с той

частью СДПГ, которая питала симпатии к пацифистскому движению и движению «зеленых». Так, например, 10 октября 1981 года Эрхард Эпплер выступил на большой демонстрации в поддержку мира, состоявшейся во дворцовом саду Бонна, в этой демонстрации приняли участие почти 300 000 человек. Эти проблемы буквально вытягивали из канцлера все силы, и он уже не мог скрывать свои слабости. В том же месяце ему пришлось поставить кардиостимулятор из-за сбоев сердечного ритма — последствия запущенного воспаления сердечной мышцы.

Сторонники движения за мир и критики внутри партии, казалось, не осознавали, что и канцлер был обеспокоен проблемами разоружения и безопасности в Европе. С другой стороны, и Шмидт вряд ли понимал, что идеи и расчеты поборников вооружения заставляют многих граждан содрогнуться от страха. С января 1981 года в Вашингтоне президент Рональд Рейган, вызывавший настоящую ненависть у сторонников разоружения и мира. После своего визита в США в мае 1981 года Шмидт оценил нового главу Белого дома весьма положительно:

«Мы хорошо понимали друг друга. Это все чушь, что написано о так называемом ковбое из Калифорнии». Рейган заверил его, что американское правительство начнет переговоры с Советским Союзом по поводу разоружении в первую очередь о ракетах средней дальности. «Двойное решение» НАТО — довооружаться и вести переговоры — было воспринято американцами вполне серьезно в обеих частях. В ноябре 1981 года Рейган предложил Брежневу «нулевое соглашение»: в случае снятия всех советских ракет средней дальности США обязались избавился от всего своего ядерного оружия того же типа. Но поскольку русские были твердо уверены, что в Европе уже царит равновесие, включая их ракеты СС-20, они отклонили «нулевое соглашение».

Леонид Брежнев в третий раз приехал в Бонн в 1981 году, за год до смерти. Шмидт хотел в качестве «честного посредника» подчеркнуть, что «ни Рейган, ни Брежнев не являются подстрекателем к войне». Одновременно с этим он дал Брежневу понять, что как канцлер ФРГ он не отошел от движения за мир: «В случае провала предстоящих переговоров я буду готов рискнуть своим правительством во имя “довооружения” западноевропейских стран, и любое следующее правительство согласится на размещение на территории ФРГ нового американского оружия, если до конца 1983 года не наметится прорыв во взаимных ограничениях на оружие средней дальности», — объяснил Шмидт своему собеседнику.

Брежнев явно был поражен и предложил в качестве жеста

доброй воли сократить часть советских ракет средней дальности в Европейской части Советского Союза. Он говорил о сотнях ракет и поставил только одно условие: пока будут вестись переговоры о ракетах средней дальности, монтаж орудий должен быть приостановлен. Американцы не видели в этом особых проблем, поскольку они не имели возможности разместить ядерные установки в Европе до октября 1983 года. Климат между двумя сверхдержавами, казалось, потеплел, не в последнюю очередь вследствие дипломатических усилий Гельмута Шмидта. Он служил «переводчиком» политикам США и СССР и сделал «вольный перевод» в стиле «политики разрядки».

Шмидт также хотел разрядить обстановку в обеих Германиях. В декабре 1981 года он в первый раз нанес визит лидеру ГДР Эриху Хонеккеру. Эта поездка откладывалась три раза, и впечатления от встречи со второй Германией были противоречивыми. Пребывание Шмидта в ГДР было омрачено неловкой сценой, которую позволили себе хозяева в последний день. В это зимнее воскресенье перед Рождеством канцлер посетил провинциальный мекленбургский городок Гюстров. Там его ждали улицы, оцепленные солдатами Народной полиции (Volkspolizei) в длинных зеленых шинелях и меховых шапках. Казалось, что в городе больше нет ни души. Правительство отдало распоряжение о домашнем аресте для жителей Гюстрова, чтобы предотвратить выражения симпатии к западному политику. Слишком свежи были воспоминания о визите Брандта в Эрфурт в 1970 году, когда толпы народа ликовали, принимая немецкого канцлера. В Гюстрове ситуация была доведена до абсурда: свободолюбивая молодежь перед визитом канцлера была арестована и выслана из города, большинство взрослых мужчины отправлены на сборы резервистов. Остальные жители города должны были подписать специальное обязательство, разосланное по всем адресам, не покидать в это воскресенье своих и домов. Веселье на рождественской ярмарке Гюстрова просто било ключом… при помощи сотрудников «штази». Позже Шмидт иронически высказался об этих «народных гуляниях: «Их было больше, чем я ожидал!»

Когда Хонеккер и Шмидт прибыли в Гюстров, из толпы раздались отдельные выкрики: «Да здравствует наш генеральный секретарь!» Один из членов боннской делегации быстро распознал балаган. «Это настолько по-дилетантски сделано, что заметит даже тупой», — презрительно отозвался он об инсценировке социалистической «зимней сказки». Шмидт хотел посетить Гюстров, чтобы побывать в ломе Барлаха. Он давно был почитателем умершего в 1938 году художника, графика и поэта

Эрнста Барлаха.

После официальной программы государственный визит в ГДР закончился на вокзале Гюстрова показательно дружественным жестом. Хонеккер протянул канцлеру сквозь окно поезда леденец от кашля, и Шмидт улыбнулся. Фотография, сделанная журналистами в этот момент, получилась странной и неприятной для тех, кто видел балаган в Гюстрове.

Однако до сих пор политические переговоры на озере Вербелинзее протекали неплохо. Шмидт, которого в прессе ГДР называли не иначе, как «ракетный канцлер» и «глава брюссельского договора о вооружении НАТО», внезапно был назван представителем СЕПГ человеком, которого ничто не волнует так сильно, как сохранение мира. Старания Шмидта вновь наладить диалог между Брежневым и Западом были высоко оценены руководством ГДР, хотя некоторые сторонники жесткого курса и Восточном Берлине и дожидались указующего перста из Москвы. «Хорошее соседство не может наладиться в тени ракет США», — откровенно жаловался Хонеккер. Шмидт напоминал, что минимальный обменный курс для путешественников из ФРГ по ГДР был повышен с 13 до 25 марок в день: «Я чувствую себя обманутым господин Хонеккер, на это однократное изменение обменного курса я не рассчитывал. Вы знаете, какие последствия это будет иметь для пенсионеров, целых семей и детей».

Достичь конкретных договоренностей или хотя бы сблизить позиции, в частности, в вопросе признания государственного статуса ГДР, на этой встрече не удалось, но возникла надежда на долгосрочное улучшение в атмосфере отношений между двумя немецкими государствами. Шмидт, в конце концов, миролюбиво признал: «Мы с Вами оба считаем, господин генеральный секретарь, что многое сделали бы по-другому, если бы были одни на этом свете».

Но немцы Восточной и Западной Германии не были одни на этом свете. Это обнаружилось утром 13 декабря 1981 года, в предрождественское воскресенье, когда Шмидт собрался ехать в Гюстров. Еще до того, как он поднялся с постели, из Польши пришли плохие известия: военные силы захватили правительство и объявили в стране военное положение. Руководители и активисты оппозиционного профсоюза «Солидарность» были интернированы. В города введены танки, польская армия надежно обеспечивала изоляцию собственной страны. Тем не менее Шмидт решил не прерывать свой визит в ГДР. Циничная инсценировка, устроенная хозяевами в Гюстрове, напомнила ему, насколько сложное и неестественное положение в Европе в 1981 году, а также о том, как важно именно сейчас сделать все возможное для

проведения «политики разрядки».

Между тем в ФРГ и в коалиции СДПГ — СПГ не могло быть и речи о разрядке. Со времени дискуссий с членами СПГ вокруг бюджета 1982 года в коалиции не прекращались конфликты. Геншер хотел ввести экономию за счет уменьшения пособий по безработице и вычетов из заработной платы сотрудников за время болезни. Одновременно с этим давление на правительство оказывали профсоюзы, из-за растущей безработицы они требовали проведения программ занятости населения. По идее СДПГ эти программы должны были финансироваться «дополнительным налогом на высокий заработок». СПГ категорически возражала против этого, поэтому было внесено предложение увеличить налог на добавленную стоимость. СПГ принимала в штыки любое повышение налогов, лишь угроза канцлера подать в отставку заставила партнера СДПГ согласиться, но председатель СПГ Геншер был шокирован такими грубыми политическими методами.

Он чувствовал, что его откровенно провоцируют, когда 3 февраля 1982 года канцлер поднял вопрос о доверии ему без предварительной консультации с Геншером. Канцлер хотел показать общественности, что, несмотря на все трения, коалиция верна ему. Действительно, через два дня все депутаты правительственных фракций проголосовали за Шмидта, выразив ему доверие. Тут был нанесен новый удар — кадровые изменения в кабинете министров: главу Министерства финансов Ганса Маттхёфере (СДПГ) сменил Манфред Ланштайн (СДПГ), Клаус Бёлинг сменил свою должность постоянного представителя в ГДР и получил пост пресс-секретаря. Однако эти меры не помогли преодолеть кризис. Хотя Шмидт все еще пользовался популярностью, его партия теряла общественную поддержку. Согласно опросам только 33 % граждан выразили симпатию СДПГ.

В июне 1982 года президент США Рейган посетил ФРГ и предложил Шмидту совместные выступления перед публикой, которые были необходимы для укреплении престижа канцлера. При этом президент США, пользующийся в ФРГ дурной репутацией милитариста, все время высказывал сомнения в ценности «политики разрядки» Шмидт, напротив, многие месяцы занимался тем, чтобы возобновить переговоры о разоружении. Речь шла о мире, разрядке, дальнейшем развитии отношений ФРГ и ГДР, а в связи с движением за мир речь шла также и о канцлерстве Гельмута Шмидта. При этом канцлер ничего не утаивал от своего высокого гостя. Рейган, конечно, сделал ему подарок: перед своей поездкой в Бонн он заявил, что хочет вести

переговоры не только о ракетах средней дальности, но и о межконтинентальных ракетах. Шмидт посчитал это решение результатом своего упорства; «Это корректировка курса, по крайней мере, на 45°. Это успех, который был бы невозможен без наших разговоров». Во время быстрого визита в Берлин президент США снова прикрыл канцлеру спину. В своей «берлинской инициативе» он сформулировал конкретные предложения по разоружению. Если бы Советский Союз демонтировал соответствующие ракеты, Запад полностью отказался бы от «першингов» и крылатых ракет.

Однако подобные успехи больше не помогали канцлеру в борьбе за политическое выживание. Его пребывание на посту канцлера полностью зависело от успеха разоружения и разрядки. Осенью 1982 года судьба правительства Шмидта решалась на внутриполитическом фронте. Между партнерами по коалиции были расхождения в том, какие существуют возможности сэкономить в бюджете 1983 года. Но в июне 1982 года они все-таки пришли к компромиссу: либералы из СПГ отказались от сокращения пособий но безработице и по болезни работника, а СДПГ отказалась от введения налога на высокий заработок.

Несмотря на сильное сопротивление в СДПГ, канцлер добился отказа от программы занятости, которую можно было бы финансировать только с помощью еще большей государственной задолженности или серьезных изменении в расходах на социальные нужды. Тем не менее Геншер и после компромисса остался недоволен положением коалиции. Он рассматривал идею заключения союза с ХДС. Причины, которые побуждали его принять такое решение: СДПГ «разбавляет» все решения по экономии, постоянно требует новых сборов и повышения налогов и стремится к пересмотру однажды уже принятых решений. В письме к своей партии от 5 августа Геншер писал: «Дальнейшие социально уравновешенные шаги» необходимы для «структурной консолидации общественных бюджетов». В этом письме снова появилось слово «переворот», которое Геншер использовал во внутренней переписке еще в прошлом году.

Кризис коалиции нарастал: в сентябре 1982 года в Гессене предстояли выборы в ландтаг. СПГ сообщала, что в ландтаге Гессена она не намерена создавать коалицию с СДПГ, а планирует примкнуть к ХДС. Федеральный министр экономики, граф Ламбсдорф, сообщил в интервью газете «Бильд»: «Гессенский избиратель сам решит, что он думает по поводу смены коалиционного партнера СПГ. Для нас в Бонне это станет важной новостью». Важные новости в столице ФРГ изучал Ганс-Дитрих Геншер, он провел множество частных встреч со своим

закадычным другом Гельмутом Колем, чтобы обсудить ситуацию с глазу на глаз.

25 августа Шмидт послал письмо своему министру иностранных дел: «Дорогой господин Геншер, в последнее время целый ряд объявлений и комментариев привнесли в нашу работу много дополнительного беспокойства и неуверенности… Для меня сегодня и завтра… все еще имеет значение то, что обе стороны должны попытаться но время гессенских выборов не осложнять работу федерального правительства и социально-либеральной коалиции. На этот счет сегодня в кабинете министров было единое мнение. Также никто не указал, что стремится прервать совместную работу в кабинете… Поэтому я исхожу из предположения, что Вы обратитесь ко мне, если имеете другое мнение на этот счет…» Однако атмосфера в Бонне оставалась тревожной. Во время завтрака министров от СДПГ в апартаментах канцлера Шмидт открыто заявил: «Вероятность, что Геншер нас покинет, растет с каждой неделей, и СДПГ вдень «Х» должна после 13-летнего нахождения у власти в ФРГ быть убедительной. Не должно быть ни одной мелочи, о которую СДПГ может споткнуться». Это значит, что СДПГ не хотела давать СПГ ни единого повода выйти из коалиции. Однако канцлер потребовал и кое-что еще: «Геншер и компания должны наконец поджать хвост».

9 сентября Шмидт зачитывал в бундестаге свой ежегодный доклад о положении нации. Главная мысль звучала так: «После 13 лет работы в правительстве я не приклеился к своему стулу. Однако я против того, чтобы канцлером стал коллега Коль, потому что не хочу доверить нашу страну тому большинству, которое не имеет определенного мнения ни в вопросах внешней политики, ни в вопросах политики внутренней безопасности, а также экономической и социальной политики… Если кто-то, несмотря на это, хочет сменить партнера по коалиции, это его законное право, он должен сообщить об этом открыто и честно». Затем он нанес язвительный, но нечувствительный удар в спину СПГ: «Перебежчиков мы останавливать не будем».

За кулисами канцлер взялся за своего министра экономики графа Ламбсдорфа: если министру что-то не нравится в экономической политике, он должен не сообщать это газете «Бильд» в интервью, а должен письменно изложить свои критические замечания члена правительства. Ламбсдорф не заставил себя ждать: «критические замечания Ламбсдорфа» шокировали канцлера. Министр экономики письменно изложил свои требования: фундаментально изменить систему социальных платежей, снизить налоги и улучшить условия инвестирования…

и опубликовал свою работу. Канцлеру предложения показались однозначно ориентированными на владельцев крупных предприятий. «Экономическое и политическое объявление войны социал-демократам», — оценил он произведение министра экономики, которое стало для Шмидта «документом о разводе». Должен ли он был дать Ламбсдорфу отставку? В этом случае член СПГ станет мучеником, а это даст СПГ повод к разрыву, следовательно, пострадают интересы СДПГ.

Канцлер подозревал, что коалиция все равно распадется. «Мне надоела эта расшатанная партия!» — цитировал его тогдашний представитель правительства Клаус Бёллинг в книге «Последние тридцать дней канцлера Гельмута Шмидта», вышедшей в свет в 1982 году. Стратегия канцлера и его советника сводится к следующему: нужно дать отставку министрам СПГ, СДПГ должна снова образовать правительство большинства. Собственно целью были немедленные новые выборы. Бёллинг так думал о мотивах Шмилта: «Он хотел убедить партию и себя самого, что за крах коалиции должны быть ответственны либералы». СДПГ должна была вступить в предвыборную гонку, сохранив свой имидж, а СПГ, как «партию-предателя», Шмидт стремился задавить и помешать ей преодолеть на выборах 5 %-ный барьер. Однако этот план не оставлял правительству Шмидта никаких перспектив: при новых выборах невозможно было подсчитать шансы. Бёллинг пишет, что в канцлерстве царили своего рода «настроении бункера», любое изменение казалось Шмидту лучше по сравнению с той ситуацией, которая есть сейчас, даже абсолютная победа ХДС на выборах.

Однако СДПГ не могла форсировать выборы: если бундесканцлер подаст в отставку, будет смещен или ему выразят недоверие в бундестаге, парламент должен будет избрать другого главу правительства, за которого проголосует большинство. Только в том случае, если это окажется невозможным, президент распустит парламент и назначит новые выборы. У ХДС и СПГ был кандидат в парламенте на пост канцлера, за которого, скорее всего, проголосует большинство в парламенте. Это был председатель ХДС доктор Гельмут Коль. Ведь главам оппозиции Геншер дал «политически-парламентскую гарантию выживания». Он согласился предотвратить немедленные выборы, потому что знал, что настроения в стране усложнили бы для «партии-предателя» вхождение в парламент. Идея Геншера была такова: после того как Шмидту будет вынесен вотум недоверия, СПГ и ХДС выберут большинством голосов нового канцлера, Геншер остается на посту министра иностранных дел, а новые выборы будут назначены несколько месяцев спустя. Таким образом,

осенью 1982 года у Шмидта практически не было шанса назначить новые выборы.

В сентябре 1982 года, в пятницу, выступая в парламенте, канцлер бросил перчатку СПГ: «С тех пор, как господин коллега Геншер летом 1981 года впервые заговорил о «перевороте» и с тех пор повторял это слово много раз, стало сомнительно, будет ли СПГ до конца четырехлетнего периода правления верна правительственной коалиции, созданной в 1980 году. Я вплоть до этой среды предпринимал все возможные усилия для сохранения общности, невзирая на скепсис немецкой прессы и на многочисленных скептиков в обеих фракциях коалиции… Но после событий последних дней я вынужден был перестать доверять некоторым руководящим лицам из СПГ. Дальнейшего сотрудничества нельзя требовать ни от министров СДПГ, ни от бундесканцлера…» Шмидт потребовал переизбрания, но он был реалистом и не возлагал на него слишком больших надежд.

После этой речи и отставки министров от СПГ роли распределились: канцлер Шмидт — «страж воли избирателей», Геншер и СПГ — «нарушители слова». Тогдашний председатель ХДС Гейнер Гейслер вынужден был отдать за это дань уважения стратегу Шмидту: «Таким образом он отдал последнюю дань своей партии. С помощью своей кампании во имя мести СПГ он поставил на карту германскую ментальность Нибелунгов. Он заклеймил абсолютно нормальную смену коалиции, которая предусмотрена в нашей конституции, как предательство».

После обеда 17 сентября 1982 года бывшие члены кабинета министров Ламбсдорф, Эртль и Баум получили уведомления об отставке. Геншер не присутствовал на этом мероприятии. Таково было и намерение Шмидта. Я больше не хочу, чтобы меня фотографировали рядом с Геншером», — так выразил канцлер свои чувства к партнеру по коалиции. Однако все министры СПГ разделили в этот день общую судьбу: никто из них не имел больше права поехать домой на служебном лимузине.

Итак, Гельмут Шмидт возглавлял в Бонне правительство меньшинства. Канцлер начал готовиться к прощанию с должностью. Как выглядели его личные достижения? Исходя из собственных притязаний, Шмидт мог покинуть поле битвы с высоко поднятой головой. «Для меня настоящее удовлетворение выполнять свой долг, и если скажут, что я его выполнил, я буду счастлив», — скромно признавался он в то время, когда находился у власти. На самом деле он не совершил никаких исторических поступков, как Конрад Аденауэр, сделавший все для победы «западной политики» в ФРГ, или Вилли Брандт, который своей «восточной политикой сделал много для всех немцев по обе

стороны Стены. Все же Шмидт отстаивал и объединял лучшее из политическою наследства обоих своих предшественников, иногда ему приходилось действовать в тяжелых обстоятельствах. Когда в конце 1970-х годов «политика разрядки» переживала тяжелый кризис, он предотвратил полную утрату взаимопонимания между двумя сверхдержавами. Канцлер активно занимался внешней политикой, чтобы выжил нежный росток сотрудничества между двумя Германиями. Но все же его правление останется в истории как «эпоха довооружения». Шмидт заложил фундамент для периода ослабления политической напряженности и разоружения 1980-х годов, поскольку благодаря «довооружению» Запад смог вести переговоры с позиций силы.

Но теперь, в сентябре 1982 года, Шмидт переживал скорее горечь от того, что он потерпел поражение, чем удовлетворение от сделанной работы. Канцлера вряд ли могло утешить то, что во время выборов в ландтаг в Гессене 26 сентября СПГ не прошла в земельный парламент, набрав только 3,1 % голосов. Геншер лихорадочно старался заставить свою разрозненную фракцию в бундестаге поддержать Гельмута Коля и способствовать его избранию. На пятницу, 1 октября 1982 года, Геншер вместе с Гельмутом Колем запланировал свержение канцлера социал-демократов, выразив ему вотум недоверия.

В эту пятницу в октябре Гельмут Шмидт явился в пленарный зал бундестага в черном костюме. Погруженный в себя, он в последний раз занял место главы правительства. Через некоторое время канцлер зачитал свое последнее заявление перед бундестагом: «Более двух третей граждан проголосовали за перевыборы в бундестаге. Они чувствуют, что перемены, за которые вы тайно проголосовали, обманывают их доверие. При этом граждане знают, что конституция позволила вам действовать таким образом. Ваш образ действий хоть и законен, но не имеет моральною оправдания… Смена правительства вполне в рамках демократии, поэтому я не жалуюсь, когда либерально-демократическое правительство слагает свои полномочия. Мне жаль, что смене правительства недостает правдоподобности», — к этому сводилась суть речи Шмидта.

Чуть позже теле- и фотокамеры вновь обратились на канцлера. Он сидел с закрытыми глазами, не двигаясь. Депутаты бундестага только что вынесли ему вотум недоверия. Было решено, что «Немецкий бундестаг выносит бундесканцлеру Гельмуту Шмидту вотум недоверия и выбирает его преемником, бундесканцлером ФРГ, депутата Гельмута Коля. Мы просим федерального президента Карла Карстенса дать доктору Гельмуту Шмидту отставку». Президент объявил результаты голосования:

Гельмут Коль был избран 256 голосами депутатов бундестага федеральным канцлером при 4 воздержавшихся и 235 проголосовавших «против».

Второй канцлер социал-демократ был отстранен от власти. Но даже в поражении Шмидт показал себя человеком и политиком мирового масштаба: он подошел к своему преемнику и поздравил его. Гельмут Коль, который намного выше и крупнее Шмидта, слегка поклонился во время обмена рукопожатиями, выразив свое уважение бывшему канцлеру и его поздравлению. Депутаты бундестага аплодировали стоя. Их аплодисменты предназначались как прежнему, так и будущему канцлеру, но в первую очередь той сцене, которая проходила перед их глазами — двое соперников с достоинством приветствовали друг друга после политической битвы.

После обеда Гельмут Шмидт получил во дворце Шаумбург из рук федерального президента Карла Карстенса свидетельство об отставке. До этого он попрощался с бундесвером, это было для Шмидта само собой разумеющимся, ведь на протяжении всей своей политической карьеры он успешно работал над тем, чтобы смягчить отношения между СДПГ и армией. Ранним вечером перед центральным штабом СДПГ Шмидт в лихо заломленной кепке лоцмана, с энергично вытянутым вперед подбородком, под моросящим дождем смотрел на факельное шествие, которое организовали его приверженцы из Рурской области. В шествии участвовали не молодые люди, примелькавшиеся на демонстрациях в поддержку мира во всем мире, а старые промышленные рабочие, сохранившие верность Гельмуту Шмидту и его политике.

Вечер отставной канцлер провел в своем старом кабинете. Ничто не напоминало о том, что отсюда Гельмут Шмидт управлял республикой: картины Нольде и портрет Августа Бебеля были сняты и убраны. В Шаумбург доставляли горы цветов, а сотрудники Шмидта приняли более тысячи ободряющих звонков и телеграмм. Однако ничто не могло изменить настроение бывшего канцлера и его команды. Уже перед уходом Шмидт сказал своему пресс-секретарю Клаусу Бёллингу: «В общем и целом, было совсем не плохо».

Патриот
Гельмут Коль

«Только дураки выжидают. Никто, кроме меня, не готов также принимать решения».

«Я не встаю с утра с мыслями: “Сегодня я снова должен внести пару строк в книгу истории”».

«Политику более всего нужен характер».

«Я на стороне папы Иоанна XXIII, который как-то сказал: “Джованни, не воспринимай себя так серьезно”».

«Я не из тех пижонов от политики, которые не знают, что такое регламент и как выглядят часы».

«Федеральный канцлер, довольный своей работой, готов к отставке. А я еще многое хочу исправить».

«Мой вес — это государственная тайна».

«От капусты (Коль — в переводе с немецкого «капуста») пучит, но она кормит тех, кто ее растит».

Гельмут Коль

«Одной из его сильных сторон было то, что его недооценивали».

Хорст Тельчик, советник Коля

«Наш выходец из Пфальца охотно играет роль патриарха Он заботится о своих, но это не означает, что все обязаны поступать так, как он захочет».

Вольфганг Шойбле, председатель ХДС

«“Феномен Коля” характерен еще и тем, что его друзья постоянно должны бороться».

Бернхард Фогель, премьер-министр ГДР

«Он может охватить широким взглядом все причинно-следственные связи, детали он не любит и предпочитает, чтобы ими занимались узкие специалисты».

Лотар де Мезьер, последний премьер-министр ГДР

«Коль — сильный, верный своим принципам руководитель, который заслужил уважение Соединенных Штатов Америки».

Джордж Буш, бывший президент США

«Он хороший друг, и он не изменился с тех пор, как Германия пережила этот исторический переворот».

Фелипе Гонсалес, бывший премьер-министр Испании

«Человек, которым я восхищаюсь больше всего, — это Гельмут Коль. Он настоящий государственный деятель, которому удалось в короткое время объединить страну и сыграть фундаментальную роль в европейской политике».

Флавио Котти, бывший президент Швейцарии

«Коль не нуждается в идеологии, он — нечто само собой разумеющееся. Этим он отличается от своих предшественников. Они олицетворяли собой программы, традиции, те или иные ценности и были в основном

канцлерами “для” ФРГ. Коль — это первый канцлер “самой” ФРГ».

Жан Филипп Рееттсма, писатель, филантроп

«Конрад Аденауэр перевернулся бы в гробу, если бы увидел своего внука за работой».

Оскар Лафонтен, председатель СДПГ

«Он только теперь постепенно понял значение экономии. Спустя 14 лет на посту. Очень вовремя».

Гельмут Шмидт

«Его решающая ошибка заключалась в том, что он не подвел итог самостоятельно».

Ганс-Йохен Фогель, бывший председатель СДПГ

«При всех его успехах, перед которыми я, вне всякого сомнения, преклоняюсь, Коль истощен, как и его правительство. Его нельзя в этом упрекать. Но в случае необходимости упрекнуть его можно в том, что он не распознал этого прежде и не оставил место для молодежи в своей собственной партии».

Герхард Шрёдер, федеральный канцлер

«Мой муж — бегун на длинные политические дистанции».

Ханнелоре Коль

«Он не боится никого и ничего».

Хильдегард Гетри, сестра Коля

«Он человек, лишенный пустословия. Он может найти подход к любому, умеет взять необходимую интонацию».

Траудль Херрхауэен, супруга убитого банковского управляющего Альфреда Херрхаузена

«Называть Коля человеком единения я считаю несправедливым. Даже через 10 лет после единения из-за процесса, который сформировал Коль, Германия все еще зовется: разъединенная отчизна».

Ганс Модров, бывший премьер-министр ГДР

В воскресенье 26 ноября 1989 года в маленьком местечке в Пфальце вершилась история. Ее инструментом была передвижная пишущая машинка, которая когда-то давно послужила получению докторской степени. Местом заговора был домик в Оггерсхайме под Людвигсхафеном, тихое и уютное пристанище шестого федерального канцлера. Супруга канцлера Ханнелоре проворно печатала на машинке план, который вскоре должен был взбудоражить весь мир. У таинственного опуса было десять важных пунктов. Уже накануне двое духовных лиц дали ему свое благословение, это были братья Рамштеттер, они уже не раз помогали канцлеру словом и делом в качестве его духовников и советчиков. Ради безопасности канцлер и на этот раз прибегнул к своему любимому рабочему инструменту — телефону.

Отстраненный от власти бывший министр обороны Руперт Штольц был нужен сейчас как специалист в области права. Речь шла о таких формулировках, как «федерация» и «конфедерация», чрезвычайно актуальных для внутреннего устройства Германии. Программа из десяти пунктов прямо не преследовала целью вызвать новозаветные ассоциации, но советник канцлера Хорст Тельчик знал, что это число неизменно производит впечатление на публику. Именно он приложил руку к наброску. План должен был оставаться тайной вплоть до официального объявления в парламенте. Даже вице-канцлер и министр иностранных дел Ганс-Дитрих Геншер не должны были знать о нем. Круг

посвященных был очень узким.

Программа из десяти пунктов Гельмута Коля, его план пути к единству Германии, прочитанная им перед бундестагом 28 ноября 1989 года, достигла цели. Теперь канцлер мог чувствовать себя снова на гребне волны, он снова был хозяином положения, а еще несколько месяцев назад казалось, что удача ускользает у него из рук.

Эта инициатива отметила два поворотных момента: она совершенно определенно была отчетливой цезурой на пути к немецкому единению. Она же представляла собой важную веху в карьере канцлера. Единство и сила стали с этих пор неразрывной парой в жизни Гельмута Коля. Теперь можно было натянуть лук потуже и признать возрождение «канцлерской демократии». Благодаря поразительному плану, считают политологи, Коль шагнул от «демократии одобрения», ограниченной постоянными перестраховками, к господству канцлерской власти. Возможно, наступал такой период, когда историю опять писали в основном «мужи», а не политические «структуры». И конечно же перемена на Востоке была обусловлена и системой за железным занавесом.

Двенадцать напряженных месяцев между сороковой годовщиной ГДР и днем объединения Германии были периодом смены двух эпох, вдохновленной канцлером и вдохновившей его продолжать свою деятельность. Переменой, которая зародилась на вершине двугосударственного устройства — через 40 лет после его установления и, в конце концов, разлилась по горизонту немецкого единства. В начале была темнота первых «сумерек канцлера», в конце — зенит карьеры Гельмута Коля. С этих пор никто уже больше не отнимет у него право называться «канцлером единства».

В этом волнительном и волнующем периоде сконцентрированы все аспекты, которые направляли политическую карьеру жителя Пфальца: высоты и глубины, сильные и слабые стороны, успех и поражение, похвалы и упреки. Также, как и его понимание власти, его стиль правления и точка зрения на собственную партию.

Гельмут Коль относился к правителям, которые начинали в одну эпоху и оказывались в другой, которым вы пал счастливый жребий иметь отношение к установлению нового порядка в исключительной ситуации. Для канцлера, как и для любого немца, это было самое захватывающее со времен войны время.

Вначале Коль был вне игры. Летом 1989 года казалось даже, что он выбросил белый флаг и лелеет мысль об отставке. Ему больше ничего не удавалось, и интриганы пытались выдворить его из председателей партии. Опросы подтверждали, что его

популярность находится на самой низкой отметке — на восемнадцатом месте в списке политиков, упоминаемых чаще всего, — после Шрёдера, Лафонтена, Фишера и Шарпинга. Выборы в Берлине, муниципальные выборы в Гессене и европейские выборы закончились поражением ХДС. СПГ пыталась благодаря этому поражению опочить свою программу, да и со стороны партии-побратима был направлен встречный огонь.

Но самым ужасным для Коля была ускользающая поддержка «его» партии. Она была для него с давних пор не только политической родиной — она была опорой его власти. Но теперь казалось, что вокруг сплошные «заговорщики», даже в самом близком окружении. Старый попутчик из прошлых времен на Майне, верный друг Хайнер Гайслер, стоял на передовой так называемой «фронды», в которой были и Лотар Шпет, Рита Зюсмут и Курт Биденкопф. Их основным опасением было, смогут ли они выиграть следующие выборы с Колем во главе партии, и это опасение было не совсем безосновательным, если смотреть на результаты исследований общественного мнения. Гайслер хотел нанести решительный удар, вырвать ХДС из «оцепенения», привнести новые идеи, обеспечить большую дистанцию от СПГ и ХСС и, наконец, сделать сдвиг влево, чтобы переманить избирателей у СДПГ.

С Колем добиться этого было невозможно. Он опасался за постоянство правительственной коалиции, при которой он всегда был завязан на двоих партнеров, — СПГ и ХСС. К тому же республиканцы показали, что существуют и более правые голоса, чем голоса Союза, а это необходимо было предотвратить. Гайслер хотел создать нового кандидата на пост руководителя партии до партийного съезда в Бремене. Коль был полон решимости обратиться к Генеральному секретарю. «Этот человек убивает меня, — жаловался он. — Он не может этого делать». «Он не может этого сделать», — поддакивал его собеседник.

Была ли партия скорее инструментом или больше поправкой своего шефа? Этот вопрос тоже висел в воздухе. Здесь для Коля речь шла о консервации. Для него партия с давних пор была средством достичь власти и влияния. Совсем иначе, чем его предшественник, Гельмут Шмидт, он строил свой авторитет на положения в партии. Он не был харизматическим лидером, который внушал уважение к себе как личности, напротив, он внушал основному составу партии другую мысль: «я — часть вас».

ХДС был его родиной и в эмоциональном плане. На ее верхушке он пробивался вверх, с локального масштаба и до Союза. Родившийся в 1930 году в Людвигсхафене-Фризенхейме как сын финансового работника, он уже шестнадцатилетним

юношей вступил в недавно образованный Христианский Демократический Союз. Он хотел стать депутатом, что ему и удалось — он был способен пробивать себе дорогу, доминировать и быть напористым, он и был таким. После того как в возрасте 39 лет он в роли «молодого дикаря» получил должность премьер-министра в Рейнланле-Пфальце, он вытягивал отсталую федеративную республику решительными реформами. Но и Майнц остался всего лишь этапом. Он заставил ХДС присягнуть себе, в 1973 году стал его председателем и способствовал тому, чтобы превратить его в современную народную партию. В 1976 году 46-летний кандидат в канцлеры Коль собрал для ХДС урожай в 48,6 % голосов, почти абсолютное большинство. Кандидатуру своего конкурента и верного друга Штрауса он терпеливо пересидел на следующих выборах. В 1982 году он стал бундесканцлером христианско-либеральной коалиции. «Коль — это ХДС», — писала одна из газет через десять лет после вступления его в должность в Бонне. В самую точку.

Когда после вотума недоверия Гельмуту Шмидту Коль подал руку своему предшественнику, ему было ясно: поддерживать канцлера должна его партия — и его партнер по коалиции. Шмидт, чей имидж государственного деятеля не ставился под сомнение, которому весь мир оказывал уважение, который всегда оставался верным своим принципам, который крепко держался за «двойное решение» НАТО, потерпел поражение потому, что СДПГ отказалась последовать за ним. Коль сделал из этого выводы, и гораздо охотнее стал обычным посредником. Так что ему пришлось сесть на шпагат от правого крыла ХСС до левого крыла СПГ. До самого «переворота» он казался скорее выжидающим, боящимся конфликтов и идущим на компромиссы канцлером, который больше всего заботится о сохранении власти. Только так можно объяснить упреки в его слабом правлении. Но власть никогда не была для него самоцелью, она была его движущей силой. Кто хочет создавать, говорил Коль, тому она просто нужна; либо вся власть в мире — либо совсем никакой.

При этом баланс в правительстве был совсем неплох. Вместе с Гансом-Дитрихом Геншером Коль отстоял «двойное решение» НАТО — это имело исторические последствия. Кроме того, дефицит экономики пошел на убыль, как и уровень инфляции. Конъюнктура снова подскочила, но безработица все еще упрямо не хотела падать. Именно от нее Коль потерпел поражение в конце своего правления. Афера Вёрнера — Кислинга, скандал вокруг партийных пожертвований, Битбург — вот пункты из списка потерь канцлера. Его осыпали насмешками из-за его поражений, он, казалось, не упускал ни единого случая

«подставить всем мозоль» — настоящая жертва для карикатуристов. Вряд ли еще какому-нибудь государственному деятелю приходилось выдерживать такой шквал насмешек.

Успехи в области экономической политики в конце 1980-х годов не могли скрыть ощущения надвигающейся стагнации. ХДС тоже жаловался на нехватку плюрализма и перспектив. Казалось, что Коль, как уверяли его противники, не мог предложить никакого выхода.

Что делать? Тот, что хотел свергнуть его, должен был вначале заручиться поддержкой большинства партии.

Коль с грехом пополам выпутался из этого во время летнего отпуска 1989 года, который провел как обычно, на озере Вольфгангзее в Австрии. Каждый год одно и то же место для отдыха — многим это казалось признаком спокойствия и незыблемости, тогда как другим это казалось банальным и удобным. Хотел ли Коль снова пересидеть свои проблемы в Санкт-Гильгене? Снова и снова его упрекали в том, что он не дает точных ответов на неотложные вопросы. Но для Коля правила поведения состояли в том, чтобы не вмешиваться слишком рано, не связывать себя решениями, а взвесить все, посмотреть, как развиваются конфликты — так есть шанс прожить дольше.

Канцлер использовал для этого недели в июле и августе 1989 года. Он изготовил смесь, которая должна была окрылить его и перебросить из партийной политики в общенемецкую политику.

В партии он прозондировал настроения вплоть до внешнего крыла ХДС, удостоверился в поддержке соратников. Коль методично обзванивал один земельный союз за другим. Премьер-министр земли Баден-Вюртемберг, Лотар Шпет, был готов заменить собой Коля. «Умник», как его называли, все-таки был третьим в списке любимых немцами политиков.

И все же Коль узнал, что партия, пожалуй, на его стороне. Несмотря на это, поднялась большая волна возмущения, когда он скромно сообщил Хайнеру Гайслеру, что его время в качестве «генерала» подошло к концу. Но и «путчисты» находились в тяжелом положении. Быть канцлером, но не руководителем партии, было для Коля недопустимо. Для обмена ударами противникам не хватало как надежды на успех, так и мужества. Шпет не стал выставлять свою кандидатуру.

Хотя Коль во время решающего партийного съезда в 1989 году и потерял пару перьев, группа его противников теряла их целыми пучками. После чего вырисовались различные варианты обращения с оппозиционерами в партии, например, предложение занять высокий государственный или правительственный пост. Противница Коля Рита Зюсмут стала президентом бундестага.

Хайнер Гайслер, напротив, отклонил предложение стать федеральным министром внутренних дел, и теперь окончательно впал в немилость. Канцлер приказал основательно почистить в доме Конрада Аденауэра.

Лотар Шлет почувствовал на себе всю меру злорадства Коля. В разговоре с репортером телеканала Второго немецкого телевидения (ZDF) Гюнтером Яухом Коль сказал: «Если я прихожу на партийный съезд ХДС или СДПГ с явным намерением низложить председателя, и мне это не удается — то я проиграл. Если я иду на футбольный матч, заявляя перед ним, что хорошенько их отделаю, и проигрываю, как вы прокомментируете это вечером по второму каналу? Вы скажете, что я был слишком самонадеянным, и теперь проиграл. И то же самое происходит в политике».

То, что итоговая разборка с большим председателем в Бремене не состоялась, а Коль в результате вышел из конфликта более сильным, имело и другие причины.

Летом 1989 года все большее значение приобрела тема, которую многие современники уже выбросили на свалку истории: вопрос о единстве нации. Поиск политических ответов в это время фундаментальных перемен, казалось, может помочь канцлеру выйти из затруднительного положения.

Первый ключевой момент: в период своего падения прохладным летним вечером в июне 1989 года Коль с Михаилом Горбачевым гуляли по саду дворца Шаумбург. Тогда ему показалось — как он потом описывал, — что он почувствовал что-то вроде движения мировой истории.

Горбачев развязал революцию внутри своей страны и позволил государствам соцлагеря все чаще идти своим собственным путем. Чем больше беженцев из ГДР стремилось в ФРГ через Венгрию и прочие соседние страны, тем очевиднее становилась агония государственной системы ГДР и тем острее становился «немецкий вопрос».

Во время летнего отпуска в Санкт-Гильгене еще один государственный деятель подал сигнал — на этот раз по телефону. Венгерский премьер-министр Миклос Немет но обещал, что он не будет отсылать назад граждан ГДР, стремящихся выехать из Венгрии в ФРГ. Коль увидел свой шанс проявить активность в «немецком вопросе». Начать работать над ним значило решить и собственные проблемы. Одновременно с этим он никогда не терял из виду мечту о немецком единстве. И действительно, эта тема должна была открыть новые перспективы не только перед ним, но и перед его партией и правящей коалицией.

Спустя пару дней, в августе 1989 года, произошло неожиданное событие: Коль летел назад в Берлин на двухмоторном реактивном самолете. Сразу после старта самолет содрогнулся от треска, похожего на выстрел. Пилоту удалось без потерь посадить машину. В правой двигательной установке была дыра размером с кулак — результат удара птицы. Ворон едва не стал причиной падения и был на волосок от того, чтобы сыграть роль злого рока.

С политической точки зрения Колю выпало счастье, как еще не раз будет происходить с ним на пути к единству Германии. Он и сам в этом с удовольствием признавался. Так, например, вышло, что успех в вопросе беженцев совпал с бременским заседанием партии. В конце августа федеральное правительство пригласило премьер-министра Немета и его министра иностранных дел по имени Дьюла Хорн на секретную встречу в замке Гюмних. Коль неоднократно спрашивал, просит ли Венгрия что-то взамен разрешения жителям ГДР выехать через страну: «Венгрия не продает людей», — возражал Немет. Премьер-министр так рассказывает о реакции канцлера: «У него почти стояли слезы в глазах. Он сказал мне: «Немецкая нация никогда не забудет, какое вы приняли решение».

Тем не менее Коль позаботился о том, чтобы предоставить кредит размером в 500 миллионов марок при соблюдении льготного периода, о котором давно просил Будапешт. Политика была для него обменом.

Казалось, судьба отблагодарила его за это прекрасным стечением обстоятельств: выезд беженцев из Венгрии был назначен на ночь с 10 на 11 сентября 1989 года. И именно этим вечером состоялся традиционный прием для представителей прессы перед партийным заседанием ХДС. Коль использовал милость судьбы и попросил Венгрию объявить распоряжение о выезде не раньше 20.00.

Так что канцлеру, в конце концов, выпала честь объявить, «что начиная с сегодняшней ночи, ровно в полночь, немцы могут выехать из ГДР через Венгрию в любую страну по своему выбору». Стая журналистов, с нетерпением ждавшая узнать что-нибудь новое о ссоре Гайслера с Колем, полностью переключилась на эту новость. Так элегантно Коль перенаправил внимание с внутрипартийных проблем на свою роль главы правительства.

О каком путче могла идти речь, когда на экранах телевизоров мерцали кадры со счастливыми людьми, которые готовы были вкусить страстно желанной свободы?

В этой ситуации на мировой арене Коль казался необходимым звеном, и это впечатление было продумано. Так что

первым зернам единения немцев канцлер может быть обязан своему возвращению из Бремена.

Это была одна из начальных глав истории власти и единства страны. После заседания партии у Коля обострились проблемы со здоровьем: принимая во внимание запущенное заболевание простаты, не удалось обойтись без операции. В этот период приближался еще один исторический момент. Ежедневно сотни людей ломились через забор дворца Лобковиц, здания немецкого посольства в Праге, в надежде добиться выезда в ФРГ. В конце сентября беженцев было уже около 4000 человек. Все это происходило в невозможных условиях, многим семьям пришлось разбить лагерь под открытым небом. Эти драматические кадры обошли мир.

Министр иностранных дел ФРГ Геншер и его коллеги по должности из ГДР, Оскар Фишер, встретились в безопасной обстановке ООН в Нью-Йорке, чтобы прийти к компромиссу. Обе стороны пришли к соглашению дать возможность беженцам из Праги выехать через территорию ГДР на поезде, Восточный Берлин называл это «выслать».

Но кто должен был сообщить радостное известие самим беженцам? При том, что и канцлер, и вице-канцлер единодушно поддерживали процесс объединения, их честолюбивые желания часто противоречили друг другу. Внутренние события в Германии не подлежали ведению министерства иностранных дел, а ГДР, согласно правовым взглядам Бонна, не являлась заграницей. Коль поставил политику Германии на первое место, практически привязал ее к канцлерскому ведомству. Министерство внутренних дел играло второстепенную роль.

Однако сейчас речь шла о посольстве в Праге, а оно было не чем иным, как филиалом министерства иностранных дел и подчинялось ответственному за него министру. Так что на встречи иногда рвались приехать сотрудники с обеих сторон. Коль признает, что его очень привлекала перспектива поехать в Прагу, но врачи запретили ему переезды.

Сопровождать Геншера должен был руководитель канцлерского ведомства Рудольф Зейтерс. Казалось, что Геншеру не хочется видеть Зейтерса в своей команде, что очень раздосадовало канцлера, как пишут биографы Коля Дикман и Ройт. Не соберет ли министр иностранных дел «урожай популярности» в одиночку? Этой темой активно спекулировали в окружении Коля.

В воспоминаниях Геншера это выглядит иначе, он не имел ничего против сопровождающего из ведомства Коля. Ведь коалиция могла таким способом показать свое единство. Но сразу

же после взлета самолета ВВС Германии с обоими политиками на борту спешное сообщение облетело бегущей строкой все информационные агентства: министр иностранных дел находится на пути к Праге.

Для Коля это было оскорблением, ведь существовала недвусмысленная договоренность о конфиденциальности. Зейтерс вообще не всплыл в сообщении, так что легко было догадаться, откуда оно появилось или откуда было направлено. Теперь весь мир знал: Геншер в пути. И все же это был один из великих моментов на пути к единству Германии. На балконе дворца Лобковиц разыгралась следующая сцена: Геншер решительно подошел к микрофону, сделал паузу, чтобы наступила тишина, и после нескольких вводных предложений заявил напряженно вслушивающейся толпе: «Мы прибыли к вам, чтобы сообщить, что ваш отъезд сегодня…» — остальные слова потонули в крике радости и облегчения. Заиграл национальный гимн — «единство, право и свобода немецкой отчизне». «И сегодня, оглядываясь на прошедшие годы, — пишет Геншер, — меня при этих воспоминаниях все еще охватывает сильное волнение».

Коль был вне себя из-за способа, которым Геншер вписал себя в исторический момент. Человек канцлера Зейтерс был буквально вытеснен на край балкона, в то время как министр иностранных дел переживал звездный час своей карьеры. Коль точно знал, насколько значимым был этот жест для общественности. При всей радости за людей, Коля не покидало чувство, что другие собирают урожай совместной правительственной политики.

Наконец наступило судьбоносное 7 октября, 40-я годовщина нелюбимой на Западе республики. В Восточном Берлине повсюду прошли демонстрации с флагами и факелами. Танки и ракетные лафеты гордо провезли через весь город. Это было похоже на последнее улучшение, дарованное больному перед смертью. ГДР готовилась быть смытой волной времени. Социалистический режим в последний раз показал зубы. Во время многих демонстраций, особенно в Восточном Берлине, были слышны не только инспирированные государством восторги, но и громкие протесты; более 3000 участников протестов были арестованы, многие избиты дубинками. Перед зданием «Нойе Вахе» самый авторитетный политик подвел последнюю черту под происходящим — Горбачев заявил: «Кто поздно встает, тому бог не подает».

Хонеккер и СЕПГ снова «повернулись лицом» к Москве. СЕПГ поздравила китайское правительство с кровавым подавлением студенческих протестов на площади Тяньаньмэнь в Пекине. Поползли слухи, что во время следующей большой демонстрации

в Лейпциге, назначенной на 7 октября, в дело будут пущены танки. Спасибо Горбачеву, до этого дело не дошло. Коль относительно далеко зашел со своими упреками Хонеккеру, когда сказал: «ГДР одна несет ответственность за немирную политику в стране и за ее пределами». На Западе вслух высказывались опасения, что ФРГ слишком торопится разобраться с «делами Германии». Коль понимал чувства «тушителей», но тем больше он прилагал усилий, чтобы убедить кремлевское руководство, что «федеративная республика не заинтересована в хаосе в ГДР», а также выразил надежду, что «чувства там не перельются через край». Коль хорошо умел взять себя в руки. «Горбачевомания» среди населения ГДР, давление «гласности» и «перестройки» уже были достаточным вызовом для режима Хонеккера. Время работало против СЕПГ.

Коль больше не выпускал из рук внутриполитические и внутрипартийные дела, более всего заботясь о необходимой дистанции с оппозицией. Она облегчала ему задачу. Фолькер Рюе упрекнул СДПГ в «переменах благодаря втиранию в доверие». Некоторая часть социал-демократов склонялась к тому, чтобы признать ГДР с точки зрения международного права и дать ее гражданам право на отдельное государственное гражданство — как противодействие широким реформам.

Эксперт СДПГ по иностранным делам Норберт Ганзель признал положение щекотливым и посоветовал товарищам лозунг «перемена на расстоянии». Но единая линия поведения так и не была выработана, СДПГ не смогла идти в ногу со стремительно развивающейся ситуацией. Кроме того, у Коля было значительное концептуальное преимущество в вопросе о Германии.

Уже во время своего первого правительственного заявления в 1982 году и в последующих дебатах он занимал такую позицию: «Для нас политика Германии всегда будет больше, чем немецко-немецкие отношения, это будет вопрос единения наций… мы, немцы, не смиримся с разделением нашей родины». И далее: «Разделение Германии это еще и разделение Европы. Поэтому политика Германии должна быть понята как вклад в дело европейского единения…» К этому сложно что-нибудь добавить.

Правда, кто делает из этого вывод, что Коль систематически работал над вопросом единения, скорее питает легенды. Принципиально христианско-либеральная коалиция была завязана на немецкой политике социально-либеральной эпохи. Смещение акцентов после 1982 года случилось постольку, поскольку было более четко обозначено системное противостояние с ГДР. К тому же правительство не упускало возможности все время заново намекнуть на немецкий вопрос,

что часть оппозиции все больше обозначала как «позавчерашний день».

Оперативную политику единения, которой требовали голоса правого крыла ХДС, Коль отклонял так же, как и Геншер. Политика пошагового сближения продолжалась, например, в виде кредита на миллиард, который задумал Франц Йозеф Штраус. На этом примере хорошо видно, как Колю удалось переманить самых отчаянных противников прежней «восточной политики» на свою сторону.

За визит Хонеккера в 1987 г. Коля критиковали в его собственной партии. Но Коль использовал это для того, чтобы указать на больное место: «Люди Германии страдают от разделения. Они страдают под стеной, которая буквально стоит у них на пути и отталкивает их».

Общий итог должен звучать так: «набор политических программ» был до 1989 года, как и другие области политики, подчинен системе гарантии власти Коля. Осенью 1989 года, после падения Берлинской стены, он наконец начал использовать свой авторитет для достижения единства нации.

Когда в начале ноября массовые протесты в ГДР достигли точки кипения, а исход через соседние страны принял гротескные и драматические формы, Коль после телефонного разговора с президентами США и СССР — Джорджем Бушем и Михаилом Горбачевым — решился на коренные изменения в немецкой политике. Предложения обширной финансовой помощи федеральное правительство связало с концом монополии СЕПГ на власть. Вместо подчеркиваемого «невмешательства» речь шла теперь о «мирном вмешательстве».

Эта взаимосвязь была придумана во время одной из вечерних встреч в канцлерском бунгало, участие в ней приняли министр канцлерского ведомства Зейтерс и министр внутренних дел Вольфганг Шойбле. Здесь речь шла не только о деле. Не менее важной была и другая цель — сохранение власти в этот период. Коль не должен был опуститься до роли зрителя. Уже довольно давно был запланирован его визит в Польшу. Деликатная миссия должна была начаться 9 ноября 1989 года. Никто не мог предположить, что этот день станет судьбоносным для немцев.

Советник Коля Тельчик сам готовил визит канцлера, не желая чересчур обременять службы Министерства иностранных дел. Неудивительно, что Геншер терпеть его не мог, и выступления Тельчика у министра иностранных дел ограничивались за годы несколькими консультациями. Канцлер хотел исключить Геншера из польской политики.

Между ними существовало принципиальное несогласие в

основополагающем вопросе: статусе немецкой восточной границы. Тео Вайгель на встрече 1989 года подтвердил старую позицию, что только общее немецкое демократическое правительство сможет формально признать послевоенные границы. Геншер хотел определенности еще до визита в Польшу, ведь границы и без того уже были установлены со времени восточных договоров и общеевропейских совещаний.

Лично Коль склонялся к точке зрения Геншера, но речь шла о фундаменте власти. Не рассердит ли он таким закреплением границ избирателей и часть ХДС? Это могло стоить ему голосов избирателей и политической поддержки партнеров по ХДС, а СПГ во время настолько насыщенного периода во внешней политике постарается извлечь все выгоды.

СДПГ увидела шанс подлить масла в огонь и уложила позицию Геншера в федеральное постановление. Дошло до открытого противостояния. Коль взял трубку, переговорил с Геншером, заявив, что коалиции придет конец, если СПГ проголосует так же, как СДПГ. Скандал не позволил возникнуть компромиссу, с которым обе стороны могли бы существовать. СДПГ отклонила предложение, расчеты Коля стали ясны.

Визит в Польшу по вопросу о границах должен был служить в основном одной цели: примирению обоих народов. Канцлеру мерещились шаги, похожие на немецко-французское единение, вплоть до «запланированных объятий» Тадеуша Мазовецкого, против которых поначалу возражали польские дипломаты. Коль видел себя решающим вопросы примирения в традициях Аденауэра, который искал сближения с Францией и вместе с де Голлем внес свой вклад в единение бывших кровных врагов.

И все же, несмотря на значение визита в Польшу, Гельмуту Колю было неприятно покидать Бонн из-за нарастающего напряжения во внутренней политике. 9 ноября делегация все же отбыла в Варшаву вместе с большой компанией журналистов. Вечером именно этого дня должно было состояться запланированное «немецкое чудо». В Берлине рухнула стена. С введением нового постановления о выездах в восточной части города начались недоразумения, которые окончательно обесценили строение из бетона и колючей проволоки.

Ошибочно сформулированное заявление ответственного за работу со СМИ члена ЦК Гюнтера Шабовски могло быть понято так, что начиная с этого момента в ФРГ могут выехать все граждане ГДР. Сотни тысяч немцев решили проверить это на деле. Давление на стену возрастало, пограничные служащие — не проинформированные ни о чем и совершенно ошеломленные — в конце концов открыли ворота. Для Берлина это была Ночь ночей.

Десятки тысяч восточных и западных немцев необузданно праздновали падение серого каменною монстра. Чужие люди бросались в объятия друг друга, смеялись и ликовали. На участке стены перед Бранденбургскими воротами, символом немецкого разделения, люди танцевали и пели: «Этот день, такой прекрасный день сегодня».

Коль и его свита как раз хотели отправиться в элегантный дворец Радзивиллов, чтобы там отужинать вместе с польским премьер-министром, когда пришли волнительные известия. Как отреагирует на это канцлер?

«Чувства Гельмута Коля угадать всегда нелегко», — писал Тельчик в своем дневнике, — лишь быстрые указания и ставшие более резкими движения выдавали его беспокойство и напряжение. Он только что узнал то, во что в этот момент вряд ли кто-то мог поверить». Но времени на го, чтобы хорошенько подумать о сенсационной новости, оставалось всего ничего, совещание должно было продолжиться за ужином.

Около 21.00 снова появился пресс-секретарь Коля Эдуард Акерман, который наблюдал за событиями по западногерманскому телевидению. «Господин доктор Коль, держитесь крепко, — сказал он, — гэдээровцы ломают стену». — «Вы уверены, Акерман?» — спросил Коль. Акерман описал ему, как все больше людей из Восточного Берлина перебираются на другую сторону. «Этого не может быть! — произнес Коль. — Вы действительно уверены?» «Телевидение передает в прямом эфире из Берлина, я вижу это собственными глазами», — ответил Акерман.

«Мысленно мы все были наполовину дома, в Германии, — пишет Тельчик, — хотя немецко-польские отношения должны были значительно улучшиться благодаря этому визиту». Положение было трудным для Коля. «Канцлер, — вспоминает Тельник, — еще колеблется, потому что этот шаг может негативно сказаться на отношении наших гостеприимных хозяев. С другой стороны, мы вспоминаем о Конраде Аденауэре, который 13 августа 1961 года, в день возведения стены, уехал в Аугсбург, чтобы принять участие в предвыборной борьбе. Многие немцы до сих пор не простили ему этого…»

В головах начал бродить сплав из дипломатическом тактичности, политической потребности действовать, простого расчета власти и… национальной ярости.

Положение требовало решения: оставаться или ехать? В воспоминаниях Коля решение выглядит довольно скорым: «Мне тут же стало ясно, что я должен прервать визит, несмотря на его значение, ведь место федерального канцлера в этот исторический

момент было в столице Германии, центре событий».

У Тельчика это прочитывается несколько иначе, Коль решил сперва подождать, чем кончится дело. И все же канцлер чувствовал себя выброшенным из происходящего. Журналистам он признался, что «находится в неправильное время в неправильном месте».

Утром 10 ноября решение прервать поездку было принято, Коль рассказывал о «настоящем споре», который ему пришлось вести с польским премьер-министром, потому что Мазовецкий «любой ценой пытался предотвратить мой отъезд в Берлин». Коль думал о примере Аденауэра и, кроме того, после выступления Геншера в Праге ни в коем случае не хотел больше уступить кому-либо историческое место. На вечер 10 ноября берлинский филиал ХДС запланировал перед церковью митинг с выступлением канцлера.

Еще в Варшаве бомбой взорвалась вторая новость — правящий бургомистр Берлина, Вальтер Момпер, в свою очередь созвал митинг перед шенебергской ратушей, тоже связанный с возвращением канцлера. Гельмут Коль вне себя, — записал Тельчик в своем “дневнике”. — Он ни о чем не знает. Момпер назначил это выступление на половину пятого, не обсудив этого с федеральным канцлером. Кроме того, мы подозреваем, что Момпер специально так рано назначил митинг, чтобы Коль при всем желании не успел прибыть в Берлин вовремя. Впечатление, которое это оставит в народе, станет губительным для канцлера».

Какие бы мотивы ни двигали бургомистром, для Коля обмен ударами во внутриполитическом процессе уже начался, ему не оставалось ничего другого, как немедленно пуститься в путь. Он хотел выступить на обоих митингах.

События шли своим чередом. Как немецкий бундесканцлер может попасть из Варшавы в Берлин на машине бундесвера? Никак! Стена рухнула, но оккупационные права все еще были в силе. Благодаря послу США Вернону Уолтерсу Колю, в конце концов, удалось вовремя попасть в единый теперь город на военном самолете США.

«Надеюсь, все пройдет хорошо», — сказал Коль, обеспокоенный настроениями публики, и попросил Акермана, чтобы берлинский ХДС переместил хотя бы часть своих людей от поминальной церкви к шенебергской ратуше, но было уже слишком поздно. Ему приготовили плохой сюрприз. «Я был буквально выпихнут на балюстраду, где уже стояли Ганс-Дитрих Геншер, Вилли Брандт, Ганс-Йохан Фогель, Вальтер Момпер и другие, — вспоминает Гельмут Коль с горечью, не скрывая того, что последовало за этим. — Внизу, на площади Джона Кеннеди,

кишмя кишела радикально настроенная чернь, которая приветствовала меня оглушительным свистом».

В представлении участвовали все актеры левой и альтернативной берлинской сцены, ни следа приверженцев Коля. Некоторые участники, казалось, только и ждали случая испортить канцлеру его выступление.

Вальтер Момпер подлил масла в огонь, когда заявил в своей речи: «Вчера был день не воссоединения, а день новой встречи». Далее он снова заговорил о немецкой двугосударственности. «Говорит Ленин, говорит Ленин», — зашептал Коль. Аплодисменты, предназначавшиеся Момперу и, в конце концов, Брандту, раздались, когда последний сформулировал историческую фразу: «Наконец срастается вместе то, что должно быть вместе». Когда Коль последним появился перед микрофоном, его практически заглушили. «Речь идет о Германии, о единстве, праве и свободе. Да здравствует немецкая родина. Да здравствует свободная, единая Европа». Свист заглушил его слова.

Поскольку он исходил из того, что «полмира» смотрят на него, он твердо говорил дальше. Но телевидение уже прервало передачу, явно будучи на стороне черни, как позже подозрительно заявил сам Коль. Снова его звездный час на пути к немецкому единству был испорчен.

Он до сих пор считает ответственным за тот крах берлинский филиал ХДС, Эберхарду Дипгену он этого никогда не простит. Во время митинга перед поминальной церковью запланированные восторги имели место, но по телевидению их так и не показали.

Так что Коль пытается расставить по местам свои воспоминания этого дня на бумаге. «На площади Брайтшайда перед поминальной церковью кайзера Вильгельма нас ждали сотни тысяч людей… Здесь никто не хотел буянить, все откровенно радовались».

А вот ругательства со стороны СМИ: «В дополнение к этому митингу, о котором, что показательно, не было ни слова на телевидении, мы заехали еще к знаменитому контрольному пункту. Там были невероятные толпы людей, которые бежали с Востока. Многие подбегали ко мне и трясли мою руку». Тельник сообщает о криках «Гельмут, Гельмут!» «Когда мы снова оказались в машине, он сказал мне: “Здесь можно видеть, что люди действительно думают…”»

И еще один контраст: в тот момент, когда Коля увидали на балконе, Горбачев хотел говорить с канцлером. Затем, как говорит Коль, чтобы выяснить, не вышли ли дела из-под контроля и верна ли информация, согласно которой советские учреждения

находятся в опасности. «Я только позже узнал, что Горбачева проинформировали неверно… Я стоял, сдавленный людьми, на балконе шенебергской ратуши, и у меня не было никакой возможности позвонить Горбачеву самостоятельно, поскольку это выглядело бы так, будто я испугался черни».

Коль проинструктировал Тельчика успокоить Горбачева, что тот и сделал. «Как позже сказал мне Михаил Горбачев, после этого разговора он недвусмысленно просигнализировал хозяевам Восточного Берлина, что Советский Союз не пустит танки, как 17 июня 1953 года. Я и сегодня очень благодарен Горбачеву, что он не поддался подстрекателям».

Уже позже канцлеру удалось в качество морального удовлетворения — намекнуть на это все. Но в тот момент все происходящее было за кулисами. На ладони было только то, что внешний образ политики Коля нужно было срочно менять.

Этому были свои причины. В дни после падения стены поначалу главенствовало впечатление, что большинство жителей ГДР держатся за самостоятельность ГДР. Слово было отдано правозащитникам. В газете «Франкфуртер Альгемайне» от 15 ноября было написано: «(Режим СЕГ) может не опасаться требований о расформировании двугосударственности». Но уже на Лейпцигской демонстрации в понедельник, 20 ноября, было отчетливо слышно желание объединения. На транспарантах и в устах собравшейся толпы было одно и то же: «Германии единая родина». Лозунг «Мы — народ» мутировал в «Мы один народ». Согласно опросам, 70 % жителей ФРГ были за немецкое единство, в ГДР их было около 60 %.

Исход из второго немецкого государства выглядел почти угрожающим. Передовицы газет, от «Райнишер Меркур» до «Франкфуртер Рундшау», требовали от политики сообразных концептов для Германии. Кто займется темой, кто возьмет на себя основную роль в выработке стратегии? Над этим билась и не одна голова в канцлерском ведомстве.

Колю нужны были явные успехи, его результаты опросов были плохими. Геншер, Брандт — и внутрипартийный конкурент Коля Лотар Шпет — путешествовали по ГДР. Они давали встречать себя с ликованием, пока канцлеру приходилось упражняться в сдержанности и оставаться в Бонне. Тельчик пишет: «Пришло время открыто принять на себя руководство стратегией».

Повод к этому подали Советы, не желая этого. 21 ноября «консультант ЦК» Николай Португалов, считавший себя посредником между канцлерством и Кремлем, появился у советника Коля, Тельчика, с двумя страницами вопросов, которые

должны были прощупать, какие шаги немецкое правительство планирует в отношении Германии, а также просигнализировать, что Москва с обеспокоенностью смотрит на любые вмешательства во внутренние дела ГДР.

Без ведома Горбачева член ЦК Валентин Фалин расширил список вопросов и добавил к ним «личные размышления», и Португалов тоже озаботился тем, чтобы ввести в игру формулировки, которые не были одобрены сверху. В разговоре речь шла о будущих перспективах, звучали такие термины, как «новое единство», «воссоединение» и «немецкая федерация». Тельчик пропустил мимо ушей, что речь шла еще и о выходе из НАТО, но «воссоединение»? «Я был как будто наэлектризован», — вспоминает советник канцлера: «После этого разговора я тут же беседовал с канцлером, сказав ему, что если это правда, что советское правительство обсуждает такие вопросы, тогда у нас не остается никаких причин, чтобы не поддержать эту тему явно» — и смотри-ка: «Португалов нечаянно стал спусковым крючком для плана из десяти пунктов, благодаря которому канцлер добрался до вершины своего развития». Судьба имеет много лиц.

23 ноября состоялась встреча ближайших сотрудников Коля в канцлерском бунгало, среди них были министр канцлерства Зейтерс, Хорст Тельчик, Эдуард Акерман, руководитель службы написания речей, Норберт Приль, Юлиана Вебер и Вольфганг Гибовский из исследовательской группы по выборам. Была поднята тема о «безобразной работе федерального правительства с общественностью». Коля гораздо больше интересовал конкретный план движения к единству, по пунктам. Тельчик ратовал за «освободительный удар». Зейтерс был настроен скептически, Коль отдал распоряжение, чтобы под руководством Тельчика была разработана концепция, но никто, «даже внутри правительства», не должен знать об этом.

Министр канцлерского ведомства Зейтерс, поддерживаемый со знанием дела своими служащими, высказал сомнения, что нужно так торопиться, кроме того, нужно было бы проконсультироваться с членами Альянса.

Так выкристаллизовались разные типы советников в окружении канцлера. Например, карьеру Тельчика всегда можно было рассматривать в связи со становлением Коля. Успех одного был удачей другого — уже со времени и Майнце. И Тельчик видел решения только под углом зрения Коли. «Классические» ведомственные служащие и профессиональные дипломаты в окружении канцлера имели, понятным образом, другой подход. Они постоянно имели в виду интересы и других задействованных актеров.

Поэтому в процессе объединения Коль прежде всего делал ставку на своих самых близких поверенных — на Тельчика и Шойбле. Под руководством Тельчика был создан эскиз плана из десяти пунктов, который в субботу, 25 ноября 1989 года, шофер привез в Оггерсхайм. После этого в резиденции канцлера состоялась более чем редакторская правка, набросок был заточен под цели внутренней немецкой политики — несмотря на то что в мемуарах Тельчика участие канцлера практически не упомянуто.

Коль спорил об этом предложении с друзьями, присутствующими братьями-священниками Рамштеттер из округа Пфальц, а в заключение позвонил Рупергу Штольцу. Супруга Ханнелоре в конце концов перепечатала программу заново на портативной пишущей машинке. Окончательная формулировка последнего пункта была сделана в понедельник утром в канцлерстве в присутствии Эрнста Альбрехта: «Как будет выглядеть опять единая Германия, сегодня не знает никто. Но то, что единство наступит, когда этого захотят все, в этом я уверен».

28 ноября федеральный канцлер Коль озвучил свою программу. Он включил туда и предложение Ганса Модрова о «договорном обществе», но зашел в своих предложениях дальше. При условии демократически правомочного режима в ГДР Федеративная республика готова развивать конфедеративные структуры между двумя государствами с целью создания федерации, то есть федерального государственного порядка».

Так был вбит гвоздь, к которому потом уже не возвращались. Позднее канцлер оправдывался: «Если бы я начал согласовывать десять пунктов внутри коалиции или даже с союзниками, в конце концов дело кончилось бы обычной болтовней. Момент не располагал к размышлениям».

Уже накануне Тельчик распустил информацию среди журналистов, что канцлер будет держать большую речь в бундестаге, но позволил себе только неясные намеки. Внимание общественности было обеспечено. Дебаты о бюджете 28 ноября в парламенте послужили трибуной для выступления канцлера.

Коль собрал аплодисменты даже среди оппозиции. СДПГ была вынуждена принимать срочное решение и решилась на прыжок вперед. Внешнеполитический докладчик СДПГ, Карстен Войгт, одобрил — в унисон с главой партии Фогелем — каталог канцлера «по всем пунктам» и предложил сотрудничество в концепции, «которая является и нашей концепцией».

Но потом началось торможение. СДПГ и впредь осталась расколотой в немецком вопросе. Кандидат в канцлеры Оскар Лафонтен говорил о «кольниализме» и о «большой дипломатической ошибке бундесканцлера». «Зеленые»

недвусмысленно отклонили план канцлера.

СПГ восприняла образ действий канцлера как бесцеремонный. Неудивительно: «Я тоже хочу разок побыть председателем ХДС», — так канцлер обосновал в то утро свое молчание в отношении графа Ламбсдорфа. «Гельмут, это была грандиозная речь», — якобы сказал Геншер. Но доверенные лица Геншера опровергают это. В воспоминаниях Геншера план находит признание только как «неразрывно связанный с нашей политикой иностранных дел, безопасности и внутренних немецких вопросов», содержание же его якобы представляло собой продолжение старых позиций СПГ. Как и Геншер, Ламбсдорф осуждал, что внутри нет ничего о восточных границах: тому, кто так «неуклюж», «нужен внешнеполитический поводок СПГ».

Но Коль уже «вспрыгнул на козлы и крепко взял и руки поводья, чтобы никогда больше их не отпускать. С этого момента он взял на себя все руководство», — резюмирует британская журналистка Патриция Клау. И в самом деле, Колю удалось завладеть вопросом Германии и выиграть новую сцену для действий.

Значительным это событие было и ввиду стиля правления и принятия решений канцлера — по мнению политолога Карла-Рудольфа Корте, типичный пример «системы Коля». Официальные административные пути были для канцлера второсортными. За все эти годы он создал вокруг себя круг доверенных работников и посадил их на ключевые позиции в канцлерском ведомстве. Он консультировался с людьми, исходя из собственных интересов, не из иерархической лестницы. Под руководством Шмидта канцлерство функционировало как строго управляемая бюрократическая машина, стиль правления Коля был скорее спонтанным и непринужденным. Это и был порядок. Он получал совет напрямую и от кого хотел, то вкладывал кому-нибудь в руки черновик, то расспрашивал кого-нибудь во время разговора в коридоре.

Но самым главным оружием Коля был телефон. Неофеодалистская концепция говорит, что это отвечает его «макиавеллистской структуре: князь говорит, исходя из обстоятельств, только с одним человеком, после этого со вторым, потом, наконец, с третьим — и так далее. Так что только он один знает все».

И в самом деле, часто он один был полностью и непрерывно в курсе всех дел. Вряд ли кто-то был и состоянии точно понять его решения. Часто он добывал информацию непосредственно в партийных массах и нередко из своего пфальцского дружеского

окружения.

Даже обработка бумаг производилась согласно его нетрадиционному стилю. Расспросы не посылались как пометки на полях в служебном порядке через начальников, как при Гельмуте Шмидте, они производились напрямую, по телефону, звонками соответствующим сотрудникам ведомства. В то время как Аденауэр заставлял протоколировать даже телефонные разговоры, Коль призывал участников доверенных совещаний ни в коем случае не делать никаких пометок и даже контролировал, чтобы ни у кого не было с собой ручек и карандашей.

Кабинет — в классическом смысле коллегиальный орган власти — стал простым инструментом для принятия решений. Дебаты и выработка мнений — все это должно было происходить до того. Для разногласий совещания кабинета не были подходящим местом. Коль хотел быть уверенным.

Его самые близкие сторонники были для него политической семьей, которая должна была служить ему надежно, беззаветно и тактично. В ответ на это ее члены получали его протекцию и пожертвования. Канцлерское бюро было фильтром на пути к Колю. Всей информацией занималась Юлиана Вебер, референт и руководитель бюро канцлера, еще в Майнце ставшая ключевой фигурой. Такой же прямой доступ к информации был у верного и любимого сподвижника Эдуарда Акермана, до Андреаса Фритценкёттера он был ответственным за общение с прессой. Кроме них были еще Хорст Тельчик и, наконец, компетентный, надежный и популярный «кронпринц» Вольфганг Шойбле — ранее министр канцлерства, с 1989 г. — министр внутренних дел, после покушения шеф фракции ХДС.

Тем чаще Коль и его верный друг Штраус орали друг на друга. Для этих целей на входе в канцлерское бюро была поставлена двойная дверь. «Он может быть и вспыльчивым, если в газете написано было что-нибудь, на что он не рассчитывал», — вспоминает Тео Вайгель. За кулисами Коль мог устраивать настоящее буйство. Снаружи он был сдержан, за очень редкими исключениями.

Политические сети Коля были закинуты много дальше «национального вопроса». Он следовал собственной высшей дипломатии. «Когда звонит телефон, ты никогда не знаешь, не Коль ли на другом конце провода. Это не обязательно будет деловой разговор. Иногда это просто болтовня. Обменяться новостями. Мне кажется, большую часть времени он проводит за телефонными разговорами», — таковы воспоминания бывшего британского премьер-министра Джона Мэйджора.

Колю удалось наладить связи с политиками мировой

значимости и использовать их в своих целях. Во время государственных визитов практически необходимым условием стало посещение его родины — Пфальца и заезд в «Дрезденхаймер Хоф», где шеф-повар Манфред Шварц традиционно готовил любимое блюдо канцлера — «зельцы по-пфальцски». Быть одновременно гражданином Пфальца, Германии и Европы — этот образ Коль представлял и за границей. Немецкий патриотизм был ему чужд, ибо груз наследия весит для него чересчур много.

Но при написании плана из десяти пунктов Коль не консультировался ни с одним из своих иностранных партнеров. При широкой поддержке его в своей стране за границей вполне могло возникнуть сильное недовольство. Коль предсказывал это: «Кто полагает, что наши партнеры и друзья широкими рядами встанут на подмогу, тот ошибается».

«Никогда раньше и никогда с тех пор я не видел Горбачева таким озлобленным», — вспоминает Ганс-Дитрих Геншер, который спустя неделю на встрече почувствовал сдерживаемую ярость кремлевского патрона. План стал «ультиматумом и политическим диктатом» для ГДР. Коль в телефонном разговоре после падения Берлинской стены согласился предпринимать «только обдуманные и согласованные шаги». Горбачев чувствовал себя прямо-таки идиотом. Как сообщает Геншер: «Он резко говорил, что с этим ни в коем случае нельзя смириться, что таким образом нельзя продвинуться в делах европейской политики». Министр иностранных дел смело стоял в Москве перед главой правительства и отклонял какую бы то ни было критику.

Франсуа Миттеран тоже негодовал, Коль накануне написал ему письмо, в котором не упомянул о плане. «Он ничего мне об этом не сказал! Абсолютно ничего! Я ему этого не прощу!» — говорят, что слова президента Франции звучали именно так. Его бывший советник Жак Аттали описывает негодование своего шефа в ярких красках. Хотя позже Миттеран дистанцировался от высказываний своего тогдашнего сотрудника. Фотография, где оба государственных деятеля, держась за руки, вместе поминают жертв войны, вошла в историю.

Однако француз разрывался. Не примутся ли немцы снова доминировать над Европой? За Миттераном стояли министр иностранных дел Рональд Дюма и другие члены правительства, для которых их сосед был еще более зловещим, чем для их президента.

Миттеран попытался, по крайней мере, смягчить стремление немцев к единению. Спустя неделю после речи Коля он отправился в Москву. «Коль преувеличил приоритет

необходимости, и совершенно напрасно», — так, согласно источникам, он сказал Горбачеву. На совместной пресс-конференции было продемонстрировано французско-советское единство.

Казалось, что французский президент ведет двойную игру. Официально он заявил, будто принимать решения о своем будущем — дело самих немцев. В Москве и Восточном Берлине он закулисно отстаивал ту точку зрения, что единение обеих Германий может произойти только в рамках европейской федерации, то есть в «туманном будущем».

Со стороны Бонна «старый режим» был еще раз признан интернационально. Позже дело дошло до дискуссии между Колем и французским президентом, а также до жестких переговоров. Для Миттерана не было других практических альтернатив для углубления немецко-французского партнерства.

Была ли согласована цена единства Германий с французским президентом? Коль много раз опровергал это. Но существуют однозначные указания, что примирительная позиция Франции была связана с ее расчетом на единую европейскую валюту. Ясно, по крайней мере, одно: для Миттерана решающим фактором, который примирил его с воссоединением Германий, стала единая немецкая валюта.

Для Коля также не было противоречий в том, чтобы одновременно форсировать немецкое и европейское единение. Здесь он тоже целиком наследовал традиции Аденауэра, который никогда не видел расхождений между своей внутренней и европейской политикой. Коль тоже входил в группу легендарных штурмовиков, которые участвовали в 1950-х гг. в демонстрациях на немецко-французской границе. Он всегда был противником разделения наций. Но национальная валюта была для немцев святыней, поэтому теперь эта идея выглядела так: Коль жертвует немецкую марку во имя немецкого единства.

Многие британцы, среди которых была и премьер-министр Маргарет Тэтчер, открыто проявляли свой скепсис. В образе Германии «Железная леди» все еще видела кое-что от Третьего рейха. Тэтчер держалась за старую идею «баланса сил в Европе». Все, что казалось угрожающим этому «равновесию», объявлялось враждебным.

Госпожа Тэтчер называла Коля «совершенным немцем». При этом канцлер незадолго до этого по секрету сообщал ее внешнеполитическому советнику в крипте Шпейерского собора, какой он «хороший европеец». Сэр Чарльз Пауэлл посчитал неуместным передать Тэтчер эти слова, учитывая ее недовольство. Ее тактика в делах единства выглядела так:

отсрочить как можно дольше! Она требовала, чтобы решение о восстановлении немецкого единства наряду с четырьмя странами-победителями принимали также НАТО, Европейское сообщество и 35 стран, подписавших договор на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Хельсинки.

Но основным условием было присоединение всей Германии к Европейском сообществу, все великие державы придавали этому большое значение, в особенности США. Несмотря на раздражение, которое вызывало поведение британских политиков, и комментарии внутри страны относительно немецко-британских связей, политика Лондона тоже постепенно ложилась на прагматический курс, чтобы иметь возможность участвовать в формировании процесса «2 + 4».

Кроме этого, Гельмуту Колю и Гансу-Дитриху Геншеру удалось полностью уверить как британцев, так и французов в том, что стремление к единению исходило от масс, но ни в косм случае не являлось идеей некоторых заносчивых немецких политиков. Для западных держав стало очевидно — ГДР находится в агонии.

Однако как обстояли дела с «Дядюшкой Сэмом», великой державой номер один? Тут федеральное правительство наслаждалось хорошей репутацией. Канцлер и вице-канцлер все-таки настояли на «двойном решении» НАТО и поэтому были на хорошем счету. Федеративная республика была надежным партнером, и даже в эпоху Рейгана однозначно была на стороне Вашингтона. Прибылью от сорокалетней верности стало доверие. Бояться Германии из-за океана? Ну уж нет! Однако США придавали большое значение тому, что после «холодной войны» они хотели оставаться европейской державой. Это было возможно только благодаря НАТО, а НАТО не могло не принимать Германию в расчет.

Между Гельмутом Колем и Джорджем Бушем тоже существовала горячая линия: «Мы созванивались почти каждый день, — вспоминает бывший президент. — Я говорил, что мы не должны подставлять Горбачева. Но Коль знал, что я всеми чувствами на его стороне. Ясно было, что Германии придется заплатить свою цену за единство, но я был уверен, что он не решится вывести Германию из НАТО».

Согласие четырех держав-победительниц во Второй мировой войне было обязательным, потому что они имели права на всю Германию. Так что каждый пункт рассматривался «Большой четверкой», но кое-что они должны были осознать — существовало право самоопределения народов: для западных стран это была старая традиция, а для Горбачева — реальность,

связанная с выбором «собственною пути развития» для стран Восточного блока. Разве можно было отказывать немцам в единстве, не доводя свои идеалы до абсурда? Нет!

Как же поведет себя страна-победитель на Востоке, у которой давным-давно хранились «ключи от немецкого единства»? Доверительные отношения Коля с Горбачевым пострадали из-за плана из десяти пунктов. Помогло то, что Москва находилась в ужасном финансовом положении. Для своей «перестройки» Горбачеву нужны были новые кредиты. Только в одном месте он мог бы найти поддержку — в Бонне. Деньги сыграют важную роль в процессе единения.

До того, как у Гельмута Коля появилась возможность внести ясность в отношения с Кремлем, ему предстоял еще один визит. В декабре 1989 года канцлер поехал в Дрезден. «Мое ключевое переживание на пути к государственному единению, — вспоминает Гельмут Коль, — приключилось со мной 19 декабря 1989 года». Когда самолет сел на ухабистой бронированной дорожке аэропорта Дрезден-Клоче, он почти почувствовал: «Мы едва приземлились, а мне внезапно стало ясно: этот режим подошел к концу. Единство наступает!»

Что же так его поразило? «Весь аэропорт, особенно здание, было заполонено тысячами людей, море черно-красно-желтых флагов реяло в холодном декабрьском воздухе… Когда самолет наконец остановился, я стоял на нижней ступеньке трапа, а Модров стоял на летном поле, примерно за десять метров от меня с каменным лицом… Я повернулся к Рули Зейтерсу и сказал: “Дело сдвинулось”».

Когда речь идет о визите в Дрезден, Гельмут Коль до сих пор взволнован. Его описание в его воспоминаниях не лишено пафоса. Он преувеличивает, так считают многие журналисты, другие наблюдатели сомневаются, что Коль в Дрездене думал о быстром воссоединении.

Эйфория, захватившая канцлера, объяснима. После краха перед шенебергской ратушей ликование в Дрездене холодным хмурым днем было для него словно теплая ванна. Тысячи людей выказали свою радость по поводу его приезда, никакой диссонанс не нарушил грандиозного впечатления. Возможно, канцлер видел только то, что хотел и мог видеть. Тельчик, во всяком случае, видел следующее: «Во время речи Гельмута Коля я стоял с краю в толпе молодых людей. В то время как народ перед трибуной буквально “переливался через край” и размахивал бесчисленными федеральными флагами, здесь люди очень спокойны».

Британская корреспондентка вспоминает: «Мы знали, что на

каждого машущего флагом и кричащего “Единство!” приходится много других, менее восторженных, неуверенных или даже противников».

Картины ликования допускают и другие выводы. Но для канцлера в любом случае этот опыт стал пробуждением. Вообще-то он хотел говорить с Модровым о договорном сообществе, о кредитах и ответных услугах, а также о создании «свободно избранного правительства». В результате перед церковью дело дошло до митинга, который был совсем не предусмотрен. Тельчиктак описал его: «Стемнело, прожекторы освещали развалины церкви. Бундесканцлер в своей речи взял нужный тон. Он знал, что его слушают по всему миру, прежде всего в Москве, но также и в Вашингтоне. Лондоне и Париже. Толпа скандировала: «Германия, Германия!», «Гельмут, Гельмут!» и «Мы один народ!». Самому канцлеру сжимает горло, когда он заканчивает свою речь словами: «Благослови Господь нашу немецкую родину». Но для дрезденцев решающее предложение звучало так: «Моей целью остается единство нашей нации, как только история допустит это».

Коль говорит, что решился произнести эту речь спонтанно. Действительно, выступление перед церковью не было включено в официальную программу. Перед лицом ликующей толпы, по словам Коля, он «находился в некотором затруднении, поскольку было очевидно, что я должен был сказать речь». Правда ли, что идея сказать речь пришла ему в голову только на том самом месте? Спорный вопрос. Судя по воспоминаниям Тельчика, набросок «официального заявление в Дрездене» был сформулирован еще накануне.

После некоторых раздумий была выбрана площадь перед церковью. Гельмут Коль опасался волны ярого национализма. Что было бы, если бы толпа затянула «первую строфу национального гимна»? На этот случай в целях безопасности на площадь были предусмотрительно размешены певцы из дрезденского церковного хора мальчиков, чтобы затянуть песню «Возблагодарим Господа». Однако это натолкнулось на непонимание организаторов митинга. Сегодня Коль и сам смеется над этим: «Как мы могли решить, что люди после сорока лет социализма затянут первую строфу гимна или вообще церковный хорал?» Вплоть до мельчайших деталей Коль вспоминает об «своем» дне ликования. Неудивительно, что его выступление было вознаграждено яркими статьями в прессе.

Немецкое единство пришло «снизу», в этом канцлер был уверен. Для Геншера и Шойбле это тоже было очевидно. Модров, наблюдавший за выступлением канцлера перед церковью с экрана

телевизора, не зря предполагал, что внутренне Коль в этот дрезденский визит уже попрощался с идеей «договорного сообщества». Премьер-министр ГДР должен был через пару недель нанести визит в Москву, чтобы доложить под присягой о своем имущественном положении. «Молитесь — завтра они создают Германию», — написала газета «Бильд» от 9 февраля в заголовке на главной странице. Под «ними» понимались в первую очередь Гельмут Коль и Михаил Горбачев. 10 февраля немецкая делегация отправилась с визитом в Москву.

ГДР находилась в положении банкрота, поток беженцев не иссякал. Перед лицом ежедневно ускоряющегося процесса развала ГДР становилось «теперь уже неизбежно, чтобы оба немецких государства договорились между собой о быстрейшем объединении», — сказал Коль. После «ледникового периода» в диалоге с Кремлем из-за плана из десяти пунктов назревала сильная потребность в выяснении отношений и примирении с Москвой. Два года назад Горбачев заявил бундеспрезиденту Рихарду Вайцзекеру: «Существуют два немецких государства. Но что произойдет через 100 лет, решит история». Даже Коль и Тельчик в конце ноября 1989 года думали, что все произойдет в течение 10–15 лет. Сумасшедший темп истории превзошел все ожидания.

Коль еще надеялся на хорошие отношения с Горбачевым, которые оба обрели в Бонне в июле 1989 года. Там был разбит «гордиев узел», завязанный из-за сравнения Коля с Геббельсом. «Все сложилось так, — вспоминает Горбачев, — что эта встреча вывела нас на другой уровень, уровень доверия, и это решающий фактор. Без доверия невозможна никакая большая политика. Нам стало это понятно этим вечером в бунгало канцлера…» Коль рассказывает: «У нас был необычайно интенсивный разговор, мы пошли в сад, и все получилось, была действительно теплая летняя ночь, что мы просто сидели внизу у Рейна на стене. Потом мы просто заговорили о том, как прошла наша собственная жизнь».

Речь зашла о «немецком вопросе»: «Я сказал ему [Горбачеву], что не имеет смысла ходить вокруг да около, немецко-советские отношения не станут настоящими партнерскими отношениями или даже дружескими, пока нас будет разделять вопрос немецкого единства». А следующую цитату Коль припоминает уже как наизусть выученное стихотворение: «…тогда я указал на Рейн и сказал, что эта вода течет к морю, и если вы запрудите реку, она пойдет на берег и разрушит его, но будет течь к морю, так же с немецким единством. Он принял это к сведению, но ничего не сказал».

Горбачев вспоминает к этому: «Я действительно разделяю мнение канцлера, что эта встреча сделала из нас не только партнеров, но и друзей. И это имело огромное значение, в первую очередь тогда, когда нас накрыла лавина проблем, которые были важны для наших обоих государств, а также для ГДР, Европы и всего мира». Семь месяцев спустя от этого хорошего настроя во время визита в Москву мало что осталось: Горбачев и его министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе приняли немцев скорее холодно. Днем раньше был заключен договор о поставках продовольствия на сумму 200 миллионов марок. Положение с продовольствием в Советском Союзе было катастрофичным. Предположительно, надежда на обширную помощь только содействовала тому, чтобы растопить лед. Тельчик записывал: «Разговор становился все более оживленным. Горбачев напоминает Колю о приглашении в Пфальц. Там он хотел попробовать хорошую колбасу. Теперь я абсолютно уверен, что плотина прорвана». Раньше Горбачев сделал заявление, звучавшее очень глобально: «Я думаю, что между Советским Союзом, Федеративной республикой и ГДР нет различий во мнении относительно единства и прав людей стремиться к единству и самостоятельно принимать решения о дальнейшем развитии своей страны».

Оставался вопрос принадлежности к Союзу. Тельчик и здесь записал, как и что происходило. «И снова сенсация — Горбачев не требует окончательного решения, никакой торговли и тем более угроз. Какая встреча!» Это был частичный успех, по крайней мере в деликатном вопросе принадлежности единой Германии к Западноевропейскому союзу.

Канцлер был гораздо меньше взволнован, чем его советник, когда нужно было сформулировать заявление для прессы, Тельчик почувствовал необходимость вмешаться: «Канцлер распахнул окно, в комнате как всегда слишком сильно топят. Он начал диктовать вслух. Я не верю своим ушам, поскольку его речь звучит как формальное сообщение о малозначительном событии. Как можно так дешево продавать такой огромный успех? Я прервал канцлера и начал сам формулировать его речь».

Наконец, около 22.00 часов по московскому времени канцлер выступает перед международной прессой: «Сегодня вечером я должен передать всем немцам только одно сообщение. Генеральный секретарь Горбачев и я согласны, что только немецкий народ имеет право принимать решение, хочет ли он жить в едином государстве. Генеральный секретарь Горбачев недвусмысленно заявил, что Советский Союз отнесется с уважением к решению немцев жить в одном государстве и что это

дело немцев — определять время и способ объединения самим. Я благодарю Генерального секретаря Михаила Горбачева за то, что он сделал это историческое событие возможным… Дамы и господа, это хороший день для Германии и счастливый день для меня лично!»

На обратном пути в самолете канцлера прямо перед телекамерами открывали шампанское, Коль выпил с журналистами. Пресса не скупилась на восторженные эпитеты в описании происходящего события: 10 февраля был «самым историческим» днем. Газета «Файненшл таймс» назвала канцлера «Чудо-Колем». Советский Союз отказался от сопротивления воссоединению Германии, Москва готова допустить существование единой Германии безо всяких отговорок.

«У меня не было ощущения, что это был решительный прорыв». — сказал советник Горбачева Николай Португалов. Он очень скептически отнесся к желанию немцев праздновать «прорывы» и поражаться «чудесам». Конечно, вопрос о союзе сдвинулся с мертвой точки, но он пока еще был открытым.

К тому же Горбачев, судя по всему, гораздо больше, чем разговором с Колем, был убежден голосами, из ГДР, что второе немецкое государство нельзя спасти. Зная об этом, можно поверить заявлению, что канцлер вошел в наполовину открытые двери. 30 января глава правительства Восточного Берлина Ганс Модров встретился с Горбачевым во время короткого визита в Москву. В конце этого разговора, во время которого Модров прямо раскрыл карты ГДР, генеральный секретарь очевидно оставил свои возражения против немецкого воссоединения. Из восточногерманского документа следует, что Горбачев был уверен, что падение ГДР предотвратить нельзя. Его советник Черняев сказал, что к этому пониманию кремлевский лидер пришел еще за две недели до этого. Модров получил сообщение от Горбачева: «История решит этот вопрос. Я думаю, что она уже применяет свои корректуры». Значит ли это, что прорыв состоялся вследствие разговора с Модровым или даже раньше, а не во время беседы с канцлером? И да, и нет. Можно быть уверенными, что до визита Коля было кое-что сделано. Предложение о валютном союзе висело в воздухе, а Горбачев в разговоре с канцлером заявил о своей открытости в вопросе союза. К тому же ответы немецкому бундесканцлеру имели совсем другой вес, чем разговор с премьер-министром ГДР.

Колю понравилось, когда газета «Зюддойче Цайтунг» написала, что Горбачев передал канцлеру в Москве «ключи к решению “немецкого вопроса”». Вместо лозунга «Германия — единая родина» для многих в ГДР было актуальнее «Германия —

родина как можно быстрее». Многие боялись опоздать. Число тех, кто после открытия границ покинул свою родину в Эрфурте, Дрездене, Лейпциге или Ростоке и приехали в лагеря для переселенце» на Западе, в первые месяцы нового года было необычайно высоко. Ежедневно федеральные органы власти регистрировали две тысячи приезжих: числа, которые в 1961 году явились причиной постройки стены. Все это угрожало наступлением хаоса. Кроме того, западногерманская общественность начала выражать недовольство. Готовность принять переселенцев угасала. Что-то должно было произойти, что могло бы заставить людей оставаться в ГДР. Эта тема занимала федеральных политиков всех партий. Кандидат в канцлеры от СДПГ Лафонтен предложил отменить привилегии, которыми наслаждались восточные жители на Западе. Гельмут Коль, Вольфганг Шойбле и Ганс-Дитрих Геншер жестко отклонили это предложение.

Единственный выход, который видели многие жители ГДР, был озвучен демонстрантами в Лейпциге: «Если придет немецкая марка, мы останемся. Если нет — мы сами придем к ней». Люди в ГДР, открыв ворота к единству, теперь диктовали, как быстро оно должно наступить. С этими предзнаменованиями началась кампания за первые свободные выборы в ГДР. Она была перенесена с 6 мая на 18 марта следующего года, поскольку без демократически выбранного правительства ГДР, казалось, осталась без хозяина. Согласно опросам, несмотря на разногласия в вопросах единства, СДПГ была однозначным победителем: 54 % — абсолютное большинство — должно было избрать социал-демократическую власть. Уже во время Веймарской республики социал-демократия имела много оплотов на Востоке.

Оскар Лафонтен победил в Заарланде, 67 % населения, по результатам опросов, считали, что канцлер слишком быстро движется к воссоединению, но Коль делал ставку на жителей ГДР. После сложного рождения «Альянса за Германию», которому наряду с восточной фракцией ХДС принадлежали ГСС (DSU, Германский Социальный союз) и «Демократический прорыв», сотрудники Коля призвали своего шефа к тому, чтобы придать кампании размах наступлением. В своих проектах они предлагали экономические и валютные реформы в ГДР, как в 1948 году в западных зонах. Шойбле уже раньше предлагал такие меры. Тема была взрывоопасной. Президент федеративного банка Карл Отто Пёль объявил о своих сомнениях, да еще и перед прессой: «Иллюзией» было бы полагать, что «немедленное введение в ГДР немецкой марки» помогло бы «решить хоть одну проблему». После его заявления журналисты упрекали его в

сомнениях. Из Бонна пришло сообщение, что валютная реформа — дело решенное.

Коль непременно хотел сделать эту тему вопросом канцлера. Когда он узнал, что его старый соперник, Лотар Шпет, собирался предложить во время правительственного заявления единую валютную и экономическую реформу, Коль впал в ярость. Не посоветовавшись с председателем фракции, Коль поспешил заявить: «Мы должны обратиться к ГДР и просто сказать, что мы готовы незамедлительно вступить с ними в переговоры относительно экономического и валютного союза». Существовало много объективных причин, которые требовали этого шага. Нужно было остановить исход немцев из ГДР, но в канцлерстве основной темой было единство Германии.

Немецкая марка была символом успеха Федеративной республики, она считалась запалом свершившегося «экономического чуда». Немецкая марка была предвыборным козырем. И все же доносились еще голоса тех, кто видел во всем этом больше проблем, чем перспектив, кто сомневался в улучшении экономической ситуации, кто опасался помех на пути к немецкому единству и не принимал «распродажу ГДР». В предвыборной речи перед Эрфуртским собором Коль возражал: «Федеративная республика готова восстановить страну вместе с вами». Хотя со стороны ХДС был выдвинут вовсе не канцлер, а Лотар де Мезьер, это была предвыборная борьба Коля. Бесконечные предвыборные выступления свели его вместе с почти миллионом людей. Он хотел быть уверенным в победе.

Предвыборная кампания СДПГ была разобщенной. Лафонтен предостерегал от медленного процесса единения и предупреждал о расходах. Несмотря ни на что, Коль был не уверен, что выиграет выборы в Народную палату. На одном из утренних обсуждений сложившегося положения незадолго до начала голосования он сказал, что больше всего «хотел бы пойти домой». Единственное, что его еще мотивировало, были «люди в ГДР».

У них теперь был выбор — и они проголосовали за «альянс». Официальным победителем был Лотар де Мезьере, закулисным — Гельмут Коль. На решение, кого выбрать, влияли не партийные программы или лидеры, их представляющие, а надежда на благосостояние. Действительно, граждане ГДР выбрали единую валюту. Независимо от вероисповедания, образования и профессии они отдали свои голоса партии, от которой ожидали самого быстрого пути к единству и благосостоянию. Разве можно было на них за это обижаться? Меньше всего обижался канцлер, который, очевидно, чувствовал себя свободным. В ночь выборов Коль и его сотрудники отыскали итальянский ресторан вблизи

студии ZDF в Бонне. «Наконец выносят шампанское», — записал Тельчик.

Остался еще один важный барьер — Москва. Во время последнего визита канцлера вопрос остался открытым: как обстоит дело с немцами и союзом НАТО? 14 июля 1990 года Коль и Геншер полетели к Горбачеву. Фотографии со встречи на Кавказе стали легендарными — здесь было принято легендарное решение. В вязаной кофте и пуловере Горбачев и Коль поднимаются к бурному горному ручью. Встреча у воды, как и летом 1989 года на Рейне. То, что началось год назад с притчи канцлера, казалось, близится к завершению. Это судьба: главы обоих государств, которые творят историю, как двое братьев на родине. Немец и русский через 45 лет после окончания Второй мировой войны — какое впечатление!

Теперь утверждают, что все это было инсценировано. Один из аргументов такой: «да» в ответ на вопрос о членстве объединенной Германии в НАТО получил первым не Коль, а Буш. Вправду, советско-американские отношения играли если не решающую, то «очень важную» роль, как подчеркивает Горбачев. Без обещаний Вашингтона, что от членства Германии в НАТО не исходит никакой опасности, кремлевский лидер не мог бы согласиться с этим. Многое говорит о том, что кости были брошены уже в конце мая, во время визита Горбачева в Лондон.

В московском разговоре Коля, еще перед отъездом на Кавказ, это было четко отражено: «Михаил Горбачев затронул основной вопрос: членство Германии в НАТО. К моему удивлению, он сказал: “Ну, это вопрос решенный”».

Потребность в разговоре сохранялась теперь не из-за основного решения, но из-за не менее важных проблем практического воплощения этого решения в жизнь. «Хотя Германия формально и будет целиком принадлежать НАТО, фактически же это будет только область Федеративной республики. Это может измениться в будущем, когда мы успешно договоримся об отзыве советских войск. А значит, несмотря на обещания Горбачева, мы не были суверенны», — говорил Коль.

Все еще существовали барьеры, которые нужно было преодолеть. Тогда Горбачев предложил продолжить встречу на Кавказе. «Мы уже поднялись с наших мест, когда я спросил его, чтобы быть полностью уверенным, имеет ли поездка… вообще смысл. Я сказал, что поеду только в том случае, если результатом наших переговоров будет ничем не ограниченная суверенность объединенной Германии и неограниченное членство в НАТО. В другом случае я предпочел бы полет домой… Он сказал только: “Нам нужно полететь”. В этот момент я знал, что мы справимся».

То есть легенда права лишь наполовину: членство в НАТО было делом, решенным Москвой, но то, каким образом это должно было случиться, оставалось обсудить. Здесь свою роль сыграли миллиарды, которые Горбачев получил для обширного финансирования отвода своих войск и своих реформ. Так что было достаточно материала отпраздновать еще один прорыв. Таким образом, были открыты как внутренний, так и внешний пут и к единству. Министр внутренних дел Шойбле и министр иностранных дел Геншер вместе со своими коллегами из ГДР должны были одолеть грандиозную задачу формулирования договоров о немецком единстве — титаническая задача, при которой засчитывались все заслуги за объединение Германий.

Фотографии 3 октября 1990 года, дня немецкого единства, обошли весь мир. Почти два миллиона человек собрались вокруг рейхстага, чтобы отпраздновать час объединения. Коль собственноручно местом действия выбрал рейхстаг — символическое место для немецкой истории. Факелы, флаги, ансамбли, лазерные лучи и огромные экраны. «Гельмут, Гельмут!» — раздавались крики из толпы. Вершина его карьеры наступила, когда в полночь был запущен фейерверк, зазвучал национальный гимн и взвилось море черно-красно-желтых флагов.

Коль теперь стал официальным канцлером единства — руководителем правительства в только что объединенной Германии. Широкое признание, которое он заработал в своей стране и за ее пределами, позволило ему великодушно приписать заслуги в деле единения двух Германий в первую очередь другим: Горбачеву, Бушу, венграм и полякам, которые помогали сглаживать путь к единству, и не в последнюю очередь «любимому Господу Богу». «Иногда мне кажется, что я стоял перед огромным болотом, в тумане, зная лишь, что путь где-то есть, и кто-то провел меня по нему».

Это еще не конец истории о единстве и власти. Вскоре после эйфории встали весьма практические вопросы: «хватит ли популярности» канцлера единства на то, чтобы выиграть и первые общенемецкие выборы два месяца спустя? Начало гонки было неудачным. Во время визита на озеро Вольфгангзее 1 августа 1990 года Лотар де Мезьер посоветовал канцлеру перенести выборы на более раннее время, поскольку экономическое положение в ГДР больше не терпит отсрочки. Но это значило бы досрочный роспуск бундестага — как в 1982 году. Коль согласился, более ранняя дата соответствовала его интересам, пока еще держалась эйфория 3 октября. Но СДПГ, чье согласие было необходимо, отказалась. Федеральный президент Рихард фон Вайцзекер тоже не хотел давать согласие. Колю пришлось

отступить.

Да и общее настроение скоро испортилось. Несмотря на многие предупреждения, Коль снова и снова поддерживал впечатление, что воссоединение практически ничего не стоит, что повышения налогов не будет. Создавалась иллюзия, что экономический и валютный союз приведут, как когда-то экономическая и валютная реформы Людвига Эрхарда, к грандиозному экономическому подъему.

Уже 3 октября в филармонии Колю приходилось выслушивать тонкие намеки. Федеральный президент Рихард фон Вайцзекер, которого канцлер позже будет упрекать в одержимости властью, полагал, что единство должно быть оплачено дополнительными пошлинами. «В ранний период воссоединения большинство немцев на Западе были готовы на настоящие жертвы», — замечал Вайцзекер в своих мемуарах.

Бывший канцлер Шмидт был того мнения, что Коль должен потребовать от немцев напряжения всех сил, как когда-то Черчилль потребован от британцев свершений через «кровь, пот и слезы». В реальности все было ровно наоборот и имело свои последствия: годы после речи про «цветущие края» Колю пришлось расплачиваться критикой.

Коль признает свои упущения в вопросах экономики. Уже в 1991 году произошел поворот в направлении кризисного управления. «Потенциал Коля в государственном повелении был исчерпан», — замечает британская женщина-биограф Клау: «Он шагнул назад, к роли политика, чья первоочередная задача — выиграть выборы». Газета «Вельт ам Зонтаг» видела происходящее скорее с высоты птичьего полета: «Осенью 1989 года Коль схватился за проскальзывающий меж пальцами покров истории, был вознесен, а потом снова жестко сброшен на землю». И все же Коль выиграл общенемецкие выборы, хотя и не так сенсационно, как мог бы это сделай, канцлер объединенной Германии. Приз за исполненное был мал. Стать канцлером внутреннего единства оказывалось сложнее и скучнее, чем принимать участие в празднествах.

К фотографиям ликующих людей 3 октября 1990 года добавились и снимки, содержащие противоположные сцены. Печально известными стали картины «яичного дождя» в Галле — недовольство в регионах росло вместе с безработицей. Казалось, Колем были недовольны как внутри страны, так и за рубежом. Для одних строительство новой Германии шло недостаточно быстро, для других оно было слишком быстрым и дорогим. Все меньше восторгов оставалось о поводу общенемецкой солидарности, особенно когда «повышение налогов» за единство

стало называться «доплатой за солидарность».

Возможно, канцлер был слишком поспешен, но было ли так много альтернатив дальнейшего развития событий? Существовала ли альтернатива быстрому экономическому, валютному и социальному союзу, который предоставил немцам на территории ГДР достаточно причин остаться на родине? Можно ли было остановить отмирание многих предприятий и фирм на Востоке после 40 лет социалистической экономики? Конечно, многие предприятия могли быть спасены, а с ними и рабочие места, но тот, кто делает вид, что Коль, а не СЕПГ, должен единолично отвечать за банкротства в бывших землях ГДР, должен быть слепцом с точки зрения истории.

Должен ли он был уйти в отставку? После немецкого объединения Коль хотел ускорить объединение всей Европы. Конечно, он не хотел закончить как Аденауэр, не хотел упустить нужный момент, чтобы власть уплыла у него из рук. Но и определять этот момент сам он тоже не хотел. Когда же был правильный момент? Покушение на Вольфганга Шойбле в 1990 году перечеркнуло все планы Коля. Конечно, он готов был доверить ему управление из инвалидной коляски! Вот только хотел ли этого Шойбле? В какой момент Коль действительно назначил себе смену, остается тайной. В 1994 году он намекал, что это его последние выборы. После выигрыша с минимальным перевесом стало ясно, что его последователю потребуется по меньшей мере два года, чтобы быть предстать во всеоружии на выборах в 1998 году.

Однако европейская миссия Коля была не окончена, прогресс интеграции, казалось, нужен был лично ему. Поднять и утвердить евро стало его нескрываемой целью. И Коль ее достиг, хотя выборы 1998 года он проиграл. В первый раз канцлер не был переизбран народом. Тем не менее история немецкого единства остается его историей, которую стремятся зафиксировать как последователи, так и противники Коля. Вопрос о масштабе его заслуг в процессе объединения Германии остается открытым. Одни конструируют образ канцлера, всегда жаждавшего воссоединения и последовательно ведшего к этому страну. Другие говорят, что этот жребий выпал ему случайно, просто улыбнулась удача. Но обе позиции неверны.

Вернее всего слова Аденауэра, сказанные им на съезде партии в 1966 году: «Когда-нибудь и Советская Россия поймет, что разделение Германии, а значит, и разделение Европы, не в ее интересах. Мы должны быть начеку, когда этот момент наступит. Когда приблизится или кому-то покажется, что приближается момент удобной возможности, мы не должны его упустить». В тот

момент 35-летний Гельмут Коль внимательно прислушался к словам 90-летнего канцлера.

Ключ к немецкому единству лежал в Москве. Те, кто в 1989–1990 гг. имел в Москве право голоса, могут оценить, как Коль использовал предложенные шансы. Одним из самых бескомпромиссных людей, царивших в то время в Кремле, был бывший посол Валентин Фалин. Долгое время канцлерская политика была для него, что называется, «бревном в глазу». Он говорит: «Когда Горбачев встречался с Колем, он не соблюдал наши договоренности. Казалось, Генеральный секретарь сдает важные позиции почти случайно. Если Колю дать мизинец, он берет целую руку. Он использовал любое пространство, на все 120 %! Он хотел немецкого единства и максимально возможного самоопределения. Коль был жестким, целеустремленным партнером, всегда уважаемым, он хорошо знал свою работу, свое призвание, и он использовал милость фортуны».

Коль не просто использовал предлагаемые ему пространства, он знал, как расширить их и максимально использовать. Это удалось ему на международной арене и во внутригерманском процессе. Он вовсе не наживался, он был важной фигурой на тогдашней политической арене. В этом его историческая заслуга.

Сегодня мы знаем, какое было сопротивление, особенно в британском правительстве. Маргарет Тэтчер недавно публично признала, что она делала все возможное, чтобы предотвратить объединение Германии, потому что «мы не можем доверять немцам, как и раньше».

Ну что же, госпожа Тэтчер может ошибаться — но не только она: и в самой ФРГ в 1989 году были те, кто хотел выбросить мечту о единстве в костер истории. Однако в этом костре сгорели лишь иллюзии, не мечты. Сегодня часто бросают упрек, что весь процесс единения прошел слишком поспешно, он требовал гораздо более долгого времени. Это верно с точки зрения экономики, но неправильно с точки зрения политики. Мы живем посреди Европы. Дверь к единству приоткрылась — и то лишь на короткое время. Уже в ноябре 1990 года, после отставки Шеварднадзе, многое было бы гораздо сложнее, как и в 1991 году после падения Горбачева.

Литература

К главе «Конрад Аденауэр»

Adenauer, Konrad: Erinnerungen (4 Bde. 1945–1959). Stuttgart 1965–1968.

Becker, Felix (Hrsg.): Adenauer. Konrad: Die Demokratie ist für uns eine Weltanschauung. Reden und Gesprächc 1946–1967 Köln 1998.

Blumenwitz, Dieter/Gotto, Klaus (Hrsg.): Konrad Adenauer und seine Zeit. Politik und Persönlichkeit dos ersten Bundeskanzlers. Stuttgart 1976.

Baring, Arnulf: Außenpolitik in Adenauers Kanzlerdemokratie. Bonns Beitrag zur Europäischen Verteidigungsgemcinschaft. München/Wien 1969.

Doering-Manteuffel, Anselm: Die Bundesrepublik Deutschland in der Ära Adenauer. Außenpolitik und innere Entwicklung 1949–1963. Darmstadt 1983.

Kempski, Hans Ulrich: Um die Macht, Berlin 1999.

Koch, Peter: Konrad Adenauer. Eine politische Biographie. Reinbek 1985.

Koerfer, Daniel: Kampf ums Kanzleramt. Erhard und Adenauer. Stuttgart 1987.

Koehler, Henning. Adenauer. Eine politische Biographie. Frankfurt a. M./ Berlin 1994.

Meissner, Boris: Moskau-Bonn. Die Beziehungen zwischen der Sowjetunion und der BRD 1955–1973.2 Bde., Köln 1975.

Morsey, Rudolf: Die Bundesrepublik Deutschland. Entstehung und Entwicklung bis 1969 München 1995. Ders. Repgen, Konrad (Hrsg.): Adenauer-Studien. Bd. I bis V, Mainz 1971–1986.

Ders./Schwarz, Hans Peter (Hrsg):Teegespräche (4 Bde. 1950–1963). Berlin 1984, 19X6, 1988 und 1992.

Osterheld, Horst: Konrad Adenauer. Ein Charakterbild. Stuttgart 1987.

Schwarz, Hans-Peter: Die Ära Adenauer. Epochenwechsel 1957–1963. Stuttgart 1986.

Ders.: Der Aufstieg 1876–1952. Stuttgart 1986.

Ders.: Der Staatsmann. Stuttgart 1991.

Weymar, Paul: Konrad Adenauer. Die autorisierte Biographie. München 1955.

Altmann, Rüdiger: Wirtschaftspolitik und Staatskunst. Wirkungen Ludwig Erhards. Bonn 1977.

Barzel, Rainer: Im Streit und umstritten. Anmerkungen zu Konrad Adenauer, Ludwig Erhard und den Ostverträgen. Frankfurt a. M. 1986.

Carstens, Karl: Erinnerungen und Erfahrungen. Hrsg. von Kai v. Jena und Reinhard Schmoeckel. Boppard/Rhein 1993. Caro, Michael K.: Der Volkskanzler. Ludwig Erhard. Köln/Berlin 1965.

Diehl, Günter: Zwischen Politik und Presse. Bonner Erinnerungen 1949—69. Frankfurt a. M. 1994.

Erhard, Ludwig: Wohlstand fiir alle. Düsseldorf 1957.

Ders.: Wirken und Reden. Ludwigsburg 1966.

Ders.: Kriegsfinanzierung und Schuldenkonsolidierung. Faksimiledruck der Denkschrift von 1943/44. Frankfurt a. M. 1972.

Ders.: Gedanken aus fünf Jahrzehnten. Reden und Schriften. Hrsg. von Karl Hohmann. Düsseldorf/Wien/Ncw York 1988.

Ders.: Deutsche Wirtschaftspolitik. Der Wfeg der Sozialen Marktwirtschaft. Düsseldorf u. a. 1992.

Ermrich, Roland (Hrsg.): 100 Jahre Ludwig Erhard. Das Buch zur Sozialen Marktwirtschaft. Ein Jubiläumsband zum 100. Geburtstag. Düsseldorf 1997.

Fack, Fritz Ullrich: Ludwig Erhard. Ordnungspolitiker in großer, Kanzler in schwerer Zeit. In: Die politische Meinung 42(1997), H. 326. S. 5-15.

Geiger, Tim: Ludwig Erhard und die Anfänge der Europäischen Wirtschaftsgemeinschaft. In: Schwarz, Volker/Hrbek. Karl (Hrsg.): Vierzig Jahre Römische Verträge: Der deutsche Beitrag. Baden-Baden 1998, S. 50–64.

Haus der Geschichte (Hrsg.): Ludwig Erhard und seine Politik. Berlin 1997.

Hentschel, Volker Ludwig Erhard. Ein Politikerleben. München, Landsberg/Lech 1996.

Hildebrand, Klaus: Von Erhard zur Großen Koalition 1963–1969. Stuttgart/Wiesbaden 1984 (= Geschichte der Bundesrepublik Deutschland, Bd. 4).

Hohmann, Karl (Hrsg.): Ludwig Erhard. Erbe und Auftrag. Eine Veröffentlichung der Ludwig-Erhard-Stiftung. Düsseldorf/Wien 1977.

Klein, Hans: Ludwig Erhard. Ein biographischer Essay. In: Klein, Hans (Hrsg.): Die Bundeskanzler, S. 95-164.

Koerfer, Daniel: Kampf ums Kanzleramt. Erhard und Adenauer. Stuttgart 1987. Berlin 1998 (Taschenbuchausgabe).

Kusterer, Hermann: Der Kanzler und der General. Stuttgart 1995.

Laitenberger, Völker Ludwig Erhard. Der Nationalökonom als

Politiker. Göttingen/Zürich 1986.

Lappenküper, Ulrich: Ich bin wirklich ein guter Europäer. Ludwig Erhards Europapolitik 1949 1966. In: Francia 18/3(1991), S. 85-121.

Ludwig-Erhard-Stiftung (Hrsg.): Ludwig Erhard und seine Politik. Stuttgart 1985.

Lukomski. Jess M.: Ludwig Erhard. Der Mensch und Politiker. Düsseldorf 1965.

Mende, Erich: Von Wende zu Wende. Zeuge der Zeit 1962–1982. München 1986.

Metz, Andreas: Die ungleichen Gründungsväter. Adenauers und Erhards langer Wfeg an die Spitze der Bundesrepublik. Konstanz 1998.

McGhee, George: Botschafter in Deutschland 1963–1968. Esslingen 1989.

Noack, Paul: Ludwig Erhard. In: Stemburg, Wilhelm von (Hrsg.): Die Kanzler. Von Bismarck bis Kohl. Berlin 31998, S. 393–407.

Osterheld, Horst: Außenpolitik unter Bundeskanzler Ludwig Erhard 1963–1966. Ein dokumentarischer Bericht aus dem Kanzleramt. Düsseldorf 1992.

Schröder, Gerhard/Müller-Armack, Alfred/Hohmann, Karl (Hrsg.): Ludwig Erhard: Beiträge zu seiner politischen Biographie. Festschrift zum 75. Geburtstag. Frankfurt a. M./Berlin/Wien 1972.

Schwarz, Hans-Peter: Ludwig Erhard — ein großer Unzeitgemäßer, ln: Frankfurter Allgemeine Zeitung Nr. 27 (1.2.1997), S. 13–14.

Stackelberg, Karl-Georg von: Attentat auf Deutschlands Talisman. Ludwig Erhards Sturz — Hintergründe und Konsequenzen. Stuttgart 1967.

Stoltenberg Gerhard: Wsndepunkte — Stationen deutscher Politik 1947–1990. Berlin 1997.

К главе «Курт Георг Кизингер»

Baring, Arnulf: Machtwechsel. Stuttgart 1983.

Bemecker, Walter L. (Hrsg.): Persönlichkeit und Politik in der Bundesrepublik Deutschland. Göttingen 1982.

Brandt, Willy: Begegnungen und Einsichten. Die Jahre 1960–1975. Hamburg 1976.

Dedring. Klaus-Heinrich: Adenauer, Erhard, Kisinger» Die CDU als Regierungspartei 1961–1969. Pfalfenweiler 1989.

Diehl. Günter: Zwischen Politik und Presse. Bonnei Erinnerungen 1949–1969. Frankfurt a. M. 1994.

Günther, Klaus: Die Kanzlerwechsel in der Bundesrepublik. Adenauer, Erhard. Kiesinger. Hannover 1970.

Hermann, Lutz: Kurt Georg Kiesinger. Ein politisches Porträt. Freudenstadt.

Hildebrandt, Klaus: Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Bd. 4: Vbn Erhard zur Großen Koalition. Stuttgart 1984.

Ders.: Von Erhard zur Großen Koalition 1963–1969. Wiesbaden 1984.

Hoff, Klaus: Kurt Georg Kiesinger. Die Geschichte seines Lebens. Frankfurt a. M. 1969.

Ihlefeld. Heli: Kiesinger Anekdoten. Esslingen 1967.

Kiesinger, Kurt Georg: Schwäbische Jugend. Tübingen 1967. Ders.: Stationen 1949–1969. Tübingen 1969.

Ders.: Dunkle und helle Jahre. Erinnerungen 1904–1958. Stuttgart 1989.

Klarsfeld. Beate: Die Geschichte des PG 2633930 Kiesinger. Darmstadt 1969.

Klein, Hans (Hrsg.): Die Bundeskanzler. Berlin 1995.

Knorr, Heribert: Der parlamentarische Entscheidungsprozeß während der Großen Koalition. Mcisenheiin am Glan 1975.

Kroegel, Dirk: Einen Anfang finden! Kurt Georg Kiesinger in der Außen- und Deutschlandpolitik der Großen Koalition. München 1997.

Niclauss, Karlheinz: Kanzlerdemokratic. Bonner Regiemngspraxis von Konrad Adenauer bis Helmut Kohl. Stuttgart 1988.

Oberndörfer. Dieter (Hrsg.): Kurt Georg Kiesinger. Die Große Koalition 1966–1969. Reden und Erklärungen des Bundeskanzlers. Stuttgart 1979.

Ders. (Hrsg.): Begegnungen mit Kurt Georg Kiesinger. Festgabe zum 80. Geburtstag. Stuttgart 1984.

Rummel, Alois (Hrsg.): Die Große Koalition 1966–1969. Eine kritische Bestandsaufnahme. Freudenstadt 1969.

Schmoeckel, Reinhard/Kaiser, Bruno: Die vergessene Regierung. Die Große Koalition. 1966–1969 und ihre langfristigen Wirkungen. Bonn 1991.

К главе «Вилли Брандт»

Baring, Arnulf: Machtwechsel. Die Ära Brandt/Scheel. Stuttgart 1982.

Barzel, Rainer: Auf dem Drahtseil. München 1978.

Bracher, Karl Dietrich/Jäger, Wolfgang/Link, Werner: Geschichte der Bundesrepublik Deutschland, Bd. 5: Republik im Wandel. Stuttgart 1986.

Brandt, Willy: Mein Wfeg nach Berlin. München 1960.

Ders.: Über den Tag hinaus. Eine Zwischenbilanz. Hamburg 1974.

Ders.: Begegnungen und Einsichten. Die Jahre 1960–1975. Hamburg 1976.

Ders.: Links und frei. Mein Weg 1930–1950. Hamburg 1982. Ders.: Erinnerungen. Frankfurt a. M. 1990.

Harpprecht, Klaus: Willy Brandt. Porträt und Selbstporträt. München 1970.

Hofmann, Gunter: Willy Brandt — Porträt eines Aufklärersaus Deutschland.

Kempski, Hans Ulrich: Um die Macht. Berlin 1999.

Koch, Peter: Willy Brandt. Eine politische Biographie. Berlin/ Frankfurt a. M. 1988.

Marshall, Barbara: Willy Brandt. Eine politische Biographie. Bonn 1993.

Stem, Carola: Willy Brandt. Reinbek 1975.

К главе «Гельмут Шмидт»

Bölling, Klaus. Die letzten 30 Tage des Kanzlers Helmut Schmidt: Ein Tagebuch. Reinbek 1982.

Bracher, Karl Dietrich/Jäger, Wolfgang/Link, Werner: Republik im Wandel 1969–1974— Die Ära Brandt. Bd. 5/1 der Reihe Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Hrsg.: Karl Dietrich Bracher/Theodor Eschenburg/ Joachim C. Fest/Eberhard Jäckel. Stuttgart 1986.

Breloer, Heinrich: Todesspiel — Von der Schleycr-Entführung bis Mogadischu. Köln 1997.

Brzezinski, Zbigniew: Power and Principle — Memoirs ofthe National Security Adviser 1977–1981. New York 1985.

Carr, Jonathan: Helmut Schmidt. Aktualisierte und erweiterte Neuausgabe. Düsseldorf 1993.

Giscard d'Estaing, Valéry: Macht und Leben — Erinnerungen. Frankfurt a. M./Berlin 1988.

Jäger, Wjlfgang/Link, VVfcmer: Republik im Wandel 1974–1982. Die Ära Schmidt. Bd. 5/11 der Reihe Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Hrsg.: Karl Dietrich Bracher/Theodor Eschenburg/ Joachim C. Fest/Eberhard Jäckel. Stuttgart 1987.

Kahn, Helmut Wolfgang: Helmut Schmidt — Fallstudie über einen Populären. Hamburg 1973.

Klein, Hans (Hrsg.): Die Bundeskanzler. Berlin 1995.

Kose, Stephen A.: Autonomy or Power? The Franco-German Relationship and Europe's Strategie Choices 1955–1995. Westport (Ct.)/London 1995.

Krause-Burger, Sibylle: Helmut Schmidt — Aus der Nähe gesehen.

Düsseldorf/Wien 1980.

Nayhauß, Mainhardt Graf von: Helmut Schmidt — Mensch und Macher. Bergisch Gladbach 1988.

Rupss, Martin: Helmut Schmidt — Politikverständnis und geistige Grundlagen. Bonn 1997.

Schmidt, Helmut: Vorwort zu: Kritischer Rationalismus und Sozialdemokratie. Hrsg.: Georg Lührs/Thilo Sarrazin/Frithjof Spreer/ Manfred Tietzel. Berlin/BonnBad Godesberg 1975.

Ders.: Menschen und Mächte. Berlin 1987.

Ders.: Die Deutschen und ihre Nachbarn — Menschen und Mächte II. Berlin 1990.

Ders.: Kindheit und Jugend unter Hitler. Berlin 1992.

Ders.: Weggefährten — Erinneamgen und Reflexionen. Berlin 1996.

Steffahn, Harald: Helmut Schmidt. Hamburg 1990.

К главе «Гельмут Коль»

Apel, Reinhard (Hrsg.): Helmut Kohl im Spiegel seiner Macht. Bonn 1990.

Bickerich, Wfolfram: Der Enkel. Analyse der Ära Kohl. 1995.

Busche, Jürgen: Helmut Kohl. Anatomie eines Erfolges. Berlin 1998.

Clough, Patricia: Helmut Kohl. Ein Porträt der Macht. München 1998.

Dettling. Wamfried: Das Erbe Kohls. Bilanz einer Ära. 1994.

Dokumente zur Deutschlandpolitik: Deutsche Einheit. Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/1990. hrsg. vom Bundesministerium des Innern unter Mitwirkung des Bundesarchivs. München 1998.

Dreher, Klaus: Helmut Kohl. Leben mit der Macht. StulliMil 1998.

Filmer, Werner/Schwan, Heribert: Helmut Kohl. Düsseldorf 1985, S1991.

Genscher. Hans-Dietrich: Erinnerungen, Berlin 1995. Geschichte der deutschen Einheit (4 Bde.), Stuttgart 1998/99.

Bd. 1: Körte, Karl-Rudolf: Deutschlandpolitik in Helmut Kohls Kanzlerschaft. Regierungsstil und Entscheidungen 1982–1989.

Bd. 2: Grösser, Dieter Wagnis der Währungs-, Wirtschaftsund Sozialunion. Politische Zwänge im Konflikt mit ökonomischen Regeln. 1988.

Bd. 3: Jäger, Wolfgang: Die Überwindung der Teilung. Der innerdeutsche Prozeß der Vereinigung. 1998.

Bd. 4: Wsidenfeld, Werner: Außenpolitik für die deutsche Einheit.

Die Entscheidungsjahre 1989–1990. 1999.

Gorbatschow Michail: Erinnerungen. Berlin 1995.

Greiner, Ulrich (Hrsg.): Meine Jahre mit Helmut Kohl. Mannheim 1994.

Kohl, Helmut: Ich wollte Deutschlands Einheit. Dargestellt von Kai Diekmann lind Ralf Georg Reuth. Berlin 1996.

Ders.: Der Kurs der CDU. Reden und Beiträge 1973–1993. Stuttgart 1993.

Ders.: Deutschlands Zukunft in Europa. Reden und Beiträge des Bundeskanzlers, hrsg. v. Heinrich Seewald. Herford 1990.

Leinemann, Jürgen: Helmut Kohl. Die Inszenierung einer Karriere. Berlin 1998.

Müller, Konrad R./Scholl-Latour, Peter: Helmut Kohl. Bergisch Gladbach 1990.

Pruys, Karl-Hugo: Helmut Kohl. Die Biographie. Berlin 1995.

Vogel, Bernhard (Hrsg.): Das Phänomen. Helmut Kohl im Urteil der Presse. Stuttgart 1990.

notes

Примечания

1

Национал-демократическая партия Германии. — Прим. пер.

2

По-немецки выражение звучит как «Macher, Muetze, Mogadischu» — отсюда и упомянутые в этом абзаце «три М». — Прим. пер.

3

Rote Armee Fraktion, RAF. — Прим. пер.

4

СДП — Свободная демократическая партия (FDP — Freie Deumokratische Partei). — Прим. пер.

5

СПГ — Свободная Партия Германии (FDP — Freie Deutsche Partei). — Прим. пер.

НП — Немецкая Партия (DP — Deutsche Partei). — Прим. пер.

7

КПГ — Коммунистическая Партия Германии (KPD — Kommunistische Partei Deutschlands). — Прим. пер.

8

По-немецки: «пустить в глаза синий дым». — Прим. пер.

9

СДП (Свободная демократическая партия) = FDP (Freie Deutsche Partei)

Англо-американской зоны оккупации. — Прим пер.

11

Маскот — олимпийский талисман. — Прим. ред.

12

По немецки Marktwirtschaft и Marxwirtschaft соответственно. — Прим. пер.

13

Панков — район в Восточном Берлине, где проживали члены восточногерманского правительства, поэтому на Западе так часто называли политический режим ГДР или Восточную Германию. — Прим. ред.

Frankfurter Allgemeine Zeitung. — Прим. пер.

15

«Пенный бассейн» — Прим. пер.

«Neuer Zuericher Zeitung». — Прим. пер.

Нацистских штурмовых отрядов (SA). — Прим. пер.

Nazional-sozialistisches Kraftfahr-Korps (NSKK). — Прим. пер.

19

«Путч Рёма» = «Ночь длинных ножей» (с 30 июня на 1 июля 1934 года). — Прим. ред.

20

Nazionalsozmlistischer Rechtswahrerverbund, NRSB. — Прим. пер.

21

Национал-демократическая партия Германии (NDP — Nazionaldemokratische Partei Deutschlands). — Прим. пер.

Социалистической единой партии Германии. — Прим. пер.

23

Внепарламентская оппозиция — APO (Aussenparlamcniarischc Opposition). — Прим. пер.

SDS, Sozialistischer Dcutschcr Studentenbund. — Прим. пер.

SHB, Sozialdemokratischer Hochschulbund. — Прим. пер.

Deutsche Kommunistische Partei, DKP — Прим. пер.

27

Имеется в виду Книга пророка Амоса, Ветхий Завет. — Прим. ред.

«Lubeker Volksbote». — Прим. пер.

Sozialistische Arbeiterpartei. — Прим. пер.

«Вилли, я люблю победителей». — Прим. ред.

«Вилли-туча». — Прим. ред.

«Дневное обозрение». — Прим. пер.

33

GSG-9 Grenzschutzgruppe-9 (Группа охраны границ-9). — Прим. пер.